

LINGUISTIC TYPOLOGY 2

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

Посвящается 90-летию
Удмуртского государственного университета
и удмуртского филологического образования в вузе

2021

Министерство науки и высшего образования РФ
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт удмуртской филологии,
финно-угроведения и журналистики
Кафедра лингвистической типологии и лингводидактики

LINGUISTIC TYPOLOGY 2

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

Материалы II Международного симпозиума
«Проблемы лингвистической типологии и культурологии»,
посвященного 90-летию Удмуртского государственного университета
и удмуртского филологического образования в вузе

Сборник научных статей

Ижевск
2021

УДК 811.1+82.09(063)
ББК 81.40+83.3(2)
Л75

Редакционная коллегия:

к. филол. н. Н. Н. Тимерханова (отв. ред.)
к. филол. н. Т. А. Краснова
к. филол. н. Н. В. Ильина

Л75 LINGUISTIC TYPOLOGY 2: Проблемы лингвистической типологии и культурологии / Материалы II Международного симпозиума «Проблемы лингвистической типологии и культурологии», посвященного 90-летию Удмуртского государственного университета и удмуртского филологического образования в вузе (Ижевск, 28 мая 2021 г.). Сборник научных статей. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2021. – 320 с.

ISBN 978-5-4312-0940-6

Сборник статей составлен по материалам II Международного симпозиума «Проблемы лингвистической типологии и культурологии», посвященного 90-летию Удмуртского государственного университета и удмуртского филологического образования в вузе.

Предназначается для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, интересующихся проблемами лингвистической типологии, ареальной лингвистики, контактирования языков, ономастики и геолингвистики, описательного языкознания и культурологии. Также освещаются вопросы теории и методики преподавания языков, литератур и краеведения в моно- и полилингвальной аудитории.

УДК 811.1+82.09(063)
ББК 81.40+83.3(2)

ISBN 978-5-4312-0940-6

© Коллектив авторов, 2021
© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Арекеева С. Т., Кондратьева Н. В. (<i>Ижевск</i>) Образ «солнца» в поэзии Кузубая Герда	8
Безенова М. П. (<i>Ижевск</i>) Особенности оформления падежных маркеров в переводе «Жития Св. Феодора» (1913) на удмуртский язык	15
Борисова Н. М. (<i>Якутск</i>) К вопросу функционального единства языка газеты	22
Булычева Е. А., Лаврентьев А. И., Шибанов В. Л. (<i>Ижевск</i>) Приемы античной комедии в пьесах И. Гаврилова и А. Григорьева	27
Бычкова О. А., Никитина А. В. (<i>Чебоксары</i>) Пространство художественного текста в прозе В. Пелевина: видеоигра и литература	32
Бычков В. И. (<i>Чебоксары</i>) Изучение грамматического значения слова «только» на уроках русского языка в чувашской школе	41
Ван Юйлин (<i>Казань</i>) Субстантивная эмотивная лексика в произведениях И. С. Тургенева «Ася» и «Первая любовь»	47
Вахрушева Л. В. (<i>Ижевск</i>) Дышетон ужъемышъёсты азинтоньын 10–11-тй классёслы удмурт кылъя учебниклэн луонлыкъёсыз	50
Веретенникова В. Е. (<i>Ижевск</i>) Средства выражения итеративности в удмуртском и английском языках	55
Гаврилова И. В. (<i>Чебоксары</i>) Актуальная чувашская лексика в русской речи жителей г. Чебоксары	59
Глухова Н. Н. (<i>Йошкар-Ола</i>) Системность стиля марийского фольклора	64
Димитриева О. А. (<i>Чебоксары</i>) О вакхических стереотипах в романе Т. В. Устиновой «Пороки и их поклонники»	71
Душенкова Т. Р. (<i>Ижевск</i>) Рудименты мифологического мировоззрения удмуртов в сложных слов <i>мылысь-кыдысь</i> и <i>кылем-мылем</i>	76
Едыгарова С. В. (<i>Хельсинки</i>) Порядок слов в удмуртском предложении и языковая идеология	84
Загоруйко И. Н. (<i>Ижевск</i>) Конфликтная языковая личность в Рунете	99
Ильина Н. В. (<i>Ижевск</i>) Особенности преподавания удмуртской литературы в иноязычной аудитории	103
Кашин А. А., Кудрявцев А. Ф., Тимерханова Н. Н. (<i>Ижевск</i>) Географические факторы формирования лингвистического ландшафта ..	108
Кельмаков В. К. (<i>Ижевск</i>) «Но не принято говорить <i>ижевскъёс, глазовъёс, москваос</i> »	118

Кельмаков В. К. (<i>Ижевск</i>) Одно удмуртское поэтическое выражение в печатных изданиях XIX–XXI вв. (Текстологический этюд).....	127
Костина К. Г. (<i>Ижевск</i>) Грамматическая категория залога глагола в учебниках удмуртского языка 1920–1940-х гг.	134
Кротова-Гарина А. В. Мифологические значения слова икота/икота в коми-пермяцких говорах.	139
Левина М. З. (<i>Саранск</i>) Электронный языковой корпус как фактор сохранения мордовских (мокшанского и эрзянского) языков	145
Лудыкова В. М. (<i>Сыктывкар</i>) Активные процессы в синтаксисе коми языка начала XXI века	151
Лудыкова В. М., Мусанова С. С. (<i>Сыктывкар</i>) Эмоционально-экспрессивный мир коми фольклорных произведений: лингвистический аспект.	159
Михеева С. Л. (<i>Чебоксары</i>) О роли имен прилагательных в портретных описаниях (на материале романа Д. С. Мережковского «Воскресшие боги, или Леонардо да Винчи»).	165
Морозова Е. Н. (<i>Йошкар-Ола</i>) Синтаксические стилистические приемы в марийской сказке: виды стилистической инверсии	172
Мосина Н. М., Карпунина Е. Д. (<i>Саранск</i>) Репрезентация концепта «жизнь» в паремиях финского и эрзянского языко	178
Оско Б., Шаланки Ж. (<i>Будапешт</i>), Кондратьева Н. В. (<i>Ижевск</i>) Роль системы образования Хорватии в развитии хорватско-венгерского двуязычия	185
Самарова М. А. (<i>Ижевск</i>) Гидроформанты <i>na / ba ~ no</i>	189
Сираки Жофия (<i>Будапешт</i>) Использование видеоматериалов на онлайн уроках венгерского языка как иностранного	194
Стрелкова И. В. (<i>Ижевск</i>) Опыт приобщения школьников к чтению в рамках занятий системы дополнительного образования УдГУ..	201
Тимерханова Н. Н. (<i>Ижевск</i>) Сопоставительная типология морфем удмуртского и русского языков	206
Тулуз Е. (<i>Париж</i>) Россиясь финн-угор кылъёсысь чеберлыко литератураез берыктон сярись	216
Уткина А. Ф. (<i>Ижевск</i>) Внутренние связи сложноподчиненных предложений с изъяснительной придаточной частью (на материале удмуртского языка)	222
Федосеева Е. Л., Русинова И. И. (<i>Пермь</i>) Синонимия и многозначность коми-пермяцких фитонимов	226
Федорова Л. П. (<i>Ижевск</i>) Образы национальной кухни в удмуртской художественной прозе	232
Чучалин В. В. (<i>Ижевск</i>) Сюжетирование и рубрикация современных новостных порталов Удмуртии: мотивационный аспект	244

Эрцикова Г. А. (<i>Йошкар-Ола</i>) Диалектные особенности в речи жителей деревни Кукшары (по материалам диалектологических экспедиций 1954 г.)	249
Якушкина З. Н. (<i>Чебоксары</i>) Из опыта организации диалектологической практики студентов-филологов	258

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА

Алашеева К. О., Тимерханова Н. Н. (<i>Ижевск</i>) Содержательный аспект туристических маршрутов Удмуртии.....	264
Волкова Р. Н., Глухова Г. А. (<i>Ижевск</i>) Поэтика заговорно-заклинательных формул в удмуртском фольклоре	269
Душак О. И., Загоруйко И. Н. (<i>Ижевск</i>) Музыкальная журналистика в современном медиапространстве	274
Дюпина А. С., Ефремов Д. А. (<i>Ижевск</i>) Языковая игра в печатных СМИ Удмуртии	279
Елышев В. В., Кондратьева Н. В. (<i>Ижевск</i>) К вопросу о фонетических особенностях срединных говоров удмуртского языка	284
Калабина М. А., Тимерханова Н. Н. (<i>Ижевск</i>) Краеведческая игра как конструктивный элемент в филологическом обеспечении и географическом наполнении внутреннего туризма Удмуртии	288
Наумова В. С., Тимерханова Н. Н. (<i>Ижевск</i>) Филологическое обеспечение туризма Удмуртии	293
Полякова А. А., Чернова С. Н. (<i>Ижевск</i>) Раздел «Речевая деятельность» в учебнике по удмуртскому языку «Удмурт кыл» для 5-го класса	298
Рысаев И. И., Булычева Е. А. (<i>Ижевск</i>) Калькированная лексика в современном переводе Псалтири на удмуртский язык	305
Сунцова Ю. А., Тимерханова Н. Н. (<i>Ижевск</i>) К вопросу о структурных особенностях удмуртских пословиц и поговорок	310
Чернышева Л. М., Кондратьева Н. В. (<i>Ижевск</i>) Вопросы стилевой дифференциации публицистического стиля (на материале удмуртского языка)	315

ПРЕДИСЛОВИЕ

II Международный симпозиум «Проблемы лингвистической типологии и культурологии», материалы которого публикуются в данном сборнике, состоялся 28 мая 2021 года в г. Ижевске в рамках проведения мероприятий, посвященных 90-летию Удмуртского государственного университета и удмуртского филологического образования в вузе.

В симпозиуме приняли участие такие известные ученые, как С. А. Мызников, д. филол. н., член-корр. РАН, гл. научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва), В. К. Кельмаков, д. филол. н., профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Удмуртского госуниверситета (Ижевск), Р. Ш. Насибуллин, д. филол. н., заведующий лабораторией Удмуртского госуниверситета (Ижевск), В. М. Лудыкова, д. филол. н., доцент, старший методист лаборатории развития этнокультурного образования Коми республиканского института развития образования (Сыктывкар), Г. В. Федюнева, д. филол. н., доцент, главный научный сотрудник Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар), Иванов Владимир Андреевич, заведующий сектором записи и обработки документов отдела устной истории Научной библиотеки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва).

Участниками симпозиума стали не только ученые России (гг. Москва, Санкт-Петербург, Сыктывкар, Йошкар-Ола, Пермь, Саранск, Чебоксары, Казань, Уфа, Элиста, Ижевск и Можга); но и зарубежных стран – Венгрия (г. Будапешт), Финляндия (г. Хельсинки, Турку), Франция (г. Париж), Эстония (г. Тарту), Италия (г. Рим), Китай (г. Пекин).

Особое внимание было уделено развитию молодежной науки.

В рамках симпозиума состоялись 2 пленарных и 8 секционных заседаний, где рассматривались вопросы:

– лингвистической типологии, языковых контактов, ареальной лингвистики и геолингвистики, лексикологии финно-угорских, тюркских и германских языков;

– описательной и исторической фонетики, морфологии и синтаксиса, лексикологии финно-угорских, тюркских и германских языков;

– языка и стиля художественных и фольклорных произведений;

– стилистики, перевода, теории и методики преподавания языков, литератур и краеведения в моно- и полилингвальной аудитории;

– а также вопросы, связанные с современной медиакультурой.

II Международный симпозиум «Проблемы лингвистической типологии и культурологии» стал площадкой, объединяющей ученых финно-угроведов, тюркологов, русистов из разных регионов России и из-за рубежа, где обсуждались острые и актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и фольклористики, преподавания языков и краеведения, функционирования языка в медиапространстве и др.

Статьи публикуются в авторской редакции, с сохранением особенностей стиля изложения исследователей.

Редколлегия не несет ответственность за аутентичность ссылок и цитат, содержание и научные выводы авторов статей.

*Н. Н. Тимерханова, канд. филол. наук, доцент,
заведующий кафедрой лингвистической типологии
и лингводидактики Института удмуртской
филологии, финно-угроведения и журналистики
Удмуртского государственного университета*

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

УДК 821.511.131-1.09(045)

Арекеева Светлана Тимофеевна
Кондратьева Наталья Владимировна
Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

ОБРАЗ «СОЛНЦА» В ПОЭЗИИ КУЗЕБАЯ ГЕРДА

Аннотация. Основной целью данной статьи является выявление специфики художественного воплощения образа *шунды* 'солнце' в поэзии Кузебая Герда. Являясь одним из универсальных и многогранных символов мировой литературы, исследуемый образ включает в себя целый спектр традиционных и авторско-оригинальных значений, а также выполняет разнообразные поэтические функции.

Ключевые слова: поэзия Кузебая Герда, образ «солнца», поэтический текст, семантика образа, индивидуально-авторская картина мира.

Образ «солнца» является одним из самых распространенных и значимых в поэзии удмуртского поэта-просветителя Кузебая Герда (К. П. Чайникова). Не удивительно, что исследованию данного образа уделено внимание в ряде работ, относящихся к гердоведению [Бусыгина 2009; Ванюшев 1987; Васильев, Шибанов 1997; Домокош 1993; Ермаков 1996; Зуева 1997; Камитова 2006; Шибанов 1994; Шкляев 1986 и др.]. Основной целью данной статьи является систематизация точек зрения удмуртских ученых относительно исследуемого образа, а также анализ дополнительных семантических значений солярного образа и выявление основных тенденций его актуализации на разных этапах поэтического творчества Кузебая Герда.

Важно подчеркнуть, что образ солнца является одним из важнейших поэтических символов в русской поэзии начала XX века (см. об этом: [Колокольцева 2012]). Помимо метафоризации значения первоосновы всего сущего, источника творческого вдохнове-

ния, исследуемый образ стремится к семантическому варьированию, богатству и многогранности выражаемых значений.

Образ величественного светила как природной стихии, определяющей мироздание, присутствует, в частности, в стихотворении «Коркан шунды» (Герд К. Коркан шунды, с. 183). Богатый арсенал использованных в тексте изобразительно-выразительных средств способствует созданию исключительно живописной картины, очень динамичной и подвижной, благодаря использованию большого количества глагольных образов-олицетворений, изображающих действия солнца, а также сверкающей и переливающейся – за счет доминирования «золотого» цвета: *зарни кизэ шунды мычиз* '[солнце] протянуло золотую руку'; *вөлдэт борды зарни пазьгиз* 'по потолку рассыпало золото'; *Зарни тузон пазя, пужнэ – / Зарни тузон корка вөлдэ* 'Золотую пыль рассыпает, просеивает, / Золотую пыль разносит по дому'; *Солэн* (кочышлэн – С. А., Н. К.) *синмаз серекьяса / Зарни веньёс со бышкалтэ* 'В глаза [кошки], смеясь, втыкает золотые лучи-иголки'; *Ульча кузя зарни пужнэ* 'По улице сеет золото' и др.

Как и в творчестве русских поэтов Серебряного века, в поэзии К. Герда образ солнца очень часто символизирует поэтическое кредо удмуртского автора: *Серекьясь шундыез кырзаны / Мон та дуннее лыктй. / Пеймыт удмурт гуртгёстй / Серекьясь шундыез кырзаны*. 'Воспеть смеющееся солнце / Я пришел в этот мир. / В темных удмуртских деревнях / Воспеть смеющееся солнце' (Герд К. Шундыез кырзаны, с. 316). По мнению Ф. Ермакова, К. Герд «говорит о своей благородной миссии поэта: он пришел воспевать солнце, пробудившее темные удмуртские деревни...» [Ермаков 1996: 235]. Заметим также, что эпитет *серекьясь* 'смеющийся в знач. светящийся' по отношению к образу *шунды* 'солнце' – это один из самых распространенных в творчестве удмуртского поэта.

Согласно Л. В. Бусыгиной, лексема *шунды* 'солнце' в поэтических текстах Кузубая Герда встречается 251 раз [Бусыгина 2009: 46–47]. Логично предположить, что образ солнца включает в себя целый спектр традиционных и авторско-оригинальных значений, а также выполняет разнообразные поэтические функции.

В ряде поэтических произведений Кузубая Герда солнце является символом счастья, что соотносится с народными представлениями о счастливой жизни и благополучии. Как пишет П. Домокош: «...удмуртский народ ассоциирует с «золотым солнцем» счастье,

естественный свет, тепло, и в стихотворениях Герда продолжает жить эта традиция» [Домокош 1993: 241]. Сообразно чаяниям эпохи, солнце ассоциируется с наступлением новой счастливой жизни, в свою очередь, корреспондирующей с образом свободы. На наш взгляд, наделение образа солнца значением свободы имеет индивидуально-авторский характер, формируя ассоциативный ряд: *шунды* 'солнце' – *шуд* 'счастье' – *выль улон* 'новая жизнь' – *эрико улон* 'вольная жизнь': *Потоз шудбур шунды сямен, / Дунне выль вöлдйсь-коз...* 'Выйдет счастье, как солнце, / Разнесется по миру...' (Герд К. Мумилы, с. 115).

В поэзии Кузубая Герда с помощью символического образа солнца рисуется не только свобода, но и свободный человек: сложный образ «человек-солнце» служит своеобразным гимном человеку. Образ нового – свободного – человека, породненного с солнцем, воссоздан в стихотворении «Эрказ адямилы»: *Тынад котырад, тонэ яратыса, / Шунды зарниез пазьгем...* 'Вокруг тебя, тебя любя, / Солнце разбрызгало золото'; *Öжыт улыса, тынад аслад но сингёсыд / Шунды луозы. / Выль тыл жуатскыса / Пиштыны кутскозы!* «Скоро твои глаза тоже / Станут солнцем. / Загоревшись новым огнем, / Начнут светиться» (Герд К. Эрказ адямилы, с. 110). Здесь возникает образ нового человека с огненной энергией солнца.

С. Васильев и В. Шибанов констатируют появление в поэзии К. Герда архетипа восходящего солнца [Васильев, Шибанов 1997: 40–42]. В кластере символизируемых солнцем значений они также называют «свободный труд», «возрождение национальной красоты и гордости», «новую любовь» [Васильев, Шибанов 1997: 41]. Проанализировав творческое наследие К. Герда, литературоведы отмечают изображение утопического мира посредством указанного образа [Васильев, Шибанов 1997: 41–42]. В качестве яркого примера здесь можно назвать стихотворение «Кошком», в котором не заходящее, вечно находящееся в зените солнце является одним из элементов утопической картины мира: *Отын, кыдёкын, вань чагыр шаеред – / Шунды пуксьылытэк вореkjя, / Весь кизили кадь жуаусь, синэз эркиясь шудэд / Сяська кадь чия-дырекjя!* 'Там, вдалеке, есть голубой мир – / Солнце, не заходя, сверкает, / Вечно горящее как звезда, радующее глаз счастье / Сверкает-дрожит, как цветок!' (Герд К. Кошком, с. 173–174). Помимо образа солнца, для создания утопического мира актуальными становятся такие образы, как

«голубой мир», «звезда», «счастье», «цветок», что позволяет утверждать о тесной связи социального и природного.

Образ восходящего солнца как источника преобразований, метафоры ожидания счастья присутствует на протяжении всего творческого пути поэта: *Зарни шунды жужалоз – / Калыктьёслы шуд ваяз. 'Золотое солнце взойдет – / Принесет людям счастье'* (Герд К. Зарни шунды жужалоз, с. 63); *Шунды жужалоз – сюлэммес шунтоз... 'Солнце взойдет – обогреет сердца...'* (Герд К. Чыдэтском, с. 64). Таким образом, солнце становится ориентиром, путеводной звездой в новую жизнь: *Шунды дугдылытэк ворекия, / Милемыз дораз өте... 'Солнце непрерывно переливается, / Нас к себе зовет'* (Герд К. Азылань, с. 321); *Уй но нунал азылань кошком, / Серекъясь, весь дораз өтись шунды доры вуытозь, / Инвис съёры вамыштом. 'И день, и ночь будем идти вперед, / Пока не дойдем до смеющегося, вечно к себе зовущего солнца, / Шагнем за горизонт'* (Герд К. Кошком, с. 173–174).

Как уже отмечалось выше, традиционной характеристикой образа *шунды* 'солнце' на протяжении всего творчества К. Герда является эпитет *зарни* 'золотой': «одним из сквозных образов, переходящих из одного сборника в другой, является образ золотого солнца – символ прекрасного будущего, образ счастья, свободы. Образ солнца и его золотой цвет – своего рода наивысшая точка устремлений лирического героя и поэта. Святое отношение к солнцу-огню сконцентрировано в образе восходящего золотого солнца. Генетически мотив восходящего солнца восходит к соляным мифам» [Бусыгина 2009: 104].

Подчеркнем, что в революционной поэзии многих авторов (например, у поэтов-пролеткультовцев) образ солнца служил средством перенесения действия в «космический», «вселенский» план. Через обращение к астральным образам появлялась возможность изменить существующую форму мироздания. Не случайно для ряда стихов из сборника «Крезьчи» (1922) характерно обращение, заклинание, просьба, мольба к солнцу, чтобы оно взошло и прогнало ночь: *Питйсь шунды, чебер шунды, / Чальгес жутскы, чаль серекты, / Та съёд уез дунне выльысь / Кытчы ке но тон лобаты!* 'Светящееся солнце, красивое солнце, / Поскорее взойди, поскорее улыбнись, / Эту черную ночь из этого мира / Ты куда-нибудь изгони!' (Герд К. Съёд уй, с. 63).

В стихотворении-триолете «Мед луоз вал» («Пусть бы стало») образ солнца выступает в качестве божества, культового объекта: *Мынам Инмаре – горд шунды. / Солы вёсяськисько. / Тй монэ визьтэм*

*шуоды – / Мынам Инмаре – горд шунды: / Со мыным шуд сётэ куддыр,
/ Мон солы окисьско... / Мынам Инмаре – горд шунды. / Солы вöсясь-
кисько! 'Мой Бог – красное солнце. / Ему поклоняюсь. / Вы меня
назовете глупым – / мой Бог – красное солнце: / Оно мне иногда да-
ет счастье, / я ему верю... / Мой Бог – красное солнце. / Ему покло-
няюсь!'. На первый взгляд, здесь находит отражение языческое по-
клонение солнцу. Однако общий контекст творчества К. Герда, ак-
центуация красного цвета наталкивает на иное прочтение стихо-
творения: *горд шунды* 'красное солнце' как метафора революции.*

В стихотворении «Революци» образ *шунды* 'солнца' находится в одном ряду с такими поэтическими определениями, как *тыл* 'огонь', *тйр* 'топор', *батыр* 'богатырь', *гырлы* 'колокол', подчеркивая при этом созидательный смысл исторического события: *Тон – шунды, / Выль улонэз, / Выль дуннез / Лэсьтйсь, шунтйсь шунды! 'Ты – солнце, / Новую жизнь, / Новый мир / Созидающее, согревающее солнце!' (Герд К. Революци, с. 119).* В одноименном произведении, являющемся стихотворением в прозе, революция уподобляется солнцу, в свою очередь изображенному в виде рыжеволосой девушки-весны. Сложный ассоциативный ряд воссоздает лирический образ революционного события. Вместе с тем В. Ванюшев справедливо отмечает: «В реальной жизни путь революции был не так лёгок. Для того чтобы расцвела земля, отогрелись народы под лучами солнца новой жизни, революции предстояло выполнить немало трудной и черновой работы» [Ванюшев 1987: 87].

Новые оттенки в изображении солярного образа появляются в сборнике «Лёгетъёс». Доминирующим здесь становится тенденция движения вверх к солнцу, стремления быть с ним наравне, достичь идеала, универсального совершенства: *Чебер пиштйсь шунды / Матын туж мед пиштоз! / Милям сюзэмъёсмы / Шунды кадь мед луоз! 'Красиво светящее солнце / Пусть светит очень близко! / Пусть наши сердца / Будут, как солнце!' (Герд К. Вылэ, с. 248); Тужгес, эшгёс, зечыртэ – / Шунды вылэ ыбыштэ! / Ми но шунды кадь луом, / Выль кужымен жсуалом! 'Посильнее, друзья, раскачайтесь – / На высоту солнца поднимитесь! / Мы тоже будем, как солнце, / Будем гореть новой энергией!' (Герд К. Зечыран, с. 129); Ми ветлйськом кирпичёсын, / Тани-тани шунды уни матын, / Сингёс шундыясько 'Мы ходим с кирпичами / Мы носим кирпичи, /*

Вот-вот солнце уже близко, / Глаза становятся солнечными (букв. осолнечниваются)' (Герд К. Коммун корка, с. 241). Лексемы *шундыяны*, *шундыяськыны* в произведениях К. Герда синонимичны *сяськаяны*, *сяськаяськыны*, и используются в том числе для выражения радостного состояния: *мылкыд шундыяське* (Герд К. Виль удмурт, с. 225); «Та улонэз шундыяны...» (Герд К. Бригадир кырзан, с. 255). Сравним: *Ужась крестьян кырза, / Сюлмыз сяськаяське*. 'Трудовой крестьянин поет, / Его сердце расцветает' (Герд К. 1-тй Май, с. 249).

Несмотря на то, что большинство стихов, включенных в сборник «Лёгетъёс», характеризуется нормативностью, многие поэтические ассоциации являются неожиданными, лиричными и изящными по сути. Автор часто обращается к приёму олицетворения: *Їукна шунды синлысьёссэ / Поттэ ке тэль сьёрысь, / Жуась зарни сйньысьёссэ / Пазьге ке омырысь...* 'Когда утром солнце свои ресницы / Поднимает из-за леса, / Свои горящие золотые ниточки / Брызгает из воздуха...' (Герд К. Коммун корка, с. 242); *Куке шунды- / шундыбергась / Їужалэс синлысьёссэ / Лудъёс, тэльёс пушкы ке / мертчытэ...* (Когда солнце-подсолнечник вонзает свои желтоватые ресницы в поля, леса...) (Герд К. Дас ар, с. 203).

В целом, что касается специфики образа солнца в поэтических произведениях, включенных в сборник «Лёгетъёс», то, во-первых, здесь это уже достаточно редкий образ, во-вторых, символический подтекст ослабевает, ибо соцреалистическая концепция, характерная для данного корпуса текстов, подразумевает реализованность самых светлых мечтаний о счастливой жизни.

В заключение отметим, что образ «солнца» в поэзии К. Герда представляет собой один из центральных системообразующих элементов его лирики, наполненный богатым философско-символическим содержанием (базовый элемент космогонической картины мира, который выражает сопричастность к изменениям в исторической плоскости). Обладая глубоким мифопоэтическим смыслом, образ солнца в творчестве К. Герда представляет собой результат художественного синтеза разнообразных архаичных представлений, преломленных через призму авторского мироощущения и эпохальных изменений.

Список использованной литературы

Бусыгина, Л. В. «Временем помечен, Поэт и Человек...»: размышления о слове и эпохе Кузубая Герда. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. – 248 с.

Ванюшев, В. М. Вершины корнями сильны: Статьи об удмуртской литературе. – Устинов: Удмуртия, 1987. – 264 с.

Васильев, С. Ф., Шибанов, В. Л. Под тенью зэрпала (дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов). – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1997. – 304 с.

Герд, К. Зарни кылчуръёсы: Кылбуръёс, поэмаос. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 360 с.

Домокош, П. История удмуртской литературы / Пер. с венг. В. Васовчик. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 448 с.

Ермаков, Ф. К. Кузубай Герд (жизнь и творчество). Монография. – Ижевск: Полиграфкомбинат, 1996. – 448 с.

Зуева, А. С. Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций / Удмуртский государственный университет. – Ижевск, 1997. – 372 с.

Камитова, А. В. Образный мир Кузубая Герда: оригинал и переводческая интерпретация / Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. – Ижевск, 2006. – 192 с.

Колокольцева, Т. Н. Солярная символика и ее текстообразующие возможности в поэзии (на материале произведений К. Бальмонта и И. Северянина) // Известия Волгоградского педагогического университета. 2012. – С. 97–100.

Шибанов, В.Л. Жужалоз-а шунды, яке К. Гердлэн «Удмурт пилы» кылбурсытыз одӥг архетип пумысен // Кылбурлэн паймымон дуннез. – Ижкар: Удмуртия, 1994. – С. 9–14.

Шкляев, А. Г. Араны егит муртъёс лыктозы. Критика: статьяос, очеркъёс, рецензиос. – Устинов: Удмуртия, 1986. – 240 с.

THE IMAGE OF SHUNDI 'THE SUN' IN THE POETRY OF KUZUBAY GERD

Summary. The main purpose of this article is to identify the specific features of the artistic embodiment of the image of shundi 'the sun' in the poetry of Kuzubay Gerd. As one of the most universal and versatile symbols used in the world literature, the image of the sun includes a range of traditional and new original meanings and performs various poetic functions.

Keywords: poetry of Kuzubay Gerd, the image of the "sun", poetic text, the semantics of the image, the individual author's picture of the world.

Безенова Мария Петровна

*Россия, г. Ижевск, Удмуртский институт
истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН*

**ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ПАДЕЖНЫХ МАРКЕРОВ
В ПЕРЕВОДЕ «ЖИТИЯ СВ. ФЕОДОРА» (1913)
НА УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК**

Аннотация. Статья посвящена описанию падежных показателей имени существительного в переводе «Жития Св. Феодора» (1913 г.) на елабужское наречие удмуртского языка. Анализ проводится методом сопоставления языкового материала памятника с данными литературного языка и современных удмуртских диалектов. При этом учитываются графические и фонетические особенности данного письменного источника, представленные в работе [Безенова 2021]. По возможности также затрагиваются вопросы происхождения падежных маркеров с целью выявления инновационного либо архаичного характера особенностей, отраженных в анализируемом памятнике.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалекты удмуртского языка, памятники письменности, падежные маркеры.

Система склонения литературного удмуртского языка включает 15 падежей, которые формально подразделяются на две группы: а) субъектно-объектные падежи: именительный (номинатив), винительный (аккузатив), родительный (генитив), разделительный (аблатив), дательный (датив), творительный (инструменталь), лишительный (абессив), соответственный (адвербиаль); б) пространственные падежи: местный (инессив), входный (иллатив), исходный (элатив), отдалительный (эгрессив), переходный (пролатив), предельный (терминатив), направительный (аппроксиматив). В диалектах удмуртского языка количество падежей варьируется от 12 до 21 [Кондратьева 2011а: 16]. В частности, во многих периферийно-южных и некоторых центрально-южных говорах количество падежей сократилось до 12–13 вследствие замещения адвербиальных, аппроксимативных и в отдельных случаях терминативных форм послеложными конструкциям [Кельмаков 2006: 117–118]. В бесермянском наречии удмуртского языка, а также в среднечепецком и

нижнечепецком диалектах северного наречия, напротив, наблюдается увеличение количества падежных форм за счет возникновения серии вторичных локальных падежей «с приметой -н'» (< *дин'* - 'у, около, при, возле'), препозитивно присоединяемой ко всем первичным пространственным падежным формантам, за исключением аппроксиматива (-лан')» [Кельмаков 2006: 118–119].

В таблице 1 представлены все падежные маркеры, функционирующие в анализируемом памятнике. Как видим, в [Житие] нам удалось выявить лишь 12 членов парадигматического ряда. Абессивные, адвербиальные и аппроксимативные формы в памятнике мы не зафиксировали. Отсутствие форм лишительного падежа в «Житие Св. Феодора» на удмуртском языке, вероятно, связано с его относительно небольшим объемом (17 страниц) и, в свою очередь, отсутствием семантически подходящих контекстов. С одной стороны, этим же можно объяснить и то, что в тексте нам не удалось выявить соответственный падеж; хотя, с другой стороны, как мы указали выше, для отдельных южных диалектов в целом характерна замена подобных форм послеложными конструкциями, которые встречаются в тексте памятника, ср.: *верамез сямен* 'согласно сказанному им' – литер. *верамезъя, верамез сямен*; *косэмеэз сяин* 'по его велению' – литер. *косэмеэзъя, косэмеэз сямен* и др. Однако, что касается направительного падежа, в [Житие] отсутствуют не только словоформы, маркированные суффиксом *-лань*, но и конструкции с послелогом *пала* 'к, в сторону, на', которые могли бы их заменить. Вероятно, это связано с тем, что аппроксиматив является «одним из самых редкоупотребительных падежей в современном удмуртском языке» [Кондратьева 2011а: 204].

Таблица 1. Падежные маркеры имен существительных

Падеж	Единственное число		Множественное число	
	[Житие]	Литер.	[Житие]	Литер.
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
номинатив	∅ (52) ¹	∅	∅ (17)	∅
аккузатив	-э/-е (44) ∅ (30) -эз/-ез (17) -эс/-ес (5)	-э/-е ∅ -эз/-ез -эс/-ес	-ыз (9)	-ты/ -ыз

¹ Здесь и далее в скобках указано количество словоформ, которое нам удалось выявить в [Житие], с определенным падежным показателем.

Продолжение таблицы 1				
1	2	3	4	5
генитив	-лэн (18)	-лэн	-лэн (2)	-лэн
аблатив	-лэсь (10)	-лэсь	-лэсь (1)	-лэсь
	-лйсь (4) -лйсь ~ -лэсь (3)	-лэсь -лэсь		
датов	-лы (32)	-лы	-лы (5)	-лы
инструменталь	-эн/-ен (15) -эны-/ -ены- (7) -ыны- (3)	-эн/-ен -эны-/ -ены- -ыны-	-ын (1)	-ын
абессив	не зафиксировано	-тэк	не зафиксировано	-тэк
адвербиаль	не зафиксировано	-я	не зафиксировано	-я
инессив	-ын (12) -а/-я- (6) -н (2) ∅ (1)	-ын -а/-я- -н ∅	-ын (2)	-ын
иллатив	-э/-е (16) -а/-я- (11)	-э/-е -а/-я-	-э (1)	-ы
элатив	-ись/-йсь (10) -ысь (1) -исьты-/ -йсьты- (5)	-ысь -ысь -ысьты-	-ысь (1)	-ысь
эгрессив	-исен/-йсен (3) -исены-/ -йсены- (1)	-исен -исены-	не зафиксировано	-исен
пролатив	-тй- (1)	-тй-	не зафиксировано	-тй
терминатив	-ось (1)	-озь	не зафиксировано	-озь
аппроксиматив	не зафиксировано	-лань	не зафиксировано	-лань

Из этой же таблицы видим, что в оформлении отдельных падежных показателей памятника в соответствие с литературными нормами прослеживаются некоторые особенности.

1. Маркером **винительного падежа** множественного числа в [Житие] является суффикс **-ыз**: *висисьёсыз* 'больных' – литер. *виси-*

сьёсты / висисьёсыз; интьёсыз ‘места’ – литер. *интыюсты / интыюсыз; кылъёсыз* ‘слова’ – литер. *кылъёсты / кылъёсыз* и др.

Как видим, в литературном языке на данный момент в этой роли функционируют два синонимичных показателя *-ты* и *-ыз*. Однако, что касается удмуртских диалектов, в данном случае их употребление зависит от конкретной диалектной зоны: маркер *-ты/-ть* характерен для говоров северной диалектной зоны, которая включает в себя северное и бесермянское наречия, а также часть срединных говоров, а суффикс *-ыз/-ъз* представлен в говорах южной диалектной зоны, охватывающей южное наречие и южную часть срединных говоров (см. подробнее [Тепляшина 1975: 180–181]). Относительно происхождения этих показателей существуют различные гипотезы (подробнее см. [Кондратьева 2011в: 117–118]), однако, по мнению ученых, оба маркера, скорее всего, восходят к прапермскому периоду [Кельмаков 2006: 120; Кондратьева 2011в: 118].

2. Для образования форм **разделительного падежа** в памяти параллельно с суффиксом *-лэсь*, идентичным литературному, употребляется аффикс *-лйсь*, ср.: *кортлэсь* ‘из железа’ – литер. *кортлэсь, кышнолэсь* ‘от женщины’ – литер. *кышнолэсь, эксэйлэсь* ‘от царя’ – литер. *эксэйлэсь; чашалйсь* ‘от чаши’ – литер. *чашалэсь, эксэйлыглысь* ‘от царства’ – литер. *эксэйлыклэсь, корказылйсь* ‘от их дома’ – литер. *корказылэсь; Инмарлйсь ~ Инмарлэсь* ‘от Бога’ – литер. *Инмарлэсь, Феодорлйсь ~ Феодорлэсь* ‘от Феодора’ – литер. *Феодорлэсь, анаезлйсь ~ анаезлэсь* ‘от его матери’ – литер. *анаезлэсь* и др.

Отметим, что подобный показатель встречается и в отдельных удмуртских говорах, а именно: в кукморском, шошминском, канлинском, а также в бесермянском наречии удмуртского языка [Кельмаков 2006: 120]. В бавлинском говоре периферийно-южного наречия зафиксировано параллельное употребление алломорфов *-лис’* и *-лэс’* [Тараканов 1960: 133]. Из двух вариантов менее распространенный *-лис’*, вероятно, все-таки имеет более архаичное происхождение, поскольку в данном случае имеем прямые параллели в коми языках, ср.: к.-я. *-лись*, к.-п. *-лысь/-лісь*, к.-з. *-лысь* [Усачева 2011: 209]. На основе этих соответствий, как полагает В. К. Кельмаков, для прапермского периода можно реконструировать форму **-lįs(t-)* [Кельмаков 2006: 121].

3. Форма множественного числа **входного падежа** в памяти образуется с помощью маркера *-э* в соответствии с литер. *-ы*.

Но, к сожалению, в [Житие] в данном случае представлен лишь один пример: *иньтыёсэ* 'в места' – литер. *интыюсы*. В диалектах современного удмуртского языка, как и в рассмотренных нами ранее памятниках на глазовском и казанском диалектах, подобные формы также не зафиксированы. В связи с этим, на наш взгляд, делать какие-либо выводы о происхождении этой формы не представляется возможным.

4. Маркеры **исходного и отдалительного падежей** в [Житие] выступают в *и*-овой огласовке, ср.: *бусыись* 'с поля' – литер. *бусыысь*, *городйсь* 'из города' – литер. *городысь*, *гуртйсь* 'из деревни' – литер. *гуртысь*; *иньмысен* 'с неба' – литер. *инмысен*, *нуналйсен* 'с дня' – литер. *нуналысен*, *пиналйсен* 'с детства (досл. с ребенка)' – литер. *пиналысен* и др.

Элативные и эгрессивные показатели с *и*-овой инициалью представлены и в современных говорах удмуртского языка. Они характерны для говоров южной диалектной зоны, в том числе встречаются в центрально-южном диалекте [Архипов 1978: 16–17; Загуляева 1982: 6]. В северной диалектной зоне, напротив, представлены *ы*-овые варианты этих маркеров, идентичные литературным [Кельмаков 2006: 121]. При этом общепринято мнение, согласно которому «южноудмуртские формы на *-и*- имеют вторичное происхождение из более ранних форм на *-ы-* под влиянием последующего палатального согласного *с*'» [Кельмаков 2006: 122]. Таким образом, ясно, что *и*-овые варианты элативных и эгрессивных маркеров в памятнике имеют инновационный характер.

4. Показателем **предельного падежа** в памятнике выступает суффикс **-ось**, правда, как и в случае с входным падежом множественного числа, в тексте присутствует лишь одна форма (*жытось* 'до вечера' – литер. *жытозь*), хотя в данном случае она встречается в двух предложениях. Этот же маркер присоединяется к основе серийных послелогов *дыр-*, который в сочетании с существительными в [Житие] выражает терминатив с темпоральным значением, ср.: *Пасха дырось* 'до Пасхи' – литер. *Пасха дырозь*, *Пасхаозь*; *нуналэз дырось* 'до его дня' – литер. *нуналэз дырозь*, *нуналояз*. При этом объяснить функционирование в памятнике показателя **-ось** в соответствии с литературным **-озь** лишь оглушением конечного согласного, на наш взгляд, весьма сложно, поскольку для графической системы текста в целом не характерна запись конечных звонких согласных буквами для глухих, которая в данной позиции мог-

ла бы выражать их оглушение; кроме того, показатель *-oc'* (*-oc'a*) зафиксирован и в отдельных говорах современного удмуртского языка [Кондратьева 2011б: 170].

По поводу происхождения суффикса предельного падежа существуют различные точки зрения (подробнее см. [Кондратьева 2011в: 41—46]). Однако, если учесть соответствующие терминативные маркеры в коми языках (ср. к.-з., к.-п. *-õдз* [Баталова 1993а: 221, 1993б: 234]), уместно предположить, что вариант *-озь*, характерный для современного удмуртского языка, по своему происхождению является более архаичным, а алломорф, представленный в памятнике, по всей видимости, инновационным.

Итак, в переводе «Жития Св. Феодора» в оформлении падежных маркеров можно выделить три основные особенности, посредством которых язык памятника отличается от современного литературного удмуртского языка и некоторых его диалектов:

1) употребление в формах разделительного падежа параллельно с аффиксом *-лэсь* маркера *-лйсь*;

2) функционирование элативных и эгрессивных показателей в *и*-овой огласовке;

3) образование терминатива с помощью суффикса *-ось*.

Все эти особенности зафиксированы и в современных южно-удмуртских говорах, что не противоречит гипотезе, выдвинутой на основе анализа фонетической системы памятника, согласно которой диалектной основой «Жития Св. Феодора» является один из центрально-южных говоров [Безенова 2021]. Однако для более конкретной локализации памятника необходимо проанализировать по возможности все особенности источника на уровне морфологии, а также провести комплексное описание современных центрально-южных говоров, которые по сей день фактически остаются белым пятном в удмуртской диалектологии.

Сокращения

к.-з. – коми-зырянский язык

к.-п. – коми-пермяцкий язык

к.-я. – коми-язьвинский язык

литер. – литературная форма, литературный язык

Список использованной литературы

Архипов, Г. А. Морфологические особенности среднеюжного диалекта удмуртского языка I // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сборник статей и материалов. – Ижевск, 1978. – С. 3–46.

Баталова, Р. М. Коми(-зырянский) язык // Языки мира: Уральские языки. – Москва, 1993а. – С. 214–229.

Баталова, Р. М. Коми-пермяцкий язык // Языки мира: Уральские языки. – Москва, 1993б. – С. 229–239.

Безенова, М. П. Фонетические особенности «Жития Св. Феодора» (1913) на удмуртском языке // Урало-алтайские исследования. – 2021. (в печати).

Житие – Святой Феодорлэн улэмез. Житие Св. Феодора: На вотскомъ языкѣ елабужскаго нарѣчя. Первое издание Переводческой Комиссии 3-го благочинническаго округа, Елабужскаго уѣзда, Вятской Епархii. – Казань: Центральная типография, 1913. – 19 с.

Загуляева, Б. Ш. Говоры удмуртов Кизнерского района // Образцы речи удмуртского языка. – Ижевск, 1982. – С. 5–27.

Кельмаков, В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. / В. К. Кельмаков. – Ижевск, 2006. – 386 с.

Кондратьева, Н. В. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке / Н. В. Кондратьева. – Ижевск, 2011а. – 256 с.

Кондратьева, Н. В. Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Ижевск, 2011б. – 48 с.

Кондратьева, Н. В. Формирование падежной системы в удмуртском языке / Н. В. Кондратьева. – Ижевск, 2011в. – 154 с.

Тепляшина, Т. И. Употребление формантов аккузатива множественного числа в удмуртских диалектах // СФУ. – № XI. – 1975. – С. 179–185.

Тараканов, И. В. Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке: На материале бавлинского диалекта // Труды Института языка и литературы АН ЭССР. Вып. 5. – Таллин, 1960. – С. 117–153.

Усачева, М. Н. Показатели элатива, эгрессива и аблатива в пермских языках: сфера употребления и зоны конкуренции // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – Т. 7, часть 3. – 2011. – С. 208–213.

GRAPHIC STRUCTURE OF CASE MARKERS IN THE TRANSLATION OF «THE LIFE OF ST. THEODORE» (1913) INTO THE UDMURT LANGUAGE

Summary. The article is devoted to the description of the case indicators of the noun in the translation of the «Life of St. Theodore» (1913) into the Elabuga dialect of the Udmurt language. The analysis is carried

out by comparing the linguistic material of the monument with the data of the literary language and modern Udmurt dialects. The graphic and phonetic features of this written source, presented in the work are taken into account [Bezenova 2021]. Whenever possible, the issues of the origin of case markers are also raised in order to identify the innovative or archaic nature of the features reflected in the analyzed monument.

Keywords: Udmurt language, Udmurt dialects, written monuments, case markers.

УДК 811.512.157

Борисова Надежда Марковна

*Россия, г. Якутск, Северо-Восточный
федеральный университет имени М.К. Аммосова*

К ВОПРОСУ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА ЯЗЫКА ГАЗЕТЫ

Аннотация. Специфической особенностью газетного языка является постоянное сопряжение экспрессии и стандарта. Такое сочетание генерирует и культивирует газетные лексические единицы. Наряду с этим газета на языке саха, как и на русском, обрабатывает собственные идиоматические средства. Поэтому, с учетом специфики языка саха, необходимо говорить о функциональном единстве газетной речи. Здесь он, как и публицистический стиль в целом, выполняет информационно-воздействующую функцию.

Ключевые слова: газетная речь, речевой стандарт, клише, экспрессия, оценочность, идиоматические средства.

В лингвистике термин “публицистический” используется для сохранения единства терминологии. Публицистический стиль, или другими словами, газетно-публицистический стиль является одним из наиболее распространенных в современном мире. В силу неоднородности его задач (в первую очередь, специфики экстралингвистической основы) это сложное явление. Именно поэтому роль газеты заключается в том, чтобы: а) донести до читателя информацию о событии; б) объяснить сообщения, прокомментировать

вать; в) убедить читателей в правильности того или иного мнения и повлиять на волю и чувства читателя; г) заставить читателя совершать определенные действия, поступки, формировать общественное мнение. И в результате возникают две основные функции: информационная функция (сообщения) и агитационная функция (воздействия), которые тесно связаны друг с другом.

В то же время материал, который будет опубликован на страницах газеты, должен быть как информационно-содержательным и так и организационно-воздействующим. Это необходимо для того, чтобы газетный язык был ориентирован одновременно на стандарт, и на экспрессию. Их взаимное сочетание, связь, их диалектическое объединение является особенностью газетного языка как отдельной функционально-стилевой системы [Костомаров 1971: 85–89].

1. Стандартизация языковых средств – это информативная функция газеты и условия ее функционирования. Еще в работе Ш. Балли [Балли 1961: 109] отмечается органичность стандартов, что язык газет насыщен штампами – потому что иначе и быть не может: сложно писать быстро и правильно, не прибегая к избитым выражениям. Кроме того, известны реалистические выводы ученых-лингвистов (К. Фосслера, Г. О. Винокура, С. И. Ожегова и др.) о том, что штампы неизбежны на газетном материале, они в определенной степени необходимы. Таким образом, благодаря этим стандартам, автор может быстро и легко передать информацию на газетный язык, а читатель может быстро ее воспринять. Например:

На языке саха	На русском языке
<i>оттук сезона 'отопительный сезон'</i>	<i>картина рынка</i>
<i>көбүлүүр бөлөх 'инициативная группа'</i>	<i>встречная поездка</i>
<i>сокуон барыла 'проект закона'</i>	<i>экономическое положение</i>
<i>этии киллэри 'внесение предложения'</i>	<i>конкретные задачи</i>

Именно такие общияязыковые стандартные нормы являются основой для построения газетного языка в целом.

2. Различается принципиальное отличие публицистического слова. В нем важную роль играет эмоциональный, приобретающий в рамках газетно-публицистического стиля оценочный характер. С точки зрения Г. Я. Солганика [Солганик 1995: 218], предметом публицистики является жизнь в обществе, политика, экономика – это интересы каждого человека. А в том месте, где есть интерес – не может быть равнодушия и индифферентности. Невозможно бесстрастно описать то, что волнует огромное количество людей. Это, например, этнические конфликты, цены и инфляции. Здесь не место для слов, которые можно плавно сформулировать, они слишком вялые и расплывчатые. Необходимо оценивать социальные и политические явления, тенденции и процессы...

Именно поэтому эмоциональное в языке выступает как средство передачи чувств и возбуждения эмоций, а экспрессивное – как повышение выразительности и изобразительности; эмоциональный язык противопоставляется интеллектуальному, в то время как экспрессия захватывает как интеллектуальный, так и эмоционально-волевой уровень. В этом случае экспрессивность, по словам В. Г. Костомарова [Костомаров 1971: 158–159], шире эмоциональности и, по сути, конструктивно противостоит немаркированному, термин «экспрессия» кажется более уместным. Например:

На языке саха	На русском языке
<i>кэскиллээх үлэ</i> 'перспективная работа'	<i>острые вопросы</i>
<i>уочараттаах көрсүһүү</i> 'очередная встреча'	<i>черная дыра</i>
<i>дьыалабыай кэпсэтии</i> 'деловой разговор'	<i>горячая точка</i>
<i>боччумнаах дьаһал</i> 'серьезное распоряжение'	<i>коварные действия</i>

С этой точки зрения, если информативная функция определяется использованием нейтральной или общестилевой лексики, то функция воздействия, одна из важнейших для газетно-публицистических стилей, определяет острую потребность в оценочных средствах выражения. Оценочность языка выражается прежде всего в лексике. По мнению Г. Я. Солганика [Солганик 1981: 61], газетная оценочная лексика является наиболее важной и влиятельной из всех

категорий газетного словаря. Его неотъемлемой частью является вся лексическая система газетно-публицистического языка, которая удовлетворяет его основную потребность в выражении оценки. В нем он определяет в основном специфику лексики газеты.

В этой связи следует отметить, что газетная речь – это система, которая создает и культивирует свои лексические элементы, закрепленные за ней. Их регулярное употребление позволяет говорить о необходимости наличия в газетном языке речевых стандартов и клише. Не стоит забывать и о том что стандартизация газетной речи давно доказана, и это не порок, а отличительный признак действительно яркого знака, связанного с самой сутью газеты. Например:

На языке саха	На русском языке
<i>тоһоҕолоон бэлиэтээтэ 'особо подчеркнул'</i>	<i>приняли постановление</i>
<i>салайан ыытта 'организовал'</i>	<i>отдавать значение</i>
<i>дьүүллэһии буолла 'состоялось обсуждение'</i>	<i>приняли участие</i>
<i>буолан ааста 'состоялось'</i>	<i>требует внимания</i>

В то же время на языке саха, как и на русском, газета содержит выразительные, идиоматические (неподражаемо оригинальные) средства народной разговорной речи, широко используется яркая метафорическая синонимика, фразеологизм и эпитет. Например:

На языке саха	На русском языке
<i>Кумахха ууну куппукка тэҥнээх.</i>	<i>Подобно вливанию воды в песок.</i>
<i>Былыта суох халлаанҥа этин эппитин курдук.</i>	<i>Как гром среди ясного неба.</i>
<i>Эбитин эмэҕэһэ тэп диэбиккэ дылы.</i>	<i>Как пинок под зад.</i>
<i>Ууга түспүтү өрүһүйүү – ууга түспүттэр бэйэлэрин дьыалалара.</i>	<i>Спасение утопающих – дело самих утопающих.</i>
<i>Хаакыныыр мас охтубат.</i>	<i>Скрипучее дерево долго стоит.</i>
<i>Бүтүннүү хайдыбыт хоруудаҕа тэҥнэһиэн сөп.</i>	<i>Все окажемся у разбитого корыта.</i>

По мнению А. Н. Баскакова [Баскаков 1982: 237], некоторые общие средства выражения экспрессии формируются в языковом сознании народов, но в основном они имеют специфический характер, свойственный конкретным языкам. Как утверждает автор, “экспрессивность, выразительность национальных языков в сфере периодической печати должна успешно развиваться, если в первую очередь используются экспрессивно-эмоциональные средства, присущие отдельным национальным языкам”. В этом заключается одна из причин того, что “национальный язык – это родной язык – является одним из главных факторов формирования личности человека, он влияет на его сознание, воспитывает душу. Он открывает богатство народной души – ее поэтический дар (ум, чувства, способности), отзывчивость к красоте и добру” [Глебова 1994: 3].

Итак, язык газеты саха, несмотря на свой самобытный, оригинальный характер и выполняющий, как и публицистический стиль в целом, информационно-воздействующую функцию, имеет функциональное единство с газетной речью.

Список использованной литературы

Балли, Ш. Французская стилистика / Пер. с франц. Р. А. Доланина. Под ред. Е. Г. Эткина. Вступ. ст. Р. А. Будагова – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.

Баскаков, А. Н. Функциональное и внутрискруктурное развитие узбекского, казахского, азербайджанского, киргизского и туркменского языков в периодической печати // Язык в развитии социалистического обществе. Языковые проблемы развития системы массовой коммуникации в СССР. – М.: Наука, 1982. – Гл. 4. – С. 149–241.

Глебова, Е. Ф. Русский язык: Учебник для 8–9 классов. – Нижний Новгород: ГИПП “Нижеполиграф”, 1994. – 336 с.

Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе: Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 268 с.

Солганик, Г. Я. Лексика газеты: Функциональный аспект: Учебное пособие для вузов по спец. “Журналистика”. – М.: Высшая школа, 1981. – 112 с.

Солганик, Г. Я. Русский язык. 10–11 кл. Стилистика: Учеб. Пособие для общеобразоват. учеб. заведений, шк. и классов с углубл. изуч. рус. языка, лицеев и гимназий. – М.: Дрофа, 1995 – 272 с.

ON THE ISSUE OF FUNCTIONAL UNITY OF THE NEWSPAPER LANGUAGE

Summary. A specific feature of the newspaper language is the constant relationship between the expression and the standard. This

combination generates and cultivates newspaper lexical units. Along with this, the newspaper in the Sakha language, as well as in Russian, processes its own idiomatic means. Despite the specifics of the Sakha language, it is necessary to speak about the functional unity of the newspaper language, which, like the journalistic style in general, performs an informative and influential function.

Keywords: newspaper speech, speech standard, cliché, expression, evaluativeness, idiomatic means.

УДК 821.511.131+821.161.1-22 "652" (045)

Булычева Елена Александровна
Лаврентьев Александр Иванович

Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

Шибанов Виктор Леонидович

*Россия, г. Ижевск, Удмуртский институт
истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН*

ПРИЕМЫ АНТИЧНОЙ КОМЕДИИ В ПЬЕСАХ И. ГАВРИЛОВА И А. ГРИГОРЬЕВА

Аннотация. Удмуртская комедия появилась в советский период XX века. Несмотря на временную дистанцию в удмуртских пьесах можно найти сходство с произведениями классиков мировой комедиографии, так как приемы, однажды изобретенные и хорошо себя зарекомендовавшие, впоследствии воспроизводятся на сцене либо через непосредственное заимствование, либо через традицию, закрепившую в себе эти приемы. Удмуртская комедия развивалась в виде семейно-бытовой пьесы, поэтому пьесы И. Гаврилова "Жингрес сйзыйл", 1960 и А. Григорьева "Парсьпи но эмеспи" можно сопоставить с произведениями новой аттической комедии (Менандр) и комедии древнего Рима (Плавт, Теренций). Сопоставление проводится по трем параметрам: темы, сюжеты, система персонажей. Наряду с семейно-бытовой тематикой в них представлены темы природных циклов, циклов сельскохозяйственных работ, а также тема женитьбы. Универсальная схема сюжета и системы персонажей дополняется национальной спецификой, она проявляется в выборе места действия, создании узнаваемых героев и в речевой характеристике персонажей.

Ключевые слова: удмуртская комедия, античная комедия, семейно-бытовая пьеса, Игнатий Гаврилов, Анатолий Григорьев.

История европейской комедии насчитывает более двух с половиной тысяч лет. А удмуртская комедия появилась в советский период XX века. Но, несмотря на разницу в возрасте в удмуртских пьесах можно найти сходство с произведениями классиков мировой комедиографии, так как приемы, однажды изобретенные и хорошо себя зарекомендовавшие, впоследствии воспроизводятся на сцене либо через непосредственное заимствование, либо через традицию, закрепившую в себе эти приемы. При сопоставлении двух произведений – комедии Игнатия Гаврилова «Жингрес сйзьыл») («Звонкая осень», 1960) и комедии Анатолия Григорьева «Парсьпи но эмеспи» («Поросенок и жених», 2002) – с формами античных комедий обнаруживаются следующие сходные черты.

Удмуртская комедия развивалась в виде семейно-бытовой пьесы, поэтому сопоставляться они будут с произведениями новой аттической комедии (Менандр) и комедии древнего Рима (Плавт, Теренций). Сопоставление проводится по трем параметрам: темы, сюжеты, система персонажей.

Согласно мнению исследователей, комедия возникла из ритуалов, связанных с природными циклами и сельскохозяйственными работами. Например, Нортроп Фрай находил соответствия между литературными формами и временами года. Тема природных циклов и сельскохозяйственных работ звучит в названиях удмуртских комедий: «осень» у Гаврилова и «поросенок» у Григорьева. На эту же связь обращали внимание исследователи удмуртской комедии. Вопрос о своеобразии удмуртского национального театра, в частности комедии, интересовал уже К. Герда, обратившего внимание на языческие мистерии в честь торжествующего труда: «В более широком смысле начало настоящего национального театра удмуртов уходит корнями в далекое прошлое» [Герд 1997: 102]. В статье «Удмуртский театр» (1925) Герд кратко описывает весенний праздник в честь солнца (шунды), праздник весенней травы (*гуждор вöсь*), зимний праздник с ряжением и инсценировками *пöртмаськон*, при котором исполняются песни сатирического содержания. Искусство представления в них нацелено на смеховую культуру народа. А. Уваров особо подчеркивает роль комических песен-диалогов и особенно коми-

ческого пародирования, при котором персонажи «как бы надевали маску своих противников, выставляя их в смешном, карикатурном виде» [Уваров 1979: 37]. Именно на празднике ряжения *pōrtмаськон* карнавальная стихия разоблачающего характера достигает апогея, считает А. Уваров, ссылаясь на работу М. Скобелкина «Искусство в быту вотяков» (1929). Таким образом, в начале XX века «...от сатирических монологов и диалогов удмуртские литераторы довольно скоро переходят к небольшим формам комедии, или, как тогда говорили, сатирическим агитпьесам» (Уваров 1979: 39). Тем не менее, удмуртские исследователи, в том числе и А. Уваров, началом «высокой комедии» считают пьесу В. Садовникова «Сюан» («Свадьба», 1945).

Природные циклы определяли время вступления в брак. В древней Греции со времен новой аттической комедии Менандра основная тема комедии – женитьба. Главный герой – молодой человек, преодолевающий препятствия, мешающие ему соединиться с возлюбленной. Действие завершается свадьбой. Позже эту тему заимствует комедия древнего Рима, и она станет типичной для европейской комедии. Например, «Сон в летнюю ночь» Шекспира, «Женитьба Фигаро» Бомарше, «Женитьба» Гоголя. Удмуртская комедия следует по этому же пути. В пьесе «Звонкая осень» происходит путаница с женихами и невестами из-за того, что обеих невест зовут Настями. Это похоже на путаницу в комедии «Сон в летнюю ночь». К концу пьесы все противоречия разрешаются и устраиваются две свадьбы. В комедии Григорьева тема свадьбы звучит и в основном тексте, и в названии произведения – «Поросенок и жених».

Природные циклы предполагают постоянное обновление, по этому типичным для комедии является конфликт поколений, в котором побеждают молодые, так как именно за ними будущее. В античной комедии противниками молодых влюбленных оказываются родители. В комедиях Гаврилова и Григорьева ситуация такая же. В пьесе «Звонкая осень» родители Бориса Бегешева выбрали для него не подходящую невесту из-за устаревших представлений о мире. Борис решил проблему и женился на той девушке, которую выбрал сам. В пьесе «Поросенок и жених» родители главных героев поссорились из-за украденного поросенка, а дети их помирили.

Движущей силой семейно-бытовой комедии является любовь. Любовь выполняет две функции: она соединяет разрозненное или разобщенное, как это происходит в комедиях Менандра и Плавта;

любовь – чувство, которое может быть направлено в адрес только одного человека, поэтому в комедиях любовный треугольник легко превращается в четырехугольник. Например, в комедии Шекспира «Двенадцатая ночь» образуются две пары за счет появления брата-близнеца. В комедии «Звонкая осень» участвуют две девушки с одним и тем же именем – Настя. Родители молодого человека Бориса в спешке посватались не к Грачевой Насте, а к Сорокиной Насте, образовав треугольник взаимоотношений. Для их гармонизации автор вводит четвертого участника, у Грачевой Насти есть старший брат, они с Сорокиной Настей влюбляются друг в друга, и пьеса заканчивается двумя свадьбами как и в «Двенадцатой ночи».

Один из приемов усложнения интриги в комедии – имперсонация, когда кто-то или что-то выдает себя за другого, играет чужую роль. Это логика самого театрального представления, актер, участвуя в нем, выдает себя за своего персонажа. Встречается этот прием уже у Аристофана, например, в комедии «Лягушки». В русской литературе самый известный пример – комедия Н. В. Гоголя «Ревизор». В удмуртской комедии «Звонкая осень» Настя Сорокина невольно сыграла роль невесты Бориса, а в комедии «Поросенок и жених» сюжет строится на подмене мертвого поросенка живым: в хозяйстве Антона умер поросенок, он решил украсть поросенка у соседа Ивана и подменить своим мертвым; его уличили, но он пытается доказать, что живой поросенок – это его собственность.

В семейно-бытовой комедии любовная интрига имеет имущественный аспект и переплетена с социальным контекстом. В римской комедии место действия – публичное пространство улицы между двумя домами. В комедиях Гаврилова и Григорьева действие происходит в одном доме, но в него постоянно приходят соседи, то есть дом становится публичным местом.

Любовь и брак в комедии часто приобретают экономический аспект. В комедии Плавта «Псевдол» девушка достается тому, кто заплатит за нее двадцать мин серебра. Родители Бориса в комедии «Звонкая осень» из двух Насть выбрали ту, которая владела более богатым хозяйством: у нее два дома. А поторопились они, потому что в их хозяйстве срочно нужна была работница. То есть, они фактически продали место жены своего сына. В комедии Григорьева точно также любовную линию оттеняет вопрос о праве собственности на живого поросенка.

Античная комедия сформировала устоявшуюся типологию характеров. В произведениях удмуртских авторов представлены две

основные категории персонажей аттической комедии: молодые люди и их родители. Дополнительный комический эффект создают другие аналог античных типов в удмуртских пьесах. В комедии «Звонкая осень» функцию ученого шарлатана или педанта выполняет секретарь комсомольской организации, чью речь отличает использование бюрократической фразеологии. В комедии «Поросянок и жених» эту же функцию выполняет соседка Маша, которая работает в милиции секретарем. Функцию варвара, коверкающего правильную речь, в этой пьесе выполняет Иван, отец невесты. Он заикается и поэтому вынужден произносить фразы нараспев. Функция паразита выполняется пьяницей Колей, часто наведывающегося в дом Антона – отца жениха – с целью выпить его бражку.

Таким образом, на уровне системы персонажей, сюжета и тематики удмуртская комедия обладает целым рядом сходных признаков с классическими образцами античной и европейской комедии. Сходства это типологические, в тех случаях, когда авторы ставят перед собой близкие цели – насмешить зрителя, – и решают похожие задачи, они в своем творчестве прибегают к сходным приемам.

Список использованной литературы

Гаврилов, И. Жингрес сйзьыл // Катанчи усьтьське. – Ижевск: Удмуртия, 1992. – С. 3–43.

Герд, К. Удмуртский театр // К. Герд. О ней я песнь пою...: Стихи и поэмы, статьи, научные работы, письма. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – С. 101–106.

Григорьев, А. Парсьпи но эмеспи // Кенеш. – № 8. – 2002. – С. 8–32.

Уваров, А. Н. Художественное своеобразие удмуртской сатиры / А. Н. Уваров. – Ижевск: Удмуртия, 1979. – 131 с.

Фрай, Н. Анатомия критики. Очерк первый / Нортроп Герман Фрай. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 69 с.

ANCIENT GREEK LITERARY TECHNIQUE IN UDMURT COMEDY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF I. GAVRILOV'S AND A. GRIGORIEV'S PLAYS WITH CLASSICAL ANCIENT COMEDIES

Summary. Udmurt comedy appeared in the XX century, during the Soviet period. Despite the chronological distance, it is possible to find similarities between the Udmurt comedies and the classics of world comedy. This happens because comic techniques, once invented and well-proven, are subsequently reproduced on the stage either through direct borrowing or indirectly through a set of traditions that have consolidated these techniques. The article compares two Udmurt plays

(“Wonderful Autumn” (1960) by I. Gavrilov and “The Piglet and the Bridegroom” (2003) by A. Grigoriev) with the forms of ancient comedies. Because Udmurt comedy developed as a play about domestic problems, it is possible to compare it with New Attic comedy (Menander) and the comedy of ancient Rome (Plautus and Terence). The comparison is made according to three parameters: themes, plots, and the system of characters. Along with family and domestic themes, the themes of natural cycles and cycles of agricultural works the theme of marriage are presented in the plays. The universal scheme of the plot and the system of characters are made nationally specific, it is introduced in the choice of setting, creation of recognizable characters, and in the speech characteristics of the personages.

Keywords: Udmurt comedy, ancient comedy, family and domestic play, I. Gavrilov, A. Grigoriev.

УДК 821.161.1.09 – 3Пелевин

Бычкова Ольга Анатольевна
Никитина Александра Валерьевна
Россия, г. Чебоксары, Чувашский государственный педагогический университет

ПРОСТРАНСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ПРОЗЕ В. ПЕЛЕВИНА: ВИДЕОИГРА И ЛИТЕРАТУРА*

Аннотация. Статья посвящается творчеству современного постмодернистского писателя В. Пелевина. В частности, изучается пространство его повести «Принц Госплана» с точки зрения влияния практики современных видеоигр на формирование художественного мира писателя. Авторы проанализировали культурологический, философский, литературоведческий и психологический аспекты проблематики произведений в свете заявленной темы и сделали выводы об актуальности творчества В. Пелевина в наши дни.

Ключевые слова: постмодернизм, Пелевин, видеоигра, виртуальные миры, «Принц Госплана», дизайн видеоигр.

* «Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00553».

Виктор Олегович Пелевин (р. 1962) из разряда современных писателей, о которых критика высказывается противоречиво. Его называют культовым, Internet-писателем и анализируют причины его популярности (С. Кузнецов) или с самого момента его появления в литературе пророчат скорое завершение «проекта Pelevin»: «Пелевин не писатель, а слагатель текстов, речевых, но лишенных языка. Он работает интонацией, разговорным блоком, идиомой, конструкцией. Он работает образами компьютерной графики и ее приемами. И неплохо это делает, создавая не очень сложные, но действующие модели сознания. Продолжив компьютерную метафору, скажу, что, ворвавшись в пространство культурной памяти, эта программа действует на нее как вирус – пожирает» [Шайтанов 2003: 3].

И по сей день творчество В. Пелевина вызывает интерес читателей и критики по разному поводу. Имеются даже интернет-сайты, целиком посвященные творчеству писателя [Макеева]. Так, Е. Пронина («Фрактальная логика Виктора Пелевина») исследует феномен Пелевина с точки зрения психологии и полагает, что секрет его популярности в необычайной современности: «Что бы вы ни читали у Пелевина, в первый момент вас привлекает пронзительная узнаваемость времени (и себя в нем), даже в самых странных, сюрреалистических и абсурдных образах» [Пронина 2003: 5]. По мнению автора статьи, важнейшим открытием В. Пелевина является психология современной личности, существующей на грани между игрой и жизнью. Такая личность лишена локальности, она начинает «ощущать свое «я» как множественное, нетождественное в различные моменты жизни. Человек Пелевина постоянно ищет и не может найти свое подлинное «я», «фиксированный центр своих кошмаров» [Пронина 2003: 11]. Е. Пронина полагает, что В. Пелевин помогает личности понять ее составляющие, а значит, и избежать власти бесконтрольных импульсов сознания – причины многих бед.

Особый интерес представляет малоизученная сторона творчества Пелевина: влияние компьютерных игр на мир художественного произведения. Эта проблема часто попадает в поле зрения критики [Богданова 2008; Кузнецов 1998; Макеева; Хромов].

Открытым остается и вопрос о творческом методе писателя: в начале своего появления в литературе он во многом близок «полуторному стилю» (Б. Гройс) соц-арта. В романе «Жизнь насекомых» (1993), сборниках рассказов «Синий фонарь», «Желтая стрела» он пародирует большой стиль соцреализма, играет с советски-

ми лозунгами, которые уже утратили первоначальный смысл и воспринимаются как идеологические симулякры.

В дальнейшем критика попеременно причисляет Пелевина то к научной фантастике (первый его рассказ был опубликован в журнале «Химия и жизнь», где была популярная литературная страничка), то к киберпанку [Кузнецов 1998; Хромов], то постмодернизму [Богданова 2008]. Сам же В. Пелевин предлагает термин «турбореализм», не слишком стремясь прояснить его содержание.

Так или иначе, сейчас В. Пелевин занимает вполне определенное место в литературе: перечисленные идеи нашли в творчестве писателя причудливое сочетание с постмодернистскими представлениями о виртуальной реальности, в которую все больше погружается современный человек. Одна из самых важных сторон его творчества состоит в том, что он открывает современнику его самого. Виктора Пелевина-писателя прежде всего интересуют процессы, происходящие в области сознания и коллективного бессознательного, индивидуальной психики, их воздействие на ход истории, социальное поведение людей. И, как следствие, у автора актуализируется внимание к феномену идеологии, рекламы, возможностям компьютерных технологий, влиянию компьютерных игр на личность.

С одной стороны, современный писатель продолжает литературные традиции, обращаясь к теме игры и игрока (В. А. Гофман («Элексир Сатаны»), О. де Бальзак («Шагреновая кожа»), Ф. Стендаль («Красное и черное»), А. С. Пушкин («Пиковая дама»), Н. В. Гоголь («Игроки»), Ф. М. Достоевский («Игрок»), В. Набоков («Защита Лужина»), А. и Б. Стругацы («Пикник на обочине») и т. д.). Как правило, «погружение» человека в игру писателями оценивается критически и предстает как особый психологический феномен.

С другой стороны, в прозе В. Пелевина эта тема приобретает новый поворот, т. к. объектом исследования становится именно компьютерная реальность и компьютерные игры. Первым отечественным произведением о геймерах становится повесть «Принц Госплана» (1991), уже в названии которой соединяются советский новояз и язык компьютерной игры.

Главный герой – Саша Лапин – инженер-программист работает в Госснабе и по заданию начальства отправляется в Госплан, чтобы подписать важные документы. По дороге он проходит несколько уровней популярной в то время игры «Принц Персии», сражается, проходит коридоры лабиринта, грозящие ловушками и непреодо-

лимыми препятствиями, при этом погибает несколько раз и перезагружается вновь, смутно припоминая детали прежней жизни (так переосмыслиется в повести феномен «*deja vu*»). Игра «Принц Персии» стала, по выражению Е. Прониной, «настоящей сенсацией». «Ведь теперь на экране уже не какой-нибудь кружочек, поедающий точки на черном фоне, а яркие персонажи: принц, янычары с ятаганами, в чалмах и живописной одежде, красавица-принцесса и злой колдун в остром колпаке и мантии» [Пронина 2003: 5–6].

В повести возникает игровая ситуация совмещения / отождествления различных пространственно-временных миров и неоднозначной идентификации индивидов, одновременно локализованных в нескольких из них.

«И вдруг в полу со скрипом распахнулся люк, в котором блеснуло медное горло кувшина, стоящего на каменном полу метрах в двух внизу. Саша спрыгнул на каменную площадку, и люк над головой захлопнулся; Саша огляделся и увидел с другой стороны коридора бледного усатого воина в красной чалме с пером; воин отбрасывал две расходящихся дрожащие тени, потому что за его спиной коптели два факела по бокам высокой резной двери с чёрной вывеской «ГОСПЛАН СССР». «Надо же, – подумал Саша, выхватывая меч и кидаясь навстречу вытащившему кривой ятаган воину, – а я на троллейбусе, дурак, всё время ездил» [Пелевин 2002: 129].

Реальность «как таковая» практически исчезает у Пелевина, она разбивается на виртуальные миры, представленные дискурсивными наслоениями «текстов» разных игр, их в повести упоминается порядка двадцати: Budokan, Pipes, Abrams Battle Tank и др. Так, в учреждении, где работает Саша, все играют в компьютерные игры и при этом сами принимают на себя образы этих игр: начальник Борис Григорьевич осваивает «Будокан», при этом он одет в «охотничий костюм» зеленого атласа и орудует настоящим самурайским мечом; его не смущает скудность реальной обстановки его кабинета за шкафом, т. к. он полностью погружен в виртуальный мир. Или девушки-машинистки из администрации, увлеченные игрой «Крейзи берд», обладают «хорошенькими птичьими головками»; сам Саша то и дело поправляет на голове тюрбан, дает прикурить сотруднице от факела, висящего на стене лабиринта, ведь он Принц из упомянутой игры. В Госплане ему встречаются два Дарта Вейдера в хромовых сапогах и непроницаемых масках (как и положено). Эти игроки в «Спай» в местной столовой собираются пообедать кислой капустой и щами.

Советский дискурс с нарочито кондовыми именами и названиями, совмещаясь с компьютерным сленгом, создают причудливую игровую реальность. Так, парторг Кузьма Ульянович Старопопиков возглавляет летный отряд истребителей «Стелс» и ведет воздушные бои над Ливией, он «четыре тысячи пятьсот раз разрушил локатор под Триполи, а если мы все ракетные катера подсчитаем да еще аэродромы прибавим, такая *цифр* выйдет...» [Пелевин 2002: 139].

Чтобы получить подпись на документе, Саша подсаживается в танк к игрокам в «Abrams» и под гранатометным огнем мчится на встречу к начальнику Павлу Семеновичу: «Давай, чего там у тебя там, - сказал он Саше, присел на одно колено и написал в верхней части листа: «Не возражаю». - А ты, Борис, - сказал он Борису Емельяновичу, - бросай эти дела. Вечно ты со всякой херней перед боем лезешь» [Пелевин 2002: 139].

Мир, в котором живет герой, нестабилен: он постоянно меняет очертания пересекаясь с реальностью других, проваливаясь в подземелье или насылая «разрезалки», однако важно вести собственную игру, преодолевая препятствия, постепенно возвышаясь от уровня к уровню. Повесть начинается с загрузки (Loading...), а завершается постановкой игры на паузу (Game paused). Главы в ней пронумерованы по образцу компьютерных игр «Level 1», «Level 2» и т.д., в связи с чем автор реализует метафоры продвижения по игровой и карьерной лестнице, а также метафору жизненного пути. Однако целесообразность этого пути неоднозначна. Герой неоднократно задается экзистенциальными вопросами: «На фига мы живем? - спросил он. «- Ну вот», - сказал Петя, - вроде и не пил сегодня, а... Вообще, ты стражника спроси. Он тебе объяснит насчет жизни» [Пелевин 2002: 139]. Петя Итакин (sic!), друг Саши, заставляет его задуматься, существует ли лабиринт на самом деле или он находится в голове игрока, да и что такое в сущности «на самом деле».

Здесь Пелевин пускается в известную софистику об иллюзорности мира, существующего только в сознании «игрока», но именно игрок обуславливает реальность мира, созданного единственно для него. В связи с этим можно припомнить парадокс Ф. Кафки «У врат Закона», на который косвенно ссылается автор «Принца Госплана». На вопрос, существует ли лабиринт, Саша дает такой ответ: «- Пожалуй, существует. Точнее, правильно сказать, что он существует ровно в той же степени, в какой существует принц. Потому что лабиринт существует только для него». Сравним у Кафки: «Что

тебе еще нужно узнать? – спрашивает привратник. – Ненасытный ты человек!» «– Ведь все люди стремятся к Закону», – говорит тот, – как же случилось, что за все эти долгие годы никто, кроме меня, не требовал, чтобы его пропустили?» И привратник, видя, что поселянин уже совсем отходит, кричит изо всех сил, чтобы тот еще успел услышать ответ: «Никому сюда входа нет, эти ворота были предназначены для тебя одного! Теперь пойду и запру их» [Кафка]. Так у двух писателей предстает субъективность мира, но там, где у модернистского автора все заканчивается трагически, у постмодерниста есть возможность перезагрузки или выхода из игры – escape.

Эскапизм, как желание убежать от реальной жизни, практикуется многими героями В. Пелевина, и служащие госучреждений в данной повести не исключение. Советская реальность периода перестройки не меньше чем бюрократический конформистский мир кафкианских построений создает благодатную почву для такой игры. Более того, по мысли Пелевина, схождение человечества в игровую или виртуальную реальность предстает как закон современной жизни.

Этот мотивировано, во-первых, психологическим поведением игрока – его нельзя отвлечь от игры, возвращение в «реальность» болезненно: «Саша испытал острую ненависть к неизвестному идиоту, вздумавшему отвлекать его разговорами в такую минуту, сделал острый выпад и, целясь врагу мечом прямо в горло, прыгнул вперед <...> Саша почувствовал, как чьи-то руки разворачивают его вместе с вращающимся стулом, и чуть не ткнул мечом повившегося перед ним человека» [Пелевин 2002: 142].

Во-вторых, реализуется в виде фантастического допущения о влиянии того мира на этот. Здесь играют всерьез. Так, погибает от рук членов «Организации Освобождения Палестины» Кузьма Ульянович Старопопиков, приговоренный к смерти за бомбардировку Аль-Джегази. В реальной жизни свидание в подворотне с «просвечивающими» палестинцами для него обернулось очередным инфарктом, от которого он вряд ли оправится. Или полному исчезновению подвергается командировочный из Пензы, играющий в «Старглейдер». Подорвавшись на компьютерной mine, он оставляет вместо себя «тлеющий пиджак» на стуле в кабинете. Его, как персонажа компьютерной игры, можно вызвать к реальной жизни, но только в целях подписания деловой бумаги.

В-третьих, метафора исчезновения «всамделишного» мира заставляет усомниться в существовании и самой личности. В какой-то момент сам Саша начинает сомневаться в собственной реальности. Он отождествляет себя с нарисованным принцем, он без устали бежит по коридорам лабиринта, решает сложные задачи. Его упорство помогает ему взобраться на самый верх, однако здесь его ждет разочарование: прекрасная принцесса оказывается картонным манекеном в ободренных декорациях игры, которую он увидел с непривычного ракурса – изнутри.

Когда же игра поставлена на паузу после долгого «рабочего» дня, возвращение в советскую действительность кажется безрадостным: длинные очереди в гастрономе за портвейном и килькой в банках как бы объясняют всеобщее желание оказаться в игре.

Видеоигра и литература сегодня сближаются не только на уровне законов повествования истории, но и в принципах существования персонажей в художественном пространстве, в концепции эволюции образов и т.д. Законы дизайна видеоигр внедряются в творчество В. Пелевина, что отчетливо проявляется в алгоритмичности действий героев и организации самого пространства. Однако все это носит ощущение иллюзорности, сама игровая структура будто лишь ироническая маска, натянутая на художественное произведение. Игроки действуют по правилам игры, которых никто не знает, о них остается лишь догадываться. Содержание игры ускользает, оставляя лишь только саму форму правил, по которым мир продолжает существовать по инерции. Если описать это в терминах игрового дизайна, то в произведениях В. Пелевина как в композиционной структуре, так и в нарративном плане распадается баланс.

Баланс представляет собой математико-алгоритмическую модель игровой механики, которое формирует ощущение правдоподобности игрового мира, его равновесия и гармоничности элементов. Мир, описываемый Пелевиным, – это мир вырожденной стратегии, пожираемой хаосом и смешением причинно-следственных цепочек. С одной стороны, подобная тактика – это троп, указывающий на культурную ситуацию постсоветской России, однако с другой стороны, это своего рода метанарративное объяснение того, как трансформируется литературный текст, когда он начинает существовать по законам цифрового мира. «Новая» вымышлен-

ная реальность, построена на принципе алгоритмов, накопленные ошибки в которых, приводят к хаотичным и даже фатальным состояниям мира-текста. Кристиана Пол, автор книги «Цифровое искусство», указывает, что «цифровые технологии часто используют, чтобы изменить или поставить под сомнение свойства изображения» [Пол 2017: 36]. В случае Пелевина язык видеоигры используется им, вероятно для того, чтобы поставить под сомнение саму литературу. Если определить в один ряд контексты советской культуры, где литература существовала как один из вариантов реализации государственной культурной политики, и современного постсоветского мира, развивающегося в условиях доминирования цифровой культуры, то сочетание их становится похожим на катастрофическое столкновение, где начинает разрушаться все понятное, все логичное и мир продолжает существовать лишь на обломках Реального. То же мироощущение выражено в произведении братьев Стругацких «Пикник на обочине», сюжет которого лег в основу серии видеоигр «S.T.A.L.K.E.R.» [Бычкова 2020].

Новое господствующее означающее, вызванное крахом системы, легче всего описывается языком видеоигр, не только потому, что это универсальная метафора («Весь мир – театр. В нём женщины, мужчины – все актеры. У них свои есть выходы, уходы, И каждый не одну играет роль»), но и потому, что сама сущность игры позволяет человеку стать «соучастником» и тем самым пережить заново травматический опыт, что, как известно, может вести к исцелению.

После «Принца Госплана» Пелевин продвигает начатую тему компьютерных игр. Его миры усложняются в связи с развитием технологий. К чести автора нужно сказать, что он демонстрирует отличное знание этой стороны жизни и идет в ногу со временем. И, хотя компьютерные игры уже не приобретают самостоятельное значение в художественном пространстве его произведений, в опосредованной форме мы встречаем обращение к ним в ряде других повестей и романов более позднего периода. Таковы романы «Т», «Шлем ужаса», «S.N.U.F.F.» и др. Несмотря на то, что изменился «компьютерный» язык произведений Пелевина, игра по-прежнему становится развернутой метафорой его художественного мира.

Список использованной литературы

Богданова, О. В., Кибальник, С. А., Сафронова, Л. В. Литературные стратегии Виктора Пелевина / О. В. Богданова, С. А. Кибальник, Л. В. Сафронова. – СПб: Библиополис, 2008. – 184 с.

Бычкова, О. А., Никитина, А. В. Образы игры и игрока в пространстве литературы и компьютерных игр / О. А. Бычкова, А. В. Никитина // Человек и культура. – 2020. – № 6. – С. 69–80. DOI: 10.25136/2409-8744.2020.6.34481.

Кафка, Ф. У врат Закона / Ф. Кафка – URL: <http://www.olsufiev.com/texts/Kafka-U-Vrat.htm> (дата обращения: 10.06.2021).

Кузнецов, С. Киберпанк и его создатель / С. Кузнецов // Иностранная литература. – 1998. – № 12. – С. 239–241.

Макеева, К. Творчество Виктора Пелевина / К. Макеева – URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-mak/1.html> (дата обращения: 10.06.2021).

Пелевин, В. О. Желтая стрела: Рассказы / В. О. Пелевин. – М.: Вагриус, 2002. – 496 с.

Пол, К. Цифровое искусство / К. Пол. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 272 с.

Пронина, Е. Фрактальная логика Виктора Пелевина / Е. Пронина // Вопросы литературы. – 2003. – № 4. – С. 5–30.

Хромов, А. Буддийский киберпанк: игры и виртуальность в творчестве Виктора Пелевина / А. Хромов – URL: <https://dtf.ru/read/13336-buddiyskiy-kiberpank-igry-i-virtualnost-v-tvorchestve-viktora-pelevina> (дата обращения: 10.06.2021).

Шайтанов, И. Проект Pelevin / И. Шайтанов // Вопросы литературы. – 2003. – № 4. – С. 3–4.

THE SPACE OF LITERARY TEXT IN PROSE BY V. PELEVIN: VIDEO GAME AND LITERATURE

Summary. The article is devoted to the creative work of the modern postmodern writer V. Pelevin. In particular, the space of his novel «The Prince of Gosplan» is being studied from the point of view of the influence of the practice of modern video games on the formation of the writer's artistic world. The authors analyzed the cultural, philosophical, literary and psychological aspects of the problems of the works in the light of the stated topic and made conclusions about the relevance of V. Pelevin's work in our days.

Keywords: postmodernism, Pelevin, video game, virtual worlds, «Prince of Gosplan», video game design.

ИЗУЧЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА «ТОЛЬКО» НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЧУВАШСКОЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье рассматриваются лексема «только» и его аналоги в чувашском языке. Исходя из выявленных зон транспозиции и интерференции предлагаются методические рекомендации к изучению грамматического значения данного слова в чувашской школе.

Ключевые слова: лексема «только», частица, союз, наречие, урок русского языка, чувашская школа.

В ходе морфолого-синтаксического анализа лексемы «только» учащиеся чувашской школы испытывают определенные трудности. Эти затруднения связаны прежде всего с неумением определять значение слова, выявляемое в определенном контексте, и особенностями восприятия лексемы нерусскими учащимися, обусловленными правилами функционирования его аналогов в родном языке учащихся.

В связи с тем, что данная лексема весьма употребительна как в письменной, так и устной речи учащихся (по данным частотных словарей, входит в список 100 самых употребляемых слов в русском языке), раскроем методические аспекты презентации данной лексемы в нерусской (чувашской) школе.

В исследованиях лингвистов прослеживается неугасающий интерес к анализу статуса многофункциональной лексемы «только» (И. М. Богуславский, Ю. И. Леденев, Т. К. Иванова, Н. П. Селина, Е. А. Стародумова, Н. Н. Холодов, А. Е. Орлов, А. Ю. Чернышева, Т. А. Яцюк и др.) [Селина 2003, Стародумова 1988]. Указанные исследования дают возможность выявить методические решения при изучении этого слова в школе.

Анализ словарных статей, посвященных этой лексеме, показывает разнობой в ее трактовке: иногда она рассматривается как многозначное слово, иногда – как случай омонимии. Например, «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера определяет его как наречие, В. И. Даль рассматривает *только* как наречие и союз,

Д. Н. Ушаков, С. И. Ожегов – как многозначное: наречие, частица и союз [Селина 2003]. Наиболее полная характеристика этого слова дана в Большом академическом словаре, где представлены омонимы *только*: частица, союз и наречие [БАС 2004]. Такой подход нам кажется наиболее верным и оправданным. В чувашском языке слово *только* имеет те же значения: частицы, союза и наречия, однако может передаваться различными синтаксическими конструкциями. Так, значение ограничительной частицы выражается частицами *çеç*, *çеx*, *кӑна*, *тин*, *анчах*; усилительной частицы – частицей *кӑна*; значение противительного союза – союзом *анчах*, значение временного союза – аффиксами деепричастия *-санах (-сенех)*, *сассӑн*, *сесӑн*; значение наречия – наречиями *тин*, *халь çеç* [Андреев 1985].

Рассмотрим основные значения частицы, союза и наречия *только* в сравнении с их аналогами в чувашском языке. Для примеров обратимся к изданиям на русском языке, переведенным на чувашский язык специалистами.

1. Частица: 1. Не более как, всего лишь. *В тот год осенняя погода / Стояла долго на дворе, / Зимы ждала, ждала природа. / Снег выпал только в январе / На третье в ночь. – Çав сұлхине кёр вӑрӑм килчӗ; / Пур сұтсанталӑк хӗллене / Кӗте-кӗте аптрарӗ, ырчӗ, / Январён виçсӗмӗш çӗрне / Тин ўкрӗ юр* (Пушкин А. С. Евгений Онегин, пер. П. Хузангая). *Любовью упоенный, / В смятенье нежного стыда, / Он только смеет иногда, / Улыбкой Ольги ободренный, / Развитым локоном играть / Иль край одежды целовать. – Çапах та – юратса киленӗ / Поэт тӗсме сук вӑтанать; / Вӑл, Ольга йӑл кулсан кӑна, / Ун кӑтрипе хӑш чух, именӗн, / Пӑртақса выляма хӑять / Е кӗпине кӑшт чуптӑвать* (Пушкин А. С. Евгений Онегин, пер. П. Хузангая).

2. Единственно, исключительно. *Сначала я молчать хотела; / Поверьте: моего стыда / Вы не узнали б никогда, / Когда б надежду я имела / Хоть редко, хоть в неделю раз / В деревне нашей видеть вас, / Чтоб только слышать ваши речи / Вам слово молвить, и потом / Всё думать, думать об одном / И день и ночь до новой встречи. – Малтан эп ним шарласӑн марччӗ./ Ёненӗр: ман вӑтанӑса / Пӗлеймӗттӗрччӗ нихӑсан, / Ӑшра пулсассӑн манӑн шанчӑк / Пӗрре пулин те эрнере / Ялӑмӑрта курма сире, / Каласӑнине кӑна илтмешкӗн, / Сире сӑмах чӗнме, унтан – / Яра куна та каç – ялан / Пӗр ӗмӗт-шухӑшӑмпалан / Тепре курассине кӗтмешкӗн* (Пушкин А. С. Евгений Онегин, пер. П. Хузангая).

Но я плоды моих мечтаний / И гармонических затей / Читаю только старой няне, / Подруге юности моей. – Мана илсен – ялта

пурнатӑп, / Хам ватӑ няньӑна **анчах** / Сӑвва эп вуласа паратӑп, / Ман тусӑм вӑл ачаранпах (Пушкин А. С. Евгений Онегин, пер. П. Хузангая).

3. После местоимений, наречий, союзов для усиления, подчёркивания. *Джо Гарпер тоже так делает, а он, знаешь, где **только** не был!* – Шёпёнсене Джо Гарпер савӑн пек пётерет, вӑл ёнтё пурнӑс курнӑ сын, – аста-аста ситмен пулё вӑл... (Твен М. Приключения Тома Сойера, пер. Ф. Ишетер). Ср.: аста **кӑна** ситмен пулё вӑл.

4. Придаёт выражению значение угрозы, предостережения; посмей, попробуй. **Только** перешагни эту черту, я тебя как отлуплю, что своих не узнаешь. Попробуй только, не обрадуешься. – Сак йёр урлӑ кас **анчах**, эпё сана питё хытӑ хёнетёп, вырӑнтан та тапра-наймӑн... (Твен М. Приключения Тома Сойера, пер. Ф. Ишетер).

II. союз. 1. Однако, но. Люблю я бешеную младость, / И тесноту, и блеск, и радость, / И дам обдуманый наряд; / Люблю их ножки; **только** врьд / Найдете вы в России целой / Три пары стройных женских ног. – Хаваслӑха, такӑслӑха та / Пустах сӑмрӑклӑха саватӑп, / Саватӑп дамӑсен тумне, / Савап вёсен урисене, / **Анчах** Российёпех тупаймӑр / Виç мӑшӑр та хитре ура (Пушкин А. С. Евгений Онегин, пер. П. Хузангая).

2. Едва. Но наконец она вздохнула / И встала со скамьи своей; / Пошла, но **только** повернула / В аллею, прямо перед ней, / Блистая взорами, Евгений / Стоит подобно грозной тени, / И, как огнем обожжена, / Остановилась она. – Анчах, сывларё те ак ассӑн, / Хёр тӑчё хӑй сакки сӑнчен. / Аллеелле кӑшт пӑрӑнсассӑн, / Вӑл курчё: унӑн умёнче, / Куçёсемпе сӑссе, Евгений / Тӑра парать хаяр мёлкенён (Пушкин А. С. Евгений Онегин, пер. П. Хузангая).

Я стоял впереди с пистолетом наготове, и **только** чихнул, эти мошенники зашуршали – и в кусты. – Эпё ачху! туса ятӑм **сес**, сав мошенниксем сукмак синчен тёмсем хушинелле вёлт сес кёрсе кайрёс... (Твен М. Приключения Тома Сойера пер. Ф. Ишетер).

III. нареч. Совсем недавно. Ужин только начался. – Касхи апат халь сес пусланчё (Шишков В. Я. Угрюм-река). В русской речи, по нашим наблюдениям, чаще употребляется сочетание *только что*, которое нагляднее воспроизводит наречную функцию. Ср.: Ну, Петр Андреич, чуть было не стряслась беда, да, слава богу, все прошло благополучно: злодей только что уселся обедать, как она, моя бедняжка, очнется да застонет!.. – Ну, Петр Андреич, татах инкек пулатчё, мухтав турра, йёркеллех иртсе кайрё: тӑшманё апат сӑме ларнӑччё кӑна, ман мёскёнём, тӑна кёрсе, йынашрё ячё!.. (Пушкин А. С. Капитанская дочка, пер. Н. Ваçсанка, М. Сироткина).

Итак, сравнительно-сопоставительный анализ конструкций с лексемой «только» в русском и чувашском языках показывает в целом полное соответствие его основных значений, что является примером «положительного влияния» системы родного языка на изучение другого языка (транспозиции). Зонами расхождения (интерференции) в данном случае является особенность употребления частиц в чувашском языке исключительно в постпозиции к выделяемому слову. Исходя из выявленных особенностей можно предложить следующие методические рекомендации к изучению грамматического значения данного слова в чувашской школе.

Во-первых, для различения омонимичных слов – частицы, союза и наречия *только* – необходимо научить видеть учащимся синтаксические связи этого слова в тексте. В этих целях, например, можно предложить детям для сравнения предложения, в которых обязательно указать синтаксическую функцию слова, найти синоним. Предложенные примеры взяты из базы Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. *Вода в озере стояла тихо-тихо, как это бывает только после дождя* (Мамин-Сибиряк Д. Н. Приемш). В этом предложении к слову *только* нельзя задать вопрос, значит, оно служебное, оно ничего не связывает, вносит значения ограничения (синоним: *лишь*) – это частица.

Только вошел я, все ребята как загогочут (Семенов С. Т. Катюшка). В данном случае анализируемое слово также не является членом предложения, но оно употребляется в составе сложноподчиненного предложения, помогает связать придаточную часть с главной, выражая временные отношения (быструю последовательность событий, синонимы: *как только, только лишь*) – это временной союз.

Одеты они были так же, как и наши солдаты, только все у них было похуже (Семенов С. Т. Турки). Здесь слово *только* также не является членом предложения, в составе сложносочиненного предложения выражает противительные отношения (*но, однако*) – это противительный союз.

Только стали поправляться, избу новую поставили, а тут немочь и присунься (Мамин-Сибиряк Д. Н. В ученье). В этом примере к слову *только* мы задаем вопрос: стали поправляться когда? – *только* (синоним: *совсем недавно*), выполняет функцию обстоятельства – это наречие.

При анализе указанных конструкций могут встретиться и трудные случаи. Например, сравним два предложения: *Но не ото-*

звался верный товарищ, только мышь прошуршала по соломе (Тургенев И. С. Конец Чертопханова). Все были возбуждены, без умолку говорили, только Поля молчала; она потягивала чаек, жевала белый хлеб и внимательно озиралась кругом, присматриваясь к новой для нее обстановке (Семенов С. Т. У пропасти).

В первом предложении, несмотря на то что *только* находится на стыке двух независимых предложений, нельзя выделить в нем противительные отношения, поэтому анализируемое слово является частицей. А во втором предложении можно вычленить сопоставительно-противительные отношения (синонимы: *а, же*) и выделительное значение (синоним: *лишь*), поэтому здесь дело имеем с синкретичным случаем, это союз-частица.

Во-вторых, для уяснения особенностей расположения частиц по отношению к выделяемому слову, на наш взгляд, уместны упражнения для перевода предложений с родного языка на русский и наоборот с указанием позиции частицы по отношению к определяемому слову [Бычков 2016, 2015]. Например: *Такая густая трава росла только по берегам озера, потому что здесь достаточно было влаги и почва была жирная* (Мамин-Сибиряк Д. Н. Приемьш). – *Çавнашкал йӓм курӓк кӓлӓ хӓрринче сес ӓсет, мӓншӓн тесен кунта нӓрӓк те сителӓклӓ, сӓрӓ те лӓймаллӓ*. Частица *только* в русском языке выделяет сочетание *по берегам озера*, она находится в препозиции, частица *сес* в чувашском языке выделяет сочетание *кӓлӓ хӓрринче*, стоит в постпозиции.

А сам и курить не умеет, только дым пущает (Андреев Л. Н. Первый гонорар). – *Хӓй пирус туртма та пултараймасть, тӓтӓм мӓкӓрлантарать кӓна*. Русской частице *только* соответствует частица *кӓна*, которая также находится в постпозиции к выделяемому сочетанию.

В-третьих, для выяснения особенностей употребления слова *только* необходимо сравнение этого слова с другими образованиями, содержащими эту лексему: *только лишь, лишь только, только и, только и всего, только-только, только что, да и только, едва только, как только, не только ... но и, лишь бы только* и др. Сравнивая конструкции с названными словами, учащиеся выявляют морфологическую природу анализируемых слов, их синтаксические функции. Разобраться в значениях названных лексем, на наш взгляд, помогают полученные знания о критериях различения союза, частицы и наречия *только*.

Таким образом, при изучении грамматического значения слова «только» в чувашской школе большую помощь оказывает сопоставление с особенностями употребления его эквивалентов в родном языке учащихся.

Список использованной литературы

Андреев, И. А. Чувашско-русский словарь / И. А. Андреев, А. Е. Горшков, А. И. Иванов и др.; под ред. М. И. Скворцова. – М.: Русский язык», 1985. – 712 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://samahsar.chu_vash.org/dict/1.html.

БАС – Большой академический словарь русского языка: В 30 т / Под ред. К. С. Горбачевича. – СПб.: Изд-во «Наука», 2004 [Электронный ресурс]. – URL: <https://iling.spb.ru/dictionaries.html.ru>.

Бычков, В. И. Коммуникативно-деятельностный подход к изучению частиц русского языка в чувашской школе // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии: материалы Междунар. научн.-практ. конф. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – С. 73–78.

Бычков, В. И. Трудности учащихся чувашских школ при изучении частиц русского языка // Концепт: Современные проблемы развития русского языка. – 2015. – ART 95271 [Электронный ресурс]. – URL: <http://e-koncept.ru/teleconf/95271.html> - ISSN 2304-120X.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://ruscorpora.ru/>

Селина, Н. П. Структурно-семантические и функциональные особенности слова только в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Ставрополь, 2003. – 198 с.

Стародумова, Е. А. Акцентирующие частицы в русском языке. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1988. – 96 с.

MEANING OF THE WORD "ONLY" IN THE RUSSIAN LANGUAGE LESSONS IN THE CHUVASH SCHOOL

Summary. The article deals with the lexeme "only" and its analogues in the Chuvash language. Based on the identified zones of transposition and interference, methodological recommendations for the study of the grammatical meaning of this word in the Chuvash school are proposed.

Keywords: lexeme "only", particle, conjunction, adverb, Russian language lesson, Chuvash school.

Ван Юйлин
*Россия, г. Казань, Казанский
(Приволжский) федеральный университет*

СУБСТАНТИВНАЯ ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. С. ТУРГЕНЕВА «АСЯ» и «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ»

Аннотация. Статья посвящена исследованию субстантивной эмотивной лексики в произведениях И. С. Тургенева «Ася» и «Первая любовь». Главное внимание сосредоточено на особенностях выражения эмоций в анализируемых произведениях И. С. Тургенева, а также на функциях мотивированной и немотивированной субстантивной эмотивной лексики в исследуемых текстах.

Ключевые слова: Эмоция, субстантивная эмотивная лексика, мотивированное слово, немотивированное слово, семантема.

Эмоции являются важной частью человеческого существования, сопутствуют во всей жизни человека, включаются в любую его деятельность. Естественно, что без эмоций немислим ни сам человек, ни его деятельность. А в художественных произведениях это богатство мира эмоций отражено прежде всего с помощью языка. В языковой картине произведений отражен эмоциональный мир персонажей, что помогает содержанию быть более ярким и убедительным. Чтобы найти секрет обозначения эмоций в языке, необходимо обратить внимание на произведения И. С. Тургенева.

Иван Сергеевич Тургенев был одним из самых значимых русских писателей XIX века, и его творчество известно тем, что в своих произведениях прекрасно изображает эмоции персонажей и эмоциональную тональность истории. Автор прежде всего сосредоточивал внимание преимущественно на жизни и судьбах аристократических интеллектуалов. Кроме того, в своей прозе И. С. Тургенев изображает смелые и сильные женские образы. Это мы можем увидеть в его повестях «Ася» и «Первая любовь».

Особенность творчества И. С. Тургенева проявляется в обилии и многообразии языковых способов, призванных обозначать и выражать эмоции. Уникальность эмоций обнаруживается прежде всего в соответствующей лексике. А в лексическом множестве, участвующем в обозначении эмоций, обнаруживаются слова различной

частеречной принадлежности, например: существительные, глаголы, прилагательные, наречия, междометия и др.

Все выделяемые знаменательные морфологические классы слов имеют категориально-эмотивную лексику. Именно на примере эмотивной лексики есть возможность представления одной семантемы разными частями речи: радоваться, радость, рад. Наибольшую роль в передаче эмоций играют глаголы (35,2%), затем существительные (30,4%) и прилагательные (24,1%). 90% эмотивной лексики составляют эти три класса слов [Бабенко 1988: 155].

Субстантивная эмотивная лексика в большинстве своем относится к лексико-грамматическому разряду отвлеченных существительных. Среди субстантивной эмотивной лексики различают мотивированные слова (в основном производные от глагола или имени прилагательного с суффиксами *-ость*, *-ство*, *-ение*), например: *смелость*, *нежность*, *удивление* и др. и немотивированные слова (*печаль*, *слёзы*). Именно лексику этого рода можно считать чисто знаковыми, предельно отвлеченными номинациями эмоций. В большинстве случаев эмотивные существительные являются мотивированными, которые приобретают компонент отвлеченной предметности благодаря определенным грамматическим формантам (чаще всего с помощью суффикса) и сохраняют исходное лексическое значение мотивирующего слова. Таким образом отглагольная субстантивная эмотивная лексика по преимуществу обозначает эмотивные состояния, отношения и действия, а отадъективная субстантивная эмотивная лексика по преимуществу является отвлеченными номинациями эмоциональных качеств.

Следует подчеркнуть, что в повестях «Ася» и «Первая любовь» И. С. Тургенев для обозначения различных эмоций персонажей прежде всего употребляет субстантивную эмотивную лексику. Во-первых, эти лексические единицы дают отвлеченное обозначение чувств, например:

Моя «страсть» началась с того дня (Тургенев 2018, с. 15).

Я прошел мимо куста, где пел соловей, я остановился и долго слушал: мне казалось, он пел мою любовь и мое счастье (Тургенев 2018, с. 167).

Во-вторых, отглагольная и отадъективная субстантивная эмотивная лексика выражают эмоциональные состояния, отношения, действия и качества персонажей, например:

И лицо ее беспрестанно менялось, играло тоже: оно выражало, почти в одно и то же время, — насмешливость, задумчивость и страстность (Тургенев 2018, с. 155).

Я чуть не вскрикнул от удивления и удовольствия и, кажется, тут же бы отдал всё на свете, чтобы только и меня эти прелестные пальчики хлопнули по лбу (Тургенев 2018, с. 10).

В-третьих, кроме отвлеченной лексики, конкретная субстантивная лексика эмоциональная лексика передаёт внешнее проявление эмоций персонажей (слезы, смех), например:

Я задумывался, грустил и даже плакал; но и сквозь слезы и сквозь грусть... (Тургенев 2018, с. 8).

Я чувствовал, что ее образ, образ «девушки с натянутым смехом» (Тургенев 2018, с. 30).

В-четвёртых, конкретная лексика существительных с помощью суффиксов создаёт новые слова для выражения эмоционального отношения говорящего, например, с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов *-онок-* и др. или с помощью суффиксов субъективной оценки *-к-, -ок-, -очк-, ср.:*

Посредине комнаты лежал, растопыря лапки, полосатый котенок; Зинаида стояла перед ним на коленях и осторожно поднимала ему мордочку (Тургенев 2018, с. 20).

В произведениях «Ася» и «Первая любовь» И. С. Тургенев изображает трагическую любовь смелых и красивых девушек и слабых аристократических интеллектуалом, так образом выражая своё отношение к российскому обществу. Автор использует разные виды субстантивной эмотивной лексики для передачи не только внешнего, но и внутреннего состояния героев, что позволяет сделать эмоциональное содержание художественного текста более ярким, богатым.

Список использованной литературы

Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко – Екатеринбург: Изд-во Уральского унта, 1989. – 130 с.

Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 496 с.

Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика / Л. М. Васильев. – М.: Изд-во Высшая школа, 1990. – 357 с.

Виноградов, В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.

Тургенев, И. С. Ася / И. С. Тургенев. – М.: Изд-во АСТ, 2018. – 320 с.
Тургенев, И. С. Первая любовь / И. С. Тургенев. – М.: Изд-во АСТ, 2018. – 320 с.
Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – 192 с.

SUBSTANTIVE EMOTIVE VOCABULARY IN THE WORDS OF I. S. TURGENEV «ASYA» AND «FIRST LOVE»

Summary. The article is devoted to the study of the substantive emotive vocabulary in the works of I. S. Turgenev "Asya" and "First Love". The main attention is focused on the features of the expression of emotions in the analyzed works of I. S. Turgenev, as well as on the functions of motivated and unmotivated substantive emotive vocabulary in the studied texts.

Keywords: Emotion, substantive emotive vocabulary, motivated vocabulary, unmotivated vocabulary, semanteme.

УДК 372.8:811.511.131(045)

Вахрушева Любовь Васильевна

Россия, г. Ижевск, КНУ УР «Научно-исследовательский институт национального образования»

ДЫШЕТОН УЖЪЕМЫШЪЁСТЫ АЗИНТОНЫН 10–11-ТЙ КЛАСЪЁСЛЫ УДМУРТ КЫЛЪЯ УЧЕБНИКЛЭН ЛУОНЛЫКЪЁСЫЗ

Аннотация. В статье описаны особенности содержания обучения родному удмуртскому языку учащихся 10–11 классов. Рассмотрены возможности современных учебников удмуртского языка, разработанных для учащихся, владеющих родным удмуртским языком, для достижения личностных, метапредметных и предметных результатов образования.

Ключевые слова: предметные и метапредметные результаты обучения, учебник удмуртского языка, коммуникативная компетенция, речевая деятельность на удмуртском языке.

Удмурт кылэз дышетон пыкиське огъя дышетонлэн федерал кун дышетон стандартъёсыз вылэ. Инъетъёзо школаын сямен ик, удмурт кылэз 10–11-тй класъёсын дышетон личностной, метапредметной

но предметной результатъёс вылэ ужа, со понна чакламын дышет-скисьёслэсь коммуникативной, лингвистической, языковой но культуроведческой компетенциоссэс азинтон [Программа 2020].

10–11-тй классъёслы удмурт кылъя дасям учебниклэн пуштросысьтыз котыткуд темая куинь люкетсэ висъяны луэ: 1) тодон-валан сётйсь люкетэз, кудйз юрттэ дышетскисьёслы кыллэсь вераськон сӧзнэтсэ валаны; 2) вераськон ужпӧро люкетэз, кудйз азинтэ кылъя но вераськонъя быгатонлыкъёссэс; 3) эскерись люкетэз, кудйз дышетэ аскеронлы но юрттэ дышетон рефлексия лэсьтыны.

Программаен чаклам удмурт кылтодонъя материал сётэмын азьло ортчезэ огъян вылысь. Со понна ик тырмыт практической ужъёс сётэмын. Учебник дышетйсьлы удмурт кылэз дышетон ужез пӧртэм сямен, дифференцированной дышетонлэсь принципъёссэ лыдэ басьтыса, радъяны луонлык сётэ. Мылкыдзыя дышетскисьёс но быгатозы учебникын сётэм материал пӧлысь ас коязы лэсьтоно ужъёсты быдэстыны.

Пинальёслэсь коммуникативной компетенцизэс азинтон чакла текст бордын котыр ласянь ужез: солэсь пуштроссэ но кылзэ пыр-поч эскерон, ас кылын веран, пӧртэм текстъёсты кылдытон, гожтэм но верам текстэз умятон.

Вераськон но лыдзиськон быгатонлыкъёсты тужгес но азинто текстъёслэсь темазэс, валтйсь малпанзэс, йыръянъёссэс эскерон, текстэз абзацьёслы но смысловой люкетъёслы люкылон, солы план лэсьтон. Текстэз пыр-поч валаны юртто предложениослэсь но смысловой люкетъёслэсь герзаськон амалъёссэс сэрттон-пертчон, пӧртэм кыл единицаослэсь текстын кулэлыксэс эскерон. Текстлэсь пуштроссэ эскерон но солэн кылыныз ужан дышетскисьёслэсь коммуникативной компетенцизэс но информационно-аналитической быгатонлыкъёссэс пӧлэстыса азинтэ. Дышетскисьёслэсь познавательной но коммуникативной универсал дышетон действиоссэс тужгес но азинто текст бордын таӵе ужан амалъёс:

– текстлы план лэсьтон, кудйз юрттэ текстлэсь пуштроссэ пыр-поч эскерыны но валаны;

– текстъя схема лэсьтон, кудйз текстлэсь пуштроссэ, азинскемзэ возъматон понна кутйськыны багатоз;

– текстлэн пуштросэзъя таблица кылдытон, кудйз информацияз сӧзнэтаны но огъяны юрттэ;

– комментирование амалэн герзаськем эскерон ужъёс, кудъёсыз текстэз пыр-поч валаны юртто.

Метапредметной ужьемышгъёсты азинтыны юрттозы сётэм темая малпам юангъёсыя тодон-валангъёссэс эскерон, лэсьтэм планъя текстэз учкытэк веран, сётэм темая шараверан яке сочинение гожтон, текстэз кылдытыку пöртэм источникъёсын (учебникен, Интернетэн но мукет) ужан.

Лыдзиськон но кылзиськон удысьёсын метапредметной результатёс пöлысь бадзым инты басьто валаса но шугъяськытэк жог лыдзиськыны, учебникын сётэм текстъёсысь валтись но ватсам информацияез висъяны, схемаосын валаса ужаны быгатонлыкъёс. Озыы ик татчы пыро дышетисьлэсь но эшгъёсылэсь верамзэс валаса кылзыны, верамлэсь валтись информациязэ валаны, асьсэлэсь но эшгъёсылэсь вераськон кылысьтызы янгышгъёссэс чакланы но соосты валаны быгатонлыкъёс. 10–11-тй классъёсын азинтисько лыдзиськонлэсь пöртэм амалгъёссэ быгатыса уже кутон быгатонлыкъёссы.

Дышетскисьёслэсь коммуникативной компетенцизэс азинтонын бадзым инты басьто текстлэн пуштросэныз ужан. Тагъе ужгъёс пöлы пыро шара вераса яке гожтыса текстлэсь пуштросэ вакчияк яке пыр-поч веран, солэсь структуразэ но кылызъя аспöртэмлыкъёссэ чакласа, текстъя конспект дасян. Дышетонлэсь пайдазэ будэто, проблематиказэ лыдэ басьтыса, сётэм текстэз азинтон ужгъёс. Кылзэ дышетоннын котьку сямен пöртэм стильем но типьем текст кылдытонъя, гожтэм но верам текстэз умятон ужгъёс кулэ луо.

10–11-тй классъёсын тужгес но пайдалыкоесь дышетскисьёслэсь социальной компетентностенызы герзаськем быгатонлыкъёссэс азинтись ужгъёс, кудгъёсыз дышето мукет адямиосын вераськыку, соослэсь малпангъёссэс лыдэ басьтыны, верамез сак кылзыны но вачевераськонэ быгатыса пыриськыны, оггъезгъёсынызы чöш ужаны, пöртэм адямиосын азинлыко вачеуж радъяны. Верам быгатонлыкъёсты азинтыны юртто тагъе ужан амалгъёс: дышетонгъя вачеужез радъян (солэсь мугзэ пуктон, вачеуже пыриськисьёслэсь функциоссэс валан но быдэстон, вачеужлэсь амалгъёссэс быргён), юан пуктон (азинлыко вачеужын кулэ ивортодэтэз утчан, эскерон но радъян); вачеужась эшлэсь ужзэ эскерон, сое кулэзгъя тупатон, дунъян; ас малпанзэ, вераськон югдурез чакласа, шонер но тырмыт веран; огенверан но вачеверан кабо вераськонэ пыриськыны, удмурт кыллэн нормаосыз вылэ пыкиськыса, вераськон кусыпгъёсын туалала амалгъёсты но тйрлыкъёсты уже кутыса.

«Текст», «текстлэн функционально-смысловой типёсыз», «текстлэн стильёсыз» 10-тй классын удмурт кылэз дышетоннын валтйсь валантьёс пöлын луо. Удмурт кылъя урокёсын текстэз эскерыку, та валантьёслы бадзым саклык висъяське, дышетон материалэз радызъя огъян понна. Текстэн пыр-поч котыр ласянь ужан дася дышетскисьёсты кыллэсь сöзнэтсэ 11-тй классын текст пыр учкыны.

Удмурт кылэз 11-тй классын дышетонлэн шорсюлмыз текст но кыллэн сöзнэтэз луэ. Текст но кыл бордын ужан азинтэ дышетскисьёслэсь языковой, лингвистической, коммуникативной, культуроведческой компетенциоссэс. Пусйыны кулэ, 10-тй но 11-тй классёсын удмурт кылэз дышетонэз усътэ но йылпумъя но «Удмурт кыл сярысь» раздел.

11-тй классын удмурт кылъя урокёсын валтйсь юантьёс герзаськемын кыллэн сöзнэтэныз, солэн люкетёсыныз, единицаосыныз, текстын ужаменыз. 10-тй классын огъям тодон-валантьёсны но быгатонлыктьёссы вылэ пыкиськыса, дышетскисьёс пöртэм кыл единицаослэсь аспöртэмлыктьёссэс, соослэсь текстёсын ужамзэс эскеро. 11-тй классын кылэз эскерись разделтьёс юн герзаськемын кыл единицаослэн пöртэм стильем но типьем текстёсын, вераськон югдуртьёсын кутйськеменызы. 10-тй классын сямен ик, дышетскисьёслы дэмлаське текстёсты кылысь кылэ берыктон бордын ужан, кудйз юрттэ пинальёслы кылъёслэсь аспöртэмлыктьёссэс шöдыны.

Удмурт кылэз дышетонъя программаын бадзым саклык висъяське кыллэн но лулчеберетлэн герзаськемызы [Программа 2020]. Культуроведческой компетенциез азинтон тужгес но кулэ луэ туал улонлэсь аспöртэмлыктьёссэ, глобальной компетенциосты кылдытон ужпумъёсты лыдэ басьтыса [Коваль 2019]. Учебникысь пöртэм разделтьёсысь текстёс но соос бордын ужан пыр, нимысьтыз «Кыл но лулчеберет» разделысь дышетон материал пыр пинальёс удмурт но мукет калыкъёслэн лулчеберетэнызы герзаськем текстёсты, удмурт фольклорысь но чеберлыко литератураысь йöслыко лулчеберет тодметъёсын кылъёсты но кылтэчетъёсты эскерыны быгатозы.

Туала дышетоннын пайдалыко луо внеурочной ужъёс. Удмурт кылэз дышетон азе пуктэм ужпумъёсты быдэстыны юрттозы семинарьёс, конференциос, дискуссиос [Байтерякова 2020]. Нимысьтыз пусйыны луоз проект ужъёсты, кудъёсыз удмурт кылэз дышетонлэсь

пайдалыксэ будэтыны туалы улонлэсь ужпумъёссэ сэрттон-пертчон пыр паськыт луонлыкъёс сётэ. Арлыдзэс но тунсыкъяськонъёссэс лыдэ басьтыса быръем дышетон амалъёс юрттозы дышетскисьёслы ас аязы ужпумъёс пуктыны, соосты быдэстон радэз чакланы, творческой быгатонлыкъёссэс азинтыны, ас понназы ужаны быгатонзэс юнматыны, быдэстэм ужзэс эскерыны но шонер дунъяны.

Озыен, 10–11-тй классъёслы дасям удмурт кылъя учебник дышетон ужъемышъёсты азинтонын сэтэ пöртэм луонлыкъёс, кудъёсыз ужпöро амалъёсты кутонэн, удмурт кыллэн туалы улоньсь интызэ валанэн, сое гажан но утён мылкыд пычатон ужпумъёсын тужгес но герзаськемын.

Список использованной литературы

Байтерякова, Ю. Т., Вахрушева Л. В., Ураськина Н. И., Чернова С. Н. Удмурт кыл. 10–11 классъёс: Методикая пособие. – Ижевск: Удмуртия, 2020. – 96 бам.

Программа – Примерная образовательная программа учебного предмета «Родной (удмуртский) язык» для 10–11 классов среднего общего образования (базовый уровень) / Разработчики: Л. В. Вахрушева, Н. И. Ураськина. URL: <https://fgosreestr.ru/wp-content/uploads/2020/09/ПОП-Родной-удмуртский-язык-10-11.pdf> (дата обращения: 12.02.2021).

Коваль, Т. В., Дюкова, С. Е. Глобальные компетенции – новый компонент функциональной грамотности // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2019. – Т. 1. – № 4 (61). С. 112 –123.

THE POSSIBILITIES OF THE UDMURT LANGUAGE TEXTBOOK FOR GRADES 10–11 IN ACHIEVING EDUCATIONAL RESULTS

Summary. The article deals with the description of the features of the content of teaching the native Udmurt language to students in grades 10–11. For achieving personal, metasubject and subject results of education the possibilities of modern textbooks of the Udmurt language are presented here. These textbooks are developed to improve speaking habits of Udmurt students in their native language.

Keywords: subject and metasubject learning results, textbook of the Udmurt language, communicative competence, speech activity in the Udmurt language.

Веретенникова Валентина Евгеньевна
Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИТЕРАТИВНОСТИ В УДМУРТСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В данной статье описывается сопоставление грамматических и лексических способов выражения множественности действия глагола в удмуртском и английском языках, используя принципы функциональной грамматики.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле, итеративность, уровень языка.

Современная лингвистика рассматривает итеративность как функционально-семантическое поле (ФСП), которое представляет собой иерархическую структуру, объединяющую элементы разных уровней языка.

А. В. Бондарко в работе «Теория морфологических категорий» дает следующее определение ФСП: «Функционально-семантические поля – это языковые группировки, которым присущи следующие черты: 1) наличие у языковых средств, входящих в данную группировку, общих инвариантных семантических функций; 2) взаимодействие не только однородных, но и разнородных элементов – грамматических и лексических; 3) структура, в которой определяющую роль играют следующие признаки: а) членение «центр (ядро) – периферия»; б) постепенные переходы между компонентами данной группировки и разными группировками, частичные пересечения, общие сегменты» [Бондарко 1976: 204].

Также, А. В. Бондарко подчеркивает, что поле имеет двусторонний характер, где есть план содержания и план выражения. К плану содержания относятся значения этих языковых средств – грамматические, лексические, лексико-грамматические значения. [Бондарко 1976: 41]. К плану выражения относится формально-структурная сторона всех разнородных языковых средств, которые являются элементами данного поля. Общность семантических функций означает принадлежность семантических элементов, выраженных различными языковыми средствами, к определенной

семантической зоне. Понятие ФСП относится к системе языка. Именно в этой системе выделяются группировки разнородных языковых средств, объединенных функциональной общностью.

ФСП итеративности действия представляет собой систему, в которой все средства объединены общностью функций и выражают значения многократности действия.

Рассмотрим некоторые уровни ФСП итеративности действия в удмуртском и английском языках. **Грамматические средства.** В английском языке под грамматическими средствами подразумеваются средства, выражающие множественность глагольного действия, особенно в прошлом, с помощью конструкций «used to + Infinitive» и «would + Infinitive». *Don't you remember how we used to talk about travelling all over the world together?* 'Помнишь, как мы с тобой мечтали, что вместе объедем весь свет?' (Maugham, с. 93). *She used to play cricket at school* 'В школе она играла в крикет'. *I was perfectly sure to be put down in class next to the girl who first owned my dress, and she would whisper and giggle and point it out to the others* 'Я была совершенно уверена, что в классе я окажусь рядом с девочкой, чье платье ношу теперь, и что она будет шептаться, хихикать и показывать на него всем остальным' (Уэбстер, с. 24). Как пишет Борис Александрович Серебренников «Прошедшее многократное в удмуртском языке образуется из форм будущего времени спрягаемого глагола и окаменелой частицы вал». *Петя та кебитэ пичи дыръяз ветлыны яратэ вал, часэн-часэн пукылӱз дурисълэсь, Кимок агайлэсь, ужамзэ учкыса* 'В детстве Петя любил ходить в эту кузницу и часами сидел и смотрел, как работает кузнец, дядя Кимок' (Красильников, с. 366).

Иногда повторность действия глагола может выражаться **лексико-контекстуальными средствами**. В английском языке существует группа глаголов, которая включает в себя глаголы речи, чувственного восприятия, физического действия, направленного на получение чувственного восприятия, физического действия, направленного на объект, изменения положения в пространстве. Эти глаголы выражают многократное значение в актуальном контексте единичного имперфектного действия в сочетании с обстоятельствами *always* 'всегда', *regularly* 'постоянно', *usually* 'обычно', *often* 'часто', *sometimes* 'иногда', *time to time* 'время от времени'. *They drove around all morning, and from time to time they stopped and Jamie*

chatted with prospectors 'Поездка заняла все утро; время от времени Джейми останавливался поговорить со старателями' (Sheldon, с. 58). Также, сюда относятся глаголы движения типа *to walk* 'ходить' в сочетании с движениями направления движения (*up* 'вверх' и *down* 'вниз'). *They saw him walk up and down this street nearly every night with flowers in his hands* 'Они видели, как он почти каждый вечер ходил взад и вперед по улице с цветами в руках'.

В удмуртском языке такие индикаторы многократности, как: *чем, чем дыръя* 'часто', *котьку ик* 'всегда', *трос пол, кӧня пол* 'много раз', 'несколько раз', *дырын-дырын* 'иногда', *ялан* 'всегда' и т.п. – зачастую употребляются при наличии в предложении глаголов с суффиксом многократности. *Эшезлэн такем сюлмаськемезлы тау карыса, Матвеев оло сю пол вералляз: «Ну, Алексей» та жечтэ ноку уг вунэты!»* 'В благодарность за такую заботу, Матвеев чуть ли не сто раз повторил: «Ну, Алексей, век не забуду твою доброту!»' (Красильников, с. 19).

К этой же категории можно отнести счетные комплексы, содержащие количественные числительные или счетное слово, например, *three times, more than once*, или наречия, например *twice*. *Harriet Bigelow screamed twice, then fainted* 'Гарриет Бигелу дважды вскрикнула, потом лишилась чувств' (King, с. 151). В удмуртском языке такими показателями выступают числительные с послелогом: *Кошкыкуз Алексей Петрович Полиньказэ каллен гинэ, вӧсь каремезлэсь кышкаса кадъ зыгыртӱз, куинь пол чупаз но чемоданзэ кияз кутӱз* 'Прощаясь с Поленькой, Алексей Петрович очень бережно обнял ее, словно боялся причинить ей боль, трижды поцеловал и взял в руку чемодан' (Красильников, с. 35).

Кроме этого, в английском языке существует группа глаголов, где количественная семантика выражена **лексическими средствами**. Например, глаголы *haunt* 'часто посещать, бывать'; *practise* 'делать что-либо по привычке, по обыкновению'. В удмуртском языке к этой группе следует отнести глаголы с суффиксами *-а-*, *-я-*: *потаны* 'выходить', *пыраны* 'заходить', *кӧланы* 'ночевать неоднократно'.

Также для выражения повторности используются **аффиксальные лексические средства**. В английском языке таковыми является группа глаголов-дериватов на *-er*, *-le*: *stutter* 'запинаться', *pat-ter* 'постукивать', *chatter* 'болтать', *cackle* 'кудахтать', *babble* 'бормо-

тать' [Есперсен 1958: 199]. В удмуртском языке такие средствами представляют суффиксы *-ыл-* (в глаголах I спряжения) и *-ля-* (в глаголах II спряжения) [Серебренников 1960: 135–137]. Данные суффиксы указывают на многократное действие глагола в прошлом, а также многократное действие происходящее постоянно. Например: *Ӧр шор вадьсытй кошкись ву ворпо-ворпо пытты кель-тылэ* 'Вода на гребне волны оставляет разноцветные переливы' (Коновалов, с. 232).

При сопоставлении удмуртского и английского языка были выявлены некоторые средства выражения итеративности, которые присутствуют в обоих языках: грамматические, лексико-контекстуальные, лексические, аффиксальные лексические.

Список использованной литературы

Бондарко, А. В. Теория морфологических категорий / А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1976 – 255 с.

Есперсен, О. Философия грамматики. – М., 1958.

Серебренников, Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. – М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Коновалов, М. А. Гаян: Романъёс но веросьёс / Азькылэз Ф. К. Ермаковлэн. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 384 с.

Красильников, Г. Д. Арлэн кутсконэз – Ижевск: Удмуртия, 1965.

Уэбстер Дж. Длинноногий дядюшка: (По Дж. Уэбстер): Кн. для чтения в XI кл. шк. с углубл. изуч. англ. яз./Авт.-сост. И. В. Михеева, К. М. Баранова. – М.: Просвещение, 1999. – 158 с. (24с)

Maugham, W. S. The Razor's Edge. – СПб: КАРО («Classical Literature»), 2012. – 416 с

Sheldon, S. Master of the Game / S. Sheldon — «HarperCollins», 2010.

King, S. Under the Dome / A Division of Simon & Schuster, Inc., 2009 – 256 p.

MEANS OF EXPRESSING ITERATIVITY IN UDMURT AND ENGLISH

Summary. This article describes the comparison of grammatical and lexical ways of expressing the multiplicity of the verb action in the Udmurt and English languages, using the principles of functional grammar.

Keywords: functional-semantic field, iterativity, language level.

Гаврилова Ирина Вячеславовна
*Россия, г. Чебоксары, Чувашский государственный
педагогический университет им. И. Я. Яковлева*

АКТУАЛЬНАЯ ЧУВАШСКАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ г. ЧЕБОКСАРЫ

Аннотация. Чебоксарский региолект, своеобразие которого определяется влиянием чувашского языка на русскую речь, является предметом комплексного изучения. В настоящем исследовании предпринята попытка осуществить анализ лексических явлений, ставших актуальными в последний год в русской речи жителей г. Чебоксары. Материалом исследования послужили региональные средства массовой информации (СМИ), а также различные форумы и беседы в соцсетях. В ходе исследования определены структурно-семантические и функциональные особенности новых чувашских вкраплений в русской речи жителей г. Чебоксары.

Ключевые слова: региолект, чувашизмы, актуальная лексика, коннотация.

Русская разговорная речь жителей города Чебоксары – столицы Чувашской Республики – стала предметом лингвистического описания. Э. Алонс-и-Фонт [Алонс-и-Фонт, 2018], И. Н. Анисимова [Анисимова 2016], Т. Н. Ерина [2015], З. Ф. Мышкин [Мышкин 2013], В. Э. Фомин [2019, 2020, 2021] в своих работах выявили специфические признаки чебоксарского региолекта, которые определяются некоторыми объективными факторами. Как отмечают Т. Н. Ерина и В. Э. Фомин, региональный вариант русского языка города Чебоксары формировался в 70-е годы прошлого века на основе русского литературного языка под влиянием чувашского языка во время массовой урбанизации чувашского населения [Фомин, Ерина 2020: 39]. Исследователям удалось убедительно доказать, что чебоксарский региолект, будучи сложным явлением, сочетающим «литературную и новопросторечную форму русского языка», включает в себя «выразительные некодифицированные лексико-фразеологические единицы, чувашско-русские новообразования, подражания русской речи чувашей» [Ерина 2015: 239].

Именно чувашские вкрапления в русскую речь, чувашско-русские лексические образования придают, как отмечается в ряде исследований, создают своеобразие чебоксарского региолекта.

Изучению чувашских вкраплений в русской речи посвящены работы И. Н. Анисимой [Анисимова 2016], Т. Н. Ериной [Ерина 2019], З. Ф. Мышкина [Мышкин 2013], В. Э. Фомина [Фомин 2019, 2021]. Данное исследование призвано показать, как под влиянием внешних факторов в русской речи жителей города Чебоксары актуализируется чувашская лексика и творчески преобразуется в речевой практике русскоговорящих. В качестве материалов исследования используются тексты региональных СМИ («Советская Чувашия», «Правда ПФО»), а также комментарии пользователей к публикациям электронных СМИ и тексты сообщений форум «На связи» [URL1] чебоксарского городского сайта cheb.ru.

Чаще всего чувашская лексика включается в русскую речь в качестве наименований магазинов, кафе, ресторанов: *Да кафе это, к гадалке не ходи, еще и музычку свою включают, запашок от мангальчика как у матери, **чуваш ташиши, хамар ял, кер сари** и все дела; Этот дядька на видео сидит в кафе "Щалкуц", что под бывшим Загсом находится, на Композиторов Воробьёвых; Какой-то колхозный павильон, без дизайна и изюминки, я очень надеюсь, но слабо в это верю что там все же не будут готовить шашлык, устраивая вонючий дымоган в округе и не будут включать тошнотворную музыку, но зная из своих источников хозяина сего строения, которому принадлежит помимо **Щелкуца**, еще колхозное кафе залив у матери, в это очень слабо верится* (сохранена орфография и пунктуация авторов комментариев) [URL2]. В этих высказываниях используется чувашская лексика: **чуваш ташиши** (букв. *ч'ваш ташиши* – чувашский танец); **хамар ял** (букв. *хам'р ял* – уст. земляк, односельчанин); **Щалкуц/Щелкуц** (букв. – родник) – название кафе; **кёр с'ри** (букв. – осеннее пиво; торговое название пива; наименование дано в честь основного обряда осеннего кормления и благодарственного моления – обращения к верховному богу и усопшим продуктами из нового урожая); в данном комментарии используется в качестве обобщенного наименования пива.

Также «используются чувашские лексемы в эмоциональной речи как призывы (*карамар!* – пойдём!), междометия (*ах тур-тур!* – господи!, батюшки!), ругательства (*сысна* – свинья, негодяй; *ухмах* – дурак) [Анисимова 2016: 10].

В последнее время в текстах местных СМИ, а также в русской разговорной речи жителей Чувашии актуализируется чувашская лексема *пёрле* – «вместе». Это слово появилось в качестве наименования общественного движения в Чувашской Республике весной 2020 года. В региональных СМИ, в официальных сообщениях эта лексема употребляется в качестве понятия, выражающего объединение усилий всех жителей для решения проблем общественной и экономической жизни Чувашской Республики: В Чувашии для преодоления последствий пандемии коронавируса создан фонд развития «*Пёрле*» под председательством Олега Николаева; Председатель Общественного совета при Главе Чувашской Республики, заместитель гендиректора по взаимодействию с органами государственной власти АО «ЭЛАРА» Наталия Партасова рассказала, что Фонд развития Чувашии «*Перле*» готовится запустить в республике новую акцию – «Спасибо вам, родные доктора!» [URL3]; Сохраним историю Чувашии вместе / *Перле* [URL4] (об акции по сбору государственным архивом Чувашской Республики исторических материалов, находящихся в частных коллекциях); В Чувашии важным музыкальным событием уходящего года станет фестиваль «В семье единой «Вместе-*Перле!*» [URL5]. Под лозунгом «*Перле*» прошла предвыборная кампания главы Чувашской Республики.

В русской речи жителей Чувашской Республики в неофициальном общении наблюдается творческое переосмысление чувашской лексемы «перле». В ряде высказываний, зафиксированных в письменной форме в жанре комментариев к публикациям в СМИ или в обсуждении «На-связи», обнаруживается трансформация лексического значения лексемы. Теперь этим словом называется глава Чувашской Республики или представители государственной власти, например: *Слабоватый наш перле, журналист спрашивает бабушку, а за что вы выбрали Николаева главой региона, бабушка отвечает, потому что он наш, чуваш. Вот так и живем* [Опубликовано 02.02.2021 - 21:46 пользователем Гость (не проверено)]; *Являясь депутатами СР Госдумы, господа перле, не могли не знать, о том, что это за проект. Какие новости мне прикажете послушать? Что в Чувашии средняя зарплата 31 тыс.? Что у нас регион комфортного проживания? Или иные перлы от Перле? Нет уж – если ты такой весь из себя ПЕРЛЕ, то садись на троллейбус и дуй на работу, как все!* [URL6].

Эта лексема включается в ассоциативный ряд со словами русского языка, когда комментаторы участвует в обсуждении событий общественной и политической жизни республики и, используя разнообразные приемы языковой игры, осмысливают актуальные явления, дают им оценку. Так, в обнаруженных нами примерах контаминируется чувашская лексема *перле* и русский просторечный глагол «переть» со значением «красть»; **пёрли-пёрли, пёрли-пёрли, пёрли-пёрли...** пока всё не поспирали; **ВМЕСТЕ СПЁРЛИ** ... голоса!... Нарочно не придумаешь! Молодец **сПерле**. Организовал десятки Советов, центров, штабов. Пристроил на работу всех своих знакомых и родственников [URL7].

В следующем комментарии актуализируется значение «говорить попусту, не подкреплять слова делом» за счет сопоставления лексемы *перле* и грубого просторечного слова *трепло* в значении «болтливый, лживый, хвастливый человек»: *Пока Чувашия Перле-Трепле...*

Оценивая предложения по реконструкции дома правительства на площади Республики в Чебоксарах, комментаторы используют окказиональные образования, построенные по типу контаминации *перле* и *переделка*, *перле* и *пересадить*: *Проектировщики думали не только над перледелкой самого здания; Для восстановления исторического визуального единства пространства архитектурного ансамбля предлагается убрать (перлесадить) ели за памятником.*

Трансформируются устойчивые словосочетания русского языка и прецедентные выражения, в состав которых включается чувашская лексема. Так, в следующем комментарии пользователя обыгрывается цитата из фильма «Брат-2»: *В чем сила брат, вот и брат говорит в ПЕРЛЕ, а я считаю-сила в правде* [URL8]. В исходной фразе *правде* противопоставлены *деньги*. Таким образом комментатор, переосмыслив выражение из фильма, реагирует на сообщение о программе «Перле», в соответствии с которой Чувашию собираются вывести из отстающих регионов России, выражая сомнение в действенности программы.

Еще более эмоциональная оценка происходящего содержится в трансформированных выражениях, явившихся реакцией на опубликованные декларации о доходах членов правительства республики: *А мы здесь, по уши в Перле; Дружба – дружбой, а деньги – не перле* [URL9].

Таким образом, лексема «перле», представленная в политическом дискурсе, призвана актуализировать идею единства общества. Однако это лексема, употребленная в неофициальном общении, расширяет свою семантику, приобретает дополнительные коннотации, как правило, отрицательные.

Список использованной литературы

Алос-и-Фонт, Э. О региолекте Чебоксар (на основе просьб об остановках в маршрутных такси / Э. Алос-и-Фонт // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2018. – № 1. – С. 10–18.

Анисимова, И. Н. Некоторые лексические особенности функционирования русского языка в Чувашии / И. Н. Анисимова // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы. – Казань, 2016. – С. 9–11.

Ерина, Т. Н. Чебоксарский региолект русского языка: лингвистические наблюдения / Т. Н. Ерина // Вестник ЧГУ. – 2015. – № 4. – С. 239–242. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/cheboksarskiy-regiolekt-russkogo-yazyka-lingvisticheskie-nablyudeniya> (дата обращения: 25.05.2021).

Мышкин, З. Ф. Чувашизмы в речи жителей г. Чебоксары / З. Ф. Мышкин // Культура и искусство: традиции и современность. – Чебоксары, 2013. – С. 150–153.

Фомин, Э. В. Маркеры чебоксарского региолекта русского языка / Э. В. Фомин, Т. Н. Ерина // Ашмаринские чтения. – Чебоксары, 2019. – С. 59–61.

Фомин, Э. В. О словаре чебоксарского региолекта русского языка / Э. В. Фомин, Т. Н. Ерина // Этническая культура. – 2020. – № 4 (5). – С. 39–42. – ISSN 2713-1688. doi:10.31483/r-97326 (дата обращения: 25.05.2021).

Фомин, Э. В. Чебоксарский региолект русского языка: новое просторечие / Э. В. Фомин, Т. Н. Ерина // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, № 1. – С. 26–29. – ISSN 2713-1688. doi:10.31483/r-97793 (дата обращения: 25.05.2021).

URL1:<https://forum.na-svyazi.ru/>

URL2:<https://forum.na-svyazi.ru/?showtopic=2984895&st=15>

URL3:<http://www.cap.ru/news/2020/12/02/fond-razvitiya-chuvashii-per-le-okazivaet-podderzhk>

URL4:<https://afisha.yandex.ru/cheboksary/other/sokhranim-istoriiu-chuvashii-vmeste-perle>

URL5:<https://pg21.ru/afisha/68806>

URL6:https://forum.na-svyazi.ru/?showtopic=2982676&view=getlastpost#last_post

URL7:<https://forum.na-svyazi.ru/?showtopic=2941698&st=45>

URL8:<https://forum.na-svyazi.ru/?showtopic=2991412&st=15&p=19406053#entry19406053>

ACTUAL CHUVASH VOCABULARY IN RUSSIAN SPEECH OF THE RESIDENTS OF CHEBOKSARY

Summary. The Cheboksary regiolect, the originality of which is determined by the influence of the Chuvash language on Russian speech, is the subject of a comprehensive study. In this study, an attempt is made to analyze the lexical phenomena that have become relevant in the last year in the Russian speech of the residents of Cheboksary. The research material was the regional mass media (mass media), as well as various forums and conversations in social networks. In the course of the study, the structural, semantic and functional features of the new Chuvash inclusions in the Russian speech of the residents of Cheboksary were determined.

Keywords: regiolect, Chuvashisms, actual vocabulary, connotation.

УДК 811.511.151

Глухова Наталья Николаевна
*Россия, г. Йошкар-Ола, Поволжский
государственный технологический университет*

СИСТЕМНОСТЬ СТИЛЯ МАРИЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Аннотация. Цель исследования – показать системность отдельного функционального стиля марийского языка – стиля марийского фольклора. Научная новизна и теоретическая значимость заключаются в выдвижении научной идеи о системном характере стилистических приемов и средств фольклорного стиля в марийском языкознании. В результате показаны системные характеристики выделяемого стиля: его базовые закономерности и стилистические маркеры.

Ключевые слова: марийский фольклор, система, стиль, выразительные и образные средства, маркеры стиля.

Статья посвящена описанию системности марийского фольклорного стиля. Выводы основаны на многостороннем системно-функциональном анализе сказок, заговоров, молитв, легенд, поговорок и пословиц, песен, загадок из опубликованных сборников

[Грачева 2001; Евсеев 1994; Песни горных мари 2005; Марий калык ойпого 1991; Марий калык ойпого 2004; Марий кумалтыш мут 1991; Марийские пословицы 1960; Петров 1993; Эрвел марий муро-влак 1994]. Рассматривались стилистические средства фонологического, морфологического, синтаксического и лексического уровней.

Системность представляет собой многоаспектное явление, проявляющееся в виде системного подхода, системного анализа и системной теории. В одном из своих смыслов системность отождествляется с объективным, независимым от человека свойством действительности. Составляющие системности реализуют специфические функции [Сурмин 2003: 7–9].

Рассмотрение существующей литературы по проблеме свидетельствует об отсутствии работ, в которых объектом исследования является лингвостилистический аспект фольклорных текстов, проанализированный с учетом принципа системности [Иванов 1975: 65–75; Иванов 1980; Иванова 2005; Китиков 1989; Лебедева 1995; Пенькова 2006; Сабитов 1986; Сидорова 2006]. Однако исследование лингвистических и стилистических характеристик фольклорных жанров может составить всестороннее представление о языке и стиле устного народного творчества [Глухова 2002: 63–71; Глухова 2015: 141–150], основные черты которого легли в основу авторских литературных произведений конца XIX начале XX веков, что является несомненным аспектом актуальности.

Теоретической основой исследования послужили выводы и результаты работ отечественных и зарубежных ученых по общей теории систем и системного анализа, теории текста, теории коммуникации, прагмалингвистике и лингвостилистике, полученные на материале различных языков, их функциональных стилей [Арнольд 2010; Crystal 2016; Enkvist 1973; Leech 1995; Yule 2000].

Изучение объектов как структур и систем начало формироваться достаточно давно, но только во второй четверти XX в. теория систем получила повсеместное распространение и признание. На современном этапе развития науки каждая отрасль лингвистики уточняет общее понятие системы применительно к своим задачам. Выделяются понятия, характеризующие строение и функционирование систем. В большинстве случаев в определение системы

включают и уточняют понятия элемента и связи [Сурмин 2003: 76–98]. Система характеризуется определенными понятиями, категориями и признаками. К ним отнесены: *элемент, подсистема, структура, связь, цель, состояние, равновесие, развитие, поведение, устойчивость*.

В статье под системой понимается объединение взаимосвязанных и расположенных в соответствующем порядке элементов или частей какого-то целостного образования. Тексты рассмотренных фольклорных жанров рассматриваются в том виде, как они зафиксированы в источниках. В связи с этим понятия равновесия, развития, устойчивости, состояния и поведения системы не учитываются. Отдельное стилистическое средство каждого структурного уровня считается элементом системы стиля. К ним отнесены выразительные средства и образные приемы фонологического, морфологического, словообразовательного, синтаксического и лексического уровней, обобщенные термином «маркеры стиля». Сочетание стилистических средств одного уровня текстов составляет подсистему образных и выразительных средств каждого жанра. Совокупности подсистем стилистических приемов рассматриваемых уровней складываются в микросистему стилистических средств жанра. В свою очередь, микросистемы средств жанров составляют систему стилистических маркеров, что и свидетельствует о системности марийского фольклорного стиля. Структура системы отражает самые существенные отношения между элементами и их группами, которые практически не меняются при изменениях в системе, обеспечивая ее существование. Структура часто представляется в виде иерархии, которая определяет упорядоченность компонентов по степени важности. Возникновение и сохранение структуры и целостных свойств системы обеспечивает связь элементов. Рассмотрение фольклорных текстов выявило связность и упорядоченность элементов всех подсистем. Данные характеристики системности наиболее очевидно проявляются при рассмотрении фонологических стилистических приемов (рифмы и ритма), которые зависят от синтаксического уровня (модели словосочетаний и предложений). Более сложный вид связи устанавливается между фонологическим, морфологическим, синтаксическим и лек-

сическим уровнями текстов при помощи повторов. В стилистике они условно относятся к синтаксическим или лексико-синтаксическим средствам. Благодаря описанным характеристикам, создается структурная упорядоченность и иерархичность системы, так как микросистема маркеров стиля жанра складывается из подсистем разных, зависимых друг от друга, уровней.

К наиболее распространенным примерам маркеров стиля на фонологическом уровне отнесены смежные комбинированные типы аллитерации и ассонанса. Наблюдается закономерность повторяемости одних и тех же согласных фонем в начале, в середине и конце слов; многократность повтора ударных гласных как внутри фраз, так и при их завершении. В текстах распространены так называемые приблизительные типы рифмы: конечная (грамматическая, или морфологическая) и корневая рифма. Менее частотны аллитерационные и ассонансные типы рифмы. Системность стиля на фонологическом уровне проявляется в том, что фонологические маркеры не встречаются отдельно. С одной стороны, они оформляют образные сравнения, гиперболы, метафоры, эпитеты, с другой, – основаны на составляющих синтаксического уровня. В дополнение к описанным приемам прибавляется еще ономотопея, используемая с различными целями в зависимости от прагматической установки текста.

На морфологическом уровне можно отметить стилистический потенциал использования множественного числа имени существительного, категории притяжательности, времени и склонения глагола, неопределенной формы глагола с суффиксом *-аш* и причастия будущего времени с суффиксом *-шаш*, а также подражательных слов и применение числительных.

Выразительные средства синтаксического уровня фольклорных текстов многообразны. Их появление связано с изменениями основной модели словосочетания и/или предложения. Она может быть расширена, редуцирована или изменена в порядке следования компонентов [Мороховский, Воробьёва, Лихошёрст, Тимошенко 1991: 137–162; Солганик 1991: 14–28]. Проанализированный материал показал, стилистические средства на синтаксическом уровне основаны на всех трёх приёмах, определенных для ряда

других языков. Наиболее типичный способ создания выразительности – это удлинение базовой схемы предложения. Оно осуществляется с помощью различных типов синтаксических повторов и перечисления, а также дополнением группы главных членов предложения новыми элементами. В подсистему приемов синтаксического уровня в рассмотренном материале входят разнообразные маркеры стиля. Выделяют несколько видов параллелизма, типов повтора, антитезу, хиазм, рамочную конструкцию. Для оформления перечисления тех или иных фактов, действий, просьб, ведущих к приему градации, нередко используется полисиндетон или асиндетон, помогающих создать особую экспрессивность текста.

Второй способ создания маркеров стиля синтаксического уровня представлен примерами использования номинативных предложений. Пропуск логически необходимых элементов проявляется и в широком применении односоставных предложений: инфинитивных, неполных, эллиптических, безличных.

Третий вариант появления синтаксических маркеров стиля – изменение порядка компонентов исходной модели – наблюдается при эмфатической инверсии сказуемого, дополнения, обстоятельственных слов. В рассмотренных текстах частотна как постпозиция определения по отношению к определяемому, так и препозиция сказуемого перед подлежащим.

На лексическом уровне доминирующими маркерами стиля среди образных приемов являются типы предметных и ситуативных сравнений; виды метафоры; перифраз; группы эпитетов одноэлементной или многоэлементной структуры. Наравне со сравнениями и эпитетами распространены различные виды гипербол. На периферии стилистических средств обнаруживаются случаи метонимии, антитезы и литоты.

Во всех проанализированных жанрах в количественном отношении преобладающими маркерами стиля выделены выразительные средства. Системность и структурная иерархичность фольклорного стиля достигаются за счет гибкого сочетания очень распространенных средств с приемами средней встречаемости и дополняемого набором малораспространенных маркеров.

Присутствие в проанализированных текстах разнообразного количества стилистических средств в их многовариантном сочетании свидетельствует о наличии самостоятельного функционального стиля марийского фольклора. Данный стиль наряду с высокой художественностью и глубокой поэтичностью характеризуется внутритекстовой и межжанровой системностью.

Список использованной литературы

Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 384 с.

Глухова, Н. Н. Система стилистических средств марийского фольклора // Коми-зырянская культура XX века и финно-угорский мир. – Сыктывкар, 2002. – С. 63–71.

Глухова, Н. Н. Фольклорный стиль марийского языка // Язык и социум. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2015. – С. 141–150.

Грачева, Ф. Т. Горномарийские пословицы, поговорки, загадки, приметы / Ф. Т. Грачева. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2001. – 236 с.

Евсеев, Т. Е. Калык ойпого: Тошто годсо марий ойлымаш, йомак, ончык лийшаш пале, омо кусарыме, туньктен каласыме, воштылтыш, тушто, кумалтыш мут да шүведыме ю-влак / Т. Е. Евсеев. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1994. – 208 с.

Иванов, И. Г. О языке одного из жанров марийского фольклора // Вопросы марийского языка. – Йошкар-Ола, 1975. – С. 65–75.

Иванов, И. С. Марий калык лирика / И. С. Иванов. – Йошкар-Ола: Книгам лукшо Марий издательство, 1980. – 94 с.

Иванова, Э. Ю. Марийские устные рассказы: типология и поэтика: Автореферат... канд. филол. наук. – Казань, 2005. – 22 с.

Китиков, А. Е. Своеобразие пословиц и поговорок финно-угорских народов Поволжья и Приуралья / А. Е. Китиков. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1989. – 179 с.

Лебедева, Э. Н. Язык марийских пословиц и поговорок: Автореферат... канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 1995. – 16 с.

Марий калык ойпого: Марийский фольклор. Мифы, легенды, предания / Сост. В. А. Акцорин. – Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1991. – 288 с.

Марий калык ойпого: Калыкмут-влак. – Свод марийского фольклора: Пословицы и поговорки / Сост. А. Е. Китиков. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. – 208 с.

Марий кумалтыш мут / Сост. Н. С. Попов – Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1991. – 256 с.

Марийские пословицы, поговорки, загадки / Сост. С. И. Ибатов. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство. – 1960. – 183 с.

Мороховский, А. Н. Стилистика современного английского языка / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст. – Киев: Выща школа, 1991. – 272 с.

Пенькова, М. В. Марийские исторические предания: типология и поэтика: Автореферат... канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 2006. – 22 с.

Песни горных мари. Кырык мары халык мырывлӓ / Свод марийского фольклора / Сост. В. А. Акцорин, К. Г. Юадаров. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. – 512 с.

Петров, В. Н. Марий ю: Тӱрлӧ локтымо, чер, мужо ваштареш шӱведымаш / В. Н. Петров. – Йошкар-Ола: Марий книга савыктыш, 1993. – 160 с.

Сабитов, С. С. Марийские волшебные сказки: Автореферат... канд. филол. наук. – Таллинн, 1986. – 18 с.

Сидорова, М. В. Марийские бытовые сказки: жанровое своеобразие и поэтика: Автореферат... канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 2006. – 18 с.

Солганик, Г. Я. Синтаксическая стилистика (Сложное синтаксическое целое) / Г. Я. Солганик. – М.: Высшая школа, 1991. – 182 с.

Сурмин, Ю. П. Теория систем и системный анализ / Ю. П. Сурмин. – К.: МАУП, 2003. – 368 с.

Эрвел марий муру-влак. Песни восточных мари: Свод марийского фольклора / Сост. Г. Гадиатов. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1994. – 320 с.

Crystal, D. Investigating English Style / D. Crystal, D. Davy. – Ldn.: Routledge, 2016. – 278 p.

Enkvist, N. E. Linguistic Stylistics / N. E. Enkvist. – The Hague, Paris: Mouton. – 1973. – 177 p.

Leech, J. Principles of Pragmatics / J. Leech. – Ldn., NY.: Longman, 1995. – 250 p.

Yule, G. Pragmatics / G. Yule. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 138 p.

A SYSTEMIC CHARACTER OF MARI FOLKLORE STYLE

Summary. The aim of the study is to show a systemic character of a separate Mari language functional style – the style of Mari folklore. The scientific novelty and theoretical significance lie in the promotion of an idea of the systemic nature of expressive means and stylistic devices of folklore style in Mari linguistics. Stylistic markers of all text levels obtained by a complex systemic analysis of Mari folklore genres are classified and shown in the paper.

Keywords: Mari folklore, a system, a style, expressive means and stylistic devices, style markers.

Димитриева Ольга Альбертовна
Россия, г. Чебоксары, Чувашский государственный
педагогический университет им. И. Я. Яковлева

О ВАКХИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПАХ В РОМАНЕ Т. В. УСТИНОВОЙ «ПОРОКИ И ИХ ПОКЛОННИКИ»

Аннотация. В статье излагается как авторский взгляд на ситуацию винопития, так и бытующие стереотипные представления в современном обществе на примере детективного романа Татьяны Устиновой «Пороки и их поклонники».

Ключевые слова: категоризация, концептуализация, индивидуально-авторская интерпретация, национальный менталитет, культура питания, массовая литература.

Вводные замечания. Современная массовая литература представляет собой своего рода «путеводитель по современности» [Тимошкин 2013: 129], в котором представлены известные политические и общественные деятели, селебрити, бытовые реалии и места, а также события и изменения в общественной жизни как страны, так и мира в целом. Произведения массовой литературы помещаются в контекст эпохи, включают современные оценки и ракурсы восприятия текущих событий. «Именно в тривиальной обычности, – пишет М. А. Черняк, – с предельной точностью, зафиксированной в том числе и в массовой литературе, ученые обнаруживают константы “духа времени”» [Черняк 2005: 196].

Современный женский детектив в какой-то мере схож с жанром сказки в том смысле, что отличается неизменяемостью, постоянством черт героя, отсутствием психического и / или нравственного развития, внутренних монологов, тщательной «проработки» / описания внешности.

Так, в ироническом детективе Д. Донцовой образы возникают в процессе повествования без детального описания внешности, с помощью легких штрихов: *Ее [Лику] любовники, превращающиеся затем в мужей, выглядели на удивление одинаково: высокие, стройные, светловолосые мужики. Да и по характеру парни оказывались похожи: в основном спокойные, работающие в различных учебных заведениях и НИИ (Уха из золотой рыбки)* (Донцова 2003).

В романах встречается многочисленная современная разговорная и просторечная лексика, например, из сферы винопития: дериваты слова *алкоголь* (*алкаш, алкашка, алкашня* и т. п.), *алко*- как часть новообразований типа *алконавт, алкокритик* и т. п., также введение медицинских и псевдомедицинских терминов (*генетика* как причина появления *алкоголизма*). Автор вводит современные вакхические стереотипы (от профессиональных *вечно пьяный сантехник* до типического образа жизни – *пивное брюшко*) (подробнее см. [Димитриева 2018]).

При всей общности произведений массовой литературы их отличает оценка событий и воспроизводимой действительности сквозь призму авторского сознания, опыта и мировидения писателя, что в свою очередь обуславливает выбор языковых средств. Нами уже ранее отмечалось, что существует несколько способов введения стереотипов на разных языковых уровнях: 1) использование пословиц и поговорок, расхожих высказываний (прецедентных текстов), афоризмов, предваряющих и / или объясняющих текущие события. Вспомним, например, ситуацию несчастного случая, произошедшего с Мармеладовым в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и реакцию извозчика, сбившего Мармеладова: *Известно, пьяный свечки не поставит*, что по его мнению, объясняет причину случившегося; 2) употребление фразеосхем, апеллирующих к распространенным речениям и эталонам, что дает возможность сравнить схожие ситуации: ср. *Хлебом не корми, а дай... / Журналистов же пивом не пои, а дай написать про кровавое преступление...* (Д. Донцова. Голое платье звезды); 3) введение генерализованных высказываний, представляющих собой либо личный опыт автора, либо расхожее представление о предмете речи. В таких случаях используются кванторные слова *все, всякий, любой*, предикаты, выраженные глаголами в аспектуальной ситуации повторяющегося действия, нелокализованные на линии времени; 4) сравнительных оборотов – эталонных ситуаций: – *Я еще девчушкой была, как ее [Анфису] замуж выдавали. Все за столом как люди пьяные да веселые, а она одна как на похоронах. Бледная, ни кровинки в лице* (Ф. Абрамов. Братья и сестры); 5) словообразовательных средств, например, суффикса *-оид* (*путиноид, либероид* и т. п. (см. [Ребрина 2020]), также отсылающего к некоторому образчику поведения или поступков; 6) лексических средств, представляющих собой обобщенные наименования, которые придают высказываниям характер пресуппозиций: *Тюрьмы и*

лагеря принимают большую часть мужской популяции, лишают их шанса оставить потомство. Деформацию ощущаешь? И к этому добавим **знаменитый русский алкоголизм** (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого) (см. [Димитриева 2020]).

Стереотипы и представления о винопитии в романе Т. В. Устиновой. Романы Т. В. Устиновой М. А. Черняк называет «криминальной мелодрамой» [Черняк 2003: 137], здесь наряду с раскрытием преступления параллельно развивается любовная история. Спецификой романа обусловлен и выбор языковых средств, интерпретирующих бытовые реалии. Рассмотрим следующие примеры, в той или иной степени отражающие авторский взгляд на ситуацию винопития:

(1) *Он [Архипов] думал, зачем открыл дверь. Сидел бы в кресле, пил пиво и смотрел телевизор. Джентльменский набор, предел мечтаний любого мужчины* (Устинова 2003, с. 5);

(2) *Есть Тинто Брасс, работа, деньги – и хватит пока. Ну, любовные историйки время от времени – довольно редко, чтобы не привыкать и не надеяться. Маленькие радости, вроде новой машины или выгодного заказа. Чистопрудный бульвар за окнами, модный романчик на ковре, немецкое пиво в холодильнике, отпуск, смотря по настроению – на теплом море или в приветливой прохладе какой-нибудь старой европейской столицы* (Устинова 2003, с. 186).

В первом примере приводится алгоритм действий, соответствующих понятию «джентельменский набор», включающий следующие компоненты: *сидеть в кресле, пить пиво, смотреть телевизор*, – весь этот набор действий гендерно маркируется как «предел мечтаний любого мужчины». Во втором отрывке описывается стиль жизни главного героя (*собака Тинто Брасс, работа, деньги*), устройство быта (*новая машина, квартира на Чистопрудном бульваре*), его времяпрепровождение (*чтение, отпуск*). Интересно, что в ряд предпочтений Архипова помещается и спиртное – *немецкое пиво*, что в целом соотносится с его рассмотренным выше «джентельменским набором».

Приведем следующие примеры, в которых эксплицируется одна из распространенных установок винопития – иметь основание, причину или повод для употребления спиртного: *Трудно было не знать, когда периодически дядя Гриша, коммунальный слесарь, бывший метростровец, и его жена Сергевна, бывшая ударница пункта утильсырья, занимались воспитанием внуков Кольки и Лехи, в очередной раз водворенных в семью из детского приемника, а потом начинали праздновать что-нибудь, забывая долупить Кольку*

с Лехой, и принимались петь (Устинова 2003, с. 13–14); *Еще она сказала, что на днях ее [Лизавету] пытались скинуть с лестницы, но не скинули, поскольку она исхитрилась позвонить в «нехорошую квартиру», где коммунальный слесарь с супругой как раз праздновали День озеленителя или День работников искусств* (Устинова 2003, с. 105). В данном примере эксплицируется, с одной стороны, способность слесаря употреблять спиртное по любому поводу (*праздновать что-нибудь*), с другой стороны, дается ироническая оценка персонажа, предполагающего причину очередного винопития – *День озеленителя или День работников искусств* – что противоречит указанной ранее профессиональной принадлежности жителей «нехорошей» квартиры (*коммунальный слесарь*).

Оценка в репрезентации ситуации винопития. В романе преобладают перцептивные характеристики в описании объектов питания, причем превалируют сенсорные (тактильные, вкусовые), вводятся эталонные ситуативные сравнения. Приведем примеры: – *Ни сила, ни слабость не могут заключаться в подсвечнике, Лизавета Григорьевна, – сказал Архипов. Мысль о бездне его отпустила, он вновь стал гладким и трезвым, как дверца холодильника* [Устинова 2003, с. 14]; *Темно-синий холодильник «Бош» приветливо осветился, когда Архипов открыл его, и выдал ему еще одну бутылку пива. Бутылка была приятно увесистая и холодная <...> Архипов пожал плечами и налил пива в стакан. До края поднялась снежная плотная вкусная пена* (Устинова 2003, с. 7).

В некоторых случаях приводится утилитарная оценка, процесс винопития оценивается с точки зрения пользы / вреда или воздействия на человека: *Тинто Брасс поднял башку и внимательно посмотрел на хозяина. – Хочешь пива? – спросил хозяин. «Какого еще пива, – возмутился Тинто Брасс, – когда мы должны бегать! После пива ты ляжешь и уснешь, а я что стану делать?!» – Да, – покаялся Владимир Петрович, – лучше потом* (Устинова 2003, с. 107); *Я не пью пива. Я пью из родников души. – Пиво из родников души? – не поверил Архипов. – Да не пиво! – с досадой воскликнула Лизавета. – Энергию! Вы пьете ваше пиво затем, чтобы заряжать, искусственно подстегивать тело и нервы, а мне этого не требуется. Мне хватает энергии из глубин души* (Устинова 2003, с. 6).

В следующем отрывке – *Что это за ерунда? Он, кажется, всерьез верит в то, что беседовал на улице... с привидением. При этом «спально-окраинный» московский двор был вопиюще пуст – никто не шел за пивом, не выгуливал собаку, не целовался с любимой,*

не заводил машину (Устинова 2003, с. 259) – вводится типический образ московского двора, в который входят определенные константы, такие как *идти за пивом, выгуливать собаку, целоваться с любимой, заводить машину*, нарушение стереотипного представления воспринимается героем как аномалия (*вопиюще пуст*).

Интересен ракурс оценивания не со стороны главного героя, как во всех выше приведенных отрывках, а женский взгляд: *Может, любовь какая посторонняя случилась? Ну и что – любовь! Любовь любовью, а Владимир Петрович такая прелесть – и умница, и не пьет особенно, и денежки зарабатывает* (Устинова 2003, с. 197). Налицо три составляющие: характер, отношение к спиртному и получение дохода – то, что является важным, с женской точки зрения.

Выводы. Таким образом, в криминальной мелодраме Т. В. Устиновой «Пороки и их поклонники» приводятся оценки как сенсорные, так и утилитарные с точки зрения главного героя, под углом его восприятия и понимания. Вводимые оценки со стороны редки и оформляются как чужая (чаще прямая) речь.

В романе приводятся гендерно маркированные оценки: с одной стороны, создается идеальный мужской вечер и времяпрепровождение с «джентельменским набором», с другой – образ идеального мужчины, основными компонентами которого являются характер, взаимоотношения со спиртным и материальная обеспеченность.

Основными языковыми средствами передачи стереотипов в романе являются, во-первых, употребление глаголов в аспектуальной ситуации повторяющегося действия, при этом приводится узуальная характеристика субъекта действия; во-вторых, введение лексических единиц с обобщенной семантикой (*джентельменский набор; маленькие радости* и т. п.); в-третьих, соотнесение текущей ситуации и идеального образа, например, с типической моделью московского двора.

Список использованной литературы

Димитриева, О. А. «Поэтика пьянства» в массовой литературе (на примере иронического детектива Дарьи Донцовой) / О. А. Димитриева // Научный диалог. – 2018. – № 11. – С. 22–36. – DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-22-36.

Димитриева, О. А. Особенности репрезентации вакхических стереотипов в произведениях Фёдора Абрамова / О. А. Димитриева // Филологи земли Орловской: истоки и развитие направлений исследований: мат-лы

Всерос. научн. конф. с междуна. участием / под ред. Ж. А. Зубовой. – Орел: ОГУ имени И. С. Тургенева, 2020. – С. 184–189.

Ребрина, Л. Н. Семантико-мотивационные характеристики неолексем вражды: дискурсивное раскрытие внутренней формы слова // Научный диалог. – 2020. – № 8. – С. 141–155.

Тимошкин Д. О. Мифология российской повседневности: социальные стереотипы в современном российском криминальном романе (на примере произведений Дарьи Донцовой) / Д. О. Тимошкин // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2013. – № 1(68). – С. 127–137.

Черняк, М. А. Феномен массовой литературы XX века / М. А. Черняк. – СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 308 с.

Донцова, Д. Уха из золотой рыбки / Д. Донцова. – М.: Эксмо, 2003. – Режим доступа: https://bookz.ru/authors/dar_a-doncova/uha-iz-z_953/1-uha-iz-z_953.html. – Дата обращения: 10.06.2021.

Устинова, Т. В. Пороки и их поклонники: Роман / Т. В. Устинова. – М.: Эксмо, 2003. – 384 с.

ABOUT BACCHANALIAN STEREOTYPES IN T. V. USTINOVA'S NOVEL "VICES AND THEIR FANS"

Summary. The article presents both the author's view on the situation of wine drinking, and the existing stereotypical ideas in modern society on the example of the detective novel by Tatyana Ustinova "Vices and their fans".

Keywords: categorization, conceptualization, individual author's interpretation, national mentality, drinking culture, mass literature.

УДК 811.511.131`37(045)

Душенкова Татьяна Рудольфовна

*Россия, г. Ижевск, Удмуртский институт
истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН*

РУДИМЕНТЫ МИФОЛОГИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ УДМУРТОВ В СЛОЖНЫХ СЛОВАХ МЫЛЫСЬ-КЫДЫСЬ И КЫЛЕМ-МЫЛЕМ

Аннотация. В работе рассматривается семантика сложных слов, в основе которых сохранились рудименты мифологического мышления удмуртского народа. В настоящее время лексемы воспринимаются носителями языка как обыденные. Лингвистический

анализ слов выявляет мировоззренческий пласт, связанный с древними мифологическими представлениями. На протяжении небольшого исторического периода произошла десакрализация отдельных лексем.

Ключевые слова: сложные слова, удмуртский язык, этимологический анализ, мифология.

Изучение сложных слов, их структуры и семантики, является одной из наиболее глубоких областей современной лингвистики, которая затрагивает практически все уровни языка. С позиции когнитивной лингвистики сложные слова являются особыми образованиями в языке. Они относительно независимы от синтаксических структур и восходят к протограмматическим моделям. Сфера словосложения включает совершенно разные структуры: одни представляют собой простейшие, реликтовые схемы, а другие – системно оформленные продуктивные парадигмы.

Парные слова, или сложные слова сочинительного типа, обозначают объект парой наименований, которые сливаются в одно целое и формально соответствуют одному референту (например, *хлеб-соль, гуси-лебеди, банки-склянки*). Подобные образования есть во всех языках. Такие сложные слова отграничивают от подчинительных – субординативных – и атрибутивных моделей. Их описывают как коррелятивные, или координативные [см.: Федорова 2013: 318]. Проблема в описании парных слов заключается в том, что они не всегда фиксируются в словарях, т.к. распространены в ограниченных сферах народно-поэтической и детской речи и отчасти в эмоциональной разговорной речи. Более того, они находятся в промежуточном положении между лексическими, фразеологическими и синтаксическими образованиями. Имеются работы по отдельным языкам: в русском [Минлос 2004; Мехеда 2009], в финно-угорских [Шибасова 2006], хантыйском [Шиянова 2011; 2015], самодийском [Сорокина 2013], так и в обобщающей работе [Вэлхли 2003]. То что, перед нами древние формы слов, не вызывает никаких сомнений. Аналогично тому, как и в других языках, подобное явление встречается довольно часто, что подтверждают и проведенные исследования, которые были упомянуты выше.

С другой стороны, важно подчеркнуть, что именно в таких формах парных слов (*мыльсь-кыдысь, кылем-мылем, арам-сюрам* и т.п.) сохраняются некоторые мифологические представления народа, о которых сегодняшней носитель языка и не подозревает.

Более того, такие слова относятся к разным частям речи: собирательные существительные, прилагательные, причастия, глаголы, наречия или изобразительные слова и т.п. [см.: Корнилов 1984; Шибанов 2013].

1. Мылысь-кыдысь. В слове *мылысь-кыдысь* выражено понятие настроения: то, что делается с душой, с хорошим настроением, всегда отличается положительным отношением, позитивом. Сама лексема является наречием, которое образовано от существительного исходного падежа *мылкыд*. В удмуртском языке *мылкыд*² имеет несколько значений: '1. настроение 2. воля, желание; усердие 3. эмоция; чувство 4. характер, нрав 5. диал. мысль, мнение' [УРС 2008: 449]. По своему происхождению слово является сложным существительным, образованным от слияния двух корней – *мыл+кыд*. Как правило, один из компонентов подобных структур, утрачивает свою семантику, и лишь поддерживает первый компонент. Проведем этимологический анализ компонентов сложного слова.

Мыл: *мылкыд* 'настроение, самочувствие, желание, усердие', коми *мывкыд* 'ум, разум, рассудок, толк, благоразумие'; сложное слово *мыл+кыд*. Первый компонент обычно связывают с э.-морд. *мель* 'желание, стремление; смысл, значение', м.-морд. *мяль* 'тж.' словами; похожие примеры есть в финском, вепском, карельском, саамском языках. Удмуртское *мыл* использовалось в значении 'желание' [КЭСК 1999: 180].

Сравните слова с корнем *мыл*: *мылпотон* '1. желание, охота, хотение, настроение 2. состояние возбуждения 3. похотливость'. Существительное образовано от глагола *мылпотыны*: *мылпотытэк ужаны* 'работать неохотно (нехотя, без желания)'; *мылпотыса ужаны* 'работать с желанием (охотно)', который в свою очередь состоит из двух слов *мыл* + вспомогательный глагол *потыны*³ 'хотеть'. Другое слово – *мылпотэм* 'желание, хотение'; *мылпотэмъя* 'по настроению (желанию)'; *мылпотэмъя гинэ лэсьтыны* 'делать лишь по настроению'. Еще одно образование, но уже с другим вспомогательным глаголом *карыны* 'делать': *мылкарем* 'воля, желание'; *та быдэс дунне Инмарлэн мылкаремезъя кылдэмын* рел. 'весь этот мир возник по воле Божьей'. Любопытно, что сам корень *мыл* уже самостоятель-

² Более подробно можно посмотреть в статье [Душенкова 2013].

³ Данный глагол часто используется при образовании сложных слов. Как правило, существительное/первый компонент является заимствованием из другого языка.

но не используется, а только в купе со вспомогательными глаголами, которые лишь усиливают его семантику и, возможно, степень проявления интереса или желания. Известно и другое слово, искусственно образованное в период Удмуртского ренессанса (конец 1990-х гг.), и прижившееся в удмуртском языке – *мылкужым* ‘воля, желание’ [УРС 2008: 449], буквально переводимое как ‘сила желания’, ибо *кужым* переводится как ‘сила’.

Кыд – второй компонент слова *мылысь-кыдысь* представляет еще больший интерес, ибо семантика его затемнена. В удмуртском языке существует два омонима: *кыд I* ‘отруби, шелуха; высевки’ (*пужниськем кыд* ‘высевки’; *кыдэсь нянь* ‘хлеб с отрубями’; *кыдыез вань, тысез өвёл* погов. ‘колос есть, а зёрен нет’) и многозначное слово *кыды II* ‘1. ум, разум, рассудок; желание, настроение; *кыдыз бертыны* ‘1) лишиться разума (рассудка) букв. ‘в пал в детство’ букв. ‘кыд вернулся’. Также употребляется диалектное слово в переносном значении ‘выдохнуться’ – говорится о спиртных напитках. Второе значение – ‘сила’ (*кыдыз уг тырмы* ‘у него не хватает силы’; *воксё кыдтэм кыли* ‘совсем обессилел’). Третье значение – ‘желание, настроение’ (*кыдыз өвёл* ‘у него нет желания’). Второй компонент *кыд* самостоятельно встречается в таких выражениях, например: *кыдо 1.* см. *кыдэсь*; *2. диал. см. кудо I*; *кыдтэм* диал. ‘сумашедший; безумный’; а также глаголы *кыдыны* ‘расползтись, осыпаться (*о ткани*)’ и *кыданы* ‘раскалиться; закалиться; *перен.* стать выносливым, закалиться’ [УРС 2008: 365], которые, вероятно, никакого отношения к первым двум омонимам не имеют.

Сложносоставное слово *кыдбер* ‘ум, разум, рассудок’ (букв. ‘то, что за умом, рассудком’); *кыдберыз өвёл* ‘1) забывчивый 2) сумашедший; безумный’⁴ букв. ‘у него нет ума-разума’. Возможно, здесь стоит упомянуть и работу Е. В. Поповой о последе в культуре бесермян⁵, где *кыд* ‘послед, плацента’ [Попова 2008]. Автор рассказы-

⁴ Ср. тж. *кёберыз өвёл* ‘ни стыда ни совести’, букв. ‘совести нет’. Следует обратить внимание на то, что стыд и совесть в удмуртском языке не разводятся на два понятия. *Кё-* и *кыд-* не являются ли синонимами? Визуально выражения очень похожи и образованы при помощи одного механизма, одной формулы: человек, лишенный какого-то качества оказывается социально осуждаемым.

⁵ Бесермяне – малочисленный финно-угорский народ в России, дисперсно проживающий на северо-западе Удмуртии в 41 населённом пункте, из которых 10 деревень – мононациональны. Говорят на особом наречии удмуртского языка финно-угорской группы уральской семьи, близком морфологически к северным говорам удмуртского языка, а фонетически – к южным.

вает о том, как бесермяне бережно относились к последу. Его пытались сохранить, высушить или закапывали в подполье в углу. Послед (ср. в современной медицинской практике – сохранение стволовых клеток из плаценты!) играл большую роль в последующей жизни человека и мог быть полезен при излечении некоторых заболеваний (так высушенную и растолчённую плаценту могли добавлять в пищу). Такая практика существовала у многих народов [см.: Славянские древности 2009: 200–202; Лечебная и охранительная магия башкир 2009: 63]. Любопытно, что *кыд* ‘ум, разум’ имеет возрастные ограничения: у младенцев его ещё нет, а у стариков он «исчезает, уходит/возвращается». Этимологи слово *кыд* обычно связывают с *кыд/кыт*: ср. *цынкыд* ‘туман, слабый туман, дымка’ [КЭСК 1999: 126], *кыд*: *мылкыд* ‘настроение; воля, желание’ (*мыл* ‘желание, стремление’, *кыд* ‘ум, разум, чувство’), коми *кыд*: *мылкыд*, *мывкыд* ‘ум, разум; характер’ [КЭСК 1999: 180]. Получается *желание-желание*, но выраженное разными корнями.

Мифологические представления связаны в данном случае с пониманием настроения как чего-то изменяющегося не совсем по человеческой воле: *мыло-кыдо* ‘энергичный, усердный, прилежный; энергично, усердно, прилежно’ (*мыло-кыдо вераськись* ‘разговорчивый’), *мыльа-кыдъя* ‘по душе, по сердцу, по желанию’ (*тауз дйсе мыльа-кыдъя* ‘эта одежда мне по душе’), *мылысь-кыдысь* ‘усердно, энергично, охотно; усердный; энергичный;| с усердием, с охотой, с желанием’; *мылысь-кыдысь ужаны* ‘работать с желанием’. *Мылам-кыдам кельшиськоды тй, яратон-эшгёсы* букв. ‘любимые друзья, вы нравитесь/подходите моему желанию’.

Такое архетипическое мифологизированное представление свойственно многим народам, в том числе и удмуртскому, когда болезненные и эмоциональные состояния воспринимались как насланные какими-либо духами, чаще всего враждебными. Язык сохранил их в виде древних метафор (ср.: *кыд бертыны, мылкыд куашканы*; в русском языке – *грусть-тоска меня съедает*, и т.п.). Следует заметить, что в крестьянской общине следили за психическим здоровьем своих граждан. Депрессия и уныние считались насланными иррациональной силой, поэтому подобные заболевания лечились местными знахарями.

Можно предположить, что в лексике удмуртского языка произошло смешение значений омонимов по разным причинам. С одной стороны, изменение социальных условий жизни, а вместе с тем и уход некоторых реалий из нее; развитие медицины способство-

вало тому, что народные традиции стали забываться. Словари перестали фиксировать слова, многие из них утратили свою семантику, что привело к замене значений. Важно подчеркнуть, что рассматриваемые сложные слова образованы от синонимов, путем их сложения, или понятий, относящихся к одной лексико-семантической группе. Вполне вероятно, что такое сложное образование существительного как *мылысь-кыдысь* является компромиссом для уточнения понятия при наличии диалектного разнообразия синонимов⁶ в удмуртском языке.

2. Кылем-мылем. Другое анализируемое слово *кылем-мылем* 'остатки, отбросы' [УРС 2008: 371] букв. 'оставшееся; то, что осталось; то, что уже опротивело'. Первое слово для современного носителя языка более понятно, чем второе: причастие *кылем I* 'оставшееся', от глагола *кылыны I*; *кылем II* прич. и сущ. от *кылыны II* (*кылем арын* 'прошлый год, в прошлом году'; *кылем гужем* 'прошлое лето, прошлым летом'; *кылем нуналъёс* 'прошедшие дни'; *кылем уй* 'прошлая ночь, прошлой ночью'); *бере кылем* 'отставание, опоздание'; *бере кылемъёс* 'отставшие, опоздавшие, отстающие'. Из вновь образовавшихся понятий можно отметить следующие лексемы: математический термин *кылемез* 'разность', *кылёс* '1. Наследство, наследование 2. остаток 3. пережиток, пережитки' (*кылёслы эрикрад* 'право наследования'; *органика кылёсъёс* 'органические остатки'); *кылёсбур* 'наследство' и др. [там же].

В этимологическом словаре – *мыльёс* 'остатки, объедки', удм. *мылес, мылем, мылет* 'излишек, объедки, остатки' от удм. гл. *мылыны* 'быть излишним, лишним'; Общеп. **túl* '-; ? эрз. *меелькст* 'остатки', *меельс* 'последний' [КЭСК 1999: 182].

Слово *мылем* переводится на русский язык как 'лишний, излишний, ненужный; излишек'; *мылемез* 'остатки, излишки'; а лексема *мылес* '1. объедки, остатки (*напр. пици*)' имеет также переносное значение 'подонок, подонки', где семантика полностью вообрала в себя негативную коннотацию. Интерес представляют существительные *мылет* 'лишний кусок' и *мылён*, образованное от многократного глагола *мылыны* '1. становится лишним (излишним) 2. *перен.* насыщаться, пресыщаться' [УРС 2008: 448]. Выражение *мылымон сыны* 'наестся до отвала (до пресыщения)'

⁶ Синоним *ин II* желание, намерение; *ины өвёл* 'не хочется, нет желания' *◇ иназ басьтытэк* 'не приняв во внимание'; *инэ басьтыны* 'принять во внимание (к сведению), учесть'; *инэ басьтэмын* 'удовлетворено'; *тон инын* 'под твоим покровительством, благодаря тебе'.

указывает на наивысшую степень процесса принятия пищи. Широко используется в речевой практике такое явление, как игра слов: *мылемез* – *милемлы* ‘все остатки – нам’; *мыльым*⁷ *ымлэсь уг мыльы* (*уг акыльты*) ‘блин не надоедает рту’.

Выражение *мылем нянь* – «оставшиеся после всеобщего угощения и слитые в один сосуд напитки, которые ставили на стол перед жрецами и выливали в костер перед уходом с места моления. Восприятие алкогольных напитков как хлеба связано, очевидно, с практикой их приготовления из зерна и его производных – муки и солода. Вообще ритуальная еда и напитки обозначаются в удмуртском языке собирательным существительным *шыд-нянь* ‘суп-хлеб’ [Ар-год-берган 2011: 93]. Вероятно, сначала эти остатки воспринимались как нечто сакральное, предназначенное божеству. Впоследствии статус слов изменился, и к ним стало пренебрежительное отношение. Это частое явление в языке, когда у слов, связанных с религиозным культом, происходила десакрализация⁸ смысла и семантика слова начинала употребляться в противоположном значении (Ср. в русском языке: *смердный*, *убожество*, *урод/уродина* и т.п.). Подобные явления в языке чаще всего происходит при смене господствующей политической власти и религий.

Важно подчеркнуть, что рассматриваемые сложные слова образованы от синонимов, путем их сложения, или понятий, относящихся к одной лексико-семантической группе. Этимологический анализ позволяет реконструировать значения компонентов, которые связаны с древними обрядами, ритуалами и традиционными представлениями удмуртов о душе и силе, об излишках и отбросах и т.п.

Список использованной литературы

Вэлхи, Б. Парные слова и естественная сочинительная связь. – Стокгольм: Wslhi, 2003.

⁷ *Мыльым, мыльым* ‘блин кулин.’

⁸ Десакрализация – это обесценивание сакральных (священных) образцов, религиозных представлений, мировоззренческих установок и т.д. Внутренние механизмы десакрализации коренятся психоэмоциональной сфере. На различных этапах когнитивной эволюции функции религиозных верований меняются. В условиях относительного доминирования в этнических группах образного мышления, которое в большей степени сакральные образцы и архетипы, наряду с другими функциями, выполняют весьма важную психосоциальную роль – функцию психологической защиты.

Душенкова, Т. Р. Понятие *мылкыд* 'настроение, желание' в удмуртском языке // Чуваши: этнические связи и этнокультурные параллели: Сб. ст. межрегион. науч.-практ. конференции, посв. 85-летию со дня рожд. П. В. Денисова (12–13 сент. 2013 г.). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2013. – С. 244–250.

Корнилов, Г. Е. Имитативы в чувашском языке. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1984. – 184 с.

КЭСК – *Лыткин, В. И., Гуляев, Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во. – 430 с.

Лечебная и охранительная магия башкир / Составление, подготовка текстов Ф. Г. Хисамитдиновой. – Уфа, 2009. – 380 с.

Мехеда, М. И. О некоторых структурно-функциональных особенностях редупликативов в русском языке // Вестник ЧНПУ. – 2009. – № 10–2. – С. 263–272.

Минлос, Ф. Р. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках. Дисс. канд. филол. наук. – М., 2004.

Попова, Е. В. Плацента в системе сакральных представлений бесермян // Народная медицина в системе культурной адаптации населения Европейского Севера: итоги и перспективы междисциплинарных исследований. – Сыктывкар, 2008. – С. 177–189.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 4 / Под ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2009. – 656 с.

Сорокина, И. П. Сложные лексические единицы в самодийских языках // Лингвистический беспредел. – 2. – М., 2013. – С. 27–31.

УРС – Удмуртско-русский словарь / Отв. Ред. Л. Е. Кириллова. – Ижевск, 2008. – 925 с.

Федорова, Л. Л. Гуси-лебеди, сороки-вороны, цветы и птицы: заметки о парных словах // Лингвистический беспредел – 2: Сб. науч. Трудов к юбилею А.И. Кузнецовой / Под общей ред. чл.-корр. РАН, проф. А.Е. Кибрика. – М.: Изд-во Московского университета, 2013. – С. 318–333.

Шибанов, А. А. Изобразительные слова редупликаты в пермских языках / А. А. Шибанов // Материалы докладов II Всероссийской (XVII) молодежной научной конференции «Молодежь и наука на Севере» (в 2-х т.). – Сыктывкар, 2013. – Т. II. – С. 206–208.

Шибасова, Н. Л. Типология парных слов (на материале некоторых финно-угорских языков). Дисс. канд. филол. наук. – М., 2006.

Шиянова, А. А. Парно-повторные слова в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта) // Вестник угроведения. – № 3 (6). – 2011. – С. 38–40.

Шиянова, А. А. Парные слова хантыйского языка (на материале шурышкарского диалекта): монография. – Тюмень: ООО «Формат», 2015. – 156 с.

**RUDIMENTS OF THE MYTHOLOGICAL WORLDVIEW
OF THE UDMURTS IN COMPLEX WORDS
MYLYS-KYDYS AND KYLEM-MYLEM**

Summary. The paper considers the semantics of compound words, which are based on the rudiments of the mythological thinking of the Udmurts. Currently, lexemes are perceived by native speakers as ordinary ones. The linguistic analysis of words reveals the ideological layer associated with ancient mythological representations. During a short historical period, there was a desacralization of individual lexemes.

Keywords: compound words, Udmurt language, etymological analysis, mythology.

УДК 811.511.131`367(045)

Едыгарова Светлана Валериевна
Финляндия, г. Хельсинки, Университет Хельсинки

**ПОРЯДОК СЛОВ В УДМУРТСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ
И ЯЗЫКОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ**

Аннотация. В статье исследуются история и современность полемики ученых и языковых деятелей о порядке слов в удмуртском предложении. В фокусе исследования – идеологическая основа полемики. Порядок слов в удмуртском предложении относительно свободный. Традиционно глагол-сказуемое занимает конечную позицию в предложении. Однако в разные эпохи глагол-сказуемое меняло свою традиционную позицию. Отношение ученых и языковых деятелей к этим изменениям, как правило, зависит от идеологических представлений, например, языкового пуризма или советской языковой идеологии.

Ключевые слова: удмуртский язык, порядок слов, языковая идеология, советский язык.

1. Введение

Удмуртский язык не имеет строгого фиксированного порядка слов и слова могут свободно располагаться в любой части предложения. Тем не менее, традиционным расположением глагола-сказуемого в повествовательном предложении принято считать позицию в конце предложения, точнее традиционным доминиру-

ющим порядком принято считать порядок SOV, т.е. сначала подлежащее, потом прямое дополнение и затем сказуемое. Случаи, когда предикат меняет традиционное расположение, принято объяснять:

1) лингвистическими факторами (изменение ремы (фокуса) и темы, типами предложения);

2) социолингвистическими факторами: влияние порядка слов русского предложения, разный регистр языка, разный жанр текстов;

3) идеологическими: SOV – это традиционный, старинный, поэтому «правильный» и признак «чистого» языка, другое – влияние русского языка, поэтому признак «нечистого», «неправильного» языка.

Основная цель настоящего исследования – показать развитие идеологической полемики о расположении сказуемого в удмуртском языке. В статье я обозначаю структуру этих споров, а также определяю идеологическую составляющую этих споров.

2. Теоретическая основа и методы

Термин «языковая идеология» охватывает широкий круг языковых явлений и имеет множество определений. Например, языковую идеологию можно определить как “убеждения, чувства и представления о языке, которые являются социально разделяемыми и диалектически связывают язык и общество [Piller 2015]. Языковые идеологии могут представлять нейтральные убеждения; они могут быть представлены как универсально верные; и они могут быть представлены и использованы в качестве стратегий поддержания социальной власти [Woolard 1992: 237–239. Например, *языковой пуризм* является одним из видов языковой идеологии и является социальным индексом языковой и культурной идентичности говорящих. По мнению Александры Яффе, языковой пуризм может привести к стигматизации привычных языковых практик, таких как переключение кодов, и представлять вызванные языковым контактом языковые изменения как формы культурного дефицита [Jaffe 2007]. Языковой пуризм – известное и важное явление в развитии удмуртского языка. В частности, в истории развития удмуртского языка известны два периода языкового пуризма: период после гражданской войны примерно с 1926 г. по 1932 г., а также после перестройки с 1990 г. [Едыгарова 2013; 2014; 2021].

В настоящей статье я также обращаюсь к такому явлению как «советский язык» (термин из [Вахтин 2015]), который в научной литературе также обозначается терминами *la langue de bois* [Thom 1986], *newspeak* или *язык советского коммунизма* [Thom 1989], *тоталитарный язык* [Young 1992]. Советский язык – это сочетание определенных языковых идеологий с лингвистическими особенностями языка и языкового поведения советского человека. По мнению Ф. Том, советскому языку типично разделение всех слов на два лагеря: на «хороших» и «вражеских», ни одно слово не может быть нейтральным [Thom 1989: 28]. У советского языка сложный и тяжёлый синтаксис, вместо глаголов, предпочтение дается номинализации, т.е. происходит абстракция конкретного действия, ср. вместо *выразить* используется *найти выражение* [Thom 1989: 22] и т.д. Происходит запрет на историю, все, что было до революции, не имеет отношения к современности [Thom 1989: 114, 134]. Унижение истории или неприемлемой идеологии происходит с помощью часто используемых выражений «мнимый», «якобы», «так называемый» [Young 1992].

В настоящей работе я исследую, каким образом те или иные идеологические течения рассматривали порядок слов в удмуртском предложении. Послереволюционное развитие удмуртского языка с учетом идеологических изменений, можно представить в виде таблицы (1). В таблице я описываю этапы изменения и развития удмуртского литературного языка относительно отношения к языковой идеологии.

Таблица 1. Послереволюционное развитие удмуртского языка с учетом идеологических изменений

Период	Развитие удмуртского языка
1. С 1926 г. по 1932 г.	Активная деятельность по формированию литературных норм, активные дискуссии, напр., о диалектической базе литературного языка, активное словотворчество, дискуссии о пуризме и заимствовании.
2. С 1932 г. по 1950 г.	Строгий запрет пуризма, сильное смешение с русским языком.
3. С 1950 г. по 1990 г.	«Стабилизация» литературного языка (Вахрушев 1975), неофициальный запрет на пуризм.
4. С 1990 г. по 2010 г.	Новая волна языкового пуризма.
5. С 2010 г. по сей день	Существенное увеличение языкового варьирования (усиление языкового пуризма в научной сфере и журна-

	листке, у каждой редакции своя стратегия, у каждого автора свой стиль, одобрение «смешанного стиля» в устной речи и иногда в литературе (Б. Анфиногенов), мода на смешанный стиль, мода на диалекты, первое взрослое поколение ранних билингвов.
--	--

В основе моего исследовательского материала лежат научные и практические русскоязычные (реже удмуртскоязычные) тексты, исследующие порядок слов в удмуртском предложении, например, научная работа К. М. Баушева (1929), брошюры с рекомендациями для переводчиков А. С. Бутолина (1937), П. Н. Перевощикова (1940), научная работа М. Н. Булычева (1947). Я исследую научные работы современных ученых, например, диссертацию Эрики Асталаш (2018), а также использую материалы социолингвистических интервью, которые я проводила в марте 2011 г. и октябре 2019 г. в г. Ижевске.

Далее я описываю, какому периоду какие позиции характерны.

3. Примеры чередования расположения глагола-предиката и языковая идеология

В настоящей главе я описываю, как в разные периоды развития удмуртского языка менялось расположение глагола-предиката и каково было отношение к этим изменениям языковых деятелей.

3.1. Период с 1926 г. по 1932 г.

Как уже говорилось, в настоящий период идет бурная работа по созданию единого литературного удмуртского языка, идут горячие споры о языковых нормах, появляются новые учебники по удмуртскому языку. Хроника языковых споров публикуется на страницах газеты «Гудыри». В частности, первые статьи появляются примерно с 1926 г., что послужило для обозначения начала этого периода.

В 1929 г. появляется научная работа К. М. Баушева о порядке слов в удмуртском предложении. Ученый отмечает достаточно строгий порядок слов в удмуртском предложении и объясняет, чем удмуртское предложение отличается от русского предложения и рекомендует строго держаться правил удмуртского предложения, ср. примеры (1) и (2).

(1) *В настоящее время, когда молодая и малоопытная практика вотского письма широко пользуется готовым содержанием и даже формой русского образца, при малейшей неосторожности и нечуткости к живой речи не исключена опасность нарушения син-*

таксического строя вотского языка. Между тем незначительное даже иногда отступление от строя вотского синтаксиса совершенно искажает смысл написанного или же создает полную бессмыслицу [Баушев 1929: 4–5].

(2) Сравнительно свободное местоположение как отдельных членов предложения, так и целых придаточных предложений в русском языке, дает большую гибкость построения речи, тогда как вотский синтаксис, требуя совершенно противоположных методов построения речи, не примиряясь с этой гибкостью построения предложения в русском языке, таит в себе еще недостаточно изученные своеобразные преимущества в богатстве отглагольных образований [Баушев 1929: 23].

Грамматика удмуртского языка (1930) И. В. Яковлева интересна тем, что здесь все лингвистические термины переведены на удмуртский язык, ср.: *веранпум* «точка», *йыркыл* «сказуемое», *макеним* «существительное», т.е. грамматика составлена с позиции пуристической идеологии. И. В. Яковлев отмечает, что глагол-сказуемое в удмуртском предложении всегда стоит в конце и перестановку сказуемого с конца предложения называет ошибкой, ср. (3).

(3) Йыркыл (сказуемое) котьку веранлэн пумаз луэ. Туж шер веранэз сӧрыса сое аяз но шораз каро. «Сказуемое всегда бывает в конце предложения. Очень редко, нарушая предложение, его ставят вперед и посередине» [Яковлев 1930: 83].

В начале 1930-х политика советской власти начинает меняться: языковой пуризм рассматривается как проявление «буржуазных националистов» и оказывается запрещенным вплоть до 1990 г. В 1932 г. арестовывают К. Герда, это послужило для обозначения конца эпохи языкового пуризма. К. М. Баушев арестован в 1933 г.

3.2. Период с 1932 г. по 1950 г.

Взгляды, которых придерживались языковые пуристы до 1932 г., объявлены враждебными новой идеологической линии страны, языковые деятели пуристических взглядов называются «буржуазными националистами»; многие из них арестованы. Постепенно возрастает ориентация на русский язык [Crisp 1989: 37]. В лингвистике господствует учение Н. Марра, которое утверждает, что языковой путь к социалистическому будущему лежит не через двуязычие или языковой переход, а через скрещивание языков, которые создадут новый тип языка, отражающий более высокий уровень политического развития [Crisp 1989: 37]. В этот период продолжается активный перевод идеологической литературы.

В связи с этим, появляются идеологические брошюры, например, А. С. Бутолина (1937), П. С. Перевощикова (1940), которые рекомендуют, как правильно переводить эти тексты. В этих текстах утверждения языковых пуристов называются «неверными», «ошибочными». Так Бутолин и Перевощиков критикуют утверждение о конечном положении сказуемого, ср. (4), (5), (6).

(4) *До сих пор существует ходячее мнение о незыблемом строе удмуртских предложений (подлежащее впереди, сказуемое сзади), от которого веет затхлостью* [Бутолин 1937: 9].

(5) *Наиболее частые нарушения: Сказуемое по старой догматике ставят на конце предложения и тогда, когда явно искажается смысл предложения, доходящий до недопустимых политических искажений* [Бутолин 1937: 11].

(6) *Разбито, опровергнуто утверждение о незыблемости позиций слов в удмуртском предложении. Это утверждение в толковании его авторов надо было понимать, что в удмуртских предложениях существует нерушимый твердый порядок расположения слов, такой порядок, при котором каждый член предложения занимает раз навсегда определившееся, установившееся место, так, например, сказуемое согласно этой теории должно стоять обязательно на последнем, конечном месте в предложении* [Перевощиков 1940: 6].

Научная грамматика также приобретает идеологическую окраску, а другое мнение о языковых формах обозначается как «вражеское идеологии», например, в (7) лингвист С. П. Жуйков называет коллегу И. В. Яковлева «националистом», в выдержке (8) М. Н. Булычев также называет языковых пуристов «удмуртскими националистами», а их взгляды – ошибочными.

(7) *Националист Яковлев в своей грамматике (1930 г. – уточн. автора) говорил, что в удмуртском языке всегда подлежащее стоит в начале предложения, а сказуемое в конце. Такая теория ничем не обоснована. В удмуртском языке мы имеем подлежащее в начале, в середине и в конце предложения. Точно также и сказуемое можем иметь в разных местах предложения* [Жуйков 1937: 18].

(8) *Удмуртские националисты упорно не желали признавать факта формирования в удмуртском языке как относительно свободного порядка слов, так и других фактов прогрессивного порядка. Они стремились к тому, чтобы изолировать удмуртский язык от влияния русского языка, не признавали позднейших достижений в развитии самого удмуртского языка. Они не могли понять того, что удмуртский язык развивается, движется, растет, что влияние*

русского языка на удмуртский язык не только не мешает его развитию, но, наоборот, оказывает ему только содействие [Булычев 1947: 82–83].

В 1947 г. М. Н. Булычев публикует научную работу о порядке слов в удмуртском предложении по результатам языковой экспедиции, исследует большой материал разговорного, фольклорного, публицистического жанров, а также исследует старинные материалы. Ученый обоснованно объясняет изменение традиционного порядка слов в публицистике, в переводных текстах, см. (9).

(9) *Ныне предложению предъявляются новые требования. Оно внутренне сложнее, а потому и порядок слов изменяется* [Булычев 1947: 43].

По мнению М. Н. Булычева, изменение мышления повлияло на изменение традиционной позиции глагола-сказуемого, например (10), а также ученый указывает на благотворное влияние русского языка, ср. (11).

(10) *Особенно широко относительно свободный порядок слов в удмуртском предложении стал распространяться после Великой Октябрьской социалистической революции. Причины здесь, очевидно, две. Первая заключается в том, что после Октября удмуртское предложение стало выражать более сложное, и может быть, и более тонкое мышление. Рамки твердого порядка слов в предложении оказались тесными, как это знает на опыте всякий удмуртский автор* [Булычев 1947: 82].

(11) *Вторая причина заключается в том, что после Октября сложилось на новых основаниях сближение между удмуртским и русским языками. Отпали все причины, которые искусственно поддерживали замкнутость удмуртского языка в своих рамках. Наоборот, удмуртский язык получил возможность быстро развиваться, используя благотворное влияние великого русского языка, передового языка революции, языка Ленина и Сталина* [Булычев 1947: 82].

Как указывает Ф. Том, советскому языку был присущ тяжелый синтаксис. Переводить идеологические тексты с тяжелым синтаксисом на языки с совсем молодой письменностью было нелегко. Например, выдержка (12) – длинное предложение с большим количеством заимствований. В таких предложениях появлялась необходимость перестановки сказуемого для сохранения смысла предложения.

(12) *Ленинлэн апрельской тезисъёсыз (ПОДЛ) сётылйзы (СКАЗ) партилэн нюръяськонзлы гениальной план, буржуазно-демокра-*

тической революции социалистической революции выжон понна, революцилэн нырысетй этапысьтыз кыкетй этапе – социалистической революция лэсьтон этапе выжон понна (Всесоюзной коммунистической партилэн историез. Ижевск, 1938, с. 202) «Апрельские тезисы Ленина давали гениальный план борьбы партии за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической, за переход от первого этапа революции ко второму этапу – к этапу социалистической революции» («ВКП(б)-лэн историез», Ижевск, 1938, с. 177)... [Перевощиков 1940: 11–12; Булычев 1947: 37].

Перестановку сказуемого из конца предложения в позицию сразу после подлежащего в предложении (12) П. Н. Перевощиков объясняет следующим образом (13):

(13) *В таком большом предложении сказуемое не может занять конечную позицию, в интересах сохранения грамматической связи с подлежащим оно вынуждено приблизиться к последнему* [Перевощиков 1940: 12].

В цитатах настоящей главы хорошо прослеживаются черты советского языка, например, категоричное разделение «правильного» и «неправильного» порядка слов в предложении и расположения глагола-сказуемого, что соответствует «правильной» и «неправильной» идеологии партии. Часто авторы языковой идеологической литературы этого периода обосновывают свои утверждения не лингвистическими фактами, а дискредитацией научной работы своих предшественников, сомневаются в правдивости научных утверждений предшественников, поэтому часто используют выражения «якобы», «так называемые» и т.д. В цитатах также прослеживаются намеренные призывы к смешению удмуртского и русского языков, что также типично языковой идеологии этого периода.

3.3. Период с 1950 г. по 1990 г.

В 1950 г. И. Сталин публикует в газете «Правда» работу «Марксизм и вопросы языкознания», где критикует языковое учение Н. Марра. Так нерусские языки снова получили возможность развивать свои языки, используя языковые средства своих языков. Однако неофициальный запрет на языковой пуризм оставался до конца Советского государства. В этот период практически нет исследований о порядке слов в предложении. Даже в издании «Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения» (1970), «Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения» (1974) практически не

упоминается порядок слов в предложении. В. М. Вахрушев этот период называет «стабилизацией», т.е. языковое строение утихает и в это время фокус развития языка переходит на синтаксис, орфографию, пунктуацию, составлению словарей с большим количеством заимствованных русских слов [Вахрушев 1975]. Появляется всего одна статья Т. Г. Гавриловой «Порядок слов в удмуртском повествовательном предложении» (1970).

3.4. Период с 1990 г. по 2010 г.

В этот период порядок слов рассматривается в типологическом свете. Например, статья А. Ф. Шутова «Изучение порядка слов в пермских языках» (1993), статья М. Вилкуной о порядке слов в уральских языках (1998) и диссертация В. В. Понарядова «Порядок слов в пермских языках в сравнительно-типологическом освещении (простое предложение)» (2001, 2010).

С 1990 г. также начинается новая волна языкового пуризма [Едыгарова 2013; 2014]. Однако основное внимание в этом периоде сосредотачивается на переводе в первую очередь русскоязычных терминов, которые было невозможно перевести во время советского режима, а также на удмуртской кодификации официальных названий учреждений, населенных пунктов и т.д. В это время также впервые составляются грамматики удмуртского языка как иностранного (В. Кельмаков и С. Хяникяйнен (1999), Б. Загуляева и А. Решетникова (2003), И. Ганеев и Ю. Перевощиков (2005)). В это время также идут дискуссии о традиционном месте глагола-сказуемого, однако в научной сфере наибольшую актуальность эта проблема получает примерно после 2010 года, когда удмуртским языком начинает пользоваться первое поколение ранних билингвов в социальных сетях и блогах.

3.5. Период с 2010 г.

Чуть раньше 2010 г. в столице Удмуртии активизируется городская удмуртскоязычная молодежь, например, начинаются удмуртские дискотеки, появляются новые музыкальные группы, появляется музыкальный проект «Эктоника», удмуртский язык появляется в социальных сетях [Pischlöger 2016] и появляются первые блоги на удмуртском языке. Примерно в это же время Богдан Анфиногенов начинает писать стихи и песни на смешанном удмуртско-русском языке. Многие представители удмуртской городской молодежи – это ранние билингвы, а в случае Богдана Анфиногенова – это удмуртские молодые люди, выучившие удмуртский язык сознательно уже в позднем подростковом возрасте. Посколь-

ку эти молодые люди начали активно пользоваться удмуртским, а иногда смешанным удмуртско-русским языком, в социальных сетях, блогах, песнях, публиковать сборники стихов, у удмуртской интеллигенции (напр., филологов) случился культурный шок. В социальных сетях велись горячие споры об использовании смешанного языка (см. [Edygarova 2016]). Такое изменение, конечно же, коснулось и порядка слов в удмуртском предложении.

Асталаш Эрика в своей диссертации (2018) о порядке слов в удмуртском предложении отмечает, что в последнее время в удмуртском языке наравне с SOV порядком, также развивается SVO порядок, что связано с изменившейся языковой компетентностью нового поколения говорящих – ранних билингвов.

(14) *The choice of the topic was motivated by the fact that while Udmurt traditionally has been regarded as a relatively consistent SOV (or head-final) language, some more recent papers and unpublished research (Asztalos & Tánczos 2014) suggest that an SVO grammar is also developing besides the SOV grammar in contemporary Udmurt. The hypothesis that constituent order in Udmurt is shifting also seems to be supported by results of sociolinguistic surveys carried out among the Udmurt speech community during the past years. Salánki (2007) and Shirobokova (2011) demonstrated that the bilingualism of the Udmurt speakers differs across generations: younger generations tend to be Russian-dominant bilinguals and have a lower level of competence of Udmurt than older speakers, which suggests that the influence of SVO (head-final) Russian on Udmurt has become stronger during the last decades. Intense language contacts may induce typological changes, such as word order type change (cf. Thomason & Kaufman 1988: 74–76) [Asztalos 2018: 2].*

«Выбор темы [диссертации] обоснован тем, что, хотя удмуртский язык традиционно относится к языку SOV (с конечным главным компонентом), некоторые более современные работы и неопубликованное исследование (Asztalos & Tánczos 2014) предполагают, что порядок SVO также развивается в современном удмуртском языке помимо порядка SOV. Гипотеза об изменении порядка слов в удмуртском также подтверждается результатами социолингвистических исследований, проведенных в прошлые годы среди говорящих на удмуртском языке. Ж. Шаланки (2007) и Л. Широбокова (2011) показывают, что двуязычие говорящих на удмуртском языке отличается у разных поколений: у более молодого поколения доминирует русский язык и они менее компетентны в удмуртском языке в сравнении со старшим поколением,

что позволяет предположить, что влияние русского порядка SVO на удмуртский усилилось в последние годы» [Asztalos 2018: 2].

Однако такое изменение произошло не только у молодежи, но и в средствах массовой информации. Некоторые языковые активисты и профессионалы придерживаются пуристического взгляда и критикуют нетрадиционное место глагола-сказуемого. В примере (15) участник социолингвистического интервью перелистывает газету «Удмурт дунне» и читает оглавления статей, затем представляет глагол на «правильное», т.е. конечное место.

(15) *«Фермаын чузьясъке крезьгур»* (Переделявает) *«Фермаын крезьгур чузьясъке» по канонам-то [кулэ луыны]. ...«Кулакова данъялоз егитъёсты»... «Кулакова егитъёсты данъялоз» шуо, озьы ведь? «Ышизы шудо вакытъёс» ну тут, видишь, как бы поэзия, тут можно оставить. «Ышизы шудо вакытъёс» – татын логическое ударение, хотя правильно «Шудо вакытъёс ышизы».*

«На ферме звучит музыка» (Переделявает) *«На ферме музыка звучит» [должно быть] по канонам-то. ...«Кулакова прославит молодежь»... «Кулакова молодежь прославит» говорят, не так ли? «Исчезли счастливые времена» ну тут, видишь, как бы поэзия, тут можно оставить (РУС).* «Исчезли счастливые времена» – здесь логическое ударение, хотя правильно «Счастливые времена исчезли» (Участник социолингвистического интервью, март 2011).

В примере (16) я (обозн. И) беседую с редактором крупнейшей удмуртской газеты «Удмурт дунне» (обозн. Р). По мнению редактора, глагол на страницах газеты часто имеет нетрадиционное положение из-за того, что действие или глагол чаще всего получает логическое ударение, что, в свою очередь, отражает мировосприятие и темп жизни современного человека.

(16) **Р:** *Глаголэз азьпалаз пуктйськомы шуыса критиковать каро. Но опять же актцентэз глагол сказуемой вылэ кароно ке, газетын уг луы литератураын сямен. Например, Элькунлы кулэ 70 миллиард. Но Элькунлы 70 миллиард кулэ. Нырысетйяз акцент КУЛЭ вылын. Публицистикалэн куронэз пöртэм луэ. Стилистика ласянь куронъёсты тыршиськом лыдэ басьтыны.*

«Нас критикуют за то, что глагол ставим в начале предложения. Но опять же, если ставить акцент на глаголе, в газете не может быть как в литературе. Например, Республике необходимо 70 миллиардов. И Республике 70 миллиардов необходимо. В первом акцент на НАДО. У публицистики другие требования. Мы стараемся учитывать стилистические требования».

И: *Кытчы тй со глаголэз пуктысалды акцентэз мед глагол вылын луоз шуыса? «Куда бы вы поставили глагол для акцентирования глагола?»*

Р: *Мон вообще лыдъясько, улонын самой главноез – со глагол. Лингвистикаын гинэ өвёл. И мон действие былэ акцент лэсьтысал. Со, видимо, шөдонмы сьёе, туалала адымиослэн, реалиствьёслэн. Со [глаголмы] соин-а мар-а милям азьпалаз потэ. По правилу, конечно, удмурт кылын со чөмгес мышказ луэ. Оло со асьмелэн менталитетмы адзиське кылын. Оло милям ужасьёсмы зэмзэ но етүзэсь, боевоесь кышномуртвьёс. Милям главной – со действие улонамы но. Видимо, соин неподсознательно потүз милям [глаголмы азьпала]. Азьвыл ведь ваньмыз вал, бюджет вал, коньдон лыктэ, малпаськонэз өвёл. Уксёзы бырыз, дальше сёто. Али ведь озьы өвёл. Милям озьы глаголмы азьпалаз потэ.*

«Я вообще считаю, что в жизни главное – это глагол. Не только в лингвистике. И я бы сделала акцент на действии. Это, видимо, наше восприятие такое, у современных людей, реалистов. Из-за этого, видимо, [наш глагол] выходит вперед. По правилу, конечно, в удмуртском языке он чаще всего позади. Может, это наш менталитет так отражается в языке. Может, наши работники действительно шустрые, боевые женщины. Для нас главное – это действие в нашей жизни. Видимо, из-за этого не подсознательно вышел у нас [глагол вперед]. Раньше же все было, бюджет был, деньги идут, никакого беспокойства. Деньги кончились, дальше дают. Сейчас ведь не так. У нас поэтому глагол выходит вперед» (Социолингвистическое интервью, октябрь 2019).

Далее в (17) я предполагаю, что нетрадиционная позиция глагола-сказуемого в текстах газеты вызвана влиянием русского языка. Однако редактор газеты не соглашается с этим и говорит о высокой компетентности журналистов в удмуртском языке.

(17) **И:** *Зуч влияние шуыса критиковать каро [тйледыз]. «[Вас] критикуют за влияние русского языка».*

Р: *Мон ой шуысал, милям татын зуч визьмы шуыса, малы ке шуоно, ваньмыз свободно верасько зуч сямен но, удмурт сямен но. Мон ой шуысал со (глаголэз азьпала пуктон) зучысь шуыса.*

«Я бы не сказала, что у нас здесь [в редакции газеты] русское мышление, потому что все свободно говорят и по-русски, и по-удмуртски. Я бы не сказала, что это (перенос глагола вперед) из русского» (Социолингвистическое интервью, октябрь 2019).

Настоящее интервью говорит о том, что изменение традиционной позиции глагола не всегда связано с влиянием русского языка, но и с изменениями информационной культуры в целом. Судя по всему, современные пуристические взгляды основаны на идее сохранения чистоты языка, что в свою очередь означает максимальное избегание влияния русского языка. Таким образом, говорящие, придерживающиеся пуристических взглядов, нетрадиционное расположение глагола-сказуемого определяют как «ошибка» или «неправильное расположение», поскольку автоматически предполагают, что такое расположение вызвано влиянием русского языка, пример (15). Однако пример (17) подтверждает, что такая интерпретация не всегда верная.

В интервью с главным редактором мы также говорили о том, что языковые стратегии газеты «Удмурт дунне» отличаются от других информационных агентств, которые, например, придерживаются более пуристических взглядов, в то время как «Удмурт дунне», например, допускает диалектные формы, вместо дословного перевода сложных терминов, использует более свободные формулировки и т.д. Это говорит о языковой фрагментации в современном удмуртском обществе, а именно в современном удмуртском обществе существуют разные группы пользователей языка, которые придерживаются разных взглядов и используют разные языковые стратегии: более или менее пуристические, использование смешанного русско-удмуртского языка, и т.д. Зачастую такие языковые убеждения фрагментируют язык, во-первых, по регистрам, например, в официальном и стандартном регистре используется только «чистый» язык, а в неофициальном или разговорном – смешанный; во-вторых, по жанрам и стилям, например, в газете можно писать только «чистым» языком, а в блогах – смешанным, и т.д.

4. Выводы

В настоящей статье я исследовала историю изменений расположения глагола-сказуемого в удмуртском предложении и развитие языковых идеологий. Исследовательский материал показывает, что относительно свободный порядок слов в удмуртском предложении и отсутствие морфологических способов маркирования темы и фокуса чувствительны к изменениям, вызванным изменением социолингвистической ситуации языка. Так, с одной стороны, я исследовала послереволюционный этап, период бурного развития удмуртского языка, а также послеперестроечный период и последние десятилетия, где также происходят динамичные социолингви-

стические изменения. Такие изменения непосредственно влияют и на языковые изменения, точнее на расположение глагола-сказуемого. С другой стороны, стабильная социолингвистическая ситуация, а именно с 1950 по 1990 гг., также отражается на стабильном состоянии языка, поэтому в этот период практически нет исследований порядка слов в удмуртском предложении.

Другим важным аспектом исследования является то, каким образом носители языка, а точнее языковые профессионалы, понимают и объясняют эти изменения. В разделах 3.1. и 3.2. я показала, как изменение языковой идеологии Советского Союза повлияло на объяснение изменения традиционного расположения глагола-сказуемого, а именно традиционный порядок в 30–40-х годах рассматривался как «вражеский» идеологии порядок, тогда как нетрадиционный порядок объяснялся прогрессивным типом порядка слов, в том числе такое основание соответствовало не научному учению Н. Марра. На мой взгляд, после перестройки происходит похожая на ранний советский период идеологическая дихотомия: теперь традиционный порядок считается единственно верным, что является реакцией на запрет языкового пуризма во время Советского Союза, а нетрадиционный порядок – влиянием русского языка и поэтому «неправильным». Хотя пример (17) говорит о том, что развитие нетрадиционного порядка не всегда связано с влиянием русского языка.

На мой взгляд, очень важно исследовать языковые изменения, важно знать историю языковых и идеологических изменений, но также важно уметь наблюдать, как наша действительность меняет наш язык, причем, как мы видим, языковые изменения обязательно связаны только с влиянием русского языка. Необходимо доверять носителям языка, доверять языковому чутью, как профессионалов, так и двуязычных молодых носителей. Необходимо рассматривать язык как многообразие языковых форм, диалектов, разных языковых жанров, и новых видов языковых структур.

Список использованной литературы

Баушев, К. М. Синтаксический строй вотской речи и генезис частиц союзного порядка. – М.-Л, 1929.

Булычев, М. Н. Порядок слов в удмуртском простом предложении / Под редакцией и с предисловием Ф. Ф. Советкина. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1947.

Бутолин, А. С. Вопросы терминологии и перевода на удмуртский язык / Удмуртский научно-исследовательский институт социалистической культуры. – Ижевск, 1937.

Вахтин, Н. «Советский язык» и его последствия: Видеолекция, 23 июня 2015 г. – Санкт-Петербург.

Едыгарова, С. В. Языковые разновидности современного удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований / Yearbook of Finno-Ugric Studies. – Вып. 3. – Ижевск, 2013. – С. 7–18.

Жуйков, С. П. Основы грамматики удмуртского языка. Тезисы к первой республиканской языковой конференции. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1937.

Карпова, Л. Л. Особенности порядка слов в удмуртской народно-разговорной речи (на материале северных диалектов) // Вестник удмуртского университета. – Т. 25, вып. 2. – 2015. – С. 85–91.

Перевощиков, П. Н. К совершенствованию переводческой письменности. (Удмуртский язык) Удмуртский Институт истории, языка, литературы и фольклора. – Ижевск, 1940.

Яковлев, И. В. Элементарная грамматика вотского языка. – Ижевск, 1930. – С. 65.

Asztalos, E. Word order type change in Udmurt. PhD dissertation summary. – Budapest, 2018.

Crisp, S. Soviet language planning 1917–53 // Language Planning in the Soviet Union, M. Kirkwood (ed.). – London: Macmillan, 1989. – PP. 23–45.

Edygarova, S. Ideological background of language change in Permian communities // Diana Forker and Lenore Grenoble (eds.) Language contact in the territory of the former Soviet Union. Studies in Language and Society. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2021.

Edygarova, S. Standard Language Ideology and Minority Languages: The Case of the Permian Languages // Linguistic Genocide or Superdiversity? New and Old Language Diversities. Multilingual matters, R. Toivanen & J. Saarikivi (eds.), Bristol – Buffalo – Toronto, 2016. – PP. 346–389.

Edygarova, S. The varieties of the modern Udmurt language // Finnisch-Ugrische Forschungen 62, 2014. – PP. 376–398.

Jaffe, A. Discourses of endangerment: Contexts and consequences of essentializing discourses // In Discourses of Endangerment: Ideology and Interest in the Defence of Languages, eds. Alexandre Duchêne and Monica Heller. – London: Continuum. – PP. 57–75.

Piller, I. Language ideologies // The International Encyclopedia of Language and Social Interaction, Vol. 2, K. Tracy, C. Ilie, T. Sandel (eds.). – West Sussex: Wiley-Blackwell, Wiley, 2015. – PP. 917–927.

Thom, F. Newspeak: The language of soviet communism (La langue de bois). – London, Lexington: The Claridge Press, 1989.

Woolard, K. A. Language ideology: Issues and approaches // Pragmatics; Special issue on Language Ideologies, 2:3, P. Kroskrity, B. Schieffelin & K. Woolard (eds.), 1992. – PP. 235–250.

Young, J. W. Totalitarian language: Orwell's Newspeak and Its Nazi and Communist Antecedents. – Charlottesville: University Press of Virginia, 1992. – PP. 168–211.

WORD ORDER IN THE UDMURT SENTENCE AND LANGUAGE IDEOLOGY

Summary. The article examines the history and modernity of the polemics of scientists and language figures about the order of words in the Udmurt sentence. The research focuses on the ideological basis of the polemic. The word order in the Udmurt sentence is relatively free. Traditionally, the verb-predicate occupies the final position in the sentence. However, in different epochs, the verb-predicate changed its traditional position. The attitude of scientists and language figures to these changes, as a rule, depends on ideological ideas, for example, linguistic purism or Soviet language ideology.

Keywords: Udmurt language, word order, language ideology, Soviet language.

УДК 811.1`23(045)

Загоруйко Илья Николаевич

Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

КОНФЛИКТНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В РУНЕТЕ

Аннотация. Данная статья содержит в себе некоторые обобщения, связанные с представлением языковой личности в нетипичной ситуации коммуникативного взаимодействия – виртуальное пространство русскоязычного сегмента интернета. Дается ряд ключевых характеристик, связанных с участниками, формирующими образ виртуального собеседника. Такого рода образность реализуется в условиях сильной конфликтности самой среды.

Ключевые слова: конфликт, образ ситуации, конфликтноген, расчеловечивание, дегуманизация.

Вопрос коммуникации занимает одно из главных мест в ряду современного мировосприятия индивидом. Данный феномен рас-

крывается во всем своем многообразии социального развития общества, пронизанного информационными технологиями, раскрываясь через нравственные, научно-мировоззренческие, экономические и прочие особенности. Однако все чаще проявляется уникальная особенность коммуникации, репрезентированная амбивалентностью отражения двойственности реальности: подлинной и виртуальной, что выражается в наличии у человека комплекса антонимичных состояний на уровне эмоций (одновременное наличие позитивного и негативного чувства к окружающему миру), воли (невозможность принятия решения), интеллекта (противоречащие друг другу идеи в процессе коммуникации). Такого рода внутреннее противостояние порождает конфликт.

Вопрос возникновения коммуникативных моделей в виртуальной реальности, а именно в интернет-коммуникации, является дискуссионным. Ряд исследователей отмечает, что источником формирования актуальной языковой личности является культурный империализм западных платформ, вытесняющих традиционные культурные ценности других стран, а заполнившие виртуальное 2 пространство медиапродукты во многом являются калькой западного образца и по форме подачи, и манере общения, внешне-го вида ведущих и т.п. [Загоруйко 2018].

Все перечисленные факторы формируют и реализует модель конфликтной языковой личности, раскрывающая свою уникальность в ситуации конфликтного коммуникативного поведения, понимаемой участниками как специфическое состояние конкретного коммуникационного пространства, в котором проявляются противоречивость интересов, целей, мотивов поведения, жизненных установок [Загоруйко 2013], и представляет собой статусный компонент коммуникативного поведения, что может расцениваться как элемент идентификации.

Российский сегмент интернета (Рунет) задает коммуникативно-стилевой вектор, синтезируя информативность через моделирование конфликтной языковой личности, обладающей уникальной речевой культурой – подчеркивающей субъективный образ участников взаимодействия, каждый из которых обладает набором ценностных установок способствующих, в данном случае, возникновению конфликта [Загоруйко 2018].

Отметим, что в целом поведение конфликтной языковой личности зависит от ситуации, накопленного опыта и знаний [Рома-

нова 2011]. В предложенной триаде в рамках виртуального пространства первостепенное значение, учитывая минимизацию реализации интеллектуальных способностей личности с точки зрения их роли в процессе взаимодействия [Загоруйко 2013], играет образ представленной ситуации.

Необходимость анализа образов ситуации, наблюдаемой у конфликтной языковой личности, опосредовано двумя факторами:

1) именно она является конфликтогеном в процессе взаимодействия, а не виртуальная реальность сама по себе, даже если она противоречива;

2) своевременное воздействие на участников общения и изменение их восприятия актуальной ситуации можно рассматривать как средство предупреждения и разрешения конфликта, к которому стремится одна из сторон [Леонов 2005].

Искажение ситуации общения хотя бы одним из участников влечет за собой кардинальное изменение и образа партнера. Конфликтная языковая личность активно способствует формированию искаженного образа взаимодействия у всех коммуникантов.

Следующие факторы способны качественно исказить образ ситуации:

– наибольшему искажению подвергаются мотивы поведения сторон, их действия, высказывания и поступки, личностные качества участников;

– эмоциональное реагирование и такие состояния как агрессивность, высокий уровень негативных эмоций;

– уровень интеллектуального развития, нельзя забывать, что низкий уровень развития характеризуются категоричностью оценок;

– ряд деструктивных установок: доминирование, ориентация на власть, жесткость установок и т. д.;

– самооценка и ее неадекватность: если человек неадекватно оценивает себя или другого, занижая или завышая оценку, то неминуемо искажает и образ конфликтной ситуации;

– уровень информированности участников друг о друге: когда он домысливает и «достаивает» недостающие фрагменты информации;

– изначально негативное отношение к партнеру превращается в своеобразный фильтр для адекватного восприятия.

Встречаются случаи, когда конфликтная языковая личность принимает попытки признать в оппоненте все его положительные

качества, то в этом случае наблюдается репрезентация целой серии ошибок, связанных с каузальной атрибуцией, предполагающей приписывание как существующих, так и нереальных причин поведения [Леонов 2016] в силу анонимности и дистантности сетевой среды [Загоруйко 2013].

Такого рода репродукция нереального образа порождает в коммуникативном мире конфликтной языковой личности образ врага, объединяющий в себе реальные, подлинные и приписанные, ложные качества.

Данный аспект непосредственно связан с неверным восприятием, детерминированным исключительно негативными оценками [Анцупов, Шипилов 2014], которые, в свою очередь, зависимы от изначально неверной трактовки ситуации.

Образ врага создает площадку межличностного противостояния, которое конфликтной языковой личностью реализуется в виде агрессивно-наступательного речевого поведения, (используются жаргонизмы и арго).

В последнее десятилетие в рунете наблюдается крайне опасная и востребованная тенденция, представленная дегуманизацией участников (не всегда взаимная), раскрывающаяся в вербальных действиях лишения человеческих прав. Результатом такой языковой игры становится оправдание любых действий (вплоть до физического насилия), направленных против оппонента, отказ от попыток поиска любых форм конструктивного взаимодействия.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что конфликтная языковая личность, функционирующая в Рунете, воспринимается как инструмент, позволяющий создать образ уникального участника коммуникации. Репрезентация поведения четко опосредована структурой конфликта, который позволяет интерпретировать обстоятельства согласно субъективным ощущениям, не имеющему ничего общего с реальной ситуацией. Культивирование и даже героизация такой личности негативно сказывается на перспективах развития интернет коммуникации в целом.

Список использованной литературы

Анцупов, А. Я., Шипилов, А. И. Конфликтология: учебник для вузов/ 5-е изд. – СПб: Питер, 2014. – 549 с.

Загоруйко, И. Н. К вопросу о модели конфликтной языковой личности в видеоблоге. Материалы VII Международной научно-практической кон-

ференции «Человек и мир: мирозидание, конфликт и медитация». – Ижевск: издательство ERGO, 2018. – С. 132–135.

Загоруйко, И. Н. Языковые клише в блогосфере Интернет-дискурса: функционально-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2013. – С. 3–11.

Леонов, Н. И. Конфликты и конфликтное поведение. Методы изучения: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2005. – 240 с.

Леонов, Н. И. Психология конфликта: интеграция подходов. XXXI Мерлинские чтения: Теория, методология и практика интегрального исследования индивидуальности в современном человекознании. – Пермь, 2016. – С. 45.

Романова, В. М. Коммуникативный конфликт как социально-лингвистический феномен // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 10. – С. 281–286.

A CONFLICTED LANGUAGE PERSONALITY IN RUNET

Summary. This article contains some considerations related to the representation of a language personality in an atypical situation of communicative interaction that is represented as the RuNet segment. A number of key characteristics related to the participants who form a virtual interlocutor image are given. This kind of imagery is realized in the conditions of a strong environment conflictogenicity as it is.

Keywords: conflict, image of the situation, conflictogen, dehumanization.

УДК 372.8:811.511.131-054.6(045)

Ильина Наталия Владимировна

Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация. В статье описывается опыт преподавания удмуртской литературы в иностранной аудитории, описывается проблемы, связанные с преподаванием удмуртской литературы иностранным студентам.

Ключевые слова: диалог культур, методика преподавания литературы, удмуртская литература, иностранные студенты.

Особенностью гуманитарного знания 21-го века является интерес к многополярности культуры, в связи с чем во всем мире наблюдается рост интереса к изучению языков и культур коренных народов, традиционно слабо представленных за пределами ареала функционирования данных языков и культур. В этом контексте актуален опыт института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета (УдГУ), работающего на протяжении последних десятилетий над популяризацией удмуртского языка и удмуртской культуры через сотрудничество с международными партнерами.

Данный аспект работы института включает преподавание удмуртского языка, удмуртской культуры и литературы иностранным студентам. Различные формы и программы преподавания удмуртской литературы представлены следующим образом:

1. Преподавание удмуртской литературы студентам, изучающим удмуртский язык (Туркуский университет, Финляндия; Будапештский университет имени Этваша Лоранда, Венгрия и др.). Данный формат работы включает гостевые лекции преподавателей Удмуртского государственного университета, а также курсы, включенные в учебную программу вузов. Занятия ведутся на удмуртском языке или на родном языке студентов (финский, венгерский). В обоих случаях преподаватель исходит из того, что студенты владеют удмуртским языком, могут читать удмуртские тексты в оригинале и анализировать их.

В определенной степени сюда же можно отнести преподавание некоторых аспектов удмуртского фольклора и истории удмуртской литературы в рамках Летней международной школы удмуртского языка для иностранных студентов «Удмуртский язык и вербальная культура удмуртского народа». Однако в силу того, что объём курсов ограничен, а уровень владения удмуртским языком варьируется от начального до продвинутого, лекции читаются на английском языке.

Отличительным моментом работы в этом формате является то, что аудитория заинтересована в изучении дисциплины и настроена к изучению материала позитивно. Студенты подкованы теоретически, владеют методикой анализа литературных произведений, интересуются удмуртской культурой, знакомы с особенностями культуры финно-угорских народов РФ, имеют опыт общения с носителями удмуртского языка.

2. Преподавание удмуртской литературы иностранным студентам дисциплины «Mythology, Folklore and Literature of Udmurts» (Мифология, фольклор и литература удмуртов), включенной в качестве факультатива в программу магистратуры по профилю «Литература народов Российской Федерации». Занятия – лекции и семинары – посещают как российские студенты-магистранты (как правило, носители удмуртского языка), так и иностранные студенты, проходящие обучение в Удмуртском государственном университете в рамках различных международных программ. Дисциплина является составной частью программы по регионоведению (Regional studies), разработанной совместно с коллегами из других институтов университета. В качестве рабочего языка используется английский язык. За годы преподавания эту дисциплину изучали студенты из Финляндии, Венгрии, Германии, Испании, Чехии, Болгарии, Хорватии, США, Ирака, Йемена и других стран.

Особенность преподавания данной дисциплины заключается в том, что студенты могут иметь разный образовательный уровень (студенты бакалавриата, магистранты, докторанты), разные научные интересы (в одной аудитории могут оказаться студенты, имеющие различную специализацию – лингвисты, историки, географы и т.д.). Большинство студентов-иностранцев, как правило, не владеет удмуртским языком и не изучает его, но при этом проявляет интерес к удмуртской культуре. Исходя из этого, занятия носят более обобщенный характер, преподавателю необходимо избегать теоретизирования, объяснять материал в более доступной форме, сопровождать лекции подробным лингвокультурологическим комментарием.

Данные факторы определяют круг проблем, связанных с преподаванием удмуртского языка в иноязычной аудитории.

В первую очередь, проблемы преподавания удмуртской литературы иностранцам связаны с недостаточным количеством переводов удмуртской литературы на европейские языки. Необходимо отметить, что работа в этом направлении ведется – некоторые тексты переведены на финно-угорские языки (в частности, переводы Райи Бартенс, Эсы-Юсси Салминена на финский язык; переводы Иштвана Козмача на венгерский язык и др.), в Эстонии изданы подстрочные переводы поэзии современных удмуртских авторов на английском языке. Над переводом удмуртских текстов на французский язык успешно и плодотворно работает профессор

Тартусского университета Эва Тулуз (Эстония). Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что переводов недостаточно, тем более недостаточно переводов на английский язык. Преподавателю, работающему в иностранной аудитории, приходится сталкиваться с тем, что у студентов, не владеющих удмуртским языком, нет возможности познакомиться с текстами, что является основным условием для полноценного изучения литературы.

В определенной степени специфика преподавания удмуртской литературы иностранным студентам заключается также в том, что у некоторых студентов происходит конфликт культурных ценностей. По нашим наблюдениям, особую сложность для понимания удмуртской литературы представляет тяготение удмуртской литературы и культуры к определенной архаичности. Ситуация усугубляется тем, что для постижения лучших образцов удмуртской литературы (К. Герда, Ф. Васильева, Р. Валишина, М. Федотова и др.) необходимо знание фольклорного и мифологического кода. Так, например, для понимания значительной части поэзии Ф. Васильева нужно иметь представление о традиционной системе верований удмуртов, символику таких образов, как дерево, лес, родник в мифологическом дискурсе. Глубокое понимание аутентичных текстов возможно только в том случае, когда реципиент обладает определенным уровнем фоновых знаний, связанных с традиционным образом жизни, историей и культурой народа. В силу того, что большинство иноязычных студентов не обладает достаточным объемом знаний об истории и культуре удмуртского народа, возникает необходимость лингвокультурологического комментирования изучаемых текстов.

С другой стороны, в большей части удмуртской литературы 20-го века представлена советская про-коммунистическая идеология, что также вызывает непонимание студентов. Так, например, большинство текстов 1920-1930-х годов непонятно для европейской аудитории, так как в мировоззренческой картине мира среднестатистического европейца положительный герой должен бороться против сталинского тоталитаризма, против коллективизации, тогда как при знакомстве с текстами они узнают, что Кузубай Герд был певцом революции, Кедр Митрей радовался сотрясанию прежнего «старого мира», Григорий Медведев ратовал за коллек-

тивизацию и т.д. В литературе 1960–1980-х годов европейского читателя удивляет общинность и традиционность мировоззрения автора. Зачастую литературный с неоднозначным поведением, воспринимаемым в удмуртской аудитории скорее отрицательно из-за нездорового индивидуализма и эгоизма персонажа, вызывает симпатии иностранного студента. Так, например, в романе «Начало года» Г. Красильникова многие иностранные студенты симпатизируют карьеристу Световидову, так как видят в нем, в первую очередь, жертву репрессий. Многим также импонирует его харизма, профессионализм, стремление к профессиональному росту, следование закону и т.д., но они забывают, что в основе поведения этого персонажа лежит эгоизм и обида на весь мир. В рассказе «Кошкисез мед кошкоз» («Уходящий пусть уходит») того же автора эгоистически-вызывающее поведение Кирилла Владимировича рассматривается как вызов неординарной личности конформизму. Не отрицая возможности различных интерпретаций поведения персонажей, преподавателю приходится корректировать суждения студентов, акцентируя внимание на ментальности и национальном характере удмуртов.

Таким образом, преподавание удмуртской литературы в иностранной аудитории является одним из способов популяризации удмуртской культуры за пределами Российской Федерации. Несмотря на то, что в Удмуртском государственном университете созданы условия для преподавания удмуртской литературы иностранным студентам, в этой области имеются определенные проблемы. Часть этих проблем можно решить через переводы текстов на английский язык; другие проблемы решаются через тщательную подготовку преподавателя к занятиям.

PECULIARITIES OF UDMURT LITERATURE TEACHING FOR THE FOREIGNERS

Summary. The article describes the process of teaching the Udmurt literature in the international audience and focuses on the challenges connected with teaching the Udmurt literature to foreign students.

Keywords: dialogue of cultures, methods of teaching Udmurt literature, Udmurt literature, international students.

Кашин Алексей Александрович
Кудрявцев Андрей Федорович
Тимерханова Надежда Николаевна

Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА, СВЯЗАННОГО С ВОДНЫМИ ОБЪЕКТАМИ

Аннотация. В данной статье речь идет о географических факторах формирования лингвистического ландшафта, связанного с водными объектами, а именно о географической терминологии, используемой для обозначения водных объектов, а также о топонимическом ландшафте, имеющем отношение к системе речной долины. Под лингвистическим ландшафтом нами понимаются наименования элементов конкретного сегмента (региона) ойкумены. Актуальность данного исследования заключается в том, что географические термины, гидронимы и ойконимы рассматриваются не только как объект лингвистики, а в большей степени с позиции гуманитарной географии, с точки зрения взаимодействия языковой культуры и географического пространства.

Ключевые слова: географический фактор, лингвистический ландшафт, топонимический ландшафт, водный объект, система речной долины, географический термин, гидроним.

Начнем наш анализ с географических терминов, используемых для обозначения водных объектов. Такие термины употребляются для определения конкретного географического понятия или явления; будучи составным элементом топонима, они указывают на его связь с географическим объектом. Как отмечает профессор С. Н. Басик, занимающийся геотопонимическими исследованиями в геокультурном пространстве, «генетическая связь народного термина с географическими объектами, их сущностью, находит выражение в топонимии, являющейся своеобразным аккумулятором значительного числа терминов. Взаимосвязь между топонимом и термином является универсальной закономерностью топонимики. Топонимия – это своеобразный язык ландшафта, его вербальное выражение. Можно сказать, что посредством топонимии ландшафт

«рассказывает» о себе, о своей истории, динамике и особенностях. Ландшафтно-топонимические исследования способствуют реконструкции географических ситуаций прошлого. Топонимы позволяют выявлять и исследовать в динамике такие компоненты природного ландшафта, как формы рельефа, почвы, растительность и животный мир [Басик 2006: 14].

Если говорить об удмуртском языке, можно отметить, что на данный момент многие народные географические термины являются литературными и могут претендовать на роль научного термина. Географические термины на удмуртском языке и топонимы являются связующим звеном между этносом и географическими объектами, в названия которых он вложил важную (научную) информацию. Создание географических наименований является результатом многовекового народного творчества. Нужно отметить, что географические термины и топонимы, в нашем случае гидронимы и ойконимы, образованные от гидронимов, как правило, имеют географические факторы формирования. Следовательно, необходимо рассмотреть, какие факторы повлияли на формирование лингвистического, и в частности, топонимического ландшафта, связанного с водными объектами.

Итак, месторазвитие удмуртского этноса находится в Вятско-Камской таёжной провинции на востоке Русской равнины. Локация в Предуралье и своеобразии климата региона, а именно превышение количества осадков над испаряемостью, умеренно-континентальный тип климата – косвенно определили существование таких компонентов природы лесной (таёжной) зоны Русской равнины, как густую речную сеть, многоводность рек, заболоченность территории, низкое плодородие почв. Уральские горы, расположенные меридионально, являются важной климатической границей между европейскими (теплыми и влажными) и азиатскими (холодными и сухими) воздушными массами, на стыке которых в зимнее время характерно выпадение обильных осадков. Талые вешние воды, просачиваясь в поверхностный слой земли, формируют подземные воды. Особенности геологического строения территории способствуют повсеместному и обильному выходу их на дневную поверхность в виде родников, которые в свою очередь становятся истоками рек. Растекаясь по территории, на протяжении длительного времени реки «создают» эрозионный рельеф (овраги, балки, речные долины, разнообразные формы микрорель-

ефа) столь характерный для Удмуртии. Все это обусловило высокую густоту речной сети данного региона (см. рис. 1).

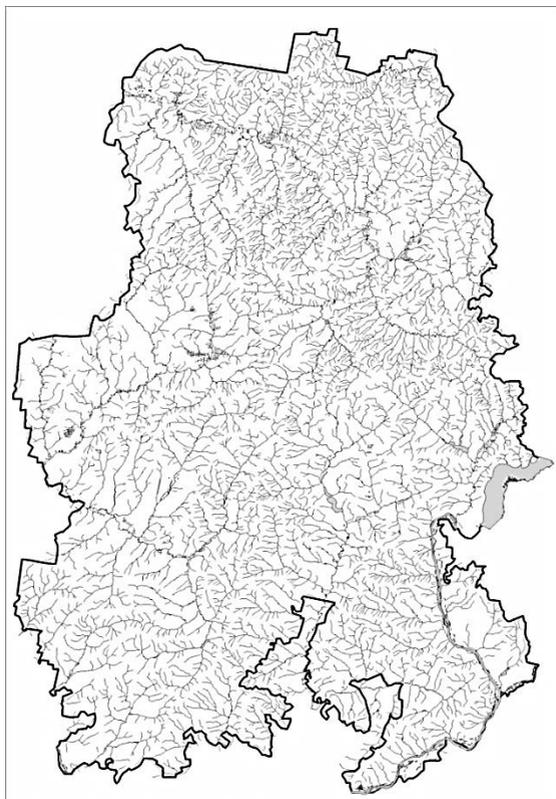

Рис. 1. Речная сеть УР.

Климат как ведущий географический фактор развития рассматриваемой территории прямо и косвенно отразился, в том числе и в формировании лингвистического ландшафта. Под последним нами понимаются наименования элементов конкретного сегмента (региона) ойкумены. В частности топонимы, как правило, отражают язык этноса, проживающего или проживавшего на определенной территории.

В силу того, что реки являются распространенным природным объектом Удмуртии, вполне очевидным является факт широкого распространения топонимов, включающих названия рек.

Рассматривая связь названий сел с географическими объектами, можно отметить то, что некоторые древние ойконимы вклю-

чают наименование реки (потамоним), например: названия сел, омонимичные названиям рек, рядом с которыми они расположены: *Лоза* (с., Игр.), *Чепца* (с., Кез.), *Лынга* (с., Як.-Б.), *Люк* (с., Зав.), *Нылга* (с., Ув.), *Пычас* (с., Можг.), *Пудем* (с., Яр.), *Сада* (с., Яр.), *Сельчка* (с., Як.-Б.), *Сюмси* (с., Сюмс.), *Шаркан* (с., Шарк.), *Чур* (с., Як.-Б.); ойконим *Люкшудья* (с., Зав.) включает гидроформант *люк* 'река'; *Камское* (с., Вотк.) – название р. Кама, *Уть-Сюмси* (с., Селт.) – гидроним *Сюмси*; *Вавож* (с., Вав.) и *Ва-Тукля* (Ува-Тукля, с., Ув.) – название р. Ва (Ува); в названиях сел *Андрейшур* (с., Балез.), *Поршур* (с., Можг.), *Якшур-Бодья* (с., Як.-Б.) апеллятивом является слово *шур* 'река' и др.

Густая речная сеть обуславливает появление и использование в удмуртском языке множества гидронимов и необходимого перечня гидрографических терминов, соответствующего географической составляющей территории. Рассмотрим строение речной долины.

Речные долины – одна из самых распространенных форм рельефа Удмуртии, образованных поверхностными водотоками (реками). Они структурно состоят из русла реки с водотоком, поймы, надпойменных террас по обеим сторонам (от одной до трех террас) и коренных берегов (см. рис. 2).

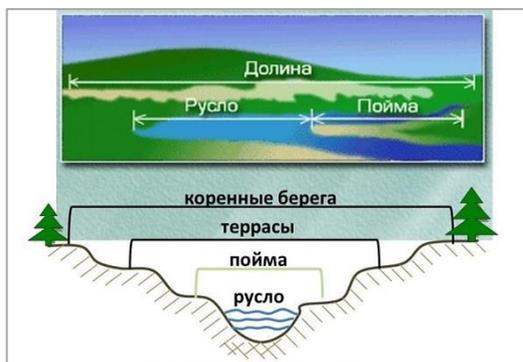

Рис. 2. Строение речной долины.

(Рисунок: URL: <https://rusinfo.info/wp-content/uploads/a/7/3/a735252adf0a8403fa515aa192e9807e.jpg>)

Долина по-удмуртски называется *шур нёжал* 'речная долина', *шурнёж* 'пойма', *возньюрёс*, *вадор* 'займища'. Интересен тот факт, что иногда речная долина или ее часть, находящаяся на месте старого русла, может обозначаться по названию реки, к примеру, *вуж Вало* 'старая Вала'. Русло называется *шур ёр*, берег реки – *шур яр-дур*, коренные берега особого наименования не имеют, и, как пра-

вило, берегом уже не называются, но могут быть обозначены как *вуж ярдур* 'прежний / старый берег'. Террасы также специального названия на удмуртском языке не имеют.

Самыми значимыми водными объектами в рельефе Удмуртии являются реки (большая часть терминов, связанных с этим географическим объектом, и другие термины, которые будут даны ниже, известны многим носителям языка). Термины, обозначающие реку как географический объект, – это: *шур* 'река', *пичи шур* 'речка; ручей' (букв. 'маленькая река'), *вай* 'речка; приток', *люк* 'река', *кам* 'река, поток; большая вода' [Кельмаков 2019: 15–17], *ву / ва* 'река' и др.

Самое распространенное в современном удмуртском языке название реки *шур*. Данный апеллятив нередко используется в названиях населенных пунктов. По подсчетам Л. И. Калининой [1967: 109] количество названий населенных пунктов с топоформантом *шур* (по данным административно-территориального деления Удмуртской АССР на 1965 г.) составляло 243 названия. По данным справочника по административно-территориальному делению Удмуртии на 1989 год официальных названий с компонентом *шур* 139 [САТД 1995: 191–559]. По данным удмуртско-русского списка географических наименований [УРС 2008: 872–898] таких ойконимов 161 (учитывались удмуртские названия, а также русские, если в удмуртском нет апеллятива *шур*, а в русском имеется), из них официальных наименований – 138. Больше всего ойконимов (официальных) с данным апеллятивом встречается в Глазовском муниципальном районе – 15 населенных пунктов, чуть меньше в Балеинском – 14, Игринском и Можгинском – 11, Шарканском – 10.

Слово *ву / ва*, в отличие от *кам*, означало 'малая река (вода)'. С этим формантом на современной территории Удмуртии встречаются следующие гидронимы и ойконимы: *д. Порву* (Порва, д., Як.-Б.), *р. Ва* (Ува) и *пос. Ува, р. Вало* (Вала), *д. Вадор* (Рябово, д., Ув.), *д. Куреггурт / Валодор* (Валадор, д., Вав.), *р. Сива, р. Сёва* и *д. Сёва, д. Кыква* (д., Як.-Б.), *с. Вавож*. В более ранний период (Ландратская перепись 1716 г.) на территории проживания удмуртов зафиксированы такие названия населенных пунктов с топоформантом *ва* 'река, речка': *д. Ва-Тукля, д. Вавож-Можга, д. Вала-Докья, д. Вала-Жикья, д. Валадор-Юсь, д. Володин-Какся (=Валодьнь-Какся)*.

В гидронимах и ойконимах можно встретить древний топоформант *люк* 'река': *р. Люк, д. Люк* (д., Зав.), *д. Люкумвож* (Усть-

Лекма, д., Юкам.), д. Люкымвож (Усть-Лекма, д., Яр.), д. Люквыр (Люквыр, д., Игр.), Верх-Люк (д., Балез.), д. Косолюк (д., Деб.), д. Устье-Люк (д., Игр.), д. Лозолюк (д., Игр.), д. Люкшудза (Люкшудья, д., Як.-Б., Зав.).

Кроме вышеназванных апеллятивов, имеются и топоформанты, имеющие значение «река», которые как самостоятельное слово не используются. Как отмечает М. А. Самарова [2010: 23, 25], самыми трудными и гипотетичными являются названия гидрообъектов, в которых можно выделить частотный формант, но и первый компонент не поддается расшифровке. На географической карте Удмуртии выделяется множество названий рек с исходом на *-си*, *-зи*, *-чи*, *-зи*, данные гидроформанты являются лексемами финно-угорского происхождения: *Варзи*, *Варази*, *Воззи*, *Идзи*, *Иччи*, *Кваччи*, *Кузи*, *Парзи*, *Пумси*, *Сия*, *Сьодзи*, *Сюмси*, *Сюрзи*, *Чузи*, *Чупчи* и т. д. Необходимо отметить, что формант *си*, в отличие от других *-зи*, *-чи*, *-зи*, может встречаться в атрибутивном значении: д. *Симашур*, р. *Сива*, р. *Сева*. В данных названиях рек гидроформанты *-си*, *-зи*, *-чи*, *-зи*, означают, по мнению многих ученых, какой-то водный источник [Атаманов 1987: 113]. На это указывает и перевод гидронима *Сьодзи* на русский язык как 'Черный ключ'. М. Г. Атаманов отмечает, что частотные гидроформанты *-си*, *-зи*, *-чи*, *-зи* не находят удовлетворительного объяснения на материале удмуртского языка [Атаманов 1988: 74, 76]. К этому ряду можно добавить названия таких топонимов: р. *Варзи* (Варзи, Варзинка), р. *Лудзи* и д. *Лудзи* (Непременная Лудзя, д., Зав.), д. *Лудзи-Жыкъя* (Лудзи-Жикья, д., Селт.), д. *Лудзи-Норья* (Лудзя-Норья, д., Зав.), р. *Тутчи* (Тутча), р. *Туртчи*, а также названия д. *Пичи Итча* (Малая Итча, д., Як.-Б.), д. *Ворча* (Ворца, д., Яр.), д. *Вортча* (Вортча, д., Кез.); Вортчино (д., Яр.), д. *Шудза* (Шудзя, д., Глаз.; Шудья, д., Зав.).

В поддержку точки зрения о том, что формант *-си* имеет значение 'ручей; проток', можно отметить следующее. На наш взгляд, материал современного удмуртского языка подтверждает правильность данной гипотезы: так, например, слово *си* (имя существительное) на современном этапе развития языка употребляется в значениях «волос» (*йырси* 'волос; волосы'), «струна» (*крезь си* 'струна крезья'), «луч» (в сочетании *шунды си* 'луч солнца' и в геометрии *си* 'луч'), то есть в этом слове имеется сема «линейность и раздельность», и очень легко проводится ассоциативная связь между словами *вай* 'ветвь, ответвление' и *си* 'луч', *сиос* 'лучи; от-

ветвления'. Следовательно, гидроформант *си-*, *-си* имеет значение 'ответвление', отсюда вытекает значение 'проток, приток'. В таком случае, например, гидроним *Сива* обозначает *си-* 'приток' и *-ва* 'речка' → 'речка-приток'. С этимологией некоторых других гидронимических формантов можно познакомиться в работе М. А. Самаровой «Топоформанты в гидронимии Удмуртии» [2010: 23–28].

Учитывая то, что на территории Удмуртии несколько гидронимов с компонентом *ви-* в сочетании с *-шур* – *р. Вишур* (Вишурка); 7 деревень с названием *Вишур* (Вичур, *д.*, Кизн.), Вишур (*д.*, Бав., Малоп., Ув.), Вишур-Пурга (*д.*, Шарк.), Нижний Вишур (*д.*, Можг.), Удмуртский Вишур (*д.*, Алн.); а также *д. Пашур-Вишур* (*д.*, Шарк.), *д. Мувыр-Вишур* (Заречный Вишур, *д.*, Шарк.), хотелось бы высказать следующую мысль: если соотнести удмуртское (удм.) слово *ёзви* 'сустав' – коми *йёзви* 'сустав', удм. *вим / виым* 'мозг' – коми *вем* 'мозг', удм. *вияны* 'течь' – коми *виявны* 'течь', удм. *визыланы* 'струиться; быстро течь; течь струйкой' – коми *визувтны* 'струиться', в удм. также *визыл* 'стрежень, стремнина; пережат; струйка' (помимо этого, в удмуртском языке имеются сочетания *йырвиым (йыр) кисътйське* в значение 'мозг течёт; сотрясается мозг' (частое состояние при гриппе), букв. 'голова / мозг выливается', *лыысь виымез вия* 'из кости вытекает мозг (мозговая жидкость)'), можно заметить, что во всех приведенных словах и словосочетаниях имеется компонент *ви-*, *-ви* с общей семьей «жидкость», глаголы имеют общую сему «течь, струиться», а отглагольные существительные *виян* 'ток, течение, поток' и *визылан* 'быстрое течение, быстрый поток; течение струйкой' общую сему «ток; поток; течение». Исходя из этого можно утверждать, что топоформант *ви-* имеет значение 'проток, приток' и 'ручей', т.е. *ви-* является именно гидроформантом.

В современном удмуртском языке для обозначения притоков рек как термин используется слово *вайшур*, но есть и другое слово *шурвай* с тем же значением, оно встречается в ойкониме *Шурвай* (Запасы, *д.*, Сар.)). В качестве термина оба слова являются удачными, так как отвечают требованиям, предъявляемым к терминам. Как гидроформант в удмуртском языке может использоваться слово *вай* 'приток', например, *р. Уйвай*, а также в ойкониме *д. Ошмесвай* (Большой Ошмесвай, *д.*, Ув.). Аппелятив *-вай* является продуктивным и встречается в следующих ойконимах: *Гондырвай*, *Карсовой*, *Кенеровой* (Кенервай), *Мужвай* (Можвай), *Мушковой*, *Ули Кольёвой* (Нижний Келевай), *Крашинь Тыловой* (Нижний Тыловой), *Пежвай*,

Пойвай, Порвай, Пудвай, Пуштовай, Кеновай (Старый Кеновай), *Сюровой, Сюрсовой, Зятловой* (Зетловой), *Лудорвай, Ягвай, Ягвайдур*. Кроме форманта *-вай*, для обозначения притока реки в речи может использоваться слово *чальды* или *чальдэт* (от глагола *чальдыны* 'отлететь, отскочить; отколоться, расщепиться; дать отростки (пасынки)'), имеется также метафорическое диалектное наименование *шурлэн быжыз* букв. 'хвост реки', которые не отражены в топонимике.

Для обозначения истока реки в основном употребляются слова *шурйыл* 'исток реки; верховье реки' (букв. 'вершина реки'), *ошмес* 'родник, исток (реки)'. В современном удмуртском языке у слова *ошмес* значение «верховье реки» непрозрачно, поэтому в качестве термина, обозначающего именно «верховье реки» применяется слово *шурйыл*. В качестве гидроформанта с давних пор использовался компонент *-йыл* 'исток реки; верховье реки', что можно отследить по следующим ойконимам, расположенным в верховьях рек: *д. Вожоййыл* (Русский Вожой, д., Зав.) по *р. Вожой*, *д. Итйыл* (Сильшур, д., Шарк.) по *р. Ита*, *Йырашйыл* (Сарайкино, д., Грах.) по *р. Йыраш*, *д. Кузонйыл* (Старая Казанка, д., Кизн.) по *р. Кузон*, *д. Сюмсийыл* (Сюмсиил, д., Сюмс.) по *р. Сюмси*, *д. Сюгийыл* (Сюгаил, д., Можг) по *р. Сюги* (Сюга), *д. Тыжмыйыл* (Верхняя Тыжма, д., Кизн.) по *р. Тыжмы* (Тыжма), *Умегйыл* (Малый Кармыж, д., Можг.) по *р. Умег* (Умяк).

Имеются также эллиптированные наименования: *д. Лудзыл* (Верхняя Лудзя, д., Зав.) по *р. Лудзи* (Лудзя), современный вариант названия с выпадением комплекса звуков [-ий-]: *Лудзийыл* → *Лудзыл*; то же самое явление в названиях *д. Варзыл* (Варзибаш, д., Алн.) по *р. Варзи* (*Варзийыл* → *Варзыл*); *д. Туймыл* (Удмуртский Тоймобаш, д., Алн.) по *р. Туймы* (Тойма) – (*Туймыйыл* → *Туймыл*). Нельзя не отметить, что татарское название деревень *Варзибаш* и *Тоймобаш* включает компонент *баш*, также в данном случае имеющий значение «верховье (реки)». Имеется и гидроним с апеллятивом *-йыл*: *р. Сюгийыл* (Сюгаилка) – верховая река, приток *р. Сюга*. Исходя из этого, можно сказать, что термину *шурйыл* присуще и значение «верховая река». Такое же значение термина, но только во множественном числе – *шурйылгӛс*, отмечено в «Русско-удмуртском словаре географических терминов» [Туганаев, Воронцов, Перевощиков 2003: 21].

Антонимичными понятиями к термину *шурйыл* являются слова *шурул* 'низовье реки' (букв. *шур* 'река' и *ул* 'низ; нижняя часть

чего-либо'), *шурдйнь* 'дельта реки' (букв. *шур* 'река' и *дйнь* 'основание; основа') и словосочетание *шур уллал* 'низовье реки' (букв. *шур* 'река' и *уллал* ← *ул(ла)* 'низ; нижняя часть чего-либо', *лал* 'сторона'; -ла- – межморфемная прокладка). Территория между реками обозначается понятием *шурвис* 'междуречье' (букв. *шур* 'река', *вис* 'пространство между чем-либо').

Объем данной статьи не позволяет нам раскрыть все термины, связанные с водными объектами, без специального внимания остаются такие термины, как *шур ёр* 'русло реки', *вуж ёр* 'старое русло', *вужёрты* 'старица', *муркож* 'омут', *луоныр* 'пляж', *визыл* 'перекат; стрежень', *вуберган* 'водоворот', *шурберыг* 'излучина', *кожйыл ныр* 'мыс, коса', *сюм, калым* 'залив', *шурвож* 'устье', *ярдур* 'берег', *шурвожйыл* 'стрелка' (букв. 'вершина устья реки'), *зылинты* 'плёс' и др.

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что географические факторы формирования лингвистического ландшафта очевидны: географические термины, часть топонимов и микротопонимов с гидроформантами являются отражением географического пространства, окружающего народ, отображением географических объектов. Лингвистический ландшафт, связанный с географическим рельефом, включает в себя наименования, которые некогда появились и сохраняются в языковой культуре.

Сокращения

Алн. – Алнашский р-н
Балез. – Балезинский р-н
Вав. – Вавожский р-н
Вотк. – Воткинский р-н
Глаз. – Глазовский р-н
Грах. – Граховский р-н
Деб. – Дебесский р-н
Зав. – Завьяловский р-н
Игр. – Игринский р-н
Кез. – Кезский р-н
Кизн. – Кизнерский р-н

Малоп. – Малопургинский р-н
Можг. – Можгинский р-н
Сар. – Сарапульский р-н
Селт. – Селтинский р-н
Сюмс. – Сюмсинский р-н
Ув. – Увинский р-н
Шарк. – Шарканский р-н
Юкам. – Юкаменский р-н
Як.-Б. – Як-Бодьинский р-н
Яр. – Ярский р-н

Список использованной литературы

Басик, С. Н. Общая топонимика: Учебное пособие для студентов географического факультета. – Мн.: БГУ, 2006. – 200 с.

Атаманов, М. Г. О некоторых топоформантах в гидронимии Удмуртии // СФУ. – 1987. – № 2.

- Атаманов, М. Г.* Удмуртская ономастика. Ижевск: Удмуртия, 1988. – 168 с.
- Кельмаков, В. К.* Белая Кама впрямь ли белая? (Удмуртские названия реки Камы в письменных источниках): Препринт. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2019. – 104 с.
- Самарова, М. А.* Наименования топообъектов Верхней Чепцы: Монография. – Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2010. – 246 с.
- Самарова, М. А.* Топофороманты в гидронимии Удмуртии // Вестник Удмуртского Университета. – 2010. – Вып. 2 – С. 22–28.
- Туганаев, В. В., Воронцов, П. И., Перевошиков, А. П.* Русско-удмуртский словарь географических терминов = Географи нимкылтёсын зуч-удмурт кыллюкам: Более 1700 слов. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2003. – 184 с.
- Ландратская перепись 1716 – (РГАДА 350-1-147) Книга переписная 716-го и 717-го годов Казанского уезда Арской дороги ясашным русским, новокрещенам, вотякам и татарам, черемисе Данила Варыпаева.
- САТД 1995 – Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917–1991 гг. / Науч. ред. Тронин А. А., Ком. по делам архивов при Правительстве Удм. Респ.; Сост. О.М. Безносова и др. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 743 с.
- УРС 2008 – Удмурт-зуч кыллюкам = Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; Отв. ред. Л. Е. Кириллова. – Ижевск, 2008. – 925 с.

GEOGRAPHICAL FACTORS OF FORMATION LINGUISTIC LANDSCAPE WITH WATER OBJECTS

Summary. This article deals with the geographical factors of the formation of the linguistic landscape associated with water objects, namely the geographical terminology used to designate water objects, as well as the toponymic landscape related to the river valley system. By linguistic landscape we mean the names of elements of a particular segment (region) of the ecumene. The relevance of this study lies in the fact that geographical terms, hydronyms and oikonyms are considered not only as an object of linguistics, but more from the standpoint of humanitarian geography, from the point of view of the interaction of linguistic culture and geographical space.

Keywords: geographical factor, linguistic landscape, toponymic landscape, water object, river valley system, geographical term, hydronym.

Кельмаков Валей Кельмакович
Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

«НО НЕ ПРИНЯТО ГОВОРИТЬ
ИЖЕВСКЪЁС, ГЛАЗОВЪЁС, МОСКВАОС»*

Аннотация. Положение из научной грамматики удмуртского языка (1962) о том, что “не принято говорить *ижевскъёс, глазовъёс, москваос*”, т. е. образовать от заимствованных урбонимов путем присоединения к ним форманта множественного числа *-ос/-ёс* имена существительные, обозначающие жителей в форме множественного числа – в данном случае: ‘ижевцы’, ‘глазовчане’, ‘москвичи’. Однако рекогносцировочный просмотр удмуртскоязычных текстов XIX–XXI вв. позволяет прийти к иному выводу – удмуртский показатель множественного числа свободно может сочетаться с любым топонимом (в том числе и с заимствованным) в целях образования наименования жителей указанной местности, ср., напр.: *Египет – Египетъёс/египетъёс* ‘египтяне’, *Китай – китайъёс* ‘китайцы’, *Москва – москваос* ‘москвичи’, *Иж* (т. е. *Ижевск*) – *ижъёс* ‘ижевцы’ и пр.

Ключевые слова: заимствованные топонимы, названия жителей, словообразовательная функция, формант множественного числа.

1. Название данной работы представляет из себя фрагмент из научной грамматики удмуртского языка, где речь ведется о спорадическом употреблении суффикса множественного числа *-(й)ос* в деривационной функции: “В форме множественного числа могут употребляться и названия удмуртских населенных пунктов для обозначения их жителей. В этом случае указанные названия переходят в нарицательные имена (*можгаос* ‘можгинцы’, *дебесъёс* ‘дебесские’, *чебершуръёс* ‘чебершурские’, т. е. жители дер. Чебершур и т. д.). **Но не принято говорить *ижевскъёс, глазовъёс, москваос***” (выделение жирным шрифтом и курсивом мое. – В. К.) [ГСУЯ 1962: 76; см. также: УКК 2011: 23]. “Для обозначения жителей неудмуртских населенных пунктов” в литературном удмуртском языке, по утверждению данного научного труда [ГСУЯ 1962: 76–77], выработан целый арсенал иных средств, среди которых значатся следующие:

* Исследование выполнено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-012-00267.

1) прямые заимствования рассматриваемых слов из русского языка, напр.: *москвич* – *москвичёс*, *ленинградец* – *ленинградецёс*, *пермич* – *пермичёс*);

2) описательные конструкции, в которых:

а) в качестве первого компонента выступает заимствованный ойконим в форме элатива, а вторым компонентом являются слова *адями* или *мурт* 'человек' (ед. ч.) или *калык* 'люди': *Москваысь мурт* 'человек из Москвы, москвич', *Москваысь калык* 'люди из Москвы, москвичи' [ГСУЯ 1962: 76] (ради полноты представления средств для образования названий жителей во множественном числе авторы учебника могли бы добавить еще и формы *муртъёс* или *адямиос* 'люди', *калыкёс* 'люди (букв. народы)': *Москваысь муртъёс (адямиос)*, *Москваысь калыкёс* 'люди из Москвы, москвичи');

б) в качестве первого компонента употребляется заимствованный ойконим в форме инессива, а второго компонента – слово *ульсь* 'живущий; житель' (ед. ч.) и *ульсьёс* 'живущие; жители' (мн. ч.): *Москваын ульсь* 'москвич (букв. живущий в Москве; житель Москвы)' – *Москваын ульсьёс* 'москвичи (букв. живущие в Москве; жители Москвы)' [ГСУЯ 1962: 76–77].

2.1. Однако даже рекогносцировочный просмотр некоторых удмуртскоязычных связных текстов, составленных в середине XIX – начале XXI в., дает основание усомниться в отдельных положениях вышеназванной научной грамматики удмуртского языка 1962 года о том, что рассматриваемый аффикс мн. ч. *-(й)ос* якобы не может сочетаться с онимами (топонимами, этнонимами и пр.) неудмуртского происхождения и образовать тем самым имена существительные во мн. ч., обозначающие совокупность жителей той или иной местности, страны, города или иного населенного пункта. Вот некоторые примеры, извлеченные из подобных текстов, в которых производные этнонимы были образованы на базе онимичных основ неудмуртского происхождения в сочетании с формантом *-(й)ос* в словообразовательной функции:

1) на базе заимствованных наименований стран и народов:

1847: **Египтяне** преслѣдовали Евреевъ: но Бог чудесно сохранилъ Евреевъ, и погубилъ **Египтянь**. → (сар.) '*Египетѳсь* *уизы пегзисъ Еврейѳсызъ: Инмаръ утизъ соосызъ паймонд-кадь, уйсъ Египетѳсызъ од-игтэмъ быдтизъ<...>*' (Азбука Сар. 1847: 43).

1874: (каз.?) *Филистим калык Еврейосын жугычкон поттилдам вылем, **Филистимѳос** пушкын жужыт мугоро эсебтем кужмо Голиаф нимо одик батыр ваъ вылэм, **Филистимѳос** со батырлен кужымеzлы*

оскыса Еврейосыз киямы бачтомы шўса улилдам (Нач. уч. 1874: 20–21). 'Филистимский народ начал войну с Евреями в надежде на то, что среди **Филистимлян** был очень высокий и непомерно сильный богатырь по имени Голиаф, и **Филистимляне** верили с помощью его силы при- брать Евреев к своим рукам'.

1877: (каз.) *Со бере Филистимйос Сампсонэз кутыса сиўэз текчы- тиллям но казаматын кизэ думыса вуко изыны косиллям* (Св. Ист. 1877: 45). 'Затем **Филистимляне**, схватив Самсона, ослепили его и, завязав в темнице его руки, заставили его крутить мельницу'.

1888: **Егїптяне** брўсился бїло за нїми; но Богъ повелїль Моисею опять ударить жезлўмъ по мўрю: мўре слилўсь; и егїптяне всї до одного потонўли. (елаб.) '*Египетїєс но соос сїбры отїиик уисцькыса мыно вал но, сокы Иньмар Моисеез нош жаризез бодїэныз шуккыны косїз, шук- кем безаз жаризь ву берен огазе луиз но египетїєс одїгтэм выизы*' [Ис- лентьевъ 1888: 191];

2007: (удм. лит.) *Асьме вакытлэсь азьло (до нашей эры) 2600-тїи арын кылдытэм китай манускриптїєс вылын їабїямын тани ма: чурит яраез китайїєс кан-ту шуо вылэм, нош сое эмїясь ртуть пызез – шун-ин* (Е. Сарамакова – Уд. 20.07.2007, 13). 'В китайских манускриптах, созданных в 2600-е гг. до нашей эры, начертано вот что: твердый шанкр **китай- цы** называли, оказывается, кан-ту, а ртутную муку, служащую для его ле- чения, – шун-ин';

2) на базе названий археологических культур, которые, в свою оче- редь, были созданы на базе заимствованных наименований населенных пунктов (урочищ):

1997: (удм. лит.) *Пьяноборїєслы азелинослэсь шўдскїмон пўр- тэммыны юртїиы трос мугїєс<...>* [Даурїєс пыр 1997: 37]. 'Сущест- венному различению **пьяноборцев** от **азелинцев** способствовали некото- рые факторы<...>'. (удм. лит.) *Тросэз пьяноборїєс малы ке но юртї- яськылїллям виль интїюсы. Тїни со муген ик археологїєс огкылысь шуо: пьяноборїєс ананїиноос выжыысь ик їїсужазы-телеїизы ке но, ананїи- ноос кадесь ик овїл* [Даурїєс пыр 1997: 38]. 'Большинство **пьяноборцев** почему-то расселялись на новых местах. Вот по той причине и археологи единодушно утверждают: хотя **пьяноборцы** развивались на базе ананїи- нских племен, но не совсем были сходны с **ананїинцами**';

3) на базе заимствованных урбанонимов:

1995: (удм. лит.) *Бен со Сумгаитысь но Руставиысь труба кись- тїсьєсїд но мукет министрствоосын їй ке луысалзы, нижнедне-*

пропетровскъёс асьсэлэн ужзы шоры кузё синмын ке учкысалзы, сокем изъян адзысалзы шат музъем портійсьёс? (Е. Самсонов. Тулыс чукна, 184). 'Ведь и те литейщики труб из Сумгаита и Рустави не были бы подведомственны другому министерству, **нижнеднепропетровцы** смотрели бы на свою работу хозяйскими глазами, разве терпели бы бурильщики столько убытков?'

1998: (удм. лит.) *Паймоно кадъ: али передачаоссэс пырак эфире сётно луо ке, **ижсьёс** но, **москваос** но верамысь уг дугдо: ми ме́чак эфирын. Озыы выльысь но выльысь пусйыны туртто: учкелэ ай, пе, кызы-мар ми пёрмытійськомы – видеотехникаез но, мукетсэ но уже кутытэк, соку ик эфире потійськомы; ваньмыз созэ уг пишмыто. Зэмзэ но уг – **Москвын** но, **Ижевскын** но* (П. Чернов. Егит дыр кырзаньёс, 321). 'Что удивительно: если в настоящее время приходится им организовать передачи напрямую, и **ижевчане**, и **москвичи** не перестают твердить: мы в прямом эфире. Так они снова и снова стараются отмечать: смотрите, мол, как мы можем – без использования видеотехники и других [средств] тотчас же выходим в эфир – не всем это под силу. И впрямь не могут – ни в Москве, ни в Ижевске'.

2.2. Названия жителей нередко создавались, как на это указывает также научная грамматика удмуртского языка 1962 г. (см. выше), путем сочетания заимствованных (макро)топонимов в различных формах с лексемами *мурт/муртъёс* 'человек/люди', *калык* 'народ', *город-мурт/город-муртъёс* 'горожанин/горожане; гражданин/граждане' и др., напр.:

1877: (каз.) *Моисей шуккем бере зареж люкиркем ву кыкла-палаз но забор каик луыса улэм, пидэсыз но куасмем. **Израил муртйос** зареж шорти кӧс интйити орчиллям* (Св. Ист., 38). 'После того как Моисей ударил, морская вода раздвинулась стеной в две стороны, и дно стало сухое. **Израильтяне** (букв.: 'израильские люди') перешли море по сухому месту'.

1888: Крещёние святого Владими́ра и **киевлянь** [Ислентьев 1888: 171]. (елаб.) '*Святой Владимирлэн но **киев-город-муртъёслэн** чукинэмзы*' [Ислентьев 1889а: 148].

1889: Собрались **новгородцы** и разсудили, что безъ помощи князя Алекса́ндра не одолеть имъ нѣмцевъ [Ислентьев 1889: 173]. (елаб.) '*Новгород-муртъёс огазе люкасыкыса кенешизы, нэмычъёсыз Александр кунтэк ум вӧрме, шуса<...>*' [Ислентьев 1889а: 150]. И др.

2.3. Как ранние, так и более поздние авторы-составители удмуртских текстов отнюдь не отказывались и от прямых заимствований названий жителей из русского языка, ср.:

1847: Когда Моисей родился, мать хотѣла его скрыть, чтобы не убили **Египтяне**<...> (глаз.) 'Ку Моисей вордскіъ, мумизъ яснѣиъ соѣ уватыны, медѣъ вѣ шуисѣ **Египтянѣѣсѣ**<...>' (Азбука Глаз. 1847: 40).

1971: (удм. лит.) **Москвичѣѣсын артѣ москвич** – *Вамышьясѣко мон, удмурт пи, Кытѣй ветлѣиз асьме Ильич, Москва, тынад площадѣѣстѣид* (Г. Сабитов. Арган кырза, 8). 'С **москвичами** рядом **москвич** – И я шагаю, парень удмуртский, Где [некогда] ходил Ильич, Москва, по площадям твоим'. И др.

2.4. Наименования жителей различного происхождения и структуры – как исконные (простые производные, сложные, составные), так и заимствованные – могли быть использованы в качестве синонимов в целях устранения тавтологии не только (1) в различных текстах, но и (2) в одном и том же, причем в ближайшем контексте, напр.:

(1) Когда Моисей родился, мать хотѣла его скрыть, чтобы не убили **Египтяне**<...> →

сар. 'Мумизъ вордѣмъ берѣъ Моисѣй пизѣ таинѣ туртѣдѣ вѣлъ **Египетѣѣѣслѣсѣ** вѣемзылѣсѣ<...>' (Азбука Сар. 1847: 41)

глаз. 'Ку Моисей вордскіъ, мумизъ яснѣиъ соѣ уватыны, медѣъ вѣ шуисѣ **Египтянѣѣсѣ**<...>' (Азбука Глаз. 1847: 40)

Когда Александръ Македонскій разрушилъ царство Персидское, и основалъ Греческое: тогда Иудеи вошли болѣе прежняго въ сношенія съ Греками, **Сиріянами**, **Египтянами**, и наконецъ съ **Римлянами**. →

сар. 'Александрѣ Македонской ожмасѣ вормѣмъ берѣ Персидской Эксѣй улосѣъ, Греческой карѣмъ берѣъ: Иудѣиѣсѣ тужгѣмъ тодмасѣкынѣ куспазѣ медизѣ Грекѣѣѣсынѣ, **Сиріѣѣѣсынѣ**, **Египетѣѣѣсынѣ**, беретсѣ **Римлянѣѣѣсынѣ-но**' (Азбука Сар. 1847: 75).

глаз. 'Ку Македонской Александрѣ сѣрѣизъ Персидской царствозѣ, карѣизъ-но Греческой: соку Иудѣиѣсѣ тужгѣмъ уваллѣѣлѣсѣ пырѣизы кѣнешѣ Грекѣѣѣсынѣ, **Сиріянѣѣѣсѣынѣ**, **Египтянѣѣѣсѣынѣ** берѣ вылѣзѣ **Римлянѣѣѣсѣынѣ-но**' (Азбука Глаз. 1847: 71).

(2)

(каз.) Закон сандык **Филистимѣѣѣос** кийын кема улѣмтѣ. Со отын улѣм дырѣя **Филистимѣѣѣослѣн** ваѣ музѣмазы шыр туж уно лѣѣм,

'Ковчег закона недолго находился у **филистиян**. Когда он пребывал у них, на земле **филистимлян** распространилось много мышей, тела

муртйослэн мугоразы поскы потэм. Соин Филистим муртйос вижсмаҥкыса закон сандыкэз вид уробое пуктыса кык пинял вэтыл кыткыса Филистим музъеміҥ поттыса ле-жсиллям (Св. Ист. 1877: 46).

(каз.) *Одик пол Саул Филистим муртйослы пунитъ жугыҥкыны потэм, потэм бере Филистимйос солиҥ жу-гыҥкыҥйоссэ нажаса быттиллям, піос-сэ но вишлям (Св. Ист. 1877: 50).*

людей покрылись болячками. Поэтому **филистимляне**, образумившись, положили ковчег закона на новую телегу, запрягли двух молодых телок, отправили его из земли Филистимской’.

’Однажды Саул пошел на войну против **Филистимлян**, как только он отправился, **Филистимляне** разбили их воинов, и детей его убили’.

3. В какой период истории удмуртского языка могли возникнуть сочетания “они́мы + формант множественного числа *-(й)ос*” для образования новых нарицательных слов, трудно сказать. Однако, судя по тому, как уверенно пользовались ими переводчики русских текстов на удмуртский язык уже в самых ранних изданиях (с середины XIX в.), к этому времени, можно догадаться, эти конструкции были весьма привычными, заурядными.

Они, скорее всего, первоначально возникли и получили относительно широкое распространение в южноудмуртской диалектной среде. Об этом, кажется, свидетельствуют параллельные переводы одних и тех же фрагментов из русскоязычных текстов на южный (“сарапульский”) и северный (“глазовский”) “нарѣчйя” удмуртского языка. К примеру, если в Азбуке на “глазовскомъ нарѣчій” русские формы *Египтяне* и *Свріяне* передавались русскими же формами, то в “сарапульскомъ нарѣчій” – с помощью удмуртских форм-эквивалентов: глаз. *Египтяннѣйѣсь* (*Египтяниннѣйѣсь-*) и *Свріяниннѣйѣс-* ~ сар. *Египет(ъ)йѣс-*’ (производное на *-йѣс* от собственного имени *Египеть*) и *’Сврїаїѣс-*’ (дериват на *-йѣс* от *Сврїа*), ср.:

Египтяне преслѣвали Евреевъ: но Бог чудесно сохранилъ Евреевъ, и погубилъ **Египтянъ**. →

глаз. *’Египтяниннѣйѣсь* *уїзы Еврейѣсьсэ: Инмаръ ношъ паймонд-сяенъ утїзъ Еврейѣсьсэ, Египтя-*

сар. *’Египетйѣсь* *уїзы пегзїсь Еврейѣсьсызъ: Инмаръ утїзъ соосызъ паймонд-кадъ, уїсь Египеть-*

нинъѣдъсѣ ношь быттызь' (Азбука Глаз. 1847: 42).

ѣдъсѣ од-игтѣмъ быдт-изъ<...>' (Азбука Сар. 1847: 43)

<...> Евреи прошли по сухому дну его, а когда за ними вступили **Египтяне**, море покрыло ихъ, и они потонули. →

глаз. '...>Еврѣйѣдъ орѣизы кѣсъ пытѣтѣи солѣнъ, ку ношь бѣрысѣзъ пырызы Египтянинъѣдъсѣ, [за]ризизь ву шобырттызь соосѣдъ, бырызы-но отѣи содѣсъ (Азбука Глаз. 1847: 42).

сар. '...>сообъ [Еврѣйѣоосъ] бонъ потизы пыдс-ит-изъ кѣсъ сюрѣсъ-кадъ вылтѣи, бѣрысѣзѣи пырсѣ бонъ уисъ Египетъѣдъсѣ заризъ, берѣнъ шобыртѣмъ-кадъ вылазѣи ву вацѣ луизъ, сообъ уисѣдъ бонъ воцѣкъ од-игтѣмъ выисѣ быризы' (Азбука Сар. 1847: 44).

4. Формант множественного числа имен существительных *-(ѣ)ос*, в сочетании с топонимами контекстуально переходя в состав деривативов, одновременно сохраняет и словоизменительную функцию в двух ситуациях:

1) при употреблении в словообразовательной функции (образовании нарицательных имен существительных в значении “жители какого-либо населенного пункта (местности)”) сохраняет первичное свое грамматическое значение – выражение множественности: *сарапупльѣс* ‘сарапупльцы (жители г. Сарапула УР или Сарапульского района)’ – нет формы *сарапупл(ѣ)* ‘сарапуплец (житель г. Сарапула УР или Сарапульского района);

2) при обозначении неединственности одноименных топонимов (населенных пунктов, речек, урочищ), напр.: *Пуйкагуртѣс* – две удмуртские деревни *Пойкино*, расположенные на территории Можгинского района Удмуртской Республики и Мамадышского района Республики Татарстан; *Тылоос* – множество удмуртских населенных пунктов, имеющих следующие официальные наименования: дд. *Батырево* (Граховский р-н Удмуртской Республики), *Верхняя Юмья* (Кукморский р-н Республики Татарстан), *Загребино* (Игринский р-н УР), *Старые Зятцы* (Якшур-Бодьинский р-н УР), *Сыръезиур* (Малопургинский р-н УР), *Чемошур-Куюк* (Алнашский р-н УР) [Атаманов-Эграпи 2015: 787]. И др.

5. Откуда же в «Грамматике современного удмуртского языка: Фонетика и морфология» [1962] появилось положение о том, что “не принято говорить *ижевскѣс*, *глазовѣс*, *москваос*”? А ларчик, по всей вероятности, просто открывается: авторы пришли к не соответствующему реальной действительности выводу без учета достаточного representa-

тивного источниковедческого материала – как современных текстов, так и раннепечатных.

Условные сокращения удмуртского языка и его диалектов

глаз. – глазовский; **елаб.** – елабужский; **каз.** – казанский; **сар.** – сарапульский; **удм. лит.** – удмуртский литературный язык.

Список использованной литературы

Азбука Глаз. 1847 – Азбука составленная изъ Российскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчіи. (По Глазовскому). – Казань, 1847. – 174 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / УИИЯЛ УрО РАН. Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). – С. 387–558.]

Азбука Сар. 1847 – Азбука составленная изъ Российскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчіи. (По Сарапульскому). – Казань, 1847. – 192 с. [Переизд. в кн.: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / УИИЯЛ УрО РАН. Сост. Л. М. Ившин, отв. за выпуск Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). – С. 249–439.]

Атаманов-Эграпи 2015 – *Атаманов-Эграпи, М. Г.* Язык Земли Удмуртской: историко-этимологический словарь топонимов Волго-Уральского региона = Удмурт музъемлэн аснимъёсыз: Волгаен Урал ёросвыльъёсысь интынимъёслэсь пуштроссэс эскерись кыллюкам. – Ижевск, 2015. – 976 с.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удмурт. НИИ ист., экон., яз. и лит.; отв. ред. П. Н. Перовщиков. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1962. – 376 с.

Дауръёс пыр 1997 – *Гришкина, М. В., Корепанов, К. И.* Дауръёс пыр: Вашкала-вашкала удмуртъёс сярись очеркъёс / зуч кылысь берыктъызы П. П. Кубашев но П. К. Поздеев; Азыкылыз М. Г. Атамановлэн. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 196 б.

Ислентьевъ 1888 – Учебникъ русскаго языка для вотяковъ Елабужскаго уѣзда. Составилъ Инспекторъ народныхъ училищъ Елабужскаго

уѣзда *Владиславъ Ислентьевъ*. – Елабуга: Скоропечатня И. Н. Кибардина, 1888. – 254 с.

Ислентьевъ 1889 – Букварь и Первая учебная книжка для вотяковъ Елабужскаго уѣзда. По способу нагляднаго обученія составилъ Инспектор народныхъ училищъ Елабужскаго уѣзда *Владиславъ Ислентьевъ*. Изд-іе Потомственнаго Почетнаго Гражданина Петра Капитоновича УШКОВА. – Казань: Типографія Императорскаго Казанскаго Университета, 1889. – 136 с.

Ислентьевъ 1889а – Руководство къ преподаванію грамоты и русскаго языка по букварю, первой учебной книжкн и учебнику для вотяковъ В. Ислентьева. Въ двухъ частяхъ. Составилъ Инспекторъ народныхъ училищъ Елабужскаго уѣзда *Владиславъ Ислентьевъ*. – Казань: Типографія Императорскаго Казанскаго Университета, 1889а. – 146 с.

Нач. уч. 1874 – Начальное учение православной христіанской вѣры на вотскомъ языкѣ. – Казань, 1874. – 90 с.

УКК 2011 – Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание / А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина но мук.; Кылкутӱсь ред. Н. Н. Тимерханова. – Ижевск: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. – 408 б.

Сабитов, Г. С. Арган кырза: Кылбуръёс но кырзанъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1971. – 101 б.

Самсонов, Е. В. Тулыс ёукна: Повесть, очеркъёс но веросъёс / Люказ но азыкылзэ гожтӱз И. В. Тараканов. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 288 с.

Св. Ист. 1877 – Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. На Вотякомъ языкѣ / Изд-іе Православнаго Миссіонерскаго Общества. – Казань, 1877. – 190 с.

Уд. – «Удмурт дунне» газет / газета «Удмурт дунне».

Чернов, П. К. Егит дыр кырзанъёс: Тодэ ваёнъёс. – Ижкар: Тодон, 1998. – 444 б.

«BUT IT IS NOT CUSTOMARY TO SAY IZHEVSKJOS, GLAZOVJOS, MOSKVAOS»

Summary. The statement from the scientific grammar of the Udmurt language (1962) that “it is not customary to say izhevskjos (= Izhevsk citizens), glazovjos (= Glazov citizens), moskvaos (= Moskovites)”, i. e. to form from borrowed urban names nouns, denoting residents in the plural form – in this case ‘izhevtsy’, ‘glazovchane’, ‘moskvichi’ by attaching to this names

the plural formant *-os/-jos*. However, a preview of the Udmurt-language texts of the XIX–XXI centuries allows us to come to a different conclusion – the Udmurt plural index can be freely combined with any toponym (including a borrowed one) in order to form the name of the inhabitants of the specified area, cf., for example: Египет – Египет-ёсь/египетъёс 'egiptjan'e (= the Egyptians)', Китай – китайёс 'kitajtsi (= the Chinese)', Москва – москваос 'moskvichi (= Moskovites)', Иж (i.e. Izhevsk) – ижьёс 'izhevtsy (= Izhevsk citizens)', etc.

Keywords: borrowed toponyms, names of inhabitants, word-forming function, plural formant.

УДК 811.511.131:801.73(045)

Кельмаков Валей Кельмакович

Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

ОДНО УДМУРТСКОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ В ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЯХ XIX–XXI вв.

(Текстологический этюд)**

Аннотация. Широко известное в народной песне периферийно-южных удмуртов выражение *Кусьпымы кыдёкын, лулмы матын* 'Расстояние [между нами] дальше, [но] души наши близки', впервые зафиксированное Б. Гавриловым [Гавриловъ 1880: 30], в публикации Ю. Вихманна получило совершенно иную интерпретацию: *kusjpmj ki-d'okjn, ljmj matjn* 'Расстояние [между нами] дальше, [но] снег близок' [Wichmann 1893: 31]. Автор данной статьи, ссылаясь на многочисленные варианты рассматриваемой четырехстрочной песни периферийно-южных удмуртов, записанные в конце XIX – начале XXI в., утверждает, что слово *ljmj* 'снег' попало в текст песни, вместо шошминского *лицитј* 'наша душа', по ошибке финского ученого Ю. Вихманна.

Ключевые слова: четырехстрочная песня, ошибочная запись, *ljmj* 'снег', *лицитј* 'наша душа'.

** Исследование выполнено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-012-00267.

1. *Кусыпмы кшокрын, лулмы матын* – это красивое удмуртское выражение, широко распространенное в песенной традиции казанских удмуртов, впервые было зафиксировано в составе четверостишия № 169, записанного в 1873–1874 гг. среди кукморских или шошминских удмуртов Б. Гавриловым⁹ и включенного им в книгу «Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній» [Гавриловъ 1880: 30]; при этом как само четверостишие, так и рассматриваемая фраза, были переведены первоиздателем на русский язык предельно точно:

<i>Гикажйосты но вож гуждор;</i>	’На дворѣ у васъ зеленая травка, давайте
<i>Зундэс лэжаса шыдомы;</i>	будемъ играть кидая перстни. Пространство
<i>Кусыпмы кшокрын, лулмы матын</i>	между нами далекое, но души наши близки
<i>Салам лэжыса уломы.</i>	(другъ къ другу), будемъ же жить, посылая
	другъ другу гостинцы’.

[Гавриловъ 1880: 30/96]

Спустя более чем полвека, эта четырехстрочная песня из книги Б. Гаврилова без каких-либо серьезных исправлений (за исключением некоторых фонетико-орфографических поправок) была перенесена в сборник «Удмурт калык кырзан’ёс (нбыльчурьёс)» (1936):

Гидкуазьёсты но вож гуждор,
Зундэс лэзяса шудомы;
Кусыпмы кыдѣкын, лулмы матын,
Салам лэзьыса уломы.
[Укк. 1936: 67]

2. Однако эта выделенная фраза оказалась проблемной и стала объектом внимания в данной работе по той простой причине, что близкая версия этого четверостишия в начале 90-х гг. XIX в., записанная Ю. Вихманном среди шошминских удмуртов и опубликованная в 1893 г.

⁹ “Борись Гавриловъ въ 1873 и 1874 годахъ былъ командированъ въ вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній для изученія вотяцкаго языка. Плодомъ этого изученія было переложеніе имъ несколькихъ христіанскихъ книгъ съ крещено-татарскаго языка на вотяцкій, которые тогда же были напечатаны, и не мало собрано Гавриловымъ материаловъ по языку, преданіямъ, повѣрьямъ и обрядамъ Вотяковъ” (*Примечанія Н. И. Ильминскаго*) [Гавриловъ 1891: 80].

в его книге «Wotjakische Sprachproben. I» ('Образцы удмуртской речи. I'), неожиданно для читателей представила искомое выражение в совершенно ином варианте, в котором вместо слова *лулмы* 'душа наша' появилась лексема *лымы* 'снег'; и на немецкий язык она соответственно, была переведена как 'der Schnee' (= 'снег'), см.:

til'ad giđ'-každi vo'ž-ik guždoro;
zundes kujasa šudomi.
kusipmi kiđ'okin, ljm̄j mâtin,
sâcam ležisa uciomi.

'Euer hof ist mit grünen rasen bedeckt; wir spielen dort und werfen den ring. Die entfernung zwischen uns ist gross, **der schnee** ist nah, wir können uns nur grussgeschenke senden (eig. grussgeschenke sendend leben wir).'

[Wichmann 1893: 31]

(= 'Двор ваш в зеленой травке, давайте будем играть, бросая перстень. Пространство между нами далекое, [но] **снег** близок, будем же жить, посылая друг другу гостинцы (передавая приветы)').

“Причем тут, в данной песне, *ljm̄j* 'снег' (который к тому же близок)?” – может спросить дотошный читатель и/или скрупулезный исследователь. И они окажутся правы, ибо исходя из содержания четверостишия, появление в данном контексте слова с семантикой 'снег' абсолютно не объяснимо: ведь в заключительном двустишии этой короткой песни никакого намека не только на *снег*, но даже и на погоду вообще не имеется.

3. Возникает закономерное предположение, что слово *лымы* 'снег', вместо подходящего по смыслу песни слова *лулмы* 'душа наша', попало в эту песню по ошибке исследователя. И молодому финскому ученому, возможно, не очень твердо знавшему удмуртский язык в то время, когда он, будучи в научной командировке по сбору фольклорно-диалектологического материала среди носителей “малмыжско-уржумского” (совр. шошминского) диалекта удмуртского языка, записывал данную песню, немудрено было заблудиться в двух соснах – перепутать в фонетическом отношении весьма близкие друг к другу удмуртские слова – шошм. *луцим̄j* (*луӱмы*) 'душа наша' и *ljm̄j* (*лымы*) 'снег'; и он, естественно, воспринял их как одно – *ljm̄j* 'снег'.

И впрямь, ошибка в записи *ljm̄j* (= *лымы*) на месте *луцим̄j* (*луӱмы*) легко уточняется с помощью серии “казанских” (кукморских и шошминских) четверостиший и их вариантов, построенных на противополжении между собой двух поэтических образов: (1) *удаленного чего-то*

(чаще всего **расстояния** между песенными героями = кукм. *кусьлмь*, шошм. *кусылмы*), с одной стороны, и (2) **близкой души** (= кукм. *лулмь*, шошм. *луўмы*) – но не **снега** (кукм. *лмь*, шошм. *лымы*), – с другой, ср.:

*Gid'k-ažjostě-no vol'ět vėlām,
kuräg-pėzjosėn šėdomā;
kusepmė kud'okėn, lulmė matėn,
goštāt ležėsa ulomė.*

[Munkácsi 1887: 220]

’Дворы ваши, оказывается, гладкие, давайте играть куриными яйцами; пространство между нами далекое, **души наши** близки’, будем жить, посылая [друг другу] письма’.

*Гидьказяды вож гуждор
Зундэс лэзяса шыдомы;
Кусылмы кудёкын, лулмы матын,*

Салам лэзьыса уломы.
(Яковлев 1905: 17; 1919: 14)

’На вашем дворе зеленая травка, Будем играть бросая перстень; Расстояние между нами дальше, **души наши** близки’, Будем жить, посылая гостинцы (приветы)’.

*Git'k-aždė čeber vož guž-dor – aĭ-gaĭ!
zundās ležasa šėdomė – aĭ-gaĭ!
kusepmė kud'okėn, luljosmė matėn:
goštāt ležėsa ulomā – aĭ-gaĭ!*

[Lach 1926: 84]

’Двор ваш красив зеленой травкой – ай-гай!
Будем играть, бросая перстень – ай-гай!
Расстояние между нами дальше – [но] **души наши** близки:
Будем жить, отправляя письма [друг к другу] – ай-гай!’

*Git'k'-aždė-no t'šeber vož guž-dor;
zundās ležasa šėdomė.
kusepmė kud'okėn, lulmė matėn:
goštāt ležėsa ulomė.*

[Munkácsi 1952: 313]

’Двор ваш красив, зеленая травка, Будем играть, бросая перстень.

Расстояние между нами дальше – **души наши** близки: Будем жить, отправляя письма [друг к другу]’.

*aĭ, šerās šoĭner, šerās šoĭner,
uk lu pukešāz ebėnė.
kusepmė kud'okėn, lulmė matėn:
uk lu eseptāk att'škėnė.*

[Munkácsi 1952: 353]

’Ай, дорога прямая, дорога прямая – Невозможно выстрелить из лука. Расстояние между нами дальше – **души наши** близки: Невозможно без повода свидеться’.

*туганэ, тьньд мар с'отом –
бул к а рис' вайэм вуз эвол?*

*булка р*¹⁰ кјуд'окън – *лулмъ матын*,
ум куштис'кэлэ култос'.

(Тыло 1960.: 244)

'Родич мой, что мне подарить тебе –
Ведь товаров, привезенных из *булкар*, нет?
булкар далеко – **души наши** близки:
Не откажемся [друг от друга] до самой смерти'.

туганэ, тыныд, ай, мар(ы) с'отом?
б у к а р и с' вайэм вуз эбд'оу.
б у к а р м ы кјуд'окын, *лул'л'осмы матын*,
д'ивор с'отыса но(й) уломы(й).

[Нуриева 2004: 74]

'Родные мои, что вам подарим?
Привезенных из *букар* товаров нет.
букар наш далеко – **души наши** близки:
Отправляя [друг другу] да весточки, будем жить'.

В современной южноудмуртской (алнашской) частушке, которая, по-видимому, представляет собой вариант гавриловской (периферийно-южной) песни, попавший через сборник «Удмурт калык кырзан'ёс (ныльчур'ёс)» (1936) в книгу Л. Л. Ганьковой «Кырзалэ, кырзась эшь-ёсы!» (2015), слово *лулмы* (в сочетании *лулмы матын*) также сохранено в первичной неприкосновенности, хотя многие формы и слова в ней изменены ради превращения песни в частушку:

Бакча берын, вож гуждорын
Зундэс вошьяса шудом.
Кусып кыдёкын, лулмы матын
Салам лэзьяса улом.
(Ганькова 2015: 213)

'За огородом на зеленой лужайке
Будем играть, обмениваясь кольцами.
Расстояние дальше – **души наши** близки,
Будем жить, отправляя гостинцы'.

4. Появление в четырехстрочной песне, записанной Ю. Вихманном среди шошминских удмуртов, слова *lįmĭ* 'снег', вместо должного шошм. *lįcĭmĭ* (~ удм. лит. *лулмы*) 'душа наша', – это предполагаемая ошибка записи того же порядка, что и *бигер* 'татарин; татарский', вместо *Биер* (удмуртское наименование одной деревни) в песенном тексте № 130 Б. Гаврилова (подробнее см.: [Кельмаков 2018]), или *милескым*

¹⁰ Слово-топоним *букар* напоминает г. Бухару, название же *булкар* (если оно правильно было записано в свое время) образовалось, возможно, путем контаминации двух слов: *Булгар* и *Бухара* (подробнее см.: [Кельмаков 2019]).

'наш (аблатив); у нас, от нас' в четверостишии № 97, вместо *ми лэсь-тійм* 'мы сделали' (подробнее см.: Кельмаков 2019а: 116–117) в его же книге.

Список использованной литературы

Гавриловъ 1880 – Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Записаны, переведены и изложены *Борисомъ Гавриловымъ* во время командировки въ Вотякія селенія Казанской и Вятской губерній. – Казань, 1880. – 189 с.

Гавриловъ 1891 – *Гаврилов Б. Г.* Поверья, обряды и обычаи вотяковъ Мамадышскаго уѣзда, Урясь-Учинскаго прихода // Труды IV археологическаго сѣзда. – Казань, 1891. – С. 80–156.

Ганькова 2015 – Кыралэ, кырзась эшгъёсы! Такмактьёс, визьмо верам кыльёс но меҗкытъяньёс. Люказ-радъяз Л. Л. Ганькова. – Ижевск: Удмуртия, 2015. – 416 б.

Кельмаков 2018 – *Кельмаков, В. К.* Б. Гавриловлэн книгаяз пыртэм кырзаньысь “Бигер урам” но “бигер ныльёс” зэмзэ ик-а *бигер?* // Традиции и новации в филологическом и этнокультурном образовании в условиях межъязыковой коммуникации: Сб. ст. / Мин-во науки и высш. образования РФ. БНУ УР «Научно-исследовательский ин-т национального образования». ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»). – Ижевск, 2018. – С. 108–116.

Кельмаков 2019 – *Кельмаков, В. К.* Слово *букар* коротких песен (четверостиший) казанских удмуртов // Вестник Удмуртского университета. – 2019. – Т. 29. – Вып. 5. – С. 733–738.

Кельмаков 2019а – *Кельмаков, В. К.* Тодосчиослэн люкам удмурт калык кырзаньёсказы куд-ог янгышгъёс // Финно-угорский мир в полиэтническом пространстве России: культурное наследие: сб. ст. по материалам VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.) Мин-во науки и высш. обр. РФ; Правительство УР; Комитет финно-угроведов РФ; Удм. ин-т ист., яз. и лит. Удм. ФИЦ УрО РАН; ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». – Ижевск: Изд-во А. Зелениной, 2019а. – 115–120-тӱ б.

Нуриева 2004 – *Нуриева, И. М.* Песни завятских удмуртов / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2004. – Вып. 2. – 332 с.

Тыло 1960... – Рукопись четырехстрочных песен, собранных автором данной статьи в 1960-е гг. XX века в д. Верхняя Юмья (*Тыло*) Кукморского р-на Республики Татарстан.

Укк. 1936 – Удмурт калык кырзан'ёс (ныльчур'ёс). Сборникез да-
сяз М. Петров. / Удмурт соцкультураез научно-эскерон институт; отв.
ред. Д. И. Корепанов. – Ижевск: Удгиз, 1936. – 176 б.

Яковлев 1905 – Удмурт кырзанъёс. Сборникъ бытовыхъ и нрав-
ственныхъ пѣсенъ. На вотскомъ языкѣ. – Казань: Тип. А. М. Петрова,
1905. – 24 с.

Яковлев 1919 – Удмурт кырзанъёс. Сборникъ песен и стихотворений
на вотскомъ языке. – Казань: Лито-типография Казанского университета, 1919.
– 32 с.

Lach 1926 – *Lach, R.* Gesänge russischer Kriegsgefangener. I B. Fin-
nisch-ugrische Völker. 1. Abteilung. Wotjakische, syrjänische und permiaki-
sche Gesänge. Transkription und Übersetzung der wotjakischen Texte von
Prof. Dr. Bernhard Munkácsi, der syrjänischen und permiakischen von Dr.
Raphael Fuchs. – Wien und Leipzig, 1926. – S. 1–99.

Munkácsi 1887 – *Munkácsi, B.* Votják népköltészeti hagyományok. –
Budapest, 1887. – 335 l.

Munkácsi 1952 – Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus
dem Nachlasse von *Bernhárd Munkácsi*. Herausgegeben von D. R. Fuchs.
– Helsinki, 1952. – XXXVII + 715 S.

Wichmann 1893 – *Wichmann, Y.* Wotjakische Sprachproben. – Helsing-
fors, 1893. – I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. – XX + 200 S.

ONEPOETIC EXPRESSION IN PRINTED PUBLICATIONS OF THE XIX–XXI CENTURIES

(Textological study)

Summary. Widely known in the folk song of the peripheral-southern
Udmurts expression *Kusypty kydekyn, lulmy matyn* 'The distance [be-
tween us] is far, [but] our souls are close', first recorded by B. Gavrilo-
v [Gavrilo- v 1880: 30], in the publication of Y. Wichmann received a completely
different interpretation: *kusipmĭ kiĭ'okĭn, lĭmjĭ mätĭn* 'The distance [between
us] is far, [but] the snow is close' [Wichmann 1893: 31]. The author of this
article, referring to the numerous variants of the fourline song of the peri-
pheral-southern Udmurts, recorded in the late XIX – early XXI century,
claims that the word *lĭmjĭ* 'snow' got into the text of the song, instead of the
Shoshma *luuymĭ* 'our soul', by mistake of the Finnish scientist Y. Wich-
mann.

Keywords: four-line song, erroneous recording, *lĭmjĭ* 'snow', *luuymĭ*
'our soul'.

Костина Ксения Георгиевна
*Россия, г. Ижевск, КНУ УР «Научно-исследовательский
институт национального образования»*

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА ГЛАГОЛА В УЧЕБНИКАХ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА 1920–1940-х гг.

Аннотация. В статье анализируются аспекты представления залоговых форм глагола в учебниках удмуртского языка для общего образования 1920–1940-х гг. Основное внимание уделяется изучению морфологической маркировки и семантического наполнения исследуемой категории в системе современного удмуртского языка, а также анализируются упражнения, предлагаемые учащимся для закрепления учебного материала.

Ключевые слова: *удмуртский язык, грамматическая категория залога, возвратные глаголы, учебники удмуртского языка.*

В удмуртском языкознании на сегодняшний день есть вопросы, которые на протяжении длительного времени являются предметом научных дискуссий. В области морфологии одной из наименее изученных аспектов является грамматическая категория залога, хотя залоговые формы уже были зафиксированы в первых научных грамматиках удмуртского языка. При написании данных трудов большую роль сыграла Российская грамматика (1755) М. В. Ломоносова. Важно отметить, что в рукописных материалах к данному труду хотя и не используется понятие «залог», выделяются шесть «знаменований» глагола, три из которых, по мнению ученого, являются свойственными всем языкам. Термин «залог» ученым вводится в оборот позднее – уже в печатной версии грамматики. Опираясь на грамматику М. В. Ломоносова, изначально в удмуртском языкознании выделяются пять залоговых форм: действительный, страдательный, взаимный, возвратный, средний. В отдельную категорию выделяется также группа переходных глаголов.

В последующие этапы развития удмуртской морфологии изучение проблемы залоговости дополняются новыми теоретическими положениями. Исследователи выделяют грамматические маркеры выражения залога, их семантическое значение, разрабатывают терминологический аппарат, определяют межкатегориальные связи залога и их функциональное использование в синтакси-

се. Основной академической базой для этого служат труды отечественных и зарубежных ученых по общему языкознанию. В частности, теоретическая формулировка залога, используемая в научных изысканиях, принадлежит А. А. Холодовичу. Согласно его учению, залог – это грамматическая категория, выражающая субъектно-объектные отношения (связаны с семантикой) с одной стороны, и, отношения между подлежащим и сказуемым (связаны с синтаксисом) с другой [Холодович 1979: 117]. Позднее теория языковеда дополняется понятием «диатезы», определяющей соответствия между ролями глагольной системы (субъектом, объектом и адресатом) и выражающими их членами предложения (подлежащим и дополнением).

В отношении удмуртского языка важную роль в изучении категории залога играют достижения исследователей удмуртской морфологии XX века. Именно в этот период происходит разработка парадигмы залоговой категории, выявление ее характеристик и основных показателей. Надо заметить, что большая часть языковедов при исследовании категории опираются на имеющиеся результаты изучения залога филологов-славистов.

Важную роль в изучение залоговых форм удмуртского языка внесли и школьные учебники, изданные в 1920–40-е гг. Их вклад в развитие удмуртского языкознания обусловлен активной деятельностью удмуртских просветителей, педагогов, ученых этого периода по формированию удмуртского литературного языка; подготовке удмуртских учителей; распространению национальной печатной продукции; пропаганде идей национального просвещения и организации работ удмуртских школ; составлению учебных пособий по удмуртскому языку. Так, в 1920-х гг. издаются «Букварь», «Книга для чтения», «Грамматика удмуртского языка», методические пособия. Часть изданий публикуются на удмуртском языке. Основанием преподавания изучаемого материала на удмуртском языке является резолюция IV съезда (1926) «Родной язык в удмуртской школе» об обязательном обучении детей-удмуртов на их родном языке. Все это способствовало разработке терминологии, в том числе и лингвистической, на удмуртском языке.

Основная цель нашей работы – проследить историю представления в учебниках удмуртского языка грамматической категории залога глагола.

Изданные в рассматриваемый период учебники по изучению удмуртского языка нами классифицируются на четыре категории:

1) «Учебник удмуртского языка» И. К. Зеленина (1932); «Учебник удмуртского языка: пособие для преподавания удмурт[ского] языка» П. Д. Горохова (1929); «Учебник удмуртского языка: для начальной школы 3-4 годы обучения» З. М. Коновалова (1933); «Учебник удмуртского языка: для школ повышенного типа и кружков» С. П. Жуйкова, А. З. Ларионова, Р. М. Поторочина (1931);

2) «Удмуртский язык для неудмуртов: (для кружков)» М. А. Лямина (1937), «Удмуртский язык для неудмуртов: (для кружков)» А. А. Поздеевой (1934);

3) «Удмурт кыллы дышетскон книга: I ёзо школаись IV гр. ФЗСысь, ШКМысь V гр. тупатэмын» А. С. Бабинцева, Г. Г. Тронина, К. И. Чиркова (1932); «Удмурт кыллы дышетскон книга: начальной школалэн нырысетй но кыкетй классъёсаз дышетонлы» А. Н. Клабукова, С. М. Маркова, Я. И. Чиркова (1934);

4) «Удмурт кыл: начальной школалы учебник» М. В. Горбушина (1944), «Удмурт кыл: начальной школалы учебник» А. В. Конюховой (1939).

Рассмотрим каждую группу учебников подробнее.

1. Категория залога глагола в учебниках первой категории представлена крайне узко. Ограничивается она либо отсутствием сведений о ней (в «Учебнике удмуртского языка» И. К. Зеленина (1932)), либо представлением желательного или повелительного наклонения глагола, при помощи которого передается приказание или просьба в субъект-субъектных отношениях (в учебниках П. Д. Горохова (1929), З. М. Коновалова (1933), С. П. Жуйкова (1931)). Повелительное наклонение образуется от глаголов неопределенного наклонения без окончания *-ны*, используется во втором лице единственного и множественного числа, имеет ударение на первом слоге: *Даръя, султы, мар кариськод? Эйёс, вералэ, мар тй ужаськод?* 'Дарья, встань, что ты делаешь? Друзья, скажите, над чем вы работаете?' [Жуйков 1933: 85]. Аналогичная структура повелительного наклонения представлена в учебниках «Удмурт кыл» А. В. Конюховой (1938; 1939), «Удмуртский язык для неудмуртов» М. А. Лямина (1937) и А. А. Поздеевой (1934).

Авторами учебников понудительные формы глаголов, выражающие действия одного лица по принуждению другого, обозначены понятием «перелагающие глаголы», а их маркером является «частица *ты* перед окончанием: *чирдылыны* 'почитывать' – *чирдылы-ты-ны* 'заставить почитать'» [Горохов 1929: 126]. На сего-

дняшний день глаголы с указанным маркером именуются понудительными глаголами.

Особый интерес представляет издание С. П. Жуйкова, в котором ученым помимо глаголов повелительного наклонения выделяются глаголы пассивной формы прошедшего и будущего времени с окончанием *-эмын, -(о)но*: *Та боддор газет умой гоэжямын* 'Эта настенная газета хорошо написана'; *Та коркаез быдэстоно* 'Этот дом нужно завершить'. Отрицательная форма образуется при помощи окончания *мтэ* у глаголов в прошедшем времени, и отрицания *өвёл* с глаголами в будущем времени: *Нимаз улйсь кресьянлэн аран быдтымтэ* 'У отдельно живущего крестьянина жатва не окончена'; *Та юэз өвёл октоно* 'Это зерно не надо убирать' [Жуйков 1933: 99–100].

2. Сведения о категории залога глагола отсутствуют в учебниках «Удмурт кыллы дышетскон книга» А. С. Бабинцева (1932; 1934; 1935), А. Н. Клабукова, С. М. Маркова, Я. И. Чиркова (1934; 1935). Возможная причина этого – направленность учебников на формирование у учащихся коммуникативных способностей на удмуртском языке, где преобладающим становится лексическая сторона языка; или ориентация учебника на их использование на кружковых занятиях в качестве дополнительного материала для изучения языка. Изучение грамматической части здесь ограничивается актуализацией более простых категорий: времени, числа и т.д. Подтверждают это и упражнения для закрепления материала в рассматриваемом издании. Большая часть из них сводится к переводу условных фраз и предложений с русского языка на удмуртский язык. Например, «Переведите на удмуртский язык: Вы читайте. Вы пишете там. Сидите здесь. Вы, товарищ Петров, встаньте и читайте. Работайте, товарищи» [Лямин 1937: 18].

3. От рассмотренных выше изданий отличается учебник для начальных классов М. В. Горбушина, который наряду с повелительным глаголом предлагает рассмотреть возвратные глаголы с суффиксом *-ск- (-ськ-)*, обозначающие направление действия на самого инициатора или совместную активность нескольких объектов: *мыкыртыны* 'наклонить' – *мыкырскыны* 'наклониться'; *шобыртыны* 'укрыть' – *шобырскыны* 'укрыться' [Горбушин 1944: 59–60].

Как видно из представленных данных, залог глагола не всегда в равной степени отображался в содержании учебников по изучению удмуртского языка. Более того, ни в одной из рассмотренных нами изданий залог не представлен отдельной грамматической категорией. Общей тенденцией учебников этого периода является

повелительное наклонение глагола, которое со временем дополняется возвратной формой. Хотя, авторами учебников указывается, что глаголы пассивной формы выражают состояние предметов или явлений во времени, возникает вопрос по поводу возможного функционирования в удмуртском языке пассивной формы залога в парадигме с активной, аналогично залоговой парадигме глаголов в романо-германских языках.

Несмотря на указанные недостатки, учебники удмуртского языка, изданные в период с 1920 по 1940-е гг., в которых освещались вопросы грамматики удмуртского языка на удмуртском и русском языках, внесли значительный вклад в просветительскую работу среди национальных меньшинств в РСФСР, способствовали лучшему восприятию учащимися теоретического материала изучаемого языка. Предложенная в учебниках категориальная система глагола, а именно его залоговая составляющая, послужили существенной базой для последующего изучения категории залога в удмуртском языкознании.

Список использованной литературы

Васильева, О. И., Воронцов В. С., Национальная школа в Удмуртии: история и современность // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2013. – № 2. – С. 70–85.

Горбушин, М. В., Удмурт кыл: начальной школары учебник: грамматика но правописание: 4-тй класслы / М. В. Горбушин. – 5-тй издание. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1944. – С. 59–60.

Горохов, П. Д., Учебник удмуртского языка: пособие для преподавания удмурт[ского] языка / П. Д. Горохов. – Ижевск: Удкнига, 1929. – С. 126.

Жуйков, С. П., Учебник удмуртского языка / С. П. Жуйков. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1933. – С. 85–100.

Лямин, М. А., Удмуртский язык для неудмуртов / отв. ред. А. Я. Галичанина. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1937. – С. 18.

Холодович, А. А., Проблемы грамматической теории / отв. ред. В. С. Храковский. – М., 1979. – С. 117.

THE GRAMMATICAL CATEGORY OF VERB'S VOICE IN THE TEXTBOOKS OF THE UDMURT LANGUAGE (THE PERIOD FROM 1920s TO 1940s)

Summary. The article is devoted to the aspects of the representation of verb's voice forms in the textbooks of the Udmurt language of the period from 1920s to 1940s. The main attention is paid to the study of

morphological affixes and semantic of the voice category in the system of modern Udmurt. The author also analyzes the exercises offered to students to practise the theoretical material.

Keywords: the Udmurt language, grammatical category of the Voice, reflexive verbs, textbooks of the Udmurt language.

УДК 811.511'372

Кротова-Гарина Анастасия Владимировна
*Россия, г. Пермь, Пермский государственный
национальный исследовательский университет*

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА ИКОТА/ИКО́ТА В КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ГОВОРАХ¹¹

Аннотация. На материале коми-пермяцких мифологических текстов, извлеченных из полевых записей (2016–2021 гг.) и опубликованных работ, рассмотрены мифологические значения лексемы *икота/икóта* в коми-пермяцком языке. Делается вывод о том, что помимо основного значения «дух в виде маленького животного или насекомого» в языке существуют и другие значения.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, мифологическая лексика, кликушество, икота.

Материалом исследования стали мифологические тексты, собранные в Коми-Пермяцком округе с 2016 по 2021 гг. автором статьи и хранящиеся в лаборатории региональной лексикологии и лексикографии ПГНИУ, рук. И. И. Русинова (далее – ПМ1). Кроме того, использованы тексты, записанные студентами Коми-пермяцко-русского отделения ПГГПУ под руководством Е. М. Матвеевой в 2018 г. и хранящиеся в архиве Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа ПГГПУ, рук. А. С. Лобанова¹² (далее – ПМ2). Небольшая часть языкового материала была извлечена из опубликованных источников [Голева 2011, Пономарева 2016, Материалы 2020].

¹¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Пермского края в рамках научного проекта 20-412-590005 «Лексическое пространство коми-пермяцкого языка».

¹² Автор признателен А. С. Лобановой за ценные комментарии к черновым вариантам текста.

Представления об *икоте* (заболевании, которое в народной традиции представляется как вызванное «вселенным» духом) широко распространены в Коми-Пермяцком округе. Они сохраняются и у других народов, в том числе у родственных коми-пермякам коми-зырян (*висян, икѳта, шева, лишинка, лишнэй*) [Сидоров 1928: 106; Ильина 1999: 382; СДКЯ I: 219, 587, 842; II: 764] и соседствующих с XV вв. русских (*икота, пошибка, боль/болесть* и др.) [Христофорова 2013: 110; ЭСМР 2019: 272–282, 542–546, 67–69]. В русских говорах Пермского края слово *икота, икотка* может обозначать не только вредоносного духа, но и человека, в котором он поселился, и колдуна, насылающего такую порчу [ЭСМР 2019: 29]. Особые значения у лексемы *икота* развиваются в русских островных говорах Юрлинского района, «здесь лексема приобретает еще более широкое значение и может использоваться для наименования различных болезней людей и скота, вызванных магическим воздействием, а также духов-помощников колдуна и колдовского знания как такового» [Там же]. Кроме того, на указанной территории слова с корнем *-икот-* «образуют широкий спектр значений, не связанных с кликушеством, но относящихся к колдовской практике вообще» [Русинова, Шкураток 2017: 274]. Развитие семантики данного корня в русских говорах исследователи связывают с тесным взаимодействием русских с коми-пермяками, для которых представления об икоте до сих пор является живой традицией [Там же].

Вместе с тем номинация *икота* (на севере ареала бытования коми-пермяцкого языка и в фонетическом варианте *икѳта*) является заимствованной. Исконный термин *шева*, восходящий, по мнению В. В. Напольских, к прапермской форме *šō-ᵛ-a ‘с голосом, со звуком, с сообщением’ и имеющее исконное значение ‘нечто, обладающее свойством проявлять себя через подачу звуковых, речевых сообщений’ [Напольских 1999: 3], фиксируется в коми-пермяцком языке лишь на севере в лупьинском диалекте [ЛИКЯ 2011: 198–199; Пономарева 2016: 281–282]. История лексемы *шева* в коми-пермяцком языке требует отдельного анализа и не будет рассмотрена в рамках данной статьи. Следует лишь отметить, что те немногочисленные контексты, которые можно обнаружить в опубликованных источниках, показывают, что лексема *шева* на этой территории может обозначать не только «кликушество» и «существ, вызывающих у человека различные состояния», но и «духов-помощников колдуна, бесов» [Ильина 1999: 382–383; ЛИКЯ 2011: 198–199; Пономарева

2016: 281–282;]. Целенаправленная полевая работа на данной территории, возможно, позволит выявить и другие значения.

Перейдем непосредственно к слову *икота/икота*. В Коми-пермяцко-русском словаре (1985 г.) мифологическое значение лексемы не отражено, см: Икота икота; ~ **видзё** икается [КПРС 1985: 155].

Т. Г. Голева относит *икоту* к духам болезней и пишет, что у коми-пермяков слово может обозначать: 1) духа, возвращенного колдунами; 2) духа болезни; 3) человека, страдающего этим заболеванием [Голева 2011: 190].

В книге «Материалы по коми-пермяцкой демонологии» (авт.-сост. А. В. Кротова-Гарина, Ю. А. Шкураток, А. С. Лобанова и др.) опубликовано 12 текстов об икоте, записанных преимущественно в Кудымкарском районе Коми-Пермяцкого округа [Материалы 2020: 90–101]. На основе этих текстов авторы выделяют следующее значение – «вселенный по воле колдуна дух» [Там же: 149]. Помимо этого, отдельной словарной статьёй подается сочетание *töd'is'ь икота* букв. «знающая икота» в значении 'дух, «вселяющийся» по воле колдуна, обладающий способностью предсказывать будущее, сообщать то, что неизвестно во время приступа «икоты»' [Там же: 153].

Собранный нами диалектный материал показывает, что в коми-пермяцком языке можно выделить и другие значения исследуемой лексемы. При этом основное значение неразрывно связано с представлением об икоте как о духе в виде маленького животного или насекомого и т. п., который способен вселяться в человека (чаще всего по воле колдуна) и проявлять себя собственным речевым поведением и поступками, например: *Старука, но не öдд'ён öшö с'я пöрис'ь вöи, с'я пö к'ытшöмкö лягушаэз ли кинöс с'я öктыём т'уисö. Икотаэсö сэтён видзвыём. И сысся с'йö с'я юктаас кинöс с'йö, быг'ья сурён ли мылли юктавас, и с'я понас баитны, икотаыс. Старуха, но не очень ещё она старая была, она, мол, каких-то лягушек или кого она собирала в туесок. Икот там держала (т. е. в туеске). И потом это она напоит кого-то этим, пенным пивом, что ли, напоит, и она начинает разговаривать, икота-то (Поносова Куд.) [ПМ1]; *М'ян мамöвён вöви икотаыс. С'я эз любитвы сова капуста. Мамö с'дз тайнö с'йö, с'я любитвис, мамö. А с'я, [икотаыс], пондöтчö: «Ой, ой, ой, – горöтны, – ой, ой, ой». У нашей матери была икота. Она не любила солёную капусту. Мать так её [с аппетитом] ест, она любила (т.е. солёную капусту), мать. А она [икота] начинает: «Ой, ой, ой, – кричать, – ой, ой, ой» (Ваганова / род. Новоселова**

Куд.) [ПМ1]; *Сія старукаыс сідз-ту горбыльён ветвётё, веськыта оз и вермы су(в)тны, а икотаыс кыздз понас йёктётны сійё, дак сія готтов потооксё судзавны. До тоо йёктас, до тоо йёктас и тожно усмерти кызди куйвё. Ачыс сідз-ту бы эз сія кер мортыс некёр, этё икотаыс сійё маитё.* Эта старуха так-то сгорбившись ходила, прямо даже не может встать, а как икота начнёт заставлять ее плясать, так она готова потолок достать. До того пляшет, до того пляшет и потом (чуть ли) не при смерти лежит. Сам бы так-то не сделал так человек никогда, это икота его мучает (Мелюхино Юсьв.) [ПМ1]; *Вот эмось этнаэз, икотаэз. Шуасё тай вот, мый гут ли мылли пё пырас ёмё, да икотаэз тай баитёны.* Вот есть эти, икоты. Скажут вот, что муха что ли, мол, в рот залетела, и икоты, мол, разговаривают. (Дёмина Куд.) [ПМ2].

При этом в некоторых случаях *икота/икёта* может восприниматься как болезнь, вызванная таким духом, выражающаяся в приступах, во время которых больной издает звуки, характерные для животных и птиц, икает, кричит, сквернословит, говорит не от своего лица и под., ср: *Ме кыллі, сія вёллі, но важын ни сія, ме ишё учитик вёлі. Икётаён пё сія мыйкё керё, шогалё. Икёта.* Я слышал, это было, но давно уже это, я ещё маленьким был. Икотой, мол, она что-то делает, болеет. Икота (Коса) [ПМ1]; *А бригадир оз верит да: «Эшё, – шуё, – притворяйтчан сякёйнас». Да сія кыздз ёмсё осьтіс да кыздз горётіс да горётіс, да тётя Мариыс этчё чуть эз кув! <...> Сідз и овис... А дыр жё овис, восемсят восьми лет ли мылли вёи. [И пыр сылён икотаыс вёлі?] Ог тёд, сія пё болезнь этшиём. Болезньсё сідз и шуёны – икотаён.* А бригадир не верил и говорит: «Ещё притворяешься всяким». И она как рот открыла и как стала кричать, и тётя Мария тут чуть не умерла! <...> Так и жила... А долго же прожила, восемьдесят восемь лет, что ли, было (т. е. когда умерла). [И всегда у неё икота была?] Не знаю, это, мол, болезнь такая. Болезнь так и называют – икотой (Кудымкар) [ПМ1].

Следующее значение, очевидно, сформировалось на основе метонимического переноса, когда наличие «вселенного» духа становится основной идентифицирующей характеристикой человека для окружающих. Икотой начинают называть и самого человека, в которого «вселился» такой дух, чаще всего женщину, страдающую от этого заболевания: *Коркё ме муні Кудымкарё. Шогалі ёддёён, ся икётаыс дыно пыримё, знакомой вёлі икётаыс. Пырим, сія кыздз тёкё поніс иксыны-нёштёмасьны.* Когда-то я поехала в Кудымкар. Болела

очень (сильно), потом к икоте мы зашли, знакомая была икота. Зашли, как она только стала кричать и ругаться (Иванчино Гайн.) [ПМ1]; *А икѳтаыс миан родственница вѳлі, икота. А эз сіа уна баит. Исся пукаламѳ, а воныс пырис керкуас и нарѳшнѳ сіѳ поніс дразнитны: тэ пѳ мыля менчим ножничѳс нѳбѳтін? Мѳдыс: «Мыля ме нѳбѳті?» – керыштис. А икота у нас родственница была, икота. А она много не разговаривала. Потом (как-то) сидим, а её брат зашел в дом и нарочно её стал дразнить: ты, мол, почему мои ножницы унесла. Она: «Почему (это) я унесла?» – ответила (Кочево) [ПМ1]; *Чизгинас эм мужык. <...> Сыѳн вѳи мамыс икота.* В Чивизгино есть мужчина. <...> У него мать была икота (Поносова Куд. / род. Швычи Юсьв.) [ПМ1].*

Кроме того, в языке формируются и другие значения, часто близкие к основному. Так, в одном из примеров икота связана с представлением о порче и других видах магического вреда, насылаемого с питьем, пищей или по ветру: *«Ой, Татьяна, Татьяна, мыйѳн ніа юкталѳны да вердѳны, ме эд нылісь ог сей сеянсѳ, быдѳс сеянас гыжжез и мый, и Митяыс эд сейѳ сеянсѳ». И сіа пѳ мужикыс, кѳда бабыслѳ висьталѳма, семьяыс дынісь абу мунѳма, а папыс нылѳн кольліс семьясѳ шесть человекѳн. Вот кѳр сіа пондас мунны, папныс нылѳн, мамным висьтасьліс, пельпоннэзыс вылѳ кизѳ пуктіс и пѳ и шуѳ: «Татьян, ог бы мун эд, а нем асьнам ог вермы керны. Кыскѳны икотаэзныс». <...> Но сіа и лѳѳ, что смилитѳны.* «Ой, Таня, Таня, чем ведь они поят и кормят, я ведь не ем их пищу, в еде и ногти, и чего только нет, а Митя ведь ест их стряпню». И этот мужчина, который бабушке рассказывал, из семьи не ушел, а отец их оставил семью из шести человек. Вот, когда он собрался уходить из семьи, их отец, мать у них говорила, положил, мол, руки на плечи и говорит: «Таня, не хочу ведь уходить, а ничего с собой не могу поделать. Тянут у них икоты к себе». <...> Ну, это и значит, что сделали приворот (Пуксиб Кос.) [ПМ1].

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы: 1) представления об икоте в коми-пермяцкой традиции до сих пор являются живым явлением; 2) в современных говорах лексема *икота/икѳта* помимо основного значения, «дух в виде маленького животного или насекомого» развивает и другие, такие как «болезнь, вызванная таким духом», «человек, страдающий таким заболеванием». Единичные примеры показывают, что в говорах могут встречаться и другие значения. Продолжающийся сбор полевого материала, возможно, позволит выявить и некоторые другие значения, а также ареал их распространения.

Список использованной литературы

Голева, Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. – СПб.: Маматов, 2011. – 272 с.

Ильина, И. В. Шева // Мифология коми: Энциклопедия Уральской мифологии / Н. Д. Конаков, А. Н. Власов, И. В. Ильин и др.; науч. ред. В. В. Напольских. – М.: Изд-во ДИК, 1999. – С. 382–383.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. – М.: Русский язык, 1985. – 624 с.

ЛИКЯ – Голева, Т. Г., Подюков, И. А., Пономарева, Л. Г., Черных А. В. Лупьинцы: история, культура, язык. Этнолингвистический сборник. – Пермь: ИД Тип. Купца Тарасова. 2011. – 142 с.

Материалы – Материалы по коми-пермяцкой демонологии / авт.-сост.: А. В. Кротова-Гарина, Ю. А. Шкураток, А. С. Лобанова, С. Ю. Королёва, И. И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2020. – 168 с.

Напольских, В. В. Этимология коми шева // *Linguistica Uralica*. – Tallinn, 1999. – Т.35. – № 1. – С. 45–48.

Пономарева, Л. Г. Речь северных коми-пермяков. – М.: Языки народов мира, 2016. – 514 с.

Русинова, И. И., Шкураток, Ю. А. Мифологическое значение слова ИКОТА, ИКОТКА (по данным говоров Юрлинского района Пермского края) // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи. М-лы Всеросс. (с междунар. уч.) науч. конф., (г. Пермь, 10 апр. 2017 г.). – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т., 2017. – С. 270–275.

СДКЯ – Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка: в 2 т. / под ред. Л. М. Безносиковой. – Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2012. – Т. I: А–О. – 1096 с. – Т. II: Ö–Я. – 888 с.

Сидоров, А.С. Порча-шева (кликушество) // Знахарство, колдовство и порча у народов коми. – СПб.: Изд-во ЦЕНТРОСВНАЦМЕНА НАРКОМПРОСА РСФСР, 1997. – С. 160–138.

Христофорова, О. Б. Икота: Мифологический персонаж в локальной традиции / О. Христофорова. – М.: РГГУ, 2013. – 304 с.

ЭСМР 2019 – Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края. Ч. 1. Люди со сверхъестественными свойствами. / Авт.-сост. И. И. Русинова (отв.-ред.), А. В. Черных, К. Э. Шумов, С. Ю. Королева. – СПб.: Маматов, 2019. – 832 с.

MYTHOLOGICAL MEANINGS OF THE WORD IKOTA IN KOMI-PERMYAK DIALECTS

Summary. Mythological meanings of the word “ikota” in the Komi-Permyak texts gathered from field notes (2016–2021), and publications were analysed. It is concluded that in addition to the basic meaning

“spirit in the shape of a small animal or insect,” there are other meanings in the language.

Keywords: Komi-Permyak language, mythological vocabulary, hysteria, ikota.

УДК 811.511.152.2

Левина Мария Захаровна

*Россия, г. Саранск, Национальный Исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»*

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЯЗЫКОВОЙ КОРПУС КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ МОРДОВСКИХ (МОКШАНСКОГО И ЭРЗЯНСКОГО) ЯЗЫКОВ

Аннотация. Систематизации языкового материала и создания электронного корпуса способствует не только сохранению мордовских (мокшанского и эрзянского) языков, но и имеет особую значимость для финно-угорского языкознания в целом. Электронные ресурсы создадут более широкие возможности для проведения сравнительно-исторических, сопоставительных и типологических исследований. Результаты данного исследования необходимы для сохранения, а также для обогащения лексики литературного языка. Целесообразность исследования обосновывается возрастающей нивелировкой диалектных различий под влиянием литературного языка и миграцией населения.

Ключевые слова: мордовские (мокшанский и эрзянский) языки, языковой корпус, подкорпус, корпусная лингвистика.

Электронные языковые корпуса в настоящее время являются одним из самых важных инструментов в сохранении языков малых народов. Создание электронного языкового корпуса мордовских (мокшанского и эрзянского) языков способствует сохранению и развитию исследуемых языков, так как языковой материал может остаться неисследованным в связи со стремительными процессами глобализации.

Любой язык, как сложная система, включает в себя, с одной стороны, литературную норму данного языка, с другой – его диалекты, имеющие свои типовые признаки [Левина 2015а : 24]. Диалектный язык составляет, как отмечал А. М. Пешковский, «главный

и наиболее захватывающий, наиболее раскрывающий тайны языковой жизни объект исследования» [Пешковский 1959: 51–52].

Мордовские языки по своему составу также не являются однородными и функционируют в виде различных диалектов, которые отличаются друг от друга диапазоном словарного состава. Диалекты мордовских языков распространены на больших пространствах Волго-Окского междуречья и Заволжья вплоть до южного Урала. Граница между мокшанскими и эрзянскими диалектными зонами не является сколько-нибудь определенной линией, они размываются пограничными переходными и смешанными говорами, на территории которых в разной степени распространяются окраинные отрезки ареалов языковых явлений, порознь свойственных тому или иному диалекту [Феоктистов 1990: LX].

А. П. Феоктистов отмечает: «В отдельных диалектах до сих пор продолжают сохраняться архаичные элементы, восходящие к общемордовскому источнику, а иногда даже к финно-угорскому языку-основе» [Феоктистов 1960: 74]. Специфические черты диалектов появились в результате неравномерного их развития, что вызвано действием локализованных, характерных для того или иного диалекта, или их группы так называемых внутренних закономерностей, а также конкретных исторических и географических условий [Левина 2015а: 24].

Выявление общих закономерностей и основных тенденций формирования и развития, а также сохранение национальных языков немислимо без глубокого и всестороннего изучения их диалектов и говоров, поэтому изучение особенностей диалектов, истории их формирования и развития является важнейшим фактором сохранения богатства мордовских языков [Левина 2015b: 105].

Как известно, в настоящее время во многих языках мира уже созданы и функционируют электронные языковые ресурсы. Общепризнанным образцом является, в частности, Британский национальный корпус (British National Corpus (BNC)), на который ориентированы и многие другие корпуса, Чешский национальный корпус, Национальный корпус русского языка.

Ведется создание электронных ресурсов и отдельных финно-угорских языков. Так, Corpus of Estonian Written Texts содержит эстонские письменные тексты 1983–1987 гг., художественную литературу, научные и научно-популярные тексты и др. [Некрасова 2010: 14].

Для венгерского, например, уже к началу 2000-х гг. были созданы первая версия сбалансированного Национального корпуса [Váradí 2002]; меньший по объёму, но синтаксически аннотированный Сегедский корпус [Csendes et al. 2004]; корпус веб-страниц на венгерском объёмом около 2 млрд словоформ [Halácsy et al. 2004]; исторический корпус [Pajzs 2000] и др.

В 2014–2015 годах были созданы первые версии общедоступных письменных корпусов коми (<http://komicorpora.ru>), созданный командой FU-Lab под руководством М. С. Феединой, удмуртского, созданный М. Медведевой и Т. Архангельским и марийских языков [Bradley 2015]. Каждый язык представлен в виде двух корпусов: корпус текстов социальных сетей и корпус всех остальных текстов. Оба вида текстов подверглись автоматическому морфологическому анализу; кроме того, тексты из соцсетей прошли дополнительные фильтрацию и анонимизацию, снабжены поисковым веб-интерфейсом и являются общедоступными [Архангельский 2019: 528; <http://volgakama.web-corpora.net/>].

Возможности использования письменного корпуса коми языка для лингвистических исследований рассматриваются в работе М. С. Феединой «Корпус коми языка как база для научных исследований» [Федина 2019: 45–48].

Следует отметить, что над мордовскими (мокшанским и эрзянским) языками также ведется работа по созданию электронных корпусов. Были разработаны корпусы интернет-текстов мокшанского и эрзянского языков https://www.researchgate.net/publication/325447073_Towards_an_open-source_universal-dependency_treebank_for_Erzya, созданные Джеком Рютером [Rueter, Tyers 2018], которые способствуют сохранению не только языкового богатства мордвы-мокши и мордвы-эрзи, но культуры мордовского народа. Как отмечает сам ученый, главной задачей является сбор и систематизация текстов на данных языках.

Языковой материал по мордовским языкам представлен в базе GiellaLT http://gtweb.uit.no/u_korp/ для лингвистического, сравнительно-исторического сопоставительного аспекта изучения данных языков.

Осуществляется разработка онлайн-словаря по мокшанскому и эрзянскому языкам с открытым исходным кодом на основе Mediawiki в работе «Synchronized Mediawiki based analyzer dictionary development» <https://www.aclweb.org/anthology/W17-0601/> [Rueter,

Hämäläinen 2017: 1–7]. Разработка FST с открытым исходным кодом для уральских языков и языков других меньшинств демонстрирует огромный потенциал для дополнительных разработок, связанных с историей развития и сохранения языков.

Сервер corp.csc.fi в Финляндии предоставляет множество разновидностей текстовых корпусов для больших и малых языков. Онлайн-корпуса мокшанского и эрзянского языков представлены в работе «On New Text Corpora For Minority Languages On The Helsinki corp.csc.fi Server» <https://researchportal.helsinki.fi/en/publications/on-new-text-corpora-for-minority-languages-on-the-helsinki-korpcs> [Rueter, Partanen 2019: 32–36].

Как было отмечено авторами, мокшанский и эрзянский языки находятся под угрозой исчезновения языков меньшинств, поэтому следует пристальное внимание обратить на сохранение языкового материала. Разнообразие двух родственных языков – мокшанского и эрзянского, морфологическое единство данных языков описаны в работе «Open-Source Morphology for Endangered Mordvinic Languages» <https://www.aclweb.org/anthology/2020.nlposs-1.13/>. Характерные особенности этих двух языков мотивируют для совместной разработки FST с открытым исходным кодом [Rueter, Hämäläinen, Partanen 2020: 94–100].

Электронный языковой корпус мордовских (мокшанского и эрзянского) языков – это коллекция электронных текстов, которая оформлена по определенным правилам, снабжена необходимой лингвистической информацией и обеспечена специализированной поисковой системой. Его основная задача заключается в представлении и сохранении языкового материала каждого языка.

Электронный корпус является одним из главных проектов по сохранению и развитию мордовских (мокшанского и эрзянского) языков, включающей в себя два основных вида электронных ресурсов – корпус текстов и словарь. Данная проблема обосновывается тем, что с течением времени носителей мордовских (мокшанского и эрзянского) языков становится все меньше и языковой материал может остаться не исследованным в полном объеме. Это связано со стремительными процессами, которые размывают этнические особенности, в связи с чем, современные языки все более сближаются, одновременно парадоксально взаимообогащаются и беднеют.

Электронные языковые ресурсы обеспечат свободный доступ лингвистам различной специальности для исследования и классификации языкового материала, позволят производить анализ языковых единиц, при этом не создавая самостоятельно базы данных в соответствии с задачами исследовательской работы, создадут широкие возможности для проведения исследовательских проектов, а также для других типологических, сравнительно-исторических и сопоставительных исследований по финно-угорским языкам.

Таким образом, создание электронного корпуса мордовских (мокшанского и эрзянского) языков открывает широкие возможности для исследований, так как современные информационные технологии упрощают и ускоряют процедуры лингвистической обработки больших текстовых материалов. С помощью электронных ресурсов мы сохраним богатейшее языковое наследие, полученное нами от наших предков, и передадим будущему поколению.

Список использованной литературы

Агафонова, Н. А. Диалектологический атлас как результат исследований эрзянских диалектов методами лингвистической географии / Н. А. Агафонова, И. Н. Рябов // Финно-угорский мир. – 2013. – № 2. – С. 48–53.

Архангельский, Т. А. Интернет-корпуса финно-угорских языков России / Т. А. Архангельский // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2019. – Т. 13. – №3. – С. 528–537. URL: <http://volgakama.web-corpora.net/>

Левина, М. З. Из истории классификации диалектов мокшанского языка / М. З. Левина // Финно-угорский мир. – 2015а. – № 3. – С. 24–35.

Левина, М. З. Морфология форм неопределённого склонения имени существительного в мокшанских диалектах Поволжья (лингвогеографический аспект исследования) / М. З. Левина // Вопросы языкознания. – 2015b. – № 5. – С. 104–119.

Некрасова, А. Г. Электронный диалектный корпус как ресурс сохранения и изучения коми диалектов / А. Г. Некрасова // Финно-угорский мир. – 2010. – №1. – С. 13–16.

Федина, М. С. Финно-угорские языки Российской Федерации в электронном информационном пространстве: опыт, проблемы и перспективы / М. С. Федина // Финно-угорский мир. – 2016. – Т. 3. – № 28. – С. 111–121.

Федина, М. С. Корпус коми языка как база для научных исследований / М. С. Федина // Электронная письменность народов Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы: материалы II Международной научной конференции. Уфа: Госуд. автон. учр. науки Республики Башкортостан "Башкирская энциклопедия", 2019. – С. 45–48.

Феокистов, А. П. Диалекты мордовских языков / А. П. Феокистов // Paasonens H. Mordwinisches Wörterbuch. Bd. I: A–J. Suomalais-ugrilainen seura. – 1990. – С. LX–LXXXVI.

Halácsy, P., Kornai, A., Németh, L., Rung, A., Szakadát, I., Trón, V. Creating open language resources for Hungarian. LREC 2004 – Proceedings. 2004. – Pp. 203–210.

Rueter, J., Hämmäläinen, M. Synchronized Mediawiki based analyzer dictionary development // Третьего семинара по компьютерной лингвистике для уральских языков. – СПб.: Ассоциация компьютерной лингвистики, 2017. – С. 1–7. <https://www.aclweb.org/anthology/W17-0601/>

Rueter, J., Partanen, N. On New Text Corpora For Minority Languages On The Helsinki korp.csc.fi Server // Электронная письменность народов Российской Федерации: опыт, проблемы и перспективы. – Уфа, 2019. – С. 32–36.

Rueter, J., Tyers, F. Towards an open-source universal-dependency treebank for Erzya // Proceedings of the Fourth International Workshop on Computational Linguistics of Uralic Languages. 2018. С. 108–120. https://www.researchgate.net/publication/325447073_Towards_an_open-source_universal-dependency_treebank_for_Erzya/

Rueter, J., Hämmäläinen, M., Partanen, N. Open-Source Morphology for Endangered Mordvinic Languages // Труды второго семинара по программному обеспечению с открытым исходным кодом NLP (NLP-OSS): Ассоциация компьютерной лингвистики, 2020. – С. 94–100. <https://www.aclweb.org/anthology/2020.nlposs-1.13/>

Zeman, Daniel; Nivre, Joakim; Abrams, Mitchell, Levina, Maria et al. Universal Dependencies 2.6, LINDAT/CLARIAH-CZ digital library at the Institute of Formal and Applied Linguistics (ÚFAL), Faculty of Mathematics and Physics, Charles University. 2020-05-15. Type corpus <http://hdl.handle.net/11234/1-3226>

Váradi, T. The linguistic relevance of corpus linguistics. Proceedings of the Corpus Linguistics 2001 Conference. 2001. – Pp. 587–593.

http://gtweb.uit.no/u_korp/

http://komicorpora.ru/Корпус_коми_языка

<http://korp.csc.fi/>

http://corpus.nytud.hu/mnsz/index_eng.html / Венгерский национальный корпус (HNC)

ELECTRONIC LANGUAGE CORPUS AS A FACTOR OF PRESERVATION OF MORDVIN (MOKSHA AND ERZIA) LANGUAGES

Summary. The systematization of the linguistic material and the creation of an electronic corpus contributes not only to the preservation of the Mordvin (Moksha and Erzyan) languages, but also has a special significance for the Finno-Ugric linguistics in general. Electronic resources will create wider opportunities for conducting comparative-

historical, contrastive and typological research. The results of this study are necessary for the preservation as well as for the enrichment of the vocabulary of the literary language. The expediency of the study is substantiated by the increasing leveling of dialectal differences under the influence of the literary language and population migration.

Keywords: Mordvin (Moksha and Erzya) languages, language corpus, subcorpus, corpus linguistics.

УДК 811. 511.132

Лудыкова Валентина Матвеевна
*Россия, г. Сыктывкар, Коми республиканский
институт развития образования*

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИНТАКСИСЕ КОМИ ЯЗЫКА НАЧАЛА XXI ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена исследованию активных процессов в синтаксической структуре коми языка, которые отмечаются в последние десятилетия. Подробно рассмотрены инновационные явления в глагольном управлении, в синтаксисе простого предложения, сложного предложения.

Ключевые слова: коми язык, синтаксис, развитие языка, развитие синтаксиса, простое предложение, сложное предложение, языковые нормы, заимствования.

В каждом языке постоянно происходят непрерывные изменения, которые являются условием его существования и развития. Они отмечаются и в лексической системе, и в грамматической структуре. Языки развиваются по своим внутренним закономерностям, но на их развитие существенное влияние также оказывают и экстралингвистические факторы.

Известно, что между языком и обществом имеются самые тесные связи. Все изменения, происходящие в обществе, оказывают непосредственное влияние на сохранение, функционирование и развитие языков. В начале XXI века наблюдаются стремительные изменения в социальной жизни, экономике, политике, все это сказывается и на жизни языков. В наше время функционирование и развитие языков зависят от процессов глобализации, миграции, интенсивно развивающихся культурных связей, средств массовой коммуникации, а также

и от Интернета, цифровых технологий. Особенность сегодняшнего дня состоит также и в том, что коми язык функционирует и развивается в условиях массового и активного билингвизма.

В начале XXI века активные процессы происходят на всех уровнях коми языка. Их можно видеть и в синтаксисе, несмотря на то, что он является стабильной, устойчивой, менее открытой системой, в отличие от словарного состава. Отмечается развитие синтаксиса отдельных частей речи, типов простого предложения, сложных предложений, осложнение простого предложения, изменения в системе глагольного управления и т.п. Видим, что некоторые синтаксические структуры активизируются, получают большее развитие, большее распространение, другие, напротив, сужают сферу функционирования, в речи начинают использоваться реже. На изменения в синтаксисе влияют расширение общественных функций коми языка в последние десятилетия, развитие его литературной формы, различных стилей речи, которые требуют расширения, развития не только лексической системы, но и синтаксических структур. На процессы, происходящие в языке, оказывают влияние средства массовой коммуникации, русский язык, в литературном языке отмечается активизация некоторых разговорных синтаксических конструкций. Сегодня в республике имеет место быть, как уже отметили, массовый и активный билингвизм, практически все владеют двумя языками, думают на двух языках, а молодежь все больше – на русском, коммуникативно более сильном, языке. И это также сказывается на использовании в речи синтаксических структур. Некоторые изменения способствуют развитию грамматической структуры, расширяют синтаксические возможности языка, расширяют число грамматических структур, развивают синтаксическую синонимию, способствуют более точному выражению мыслей, оттенков смыслового содержания предложения-высказывания, однако определенные изменения нарушают внутренние законы коми языка, его норм, не соответствуют его внутренней структуре.

В наши дни активные процессы наблюдаются в глагольном управлении. Номинативная форма зависимого компонента начинает употребляться в генитиве: *кык лун мунö наукалён* (вместо **наука**) *фестиваль* (из речи журналистов радио) «два дня проходит фестиваль наук»; вместо элативной формы – инессив: *Абу гöтыра. Он кö верит – прöверит: Петыр О́льöшлысь юав либö сельсöветын* (вместо **сельсöветысь**) *тöдмав* (В. Напалков, Йöг каллян, 129) «Не

женат. Если не веришь – проверь: У Петыра Олеша сприси или в сельсовете узнай»; вместо формы инструменталю имени существительного, обозначающего неодушевленный предмет, – комитатив: *Тодмоддны челядьос коми культуракод* (вместо *культураон*) (из речи журналистов радио) «Знакомят детей с коми культурой». Субстантивное определение при прямом дополнении в коми языке выражается формой аблатива, однако в последнее время все чаще наблюдаем форму генитива: *Сийо висьталис, кыдзи гостьяслы петкодломась мусир перйысьяслон* (вместо *перйысьяслысь*) *пакоститчомсё* (Коми му 2021, 4.03, с. 5) «Она рассказала, как гостям показали пакости нефтяников». Все эти случаи говорят о нарушении норм и законов коми языка. Такие изменения в грамматике происходят под влиянием русского языка.

В последнее время особенно активизируется форма инструменталю имени существительного и имени прилагательного. Она, к примеру, вытесняет формы инессива и иллатива имени субстантивного слова в предикативной функции со значением профессии, рода занятий: *учительон лоас* «учителем будет», *козяинон лоас* «хозяином будет» вместо исконных форм *учительо воас, козяино воас*. Интенсивно развивается творительный предикативный имени прилагательного: *Кар борад сиктыд кажитчис гажстомон* (Куратова 2009, с. 173) «После города село кажется скучным»; *И ме ачымос оз лыдды мыжаон* (Куратова 2009, с. 349) «И я сама себя не считаю виноватой».

Для коми языка характерным является твердый порядок слов в атрибутивных сочетаниях: определение всегда стоит перед определяемым словом. Однако в последнее время этот порядок все чаще нарушается: атрибутивное имя начинает располагаться в постпозиции по отношению к главному слову. Это отмечается не только в речи молодого поколения, в устной спонтанной речи, но и в СМИ, в текстах художественной литературы: *Медводз гижис некымын кывбур радейтчом йылысь* (вместо *радейтчом йылысь некымын кывбур*) (Напалков 2018, с. 45) «В первую очередь написал несколько стихотворений о любви»; *Сидзи и эз чуж ни оти роман коми кыв вылын Великой Отечественной война йылысь* (вместо *Великой Отечественной война йылысь роман*) (Напалков 2018, с. 6) «Так и появилось ни одного романа на коми языке о Великой отечественной войне». Такое нарушение видим и в школьных учебниках: *Сточмодой тодблуннытё висьт йылысь* (вместо

висьт йылысь тӧдӧмлуннытӧ) (Остапова 2017, с. 227) «Уточните свои знания о рассказе».

Под влиянием синтаксиса русского языка расширяется сфера использования пассивных синтаксических конструкций, особенно частыми являются в публицистическом, официально-деловом научном стилях: *Сессиялӧн решениеясыс пӧртсьӧны олӧмӧ слаба* (Коми му 2020, 21, 6, с. 9) «Решения сессии слабо претворяются в жизнь», их широко вводят и в тексты художественной литературы: *А ӧд быдӧнлы кӧсьыссьӧ лоны ыдждджык чинаӧн* (Напалков 2018, с. 42) «А ведь всем хочется иметь более высоким чин»; *Елизавета Павловналӧн вӧзйӧм примитсьӧ ӧтсӧгласӧн* (Шахов 1999, с. 325) «Предложение Елизаветы Павловны принимается единогласно».

В письменной речи продолжают активно развиваться осложненные простые предложения. В первую очередь необходимо отметить конструкции с обособленными членами. Это связано, прежде всего, с развитием литературной формы языка, художественного стиля. В данной синтаксической функции имя прилагательное начинает изменяться: оно способно принимать формы множественного числа, многих косвенных падежей, лично-притяжательные форманты, что не было свойственно коми прилагательному. Таким образом, развивается новый вид связи – согласование на уровне предложения: *Вӧч меным выль норт, кузьдджыкӧс* (Юшков, 2001, с. 476) «Сделай мне сани, более длинные»; *Юрсьыс мӧвпъясыс пыркалісны, вӧляникысь саймовтчисны мӧдъясӧн, кокныд-джыкъясӧн* (Попов 2001, с. 105) «Мысли из головы ушли, постепенно их вытеснили другие, более легкие». Большую информацию содержат относительные прилагательные в роли обособленного определения: *Яг выв пожӧм керъясысь тшуплӧм керкаыс сералӧсулалӧ, чардака и балкона* (Безносиков 2001, с. 302) «Дом, построенный из сосновых бревен, стоит-смеётся, с чердаком и балконом (букв. чердачный и балконный)». Осложняется предложение и введением обособленного обстоятельства: *Аскинас, рьтъявылыс, Самарин бӧр воис поселокӧ* (Юшков 2001, с. 434) «Назавтра, под вечер, Самарин обратно пришел в поселок».

Нужно отметить, что сегодня активно распространяются конструкции экспрессивного синтаксиса. Они активизируются не только в устной разговорной речи, но и в художественном, публицистическом стилях. Подчеркнем, что в текстах художественной литературы, публицистики последних лет крайне редко используются устойчивые

фразеологические сочетания, однако получают широкое распространение синтаксические конструкции, содержащие эмоционально-экспрессивную оценку, к примеру, к ним относятся различные типы осложненного простого глагольного сказуемого, в том числе колоративные конструкции: *Ставныс гөрдлөны-сералөны* (Безносииков 2001, с. 87) «Все гогочут-смеются»; *Дарьяыс асывсынь на лимзалө-бөрдө* (Коданев 2016, с. 108) «Дарья с утра скулит-плачет»; *Дзуртө-гижө перөнас квитанция* (Безносииков 2001, с. 309). «(Он) скрипит-пишет пером квитанцию»; *Олимпиада Аристарховна шарскө-вось-лалө сандалиа кокъяснас кухня* (Безносииков 2001, с. 231) «Олимпиада Аристарховна шаркает-шагает в сандалиях на кухню».

Активно развиваются инфинитивные предложения, передающие самые различные модальные значения, экспрессию речи: *Эновтны этатшөм беда дырйи радейтана мортөс?!* (Куратова 2009, с. 312) «Бросить любимого человека в такую беду?»; *Гашкө, гижны та йылысь?* (Напалков 2018, с. 277) «Может, написать об этом?»; *Өні дырйид – гөтрасны, гашкө?* (Тимин 2018, с. 523) «Может, сейчас жениться?».

В художественных, публицистических текстах под влиянием разговорного синтаксиса наблюдается тенденция к использованию парцелированных конструкций, которые относятся к экспрессивным. Наиболее часто в роли парцелированной части выступают определения: *Керкаө пырис мамыс. Шөйөвшөма, жу-гыль* (Коданев 2016, с. 38) «В дом зашла мама. Растерянная, грустная»; *Лавкаын вөлі и мукөд лампа. Ёна мичаджыкөсь да синмө шыбитчанаджыкөсь* (Белых 2012, с. 234) «В магазине были и другие лампы (настольные). Более красивые и привлекательные»; *А өд сйө важся войтырыс, талунъяясылөн бать-мамъясыс, мен ёна матыссаджыкөн вөліны. Зильөсь. Уджачөсь. Курыд олөм вы-лас видзөдтөг, нюсераөсь* (Белых 2012, с. 180) «А ведь те старые люди, родители сегодняшних, мне более близкими были. Старательные. Трудолюбивые. Несмотря на горькую жизнь, улыбочивые». За пределы основного предложения нередко выносятся и обстоятельства: *А самөвар кывзө пызан сайын пукалысьясөс да сіджжө нимкодясьө. Сйө өд кытыдлунсө тайө рытас семьяыслы вайис. Со кутшөм долыдөсь налөн чужомъясыс. Самөварысь чөскыд васө юөм бөрын* (Белых 2012, с. 126) «Самовар слушает сидящих за столом и также радуется. Он ведь принес семье радость в этот вечер. Вот какие довольные лица у них. После того, как выпили вкусный

чай из самовара». За рамки предложения могут быть вынесены и придаточные части: *А Борислõн серпасъясъс эз сэтшõм бура артмыны. Векдъжык тэрмасис да* (Белых 2012, с. 82) «А у Бориса рисунки не так хорошо получались. Потому что всегда спешил».

В последние десятилетия отмечается тенденция интенсивного развития сложноподчиненных предложений. Во многих случаях они вытесняют исконные предложения с причастными и деепричастными оборотами, которые в речи молодых почти не используются, крайне редко представлены и в официально-деловом, публицистическом стилях: *Петрович менõ садъмõдис, кор ывлаын вõли югдõ нин (= Петрович менõ садъмõдис ывлаас югдигõн нин)* (Белых 2012, с. 23) «Петрович меня разбудил, когда на улице уже светало».

Особенно активное распространение получает подчинительный синтаксический союз *мый* «что», используемый в предложениях с самым различным значением, не только с изъяснительным придаточным, но и причины, меры, степени, с определительным придаточным и т.д., которые могут быть при главном члене, выраженном именем прилагательным, безлично-предикативным словом: *Меным долыд, мый сьõлõм вылас налы воис* (Лодыгин 2007, с. 342) «Мне приятно, что им понравилось»; *Лунъяс лоины сэтшõм кузьõсь, мый подõн он суõд сылысь помсõ* (Коданев 2016, с. 79) «Дни стали такими длинными, что и не догонишь его конец». *Зэв рад, мый тõдмасим* (Безносиков 2001, с. 36) «Очень рад (я), что мы познакомились»; *Рад, мый пыдди пуктõны, любуйтчõны* (Коданев 2016, с. 12); «Рад (я), что уважают, любят»; *Тан сэтшõм лõнь, мый лõньсõ кылан* (Тимин 2018, с. 494) «Тут так тихо, что слышишь тишину». Такие конструкции начинают вытеснять исконные синтаксические структуры с отглагольными именами, к примеру, вместо конструкции типа *Рад пыралõм вылад* в устной и письменной речи используют *Рад, мый пыралин* «Рад, что заходил»; вместо *Аттõ передача вылас волõмысь* «Спасибо, что приходили на передачу» – *Аттõ, мый корлинныд* «Спасибо, что приглашали».

В последнее время в придаточной предикативной части времени начинает активно использоваться заимствованный союз *пока*, вытесняя простые предложения исконного типа с деепричастными оборотами, выражающими дополнительные действия, которые выполняются одновременно с основным действием. Он широко вводится и в тексты художественной литературы: *Пока мамыс ноксис картофель чугун дорын, Митя пасътасис да петалис ывлаõ*

(Коданев 2016, с. 106) «Пока мама хлопотала возле чугуна с картошкой, Митя оделся и выходил на улицу»; *Шойччышт сэні, пока куйлан* (Куратова 2009, с. 243) «Отдохни там, пока будешь лежать»; *Пока чолёмасим да пасибёасим, синватор весиг чепёсйыліс* (Куратова 2009, с. 198) «Пока здоровались и благодарили, даже слезы выступили»; *Аддзёдчыв ськёд, пока ловъя* (Напалков 2018, с. 203) «По-видайся с ним, пока (он) жив»; Наблюдается дифференциация подчинительных союзов *да, сы вёсна мый* «потому что». *Да* активизируется в художественном стиле, *сы вёсна мый* «специализируется» на официально-деловом, научным стилям: *Кынёмыс сьумалыштис нин да, ёшёдис бипур весьтё чайник* (Напалков 2018, с. 241) «Потому что уже немного проголодался, (он) повесил на костер чайник»; *Гортас воасны да, Апполоньд висьталас та йылысь* (Лодыгин 2007, с. 196) «Когда придут домой, Апполон скажет об этом».

Получают распространение калькированные конструкции, в состав которых входят глаголы *мунны* «идти», *нуёдны* «проводить» и зависимо от него имени существительного в аккумулятиве, заменяя простое глагольное сказуемое: *нуёдны удж, нуёдны сёрни, сёрни муніс, удж муніс, нуёдисны паньдасьём*, а также конструкции типа *этиша мый* «мало что», *этиша кодлы* «мало кому» и т.д. Они особенно частотны в публицистическом, официально-деловом стилям: *Колва сиктын муніс «Шондібаной» праздник* (Коми му, 2020, 7.08, с. 3), *Ёні серни мунё сы йылысь, медым тайё предприятиясё лыддьыны банкротён* (Коми му, 2020, 15.10, с. 4). «Сейчас разговор ведут о том, чтобы это предприятие считать банкротом». Они нередкими являются и в художественных текстах: *Митрей сернисё нуёдис ывлаас нин* (Шахов 1999, с. 239) «Митрей разговор вел уже на улице»; *Но сёрни нуёда аслам Ёгор Филиппович йылысь* (Куратова 2009, с. 132) «Но разговор веду о своем Егоре Филипповиче»; *Тэ йылысь юасис, но этиша мый ме верми висьтавны* (Напалков 2018, с. 14) «О тебе спрашивал, но я мало что могла сказать»; *Ас вынъясён этиша мый вермам ми вёчны* (Напалков 2018, с. 85) «Своими силами мало что мы можем сделать». Понятно, что на распространение таких конструкций оказывает влияние русский язык. Они прежде всего использовались в устной разговорной речи и постепенно вводятся в литературную форму языка.

Таким образом, в синтаксисе коми языка последних десятилетий отмечаются определенные изменения. Развитие литературного

языка, расширение его общественных функций, развитие различных стилей речи требуют и развитие синтаксиса. Получают развитие определенные синтаксические структуры, новый тип связи – согласование адъективного обособленного определения на уровне предложения, осложненные предложения, особенно активно – с обособленными определениями, сложноподчиненные предложения с придаточными, выражающими различные грамматические значения. Активизируется функционирование подчинительных союзов *мый* «что», *пока* «пока», калькированных сочетаний типа *этша мый* «мало что» и т.п. Широкое распространение получают некоторые синтаксические структуры, выражающее экспрессивное значение. Одни из таких конструкций оказывают влияние на развитие языка, другие нарушают нормы языка, к примеру, нарушается порядок слов в определительных сочетаниях, использование падежных форм зависимых слов при глагольном управлении.

Список использованной литературы

- Безносиков, В. Ок, и мортлөн олём* / В. Безносиков. – Сыктывкар: 2001. – 367 с.
- Белых, И. Көмтөм кока челядьдырöй* / И. Белых. – Сыктывкар: Анбур, 2012. – 239 с.
- Коданев, И. Иван дедлөн козин* / И. Коданев. – Сыктывкар: Анбур, 2016. – 159 с.
- Коми му* – Коми му (газета).
- Куратова, Н. Менам дона сикöтш-ожерельей* / Н. Куратова. – Сыктывкар: Анбур, 2009. – 51 с.
- Лодыгин, В. Гыбад* / В. Лодыгин. – Сыктывкар: Анбур, 2007. – 336 с.
- Напалков, В. Йöг каллян* / В. Напалков. – Сыктывкар: Анбур, 2018. – 415 с.
- Остапова, Е. В., Торлопова, Е. А., Уляшев, О. И.* Коми литература. 5 класс. / Е. В. Остапова, Е. А. Торлопова, О. И. Уляшев. – Сыктывкар: Анбур, 2017. – 263 с.
- Попов, А. Чудь мыльк* / А. Попов. – Сыктывкар: Коми небöг лэдзанін, 2001. – 287 с.
- Тимин, В. Куим небöгö öтувтөм гижöд чукөр* / В. Тимин. – Сыктывкар: Коми республикаса гижысь котыр, 2018. – 591 с.
- Шахов, Б. Овлісны-вывлісны* / Б. Шахов. – Сыктывкар, 1999. – 541 с.
- Юшков, Г. Нель небöгö öтувтөм гижöд чукөр. 1 юкөн* / Г. Юшков. – Сыктывкар: Коми небöг лэдзанін 2001. – 751 с.

ACTIVE PROCESSES IN THE SYNTAX OF THE KOMI LANGUAGE OF THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Summary. The article is devoted to the study of active processes in the syntactic structure of the Komi language, which have been observed in recent decades. Innovative phenomena in verbal control, in the syntax of a simple sentence, and a complex sentence are considered in detail.

Keywords: Komi language, syntax, language development, syntax development, simple sentence, complex sentence, language norms, borrowings.

УДК 811.511.132

Лудыкова Валентина Матвеевна
Мусанова Светлана Семеновна

*Россия, г. Сыктывкар, Коми республиканский
институт развития образования*

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫЙ МИР КОМИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье на большом материале фольклорных текстов описывается выражение экспрессии. Особое внимание уделено анализу колоративных конструкций, обращений, сравнительных оборотов, повторов, междометий.

Ключевые слова: коми язык, фольклор, языковое сознание, экспрессия.

Фольклор – народная мудрость, душа любой национальной культуры. В произведениях устного народного творчества отражается этническая специфика народа, его картина мира, отношения между человеком и обществом. Фольклорные тексты представляют собой и историческую память народа. Они передают не только важную информацию, знания и опыт, накопленные веками, но и выражают отношение рассказчика к содержанию сообщения, к собеседнику, отношения героев, передают их чувства, переживания, эмоции. Важной функцией дискурса устного народного творчества является оказание эмоционального воздействия на собеседника. В них раскрываются радость и горе, тоска и боль, печаль и жалость, любовь, удивление, недовольство и т.п. Фольклорные тексты – это,

прежде всего, устные произведения, в них фиксируется спонтанная речь. Они отличаются большой экспрессией, эмоциями как рассказчика, так и героев.

Эмоциональное воздействие на собеседника выражается при помощи использования междометий, устойчивых выражений, вопросительных конструкций, эмоционально окрашенных восклицательных предложений и т.п.

О различных эмоциях сообщает **эмоционально-экспрессивная лексика, в том числе грубо-просторечные слова**: – *Мый ме да?! – лёк горшён равёстис Иван* (Шёвк тупыль, с. 130) «Что я?! – Истошно заорал Иван»; *Ак тэ, йой тэ, йой, мыйла виин?* (Шёвк тупыль, с. 209) «Ах ты, дурак ты, дурак, зачем убил?»; *Кыдз-мый тэ... дикой вёлин, а генерал паськёма* (Шёвк тупыль, с. 193) «Как же это... дураком был, а в генеральской форме»; *Кёни нё, дурак, ыжъ-ысыд?* (Микушев 1992, с. 75) «Где же, дурак, овцы?»

Как и в устной разговорной речи, в них значительное место занимают колоративные конструкции, оценивающие, характеризующие действие: *Найё сэн только связкёны-чышкёны* (Микушев 1992, с. 39) «Они там только и шарахают-подметают»; *...Сэссия-й юрсиодыс кватитис дякёнос да брункнитис-шыбитис* (Висер вожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс, с. 144) «...Потом схватил дякона за волосы и швырнул-выбросил...».

Особое место в таком дискурсе занимают междометия, типичные для спонтанной речи. Они способствуют выражению эмоций, экспрессии, передаче различных чувств, волеизъявлению. Междометия способствуют раскрытию душевного состояния, выражению удивления, радости, пренебрежения, испуга, переживаний, злости, сожаления, недовольства, презрения, отвращения, беспокойства говорящего. При этом большую роль играет интонация, сообщающая о всех переживаемых эмоциях героев. Одно и то же междометие, произнесенное разной интонацией, имеет разные значения, разные смысловые оттенки: – *Ун! Ун! Роч дук кылыштё роч морт-лэн!* (Шёвк тупыль, с. 287) «Уф, уф! Русский дух русского человека чувствуется»; – *Ун, – шуас, – дыр жё узьсьёма* (Шёвк тупыль, с. 355); «Уф, скажет, – как же долго проспал»; – *Ой-ёй-ёй, мый ыджда морт воис* (Шёвк тупыль, с. 377) «Ой-ой-ой, какой большой человек пришел»; – *Ак, – шуас, – удитинныд кыскыштыны. Эн кё удитой, ме сёйи тиянёс* (Шёвк тупыль, с. 350) «Ах, – говорит, – успели потянуть. Если бы (вы) не успели, я бы съелвас»; – *Тьну, – шуас сар, – дворечё*

менсьым пежалан (Шöвк тупыль, с. 335) «Тьфу, – скажет царь, – мой дворец оскверняешь»; **-О**, – *шудь бать, – тайö абу Китрöсьт-мудрöсьт, тайö оз шогмы, пиö* (Шöвк тупыль, с. 262) «О, – говорит отец,- это не Хитрость-мудрость, это не годится, сынок».

В любом фольклорном тексте центральное положение занимает человек, его внутренний мир, его место в окружающей действительности, отношения с другими людьми, с миром животных, поэтому обращения являются одной из самых значимых компонентов такого дискурса. В текстах фольклора, как и в живой разговорной речи, они выполняют, прежде всего аппелятивную функцию – называет адресата речи с целью привлечения внимания и установления контакта с ним. Однако в них на первый план выдвигается другая функция – субъективно-экспрессивная, выражающая то или иное субъективное отношение говорящего к адресату [Шелякин 2001: 176]. Обращения являются одним из способов выражения самых различных эмоций, внутреннего состояния, характеристики персонажей. Отметим, что если в текстах сказок чаще наблюдаем аппелятивную функцию обращений, то в эпических песнях и причитаниях – оценочную. Во многих случаях они создают эмоциональную рамку реплик собеседников, выражают субъективную оценку персонажей.

В причитаниях, эпических песнях при обращениях, называющих родственные отношения, всегда используются определения. Для таких обращений характерна функция субъективной оценки, они отличаются особой экспрессивной интонацией. При помощи определенно-притяжательных формантов, говорящее лицо сообщает о своей предрасположенности к собеседнику: **Вердöмой дитяйö**, *дай Кöн нö тэнад оз тусь кодь вируйд?* (Ипатьдорса фольклор, с. 21) «Дитяtko (мое), которую вскормили, да где же твоя кровь, похожая на земляничку».

Одним из распространенных определений является оценочное адъективное слово *бур* «хороший, добрый», в котором совмещается несколько различных признаков, свойств, качеств, таким образом, дает разностороннюю оценку собеседнику: **Айö бурö**, *Нöшта кывсö сетлам, Нöшта кывсö сетлам*, (Микушев 1969, с. 110) «Добрый мой отец, Еще раз слово дай, Еще раз слово дай»; **Вит орчча сера пимсö**, **Мамö бурö** (Микушев 1969, с. 112) «Нарядные пимы с узорами, Мама милая, достань»; **Ок, бур пиян, багатыръяс**, *ылын öд сийö, тöлысь джын на колö мунны* (Коми мойдъяс 1991, с. 165) «Ох, хорошие сыновья, богатыри, далеко ведь он, полмесяца надо идти».

Эталонем девичьей красоты в коми языковом сознании является **роч акань** «русская кукла». Этим сочетанием выражается не только внешняя красота девушки, но и внутренняя, подчеркивается ее богатый духовный мир, через него передаются и любовь, и особо близкие, доверительные отношения между девушкой и близкими людьми. Обращение **роч акань** всегда имеет высшую положительную оценку. Этим сочетанием обращаются лишь к самым близким, дорогим людям: к дочери, сестре, подруге, крестной, - вызывает всегда положительные эмоции: **Роч аканьясöй да менам Муса да чойясöй дай** (Висер вожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс, с. 51) «Сердечные (букв. русские куколки) мои, Милые мои сестрички»; **Эн жö бара вунöд менö, роч аканьöй дай пöдругаöй** (Ипатьдорса фольклор, с. 45) «Не забывай же меня, милая (букв.русская кукла) да и подруженька»; **И роч аканьяльöй, муса вежаньöй, тэ менам** (Ипатьдорса фольклор, с. 47) «И сердечная (букв.русская куколка), милая крестная, ты моя». Прилагательное **роч** характеризует и отношение девушки к брату, но в этом случае оно используется в сочетании со словом **баяр** «боярин». Сочетание имеет также в высшей степени положительную оценку: **Роч баяръясöй менам да муса вокъясöй, Ветламöй жö ветламöй Ныв вöляöс корсьны** (Висер вожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс, с. 58) «Русские бояре мои да милые братья, Сходим же, сходим же искать девичью свободу».

При обращении к самому близкому человеку, к матери, часто прибавляется слово **шондiöй** «мое солнышко», которое называет предмет, создающий условия жизни на земле, оно согревает, освещает жизнь каждого живого существа. Так же, как и солнце, мама – самый близкий, дорогой, нужный человек, который дает жизнь, согревает освещает всю жизнь: **Шондiöй мамöй, Эн тай нö нин тöд тай?** (Ипатьдорса фольклор, с. 21) «Солнышко (мое) маменька (моя), уже вот и не узнала меня?».

Издавна в коми речевом этикете при обращении к незнакомому, малознакомому собеседнику, при первой встрече с адресатом в качестве обращения использовалось слово **морт** «человек» с суффиксом **-анöй**, с облигаторным определением **бур** «хороший», **дона** «дорогой». Оно активно используется и в языке фольклора, выражает положительную оценку собеседника, создает комфортные условия для коммуникации: – **Босьт, бур морт, отсасьны, сапöгкöм вурны велöдчыны. Босьт, бур морт, ме тэд велöдöмсьыд сё шайт деньга сета** (Коми мойдъяс 1991, с. 151) «Возьми, добрый

человек, помогать, обувь шить научить. Возьми, добрый человек, за обучение сто рублей дам».

Коммуникантом может быть использован однородный ряд обращений. Несколько обращений к одному человеку обычны в случаях яркой экспрессивной окраски. Их основная функция состоит не в привлечении внимания собеседника, а в том, чтобы дать качественно-оценочную характеристику, выразить свое эмоциональное отношение. Они особенно частотны в текстах причитаний: *Милõйõй пõ да сьõлõмшõрõй, Некодлысь тэ эн кывзы да, Лок мианõ да, корав менõ* (Ипатьдорса фольклор, с. 31) «Милый (мой), любимый (мой), никого не слушай, приходи к нам меня сватать».

Такие обращения образуют сочинительные ряды, причем каждое обращение распространено определениями, выражающими качественный признак, оценку. Образуются очень информативные обращения, с помощью которых говорящий дает собеседнику свою субъективную оценку собеседника, сообщает о своей любви, уважении, почитании: *Роч аканьõй дай муса пõдрузаõй, Помнитан пõ вед, кыдзи мекõд вõли да ме гуляйтам да* (Ипатьдорса фольклор, с. 44) «Сердечная (моя) (букв. русская куколка), милая моя подруга, Помнишь ведь, как мы с тобой гуляли». Эмоционально-экспрессивное значение усиливают уменьшительно-ласкательные суффиксы: *И нерõднõй батюшкаõй, дона вежаюшкаõй, И зэв тай нõ тõйõй, майбырзьасõй, дыр ме дорõ эн волõй* (Микушев 1969, с. 46) «И неродной мой батюшка, дорогой мой батюшка, долго ведь ко мне не приходил».

Для всех жанров фольклора характерны многочисленные **повторы**, которые подчеркивают длительность, интенсивность действия, усиливают значение состояния, качества предметов, обращают внимание на одушевленные и неодушевленные предметы: *Мунис, мунис, висьтавны, дерт, регыд, а мунны дыр тырмис* (Микушев 1992, с. 59) «Шел, шел, говорить, конечно, быстро, а шли долго» *Гõрисны да гõрисны пõрысь Каркокõд* (Микушев 1992, с. 59) «Пахали да пахали со старым Карко (лошадь)»; *Лётиктисны да лётиктисны, лётиктисны да лётиктисны, коркõ найõ и воисны* (Микушев 1992, с. 59) «Ковыляли да ковыляли, ковыляли да ковыляли, когда-то и пришли»; *Югыд шондõйõй да менам Четнõй четтитõмõй* (Висер вожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс, с. 65) «Светлое солнышко (мое) да мое цветное цветение. Повторяющиеся обращения акцентируют внимание, подчеркивают усиленную просьбу. У них нарастает экспрессивное значение: *Мамõй пõ,*

мамё, вешты жё өд пё, Лёк морт улысь (Микушев 1969, с. 24) «Мама моя, мама, избави же меня от плохого человека». С целью выражения своей экспрессивной оценки, нагнетания эмоциональной стороны высказывания говорящий субъект может вводить и суффиксы с соответствующим значением: **Батьёй пё, батьёй дай, батюшкойёй, Менё пё вешты дай, вешты жё** (Микушев 1969, с. 26) «Отец мой, отец да и батюшка мой, Меня выкупи, выкупи же»; **Мамёй пё дай, матушкойёй, Коркё кёнкё пё нё менам батюшко вёвлёма абу?** (Микушев 1969, с. 102) «Мама моя, да и матушка, Когда-нибудь, где-нибудь, был ли мой батюшка?».

Повторяющиеся компоненты могут располагаться в соседних предложениях. При редупликации субстантивных слов каждый раз вводится новый атрибут, таким образом дается разносторонняя характеристика предмета: *Воис асыв. Йёз чеччисны, вичко эм. Выль вичко сулалё, эштиём гажса, мича вичко* (Микушев 1992, с. 43). Для поэтических жанров фольклора характерной является анафора: **Том молодецьяс вёрооны кайисны, Менам старик тшётти жё вётчё-й. Том молодецьяс вёрасьёны, Менам старик тшётти жё вёрасьё-й. Том молодецьяс прёмыс кыйисны сюрсён пёлён, А менам старик урён-джынийён** (Висер вожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс, с. 21) «Молодые люди на охоту пошли, Мой старик тоже за ними пошел. Молодые люди охотятся, Мой старик тоже охотится. Молодые люди больше тысячи пушнины принесли, мой старик полторы белки принес».

Экспрессивно-оценочное значение имеют многочисленные сравнительные обороты: *О, мичаёсь жё, сись кодь веськыдёсь* (Висер вожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс, с. 110) «О, какие же красивые, стройные как свечи»; ... *Баддъын кагёй пукалё, лёсьыд кагёй, зёлётё кодь* (Коми мойдъяс, с. 126) «... В ивняке птица сидит, красивая птица, как золотая».

Об эмоционально-экспрессивной стороне речи сообщают и многочисленные восклицательные предложения, используемые в фольклорном дискурсе: *Серамыд сэни!* (Висер вожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс, с. 99) «А смеху там!»; *Ак, сюрин жё!* (Висер вожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс, 174) «Ах, попался же!»; *Эн вёрзёд!* (Висер вожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс, с. 110) «Не трогай!».

Таким образом, в фольклорных текстах, кроме определенных знаний, информации о мире, передаются и различные чувства, переживания, эмоции. Для передачи эмоционально-экспрессивной

стороны получили развитие различные языковые средства, в том числе, лексические и грамматические.

Список использованной литературы

Висер вожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс. – Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1986. – 255 с.

Ипатьдорса фольклор. – Сыктывкар: Коми книжной изд-во, 1980. – 184 с.

Микушев, А. К. Коми йӧзкостса творчество / А. К. Микушев. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского госуниверситета, 1992. – 34 с.

Микушев, А. К. Коми эпические песни и баллады / А. К. Микушев – Л.: Наука, 1969. – 285 с.

Коми мойдъяс. – Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2009. – 495 с.

Коми мойдъяс 1991. – Сыктывкар: Коми книжной изд-во 1991. – 57 с.

Шелякин, М. А. Функциональная грамматика русского языка / М. А. Шелякин. – М.: Русский язык. 2001. – 288 с.

Шӧвк тупьль. Коми йӧзкостса мойдъяс. – Сыктывкар: Кола, 2012. – 399 с.

EMOTIONAL AND EXPRESSIVE WORLD OF KOMI FOLKLORE WORKS: LINGUISTIC ASPECT

Summary. The article uses a large amount of folklore texts to describe the expression of expression. Special attention is paid to the analysis of corporate structures, addresses, comparative turns, repetitions, interjections.

Keywords: Komi language, folklore, language consciousness, expression.

УДК 811.161.1

Михеева Светлана Львовна

Россия, г. Чебоксары, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева

О РОЛИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПОРТРЕТНЫХ ОПИСАНИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО «ВОСКРЕСШИЕ БОГИ, ИЛИ ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ»)

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности словесных портретов на примерах из романа Д. С. Мережковского. Портретные описания играют большую роль в структурировании художественного мира произведения и в содержательно-компози-

ционной организации текста. Одно из значимых средств создания самой портретной зарисовки – имена прилагательные, которые организуются в адъективные комплексы, или совокупность имен прилагательных, объединенных общей семантической вершиной. Важным средством является буквальная повторяемость ключевых свойств-черт внешности и внутреннего мира персонажа. Имена прилагательные организуют внутритекстовую сетку каузальных смысловых отношений.

Ключевые слова: имя прилагательное, адъектив, персонаж, портретное описание, адъективный комплекс, каузальные отношения.

Персонажная сфера – важнейший структурно-композиционный компонент мира художественного произведения. Способами представления героя в классическом нарративном тексте являются его речь (речевые действия), последовательность поступков, вплетенная в сюжетную канву произведения, и портрет – описание совокупности внешних черт, как правило, трактуемых автором в соответствии с ключевыми чертами характера персонажа [Хализев]. Каждая из этих сторон представления художественного образа человека вербализуется конкретными языковыми средствами:

- при передаче речевых характеристик в диалогических единствах и внутренних монологах используются различные средства имитации звучащей речи (междометия, экспрессивные высказывания различной синтаксической природы, внешнее описание интонационных особенностей и жестикуляции, мимики);

- глагольная лексика составляет формальную основу сюжетной линии произведения;

- имя прилагательное доминирует в портретных описательных фрагментах (ср. понятие об акциональной и качественной рематических доминантах в концепции коммуникативной грамматики Г. А. Золотовой [Золотова 1982: 308, 310]).

Портретные описания являются важным композиционно-смысловым компонентом романов Д. С. Мережковского, входящих в трилогию «Христос и Антихрист». В каждом из произведений, основанных на исторических фактах, в числе действующих лиц достаточно много персонажей – значимых, известных личностей. Их представление в тексте требует от писателя особого подхода к детализации словесных портретов – с одной стороны, это обусловле-

но стремлением к максимальному соблюдению фактологической достоверности; с другой стороны, автор так или иначе выражает свое видение и свою оценку личности и деяний исторического лица. Портрет создается как органическое единство внешних и внутренних качеств изображаемого человека. В построении подобного описания одну из ключевых ролей играет имя прилагательное – вернее, тот адъективный комплекс, который формируется как некое содержательное единство, специально предназначенное для портретной детализации. Обратимся далее к текстовым фрагментам из романа «Воскресшие боги, или Леонардо да Винчи», содержащим словесные портреты.

Обрисовка персонажей в тексте романа максимально насыщена адъективными лексемами – они включены в структуру описания как ключевых, так и эпизодических фигур сюжета (здесь и далее текстовые примеры приводятся по изданию (Мережковский 2005)): 1) *В это время в глубине сада <...> беседовали трое молодых людей: Доффо, Антонио и Джованни. Доффо<...> с **рыжими** волосами, **курносый** и **добродушно-веселый**<...>. Антонио да Винчи, **старообразный** юноша, со **стеклянными рыбьими** глазами, с упрямо торчавшими космами **жидких черных** волос <...>. Джованни Бельтраффио, ученик живописи, приехавший из Милана, юноша **ле** **девятнадцати**, **робкий** и **застенчивый**, с **большими, невинными** и **печальными серыми** глазами, с **нерешительным** выражением лица <...>* (Мережковский 2005, с. 10); 2) *Он [Мерула, придворный летописец миланского герцога – С. М.] **прищелкнул** двумя пальцами и **поднял** от работы **плешивую** голову, с **одутловатым** лицом, с **мягкими, подвижными** морщинами, с **багрово-сизым** носом, с **маленькими свинцовыми** глазками, **полными** жизни и **неугомонной** веселости* (Мережковский 2005, с. 13, 14; 3) персонажи из окружения Леонардо: *Салаино, ученик из мастерской художника – **Это был красивый** мальчик с **невинными** глазами и **белокуроыми** локонами, баловень учителя, который писал с него ангелов* (Мережковский 2005, с. 45); *Чезаре де Сесто, ученик: <...> человек уже **немолодой**, с **болезненным желчным** лицом, с **умными** и **злыми** глазами* (Мережковский 2005, с. 45); *Зороастро, мастер-механик, помощник живописца: **Неуклюжий** великан, с **детским простодушным** лицом, вечно покрытым сажей и копотью, **походил** на **одноглазого** циклопа* (Мережковский 2005, с. 47); 4) *Кассандра, девушка, одержимая почти мистической страстью к античным богам, к языческим обрядам: Ли-*

цо ее было **странное, равнодушное и неподвижное**, как у древних изваяний: **низкий лоб, прямые брови, слишком маленький подбородок и глаза прозрачно-желтые**, как янтарь. Но больше всего поразили Джованни волосы: **сухие, пушистые, легкие**, обладавшие отдельной жизнью, – как змеи Медузы, окружали голову **черным ореолом**, от которого лицо казалось еще **бледнее, алые губы – ярче, желтые глаза – прозрачнее** (Мережковский 2005, с. 62).

Основа структуры портрета – лицо и его отдельные черты, самый выразительный и «говорящий» компонент – глаза. Именно это наблюдаем и в словесных зарисовках – приведенные иллюстрации, которые можно продолжить большим количеством текстовых фрагментов, ярко демонстрируют общее положение. Как уже было отмечено выше, фрагменты наполнены именами прилагательными с самой разнообразной семантикой, абсолютное большинство из которых соотносятся с разрядом качественных, чьей смысловой основой является оценочный компонент. Показательным для словесного портрета у Мережковского можно назвать сочетание прилагательных, описывающих собственно черты внешности, с адъективами, соотносимыми с характеристикой внутренних качеств личности: *рыжие волосы, курносый*, с одной стороны, и *добродушно-веселый* (пример 1); *стеклянные рыбы глаза, жидкие черные волосы* – и *старообразный юноша* (пример 1). В данном случае отметим также «окачествование» исходных относительных прилагательных *стеклянные* и *рыбы* – условием для этого становится использование слов в заведомо оценочном контексте; оксюморонное сочетание *старообразный юноша* должно составить у читателя перспективное представление не столько о внешности, сколько о характере Антонио да Винчи – дальнем родственнике художника, очень негативно относящемся к мастеру. Его рассуждения не по возрасту однозначны и закоснелы – об этом становится известно из последующего контекста.

Органично соединяются описательные детали в портрете Джованни Бельтраффио в примере (1): **робкий и застенчивый, с большими, невинными и печальными серыми глазами, с нерешительным выражением лица**. Величина и цвет глаз переплетены с такими их характеристиками, которые также создают представление о внутреннем мире персонажа; *нерешительное выражение лица* дополняет это предварение поведенческого статуса в последующем разворачивании сюжета и развитии линии данного персонажа.

Рассматривая пример (2), где наблюдаем проявление тех же общих принципов использования и сочетания прилагательных, отметим среди всех адъективов ключевые на наш взгляд – те, которые в последующем повествовании становятся главными чертами персонажа. Например, это **мягкие, подвижные морщины** – мимика Мерулы очень пластична, подвижна, приспособлена для выражения самых разнообразных эмоциональных переживаний. Неоднократно в тексте романа встречаются эпизоды, где говорится о том, как *морщины* на лице Мерулы то *расправляются* от радости или довольства (*Он отхлебнул вина, заглянул прямо в глаза Джованни с веселым лукавством, и вдруг мягкие морщины его расплылись в широкую улыбку* (Мережковский 2005, с. 16)), то *начинают трястись* от негодования, то *собираются* в лукавую усмешку. *Багрово-сизый нос* – признак пристрастия к вину; *неугомонная веселость* – качество, позволяющее Меруле сохранять стойкость и бодрость духа в тяжелых ситуациях.

Ученики Леонардо, чьи портреты представлены в подборке (3), на протяжении всего романа появляются в заданном при первом их введении в текст ореоле ключевых свойств: миловидность и капризность Салаино, желчность и злая насмешливость, ревность Чезаре де Сесто, простодушие Зороастро. Эти их качества по-разному проявляются в различных ситуациях, однако узнаваемы благодаря постоянству адъективных комплексов, привязанных к их обрисовке.

Один из ключевых и в какой-то мере символических персонажей романа – Кассандра (пример 4), по замыслу автора являющаяся носителем ценностей *иного* мира по отношению к ортодоксальному христианству – это ценности античного язычества. Неслучайно во внешности этой героини присутствуют намеки на образы древних богинь: *Лицо ее было странное, равнодушное и неподвижное, как у древних изваяний; волосы: сухие, пушистые, легкие, обладавшие отдельной жизнью, – как змеи Медузы*. Эти черты, как и цвет глаз – *прозрачно-желтый*, – становятся постоянными, устойчивыми комплексами, которые входят в текст при каждом появлении Кассандры на страницах романа. Практически дословно портретная зарисовка повторяется в сцене встречи Джованни Бельтраффιο с Кассандрой спустя десять лет разлуки и в других местах романа: *Она мало изменилась. У нее все то же лицо, чуждое печали и радости, неподвижное, как у древних изваяний, – широкий низкий лоб, прямые тонкие брови, строго сжатые губы, на которых нельзя было*

представить себе улыбки, – и глаза, как янтарь, **прозрачно-желтые**<...>; <...> приблизила к лицу его **неподвижное, грозное** лицо свое, **белое**, как мрамор изваяний, в ореоле **черных пушистых** волос, **живых**, как змеи Медузы, с губами **алыми**, как кровь, глазами, **желтыми**, как янтарь (Мережковский 2005, с. 544).

Отмеченные тенденции в построении словесного портретного описания в полной мере воплощаются, конечно же, в представлении ключевой фигуры романа, чьим именем он назван, – это образ самого Леонардо да Винчи.

В первом его включении в текст автор представляет читателю главного героя глазами Джованни Бельтраффио: *Бельтраффио мельком взглянул и, как ни был поглощен созерцанием богини, заметил лицо одного из них. Выражение **холодного, спокойного** внимания и **проникновенного** любопытства, с которым незнакомец рассматривал Венеру и которое так было противоположно тревоге и смущению самого Бельтраффио, – поразило его. <...> Стоя на коленях рядом с Венерой, вынул он циркуль, полукруглую дугу, наподобие тех, какие употреблялись в математических приборах, и, с выражением того же **упорного, спокойного и проникновенного** любопытства в **холодных светло-голубых** глазах и **тонких, плотно сжатых** губах, начал мерить части прекрасного тела, наклоня голову, так что **длинная белокурая** борода касалась мрамора* (Мережковский 2005, с. 28, 30).

В последующем полном описании названные предварительно ключевые качества повторяются, как и в случае с представленными выше персонажами: *Ему было лет сорок. Когда он молчал и думал – **острые светло-голубые** глаза под нахмуренными бровями смотрели холодно и пронизательно. Но во время разговора становились **добрыми**. **Длинная белокурая** борода и такие же **светлые, густые, вьющиеся** волосы придавали ему вид **величавый**. Лицо полно было **тонкою, почти женственной** прелестью, и голос, несмотря на **большой** рост и **могучее** телосложение, был **тонкий**, странно **высокий**, очень **приятный**, но **не мужественный**. **Красивая** рука, – по тому, как он правил конем, Джованни угадывал, что в ней **большая** сила, – была **нежная**, с **длинными тонкими** пальцами, точно у женщины* (Мережковский 2005, с. 33). Чисто внешние черты сочетаются с качествами внутреннего мира. В каждом последующем включении в текст адъективные комплексы повторяются, иногда дословно, в ключевых деталях: *спокойные светло-голубые холодные*

/ добрые глаза, длинная белокурая борода, тонкая, но сильная рука, спокойное, созерцательное любопытство. Благодаря этому приему автор создает главное противопоставление произведения – между художником, со спокойным отрешением наблюдающим за всеми событиями внешнего мира в стремлении постичь его тайные движущие силы, и этим самым внешним миром, многообразным и необъяснимым, неуловимым для точного и однозначного понимания – от полета ласточки или ястреба до человеческого предательства, воплощенного в «Тайной вечере», и фанатичной толпы, способной к величайшей покорности и величайшей ненависти.

Основным языковым средством, с помощью которого организуется портретное описание, предсказуемо является имя прилагательное. Но его функциональное назначение заключается не столько в создании образности и выразительности в тексте, сколько в определении поведенческого статуса персонажа. Для Мережковского в этом смысле важным представляется повторение одного и того же набора свойств-качеств – таким приемом утверждаются стержневые особенности героев произведения. Повторяясь неоднократно на протяжении текста, прилагательные организуются в адъективные комплексы – совокупности имен прилагательных, объединенных общей смысловой основой. В портретном описании этой основой становятся отдельные черты внешности и личностные качества. Именно в представлении второго компонента прилагательные помимо всего остального приобретают также статус средства выражения каузальных отношений, поскольку называемое прилагательным качество – это результат абстрагирования от множества схожих по своим последствиям поступков (см., например, [Михеева 2019]). Это и есть поведенческий статус, одним словом определяемый именем прилагательным. Данный аспект функционирования адъективных слов делает их одним из основных средств формирования сетки внутритекстовых каузальных смысловых отношений.

Список использованной литературы

Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.

Мережковский, Д. С. Воскресшие боги, или Леонардо да Винчи: роман. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 672 с.

Михеева, С. Л. Субстантивация прилагательных в русских пословицах // Научный диалог. – 2019. – № 12. – С. 59–69. – DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-59-69.

Хализев, В. Е. Теория литературы // Электронный ресурс: URL: https://booksafe.net/read/halizev_valentin-teoriya_literatury (дата обращения: 14.06.2021).

THE ROLE OF ADJECTIVES IN PORTRAIT DESCRIPTIONS (BASED ON THE NOVEL BY D. S. MEREZHKOVSKY "THE RESURRECTED GODS, OR LEONARDO DA VINCI»)

Summary. Portrait descriptions play an important role in structuring the artistic world of the work and in the content-compositional organization of the text. One of the most important means of creating a portrait sketch itself is adjectives, which are organized into adjectival complexes, or a set of adjectives united by a common semantic vertex. This article discusses the features of verbal portraits based on examples from the novel by D. S. Merezhkovsky. An important tool is the literal repetition of the key properties-the features of the appearance and inner world of the character. Adjectives organize an intra-textual grid of causal semantic relations.

Keywords: adjective, character, portrait description, adjective complex, causal relations.

УДК 811.511.151

Морозова Екатерина Николаевна
*Россия, г. Йошкар-Ола, Марийский
государственный университет*

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В МАРИЙСКОЙ СКАЗКЕ: ВИДЫ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ИНВЕРСИИ

Аннотация. Объектом изучения выбрана инверсия, один из ведущих стилистических приемов синтаксического уровня текстов марийских сказок. Проанализировано около пятисот сказок, напечатанных в различных сборниках. Цель исследования – описание стилистического потенциала синтаксической инверсии марийских сказок. К задачам работы отнесены: 1) определение и классификация видов инверсии как выразительного средства синтаксического уровня; 2) обнаружение и описание их прагматических функций в текстах сказок.

Ключевые слова: марийский фольклор, сказка, синтаксические стилистические приемы, инверсия.

Синтаксис сказок, будучи синтаксисом поэтического произведения, при несомненном сходстве с устной разговорной речью, в большей мере организован, обработан, более сложен. Синтаксис сказок представлен самыми разнообразными моделями словосочетаний и различными типами простых и сложных предложений. Благодаря богатству типов предложений, синтаксический уровень насыщен большим количеством стилистических приемов. В марийской филологии их описание и классификация не были предметом рассмотрения ни фольклористов, ни лингвистов.

Сказке, как отдельному фольклорному жанру, посвящено много работ в отечественной и зарубежной фольклористике. Это жанр – эпический, прозаический, сюжетный. Различные типы сказок представляют большой интерес в художественном и лингвистическом планах.

В марийской фольклористике рассматривались история публикаций и изучения марийских сказок, межжанровые фольклорные связи, сюжетные различия типов сказок, образы, являющиеся сюжетообразующими компонентами текстов. Подробному изучению марийских сказок посвящены работы известных марийских филологов К. А. Четкарева и С. С. Сабитова, М. В. Сидоровой. Некоторые ценные замечания можно найти и в работах В. А. Акцорина [Четкарев 1951: 221–235; Акцорин 1980: 74–81; Сабитов 1986; Сабитов 1989: 20–43; Сидорова 2006]. Лингвистические характеристики марийских сказок нашли отражение в нескольких работах отечественных исследователей [Глухова 1994: 36–43; Глухова 2002: 34–40; Тимофеева 2005: 89–104; Тимофеева 2006: 153–159]. Оценив современное состояние изученности марийских сказок, можно предложить основные направления в исследовании данного жанра. Так, в частности, комплексный текстовый подход к сказкам различных типов с позиции теории систем позволит более детально проанализировать содержательные, структурные характеристики жанра, а также классифицировать выразительные и образные приемы в сказках.

Предлагаемые результаты исследования составляют часть работы по изучению стилистического потенциала синтаксического уровня марийских сказок. Объектом изучения в данной статье бы-

ла выбрана инверсия, один из распространенных стилистических приемов синтаксического уровня текстов марийских сказок. С разной степенью тщательности и подробности было проанализировано около пятисот сказок, напечатанных в различных сборниках [Марий йомак 1950; Кўслезе тукум 1979; Марийский фольклор. Сказки луговых мари 1992; Нылле ик шоя 1955; Йомак-шамыч 1951]. Для иллюстрации примеров отобраны наиболее выразительные тексты – из каждого выделяемого фольклористами типа. Описание стилистического потенциала синтаксической инверсии марийских сказок составило цель исследования. К задачам работы отнесены: 1) определение и классификация видов инверсии как выразительного средства синтаксического уровня; 2) обнаружение и описание их прагматических функций в текстах сказок. Новизна и актуальность работы заключается в выборе объекта и цели исследования, а также в комплексной методике анализа. Особенностью сказки как фольклорного жанра является то, что в ней практически отсутствует авторская характеристика персонажей, нет подробных описаний предметов и явлений действительности. Одноплановое, линейное развитие действия является характерной чертой этого вида народного искусства. В сказке не наблюдается хронологических отступлений и нарушений основного развития сюжетной линии. Несмотря на относительную простоту сюжетов, сказка насыщена эмоциональной, оценочной и эстетической информацией. Синтаксические стилистические средства создают выразительный аспект передачи информации.

Предметом синтаксиса является, как известно, предложение и словосочетание. Выразительные средства синтаксического уровня связаны с изменениями основной модели предложения или словосочетания. Они подразделяются на три группы. Данная классификация основана либо на изменении порядка следования компонентов исходной модели, либо на экспансии исходной модели, либо на ее редукции [Арнольд 2010: 217–274]. Следовательно, синтаксические стилистические средства в марийских сказках могут считаться вариантами общепринятых синтаксических моделей-предложений и словосочетаний марийского языка.

Лингвисты выделяют следующие особенности в синтаксическом размещении элементов, которые являются стилистически значимыми и способствуют созданию выразительности текста: 1. Необычное размещение элементов, т.е. разные виды инверсии.

2. Переосмысление, или транспозиция, синтаксических конструкций. 3. Введение элементов, которые новой предметной информации не дают, т.е. разные виды повторов. 4. Пропуск логически необходимых элементов: асиндетон, эллипсис, умолчание, апозиопезис и т.д. 5. Нарушение замкнутости предложения: анаколуф, вставные конструкции [Кузнец, Скробнев 1960: 65–94].

В предлагаемой статье, как уже было отмечено, рассматривается необычное размещение компонентов на синтаксическом уровне текста, т.е. инверсия. Выразительность текста может быть создана в тексте не только особым отбором слов, тематических групп, но и особым их размещением. В марийском языке у каждого члена простого или сложного предложения есть обычное место, определяемое связями с другими словами, способом синтаксического выражения, типом предложения [Васикова 1987: 29–58; Абукаева 1999: 21–56]. Нарушение традиционного порядка следования членов предложения, ведущее к выделению какого-либо элемента, приобретающего дополнительную выразительность, называется *инверсией*. Появление на первом месте эмоционально-доминирующего элемента, по определению Л. Блумфильда, присуще разговорному стилю, а так же, как показывает данное исследование, жанру сказки.

В рассмотренных сказках были обнаружены следующие наиболее распространенные случаи инверсии в рамках отдельного предложения:

1. Определение, выраженное прилагательным, несколькими прилагательными или другими частями речи, при постановке его после определяемого придает высказыванию торжественный, несколько архаизированный, приподнятый характер, организует его ритмически, может акцентироваться наречиями или союзами и даже получает оттенок предикативности. Можно привести следующие примеры: *Миклай ден Павылын тўсышт икгай улмаш, янлыкат икгай* (Марий йомак 1950, с. 103) 'Михаил и Павел на лицо были одинаковые. И звери их очень похожи друг на друга'.

– *Ой, ўдырем, мыйым кудалтен ит кае. Кудо вуетат, кудо печемат виш!* (Кўслезе тукым 1979, с. 22) 'Дочь моя любимая, не покидай меня! Мой дом для тебя всегда открыт, мои ворота всегда открыты!';

2. Сказуемое может предшествовать подлежащему: *Иленыт кугыза ден кува* (Марий йомак 1950, с. 217–220). 'Жили-были старик со старухой'.

Ик куван *улмаш* казаже, тагаже да пырысыже (Марийский фольклор 1992, с. 55) 'У одной старушки были коза, баран и кот';

3. Прямое дополнение с целью эмфазы может быть поставлено на первое место или после сказуемого: *Тидым* чоя *рывыж* *колеш* (Марийский фольклор 1992, с. 46) 'Это хитрая лиса слышит'. *Конден Иван шортньо шулдыран лудым* (Марийский фольклор 1992, с. 175) 'Принес Иван златокрылую утку';

4. Обстоятельственные слова, выдвинутые на первое место, не только акцентируются сами, но и выделяют подлежащее, которое при этом оказывается вынесенным на последнее место, которое также становится эмфатической позицией: *Тушто илат* *ушкыж*, *комбо*, *агытан* [Марийский фольклор. Сказки луговых мари 1992: 46] 'Там живут бык, баран, гусь и петух'. *Ожно, мемнан уке годым, иленит улмаш* *ик кугыза ден кува* (Нылле ик шоя 1955, с. 18) 'Давно, в старину, когда нас еще не было, жили-были старик со старухой'.

Прагматические функции вышеописанных стилистических приемов на синтаксическом уровне могут быть обобщены следующим образом. Стилистическая инверсия создается нарушением традиционного порядка слов в предложении и, в зависимости от прагматической установки текста сказки, ставит на первое или последнее места предложения или сверхфразового единства наиболее значимые элементы высказывания. Рассмотренный прием всегда предполагает перенос логического ударения или придание дополнительной эмоциональной оценки высказыванию. Стилистически значимый инвертированный порядок слов в рассмотренном материале формирует определенные эмфатические конструкции, выполняющие экспрессивные функции и характеризующиеся типичными структурными моделями. Стилистическая инверсия в жанрах народного творчества, в частности, в сказке, может также выполнять и ритмообразующую функцию, что способствует запоминанию текстов и их устному воспроизведению в дальнейшем.

Подводя итог определению видов инверсии, встречающихся в рассмотренных сказках, следует отметить, что инвертированный порядок членов предложения ведет к созданию большой выразительности текстов марийских сказок. Стилистическая инверсия представлена следующими видами: 1) постпозиция определения по отношению к определяемому; 2) предшествование сказуемого перед подлежащим; 3) использование прямого дополнения в начале предложения либо в постпозиции по отношению к сказуемому;

4) препозиция обстоятельственных слов в сочетании с постпозицией подлежащего по отношению к сказуемому.

Комплексный анализ текстов показал, что стилистическая инверсия дополняется и другими выразительными средствами уровня, что свидетельствует о богатом и многообразном стилистическом потенциале синтаксического уровня марийских сказок.

Список использованной литературы

Абукаева, Л. А. Сложноподчинённые предложения нерасчлененной структуры в марийском языке: Монография / Л. А. Абукаева. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 1999. – 98 с.

Акзорин, В. А. Шым шулдыран имньым кычалын... // Ончыко. – 1980. – № 4. – С. 74–81.

Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 384 с.

Васикова, Л. П. Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис / Л. П. Васикова. – Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1987. – 142 с.

Глухова, Н. Н. Семантические группы лексики марийских сказок // Современные проблемы развития марийского фольклора и искусства. – Йошкар-Ола: Марийский науч.-иссл. ин-т, 1994. – С. 36–43.

Глухова, Н. Н. Текстовые признаки марийской сказки // Вопросы марийского фольклора и искусства. Вып. XII. Народное творчество и профессиональное искусство марийцев. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2002. – С. 34–40.

Йомак-шамыч / С. А. Егоров поген. – Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1951. – 232 с.

Кўслезе тукум: марий калык йомак-влак / А. Е. Китиков поген. – Йошкар-Ола: Мар. гос. изд-во, 1979. – 169 с.

Кузнец, М. Д. Стилистика английского языка / М. Д. Кузнец, Ю. М. Скребнев. – Л.: Учпедгиз 1960. – 173 с.

Марий йомак / К. А. Четкарев поген. – Йошкар-Ола: Мар. гос изд-во, 1950. – 253 с.

Марийский фольклор. Сказки луговых мари: свод марийского фольклора / Составитель Сабитов С. С. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. – 368 с.

Нылле ик шоя: йомак-влак / К. А. Четкарев поген. – Йошкар-Ола: «Марий книга издательстве» савыктыш пöрт, 2018. – 52 с.

Сабитов, С. С. Марийские волшебные сказки: Автореферат на соискание ученой степени канд. филол. наук. – Таллинн: АН ЭССР, Ин-т яз. и лит., 1986. – 18 с.

Сабитов, С. С. Сюжеты марийских волшебных сказок // Основные тенденции развития марийского фольклора и искусства. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1989. – С. 20–43.

Сидорова, М. В. Марийские бытовые сказки: жанровое своеобразие и поэтика: Автореферат на соискание ученой степени канд. филол. наук. – Йошкар-Ола: Марийс. гос. ун-т, 2006. – 18 с.

Тимофеева, Н. В. Образные средства марийской волшебной сказки // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи. – Соликамск: Солик. гос. пед. ин-т, 2006. – С. 153–159.

Тимофеева, Н. В. Средства экспрессивности марийской волшебной сказки // Финно-угроведение. – 2005. – № 2. – С. 89–104.

Четкарев, К. А. Советская фольклористика в МАССР // Уч. зап. Литература, фольклор, искусство. – Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 1951. – Вып. 4. – С. 221–235.

SYNTACTIC STYLISTIC DEVICES IN MARI FOLKTALES: STYLISTIC INVERSION TYPES

Summary. The present article reveals inversion as one of the prevailing stylistic devices of the syntactic level of Mari fairy tales texts. Approximately five hundred fairy tales published in various folklore collections were analyzed. The aim of the study is to describe the stylistic potential of syntactic inversion in Mari fairy tales. The tasks of the work include: 1) notion and classification of types of inversion as an expressive means of the syntactic level; 2) detection and description of their pragmatic functions in the texts of fairy tales.

Keywords: Mari folklore, fairy tale, syntactic stylistic devices, inversion.

УДК 811.511`373(045)

Мосина Наталья Михайловна

Карпунина Екатерина Дмитриевна

*Россия, г. Саранск, Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ» В ПАРЕМИЯХ ФИНСКОГО И ЭРЗЯНСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. Данная работа посвящена концептуальному анализу паремиологических единиц, входящих в семантическое поле «жизнь» в инском и эрзянском языках. В результате исследования методом сплошной выборки из словарей и сборников были выявлены паремии, наиболее полно отражающие анализируемый концепт, изучены базовые лексемы дефиниции, составлена классификация паремиологических единиц по лексико-семантическому

признаку. Проведенный сопоставительный анализ также позволил выяснить, каким образом концепт «жизнь» выражается в когнитивном пространстве финского и эрзянского народа.

Ключевые слова: концептуальный анализ, концепт, паремия, финский язык, эрзянский язык, жизнь.

Данная научная статья посвящена лексико-семантическому анализу паремиологических единиц с концептом «жизнь» в финском и эрзянском языках.

В настоящее время интерес к национальной специфике языковой картины мира постоянно растет. Поэтому анализ языковой картины мира часто связывают именно с описанием различных концептов [Серова 2007].

Одно из центральных мест среди лингвокультурологических концептов занимает понятие **жизнь**. Оно обуславливается пониманием жизни, отношением к ней, а также имеет большое значение как для каждого человека в отдельности, так и для целого народа.

В данной статье нам было особенно важно выявить те представления о **жизни**, которые присущи обыденному человеческому сознанию.

Для достижения поставленных целей мы использовали описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод, метод концептуального анализа [Дригалова, Мосина 2020].

Материалом для исследования послужили паремиологические единицы эрзянского и финского языков, выделенные методом сплошной выборки из толковых и этимологических словарей, а также из сборников пословиц, электронных фразеологических словарей [Самородов 1967; Седова 2009; Храмцова 2011; Ширманкина 1973; Häkkinen 2007; Kuusi 1990; SIURO.INFO].

При анализе лексического материала была использована собственная модель концептуального анализа, разработанная в ходе проведения более ранних исследований [Мосина 2008; 2014; 2004; 2002]. Она состоит из 6 определяющих пунктов, среди которых:

- 1) выборка из различных словарей изучаемых языков паремий с определенным концептом;
- 2) дословный перевод с помощью двуязычных словарей;
- 3) определение наиболее часто встречающихся лексем, выражающих данный концепт;

4) лексический анализ словарных дефиниций;

5) сопоставительный анализ паремиологических единиц по их семантическому признаку;

6) разработка лексико-семантической классификации паремий.

Данная модель способна наиболее полно отразить языковую картину мира сопоставляемых двух и более языков [Карпунина 2021].

В ходе анализа было выявлено, что в финском языке концепт **жизнь** представлен лексемой *elämä* 'жизнь', которая, согласно толковому словарю, имеет несколько значений. Для работы над статьей нами были выбраны самые значимые толкования:

1) жизнедеятельность как биолого-физический процесс;

2) продолжительность существования отдельного человека, выживаемость, этапы жизни [SuomiSanakirja.fi].

Обращаясь к этимологии финского языка, слово *elämä* 'жизнь' является производной от древнего глагола-основы *elää* 'жить' и имеет эквиваленты в венгерском, карельском, саамском, марийском, удмуртском и др. финно-угорских языках. Это дает возможность предположить, что данная лексема восходит к прауральско-умско-эскимскому языковому периоду [Häkkinen 2007].

Что касается эрзянского языка, то концепт **жизнь** представлен лексемой *эрямо* 'жизнь' и имеет схожее значение, что и в финском языке – жизнедеятельность и существование человека или биологической единицы [Вершинин 2009]. Также в некоторых словарях имеет значение: судьба.

В некоторых финских пословицах встречаются и глагол *elää* 'жить', а в эрзянском – *эрямс* 'жить'.

После проведения лексического и семантического анализа концепта нами было выделено 5 групп фразеологизмов на основе их лексико-семантического признака:

I. О трудности жизни:

фин. *Elämä ei ole pelkkää ruusuilla tanssimista* 'Жизнь – это не только танцы на розах'. *Elämä on kuin lapsen paita: lyhyt ja sontainen* 'Жизнь как детская рубашка: короткая и грязная'. *Ihminen ei elä ainoastaan leivästä* 'Не хлебом единым жив человек'. *Kelpaa sitä elää, kun on akka kuollut ja lapset naituna* 'Начинаешь жить тогда, когда бабушка умерла, а дети женаты'. *Kissa kiitoksella elää* 'Только кошка живет благодарностью'. *Köyhä elää niinkun märkä palaa* 'Бедные живут словно сырой огонь'. *Kaksi rakastunutta elää vaikka kuivalla*

kalliolla 'Двое влюбленных **проживут** и на сухой скале'. *Parempi on kuolema kuin kivulloinen elämä* 'Лучше смерть, чем мучительная **жизнь**'. *Voi tätä elämää, kun on kaksi emäntää* 'Горе той **жизни**, когда в ней две любовницы'.

эрз. Беряньстэ **эри** се, ки сонсь а бажи парсте **эрямо**. 'Плохо **живёт** тот, кто сам не хочет хорошо **жить**'. Косо беряньстэ **эрить**, тосо вейке-вейкенень кипирить. 'Где недружно **живут**, там друг другу **жить** не дают'. Пинге **эрямс** – аволь плетень плетямс '**Жизнь** прожить – не плетень сплести'. **Эрямонть** ламо корёнонзо. 'У **жизни** корней много'. **Эрямось** – аволь каштом перька чарамо '**Жизнь** прожить – не вокруг печи обойти'.

II. О прелести жизни:

фин. *Elää kuin Herran kukkarossa* '**Жить** как в кошельке у Господа'. *Elämä on kuin linnunmaitoa* '**Жизнь** как птичье молоко'. *Elämä on kuin silkkiä* '**Жизнь** как шелк'. *Elämässähän Herra meitä keikuttaa* 'В **жизни** нас раскачивает Господь'.

эрз. **Эрямось** вечксы сень, кона вечксы **эрямонть** 'Кто любит **жизнь**, того и **жизнь** любит'. **Эрямось** сокоронтькак неицякс тейсы '**Жизнь** делает зрячим и слепого'.

III. О праведной жизни (о том, как нужно жить):

фин. *Niin kauan kuin on elämää, on toivoa* 'Пока есть **жизнь**, есть надежда'. *Syö elääksesi, älä elä syödäksesi* 'Ешь, чтобы **жить**, а не **живи**, чтобы есть'. *Jokainen osaa toisen elämätä elää, vaikka ei omaansa* 'Каждый знает, как **прожить жизнь** другого человека, но не свою'. *Elä itse ja anna toisten elää* '**Живи** для себя и дай пожить другим'.

эрз. Кие **эрямо** машты, ламо вадря превть ташты 'Кто умеет **жить**, сможет много ума накопить'. *Кодамо молема кись, истямо эрямочись* 'Каков твой путь, такова и твоя **жизнь**'. *Парсте эрят, бути ломаннень ки а пирят* 'Хорошо **проживешь**, если другим дороге не пересечешь'. *Эряви эрямс, аволь наксадомс* 'Надо **жить**, а не гнить'. *Эряк аволь истя, кода сави, эряк истя, кода эряви* '**Живи** не так, как придётся, **живи** так, как нужно'. *Эрямось ламо ки улос вяттанзат: кочкак сень, кона а манятанзат* 'В **жизни** много дорог: выбирай ту дорогу, которая не обманет'. *Эрямсто ки а муят – вассолов а туят* 'В **жизни** путь себе не найдешь – на чужой лодке не поплывешь'.

IV. О продолжительности жизни:

фин. *Elämä lyhyt, (jokin) pitkä* 'Жизнь коротка, (что-либо) вечно'. *Ken elää, se näkee* 'Кто доживет, тот увидит'. *Kerranhan täällä vaan eletään* 'Один только раз живут на этом свете'. *Kun kauan elää, niin kaikki kuulee* 'Когда долго живешь, тогда все слышишь'. *Toivossa on hyvä elää* 'С надеждой хорошо жить'.

эрз. *Кавто пингть а эрят* 'Два века не проживешь'. *Кувать эрят* – *ламо неят* 'Долго проживёшь – многое увидишь'. *Ламо эрят* – *ламо неят, ламо неят* – *ламо пельдеть кевкстить* 'Много живешь – много увидишь, много увидишь – много с тебя спросят'. *Чикордыця чувтось седе кувать эри* 'Скрипучее дерево дольше живет'.

Нельзя рассматривать концепт *жизнь* в одностороннем плане без изучения понятия *смерть*. Поэтому в отдельную группу нами были выделены пословицы о *смерти* с лексемами финского языка – *kuolema* 'смерть' и эрзянского языка – *кулома* 'смерть'. Данные слова имеют общее значение и родственную этимологию [Вершинин 2005]. Обе лексемы относятся к уральскому языку-основе.

фин. *Ahneus kasaa, kuolema tasaa* 'Жадность собирает, смерть с землей ровняет'. *Joka kuritta kasvaa, se kunniatta kuolee* 'Кто без страха (вины) растет, тот умирает без чести'. *Jos ei viina, terva ja sauna auta, niin tauti on kuolemaksi* 'Если водка, смола и сауна не помогают, то болезнь приведет к смерти больного'. *Kuolema kuittaa univelat* 'Смерть оплатит все счета по недосыпам'. *Kuoltuansa hyvä koira tapansa jättää, mutteipaha koira kuoltuansakaan* 'Хорошая собака после смерти оставит свои привычки, плохая собака даже после смерти от них не откажется'. *Laiska viluun kuolee* 'Ленивый от холода помрет'. *Toisen kuolema on toisen leipä* 'Смерть одного – хлеб для другого'.

эрз. *Бути а кулат* – *жив улят* 'Умрешь – покой найдешь'. *Живесь куломадо а арси* 'Живой о смерти не думает'. *Куломадо пелят* – *седе курок кулат* 'Смерти боишься – скорее умрешь'. *Куломадонть а оргодят* 'От смерти не уйдешь'. *Куломадонть ансяк калмос кекшеват* 'От смерти только в могиле спрячешься'. *Куломанть самс а кулат* 'До прихода смерти не умрешь'. *Куломась весемеде идетяязат* 'Смерть от всего избавит'. *Куломась весть эрси* 'Смерть бывает один раз'. *Куломась тувталтомо а сакшны* 'Смерть без причины не бывает'.

Таким образом, в ходе исследования нами было выявлено и исследовано 29 финских пословиц и 27 эрзянских.

Эквивалентность исследуемых лексем позволило нам сделать вывод о схожести данных явлений в языковой картине мира. Так, проведенный анализ паремиологических единиц с семантическим полем **жизнь** показывает, что и в финском, и в эрзянском языковом сознании существует представление о жизни и смерти. Оно является схожим. Так, в обоих языках жизнь представляет собой нечто сложное, с большим количеством трудностей. Встречается большое количество пословиц, которые имеют поучительный характер и говорят о том, как нужно человеку прожить жизнь. При этом многие паремии показывают, что жизнь быстротечна и дается только один раз. Именно поэтому важно найти смысл своего существования.

Также нами было выявлено, что исследование данного концепта невозможно без изучения понятия **смерти**. Она является неизбежной и предопределена для каждого.

Список использованной литературы

Вершинин, В. И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков / В. И. Вершинин. – Йошкар-Ола, 2005. – Т. 2: Квентие-Мекснемс. – 240 с.

Вершинин, В. И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков / В. И. Вершинин. – Йошкар-Ола: Стринг, 2009. – Т. 4: Пиледемс-Уштомс. – 469 с.

Дригалова, Е. Д., Мосина, Н. М. Репрезентация концепта «семья» в лексико-фразеологических системах финского и эрзянского языков // В сборнике: XLVIII Огарёвские чтения. Материалы научной конференции. В 3-х частях. Сост. А. В. Столяров, отв. за выпуск П. В. Сенин. – Саранск, 2020. – С. 32–37.

Карпунина, Е. Д. Репрезентация концепта «деньги» во фразеологических единицах финского и эрзянского языков // Финно-угорский мир, 2021. – Т. 13, № 1. – С. 29–37.

Мосина, Н. М. Выражение темпоральности местными падежами в эрзянском и финском языках / Н. М. Мосина // Summatoria acroasium in sectionibus. Linguistica : материалы междунар. конгр. финно-угроведов «X международный конгресс финно-угроведов», 15-21 августа 2005 г. : Лингвистика: V ч. – Йошкар-Ола: Изд-во Мар. гос. ун-та, 2008. – С. 107–108.

Мосина, Н. М. Семантика глубинных падежей и морфологические средства их выражения в эрзянском языке : дис. ... д-ра. филол. наук / Н. М. Мосина. – Саранск, 2014. – 321 с.

Мосина, Н. М. Структура финского языка (Фонетика и морфология имён) / Н. М. Мосина. – Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2004. – 87 с.

Мосина, Н. М. Эрзянская речь детей от 3 до 7 лет (морфологический и синтаксический анализ): монография / Н. М. Мосина. – Саранск, 2002. – 236 с.

Серова, И. Г. Концептуальный анализ в лингвокультурологии: методы и возможности // Вопросы когнитивной лингвистики. Томбов, 2007. – Вып. 1. – С. 15–22.

Самородов, К. Т. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: Пословицы, присловья и поговорки / К. Т. Самородов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1967. – Т. 4. – Ч. 1. – 376 с.

Седова, Л. В. Мордовские пословицы, поговорки, приметы и загадки: поэтические образцы житейского опыта / Л. В. Седова. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2009. – 336 с.

Храмцова, О. А. Финские пословицы и поговорки и их русские аналоги. Русские пословицы и поговорки и их финские аналоги / О. А. Храмцова. – Москва: КАРО, 2011. – 240 с.

Ширманкина, Р. С. Фразеологический словарь мордовских языков (мокша и эрзя). / Р. С. Ширманкина. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1973. – 224 с.

Häkkinen, K. Nykysuomen etymologinen sanakirja / K. Häkkinen. – WS Bookwell Oy, 2007. – 1634 s.

Kari, E. Naulan kantaan. Nykysuomen idiomisanakirja / E. Kari. – Otava, 1993. – 232 s.

Kuusi, M. Vanhan kansan sananlaskuviisaukset / M. Kuusi. – Helsinki: WSOY, 1990. – 539 s.

SuomiSanakirja.fi : Suomen kattavin, ilmainen monen lähteen sanakirja: сайт. – URL: <http://www.suomisanakirja.fi> (дата обращения: 05.04.2021).

SIURO.INFO. Suomen kansan sananlaskuja. URL: <https://siuro.info/vapaasana/762-suomen-kansansananlaskuja> (дата обращения: 06.04.2021).

REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF «LIFE» IN THE PAREMIAS OF THE FINNISH AND ERZYAN LANGUAGES

Summary. This work deals with the conceptual analysis of the paremiological units included in the semantic field "life" in the Finnish and Erzya languages. As a result of the study, using the method of continuous sampling from dictionaries and collections, the paremias that most fully reflect the analyzed concept were identified, the basic lexemes and their dictionary definitions were studied, and the classification of paremiological units by lexico-semantic feature was compiled. The comparative analysis also allowed us to find out how the concept of "life" is expressed in the cognitive space of the Finnish and Erzya people.

Keywords: conceptual analysis, concept, paremia, Finnish language, Erzyan language, life.

Оско Беатрикс

Венгрия, г. Будапешт, Научно-исследовательский лингвистический центр

Шаланки Жужанна

Венгрия, г. Будапешт, университет им. Этвёша Лоранда

Кондратьева Наталья Владимировна

Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

РОЛЬ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ХОРВАТИИ В РАЗВИТИИ ХОРВАТСКО-ВЕНГЕРСКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ¹³

Аннотация. Основной целью данной статьи является выявление роли современной системы образования Хорватии в сохранении и развитии хорватско-венгерского двуязычия. Отмечается, что наличие преемственности (детский сад – школа – вуз) системы образования является неперенным условием сохранения венгерского языка в условиях активных миграционных процессов современной Европы. В статье также уделяется внимание описанию трех образовательных моделей, предлагаемых для языковых меньшинств Хорватии.

Ключевые слова: хорватско-венгерское двуязычие, система образования Хорватии, венгерские диаспоры.

В современном лингвистическом ландшафте Земли венгерский язык является транснациональным региональным языком общения, используемым за пределами национального государства Венгрии, в Словении, Австрии, Словакии, Украине, Румынии, Сербии и Хорватии, что обусловлено геополитическими изменениями в результате Трианонского договора 1920-го года, с одной стороны, а также возникновением новых стран в Центральной и Восточной Европе – с другой.

Основной целью данной статьи является выявление роли современной системы образования Хорватии в сохранении и развитии хорватско-венгерского двуязычия.

¹³ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 21-512-23007 РЯИК_а.

Согласно данным переписи 2011 года, на территории современной Хорватии проживает 14 084 человек, которые отнесли себя к венгерскому этносу. 71 % (9 945 чел.) из них проживает в северо-восточной части страны, преимущественно в Осиекско-Бараньском и Вуковарско-Сриемском регионах. Остальные представители венгерского этноса проживают дисперсно. Как показывают статистические данные, численность населения, говорящего на венгерском языке, в последние десятилетия сокращается: так, в 1991-м году в Хорватии проживало 22 355 чел.; в 2001-м г. – 16 595 чел. [Kontra 2016: 49–52].

Согласно действующему законодательству Хорватии, государственным языком страны является хорватский язык, однако представителям других миноритарных языков гарантируется право официального использования своих языков и алфавитов [Катунин 2010]. Официальное двуязычие провозглашается в муниципалитетах, где доля носителей миноритарных языков составляет более 33% от общей численности проживающего населения. Важно подчеркнуть, что этот порог является одним из максимальных показателей в Европейском сообществе и, с точки зрения процентного соотношения доли венгерского и местного населения, официальное двуязычие может быть реализовано только в Вуковарско-Сриемском регионе. Жители Осиекско-Бараньского региона неоднократно обращались с просьбой снизить указанный порог до 20%, однако их просьбы до сегодняшнего дня не удовлетворены [Andócsi 2012: 286].

Таким образом, несмотря на наличие исторических традиций использования венгерского языка в отдельных муниципалитетах Хорватии, в последние годы все больше укрепляются позиции функционирования хорватского языка в официально-деловой сфере даже в местах компактного проживания венгерских диаспор [Oszko 2020].

В этом ключе большую помощь в сохранении венгерско-хорватского двуязычия оказывает система образования Хорватии. Согласно закону образования, касающегося предоставления образовательных услуг представителям миноритарных языков, количественные показатели здесь могут быть снижены. В частности, даже если количество обучающихся не соответствует пороговым значениям, допустимым для функционирования образовательного учреждения, в поселении возможно открыть венгерскую школу [Oszko 2020].

В настоящее время в Хорватии представлены три модели образования, которые предлагаются представителям венгерского этноса. Рассмотрим их подробнее:

1. Первая модель предполагает получение образования на венгерском языке. Выпускники этих школ могут также ориентироваться на получение высшего образования на своей исторической родине.

2. В рамках второй образовательной модели часть дисциплин преподается на венгерском языке, а дисциплины естественно-научного блока ведутся на хорватском языке.

3. Третья образовательная модель предполагает получение образования на хорватском языке, но обучающиеся изучают дисциплину «Венгерский язык и культура» (ранее он назывался родной язык). Это позволяет изучать венгерский язык 2–5 часов в неделю.

Родители имеют право выбора, если в муниципалитетах функционируют представленные модели обучения. Третья модель обучения может быть реализована и в муниципалитетах, где обучающиеся посещают школы с преподаванием на хорватском языке.

Согласно статистическим данным [Kontra 2016: 135], к 2016 г. в Хорватии функционировали 4 основные школы и 1 средняя школа с венгерским языком обучения, а также 1 основная школа с частичным преподаванием на венгерском языке. Количество школ с преподаванием дисциплины «Венгерский язык и культура» составило 18 школ.

Для получения более глубоких знаний в области венгерского языка и культуры обучающиеся могут посещать среднюю школу в г. Осиеке, которую поддерживает Центр венгерского образования и культуры. Выпускники хорватских школ, владеющие венгерским языком, могут получить высшее образование в университете им. Й. Ю. Штросмайера (г. Осиек), где функционирует венгерское отделение на базе философского факультета, также хунгарология представлена в Загребском университете.

Важным условием для сохранения хорватско-венгерского двуязычия является наличие венгерских детских садов. В частности, венгерские детские учреждения функционируют в г. Осиек, а также в деревнях с преобладанием венгерского населения.

Таким образом, наличие преемственности (детский сад – начальная школа – средняя школа – высшее образование) в области изучения венгерского языка и культуры в системе современного образования Хорватии позволяет сегодня сохранять хорвато-венгерское двуязычие. Однако, как отмечают практики, необходимо также уделять внимание повышению качества образования. Помимо изучения теоретических основ венгерского языка, необходимо поддерживать языковые, когнитивные, эмоциональные, со-

циальные потребности двуязычного воспитания. Оба языка должны использоваться в достаточной степени, устно и письменно; осмысленно – в разных контекстах; в процессе преподавания венгерского языка необходимо применять различные обучающие материалы, способные привлекать и удерживать интерес обучающихся; обучение должно строиться с использованием двуязычного и бикультурного потенциала обучающихся, быть направленным на построение нового знания и новых компетенций. Только совокупность указанных принципов позволит поддерживать хорвато-венгерское двуязычие на территориях компактного проживания венгерских диаспор.

Список использованной литературы

Катунин, Д. А. Современное языковое законодательство Хорватии: становление и тенденции. Статья первая // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 2 (10). – С. 18–44.

Andócsi, J. Az anyanyelv használatának jogi lehetőségei Horvátországban // Eplényi K., Kántor Z. Tévesztés és határtalanítás. A magyar nyelvpolitika 21 századi kihívásai. Nemzetpolitikai Kutatóintézet. –Budapest: Lucidus Kiadó, 2012. – Old. 271–287.

Kontra 2016 – Fancsaly É., Gúti E., Molnár L.M., Oszkó B., Siklósi B., Žagar Sz.O. / szerk. Kontra M. A magyar nyelv Horvátországban. A magyar nyelv a Kárpát-medencében a XX. század végén. – Budapest–Eszék: Gondolat Kiadó – Media Hungarica Művelődési és Tájékoztatási Intézet, 2016. – 701 l.

Oszkó, B. Nyelv, nyelvváltozat, nyelvjárás: megjegyzések horvátországi magyarok nyelvi repertoárjáról // Heltai J. I., Oszkó B. Nyelvi repertoárok a Kárpát-medencében és azon kívül. Válogatás a 20. Élőnyelvi Konferencia előadásából. – Budapest: Nyelvtudományi Intézet, 2020. –Old. 235–244.

THE ROLE OF THE EDUCATIONAL SYSTEM OF CROATIA IN THE DEVELOPMENT OF THE CROATIAN-HUNGARIAN BILINGUALISM

Summary. The main aim of the article is to identify the role of the modern system of education in Croatia in maintaining and developing the Croatian-Hungarian bilingualism. It is highlighted that the links between different layers of education (kindergarten – school – university) is an indispensable condition for preserving Hungarian in active migration processes in present-day Europe. The article also focuses on describing three educational models proposed for linguistic minorities in Croatia.

Keywords: Croatian-Hungarian bilingualism, system of education in Croatia, Hungarian diasporas.

Самарова Мира Анатольевна

Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

ГИДРОФОРМАНТЫ ПА / БА ~ ПО

Аннотация. В статье рассматриваются гидроформантами па/ба ~ по, встречающиеся в гидронимии Удмуртии. На основе сравнительно-сопоставительного анализа названий географических объектов дана попытка этимологической интерпретации гидроформанта.

Ключевые слова: гидронимы, гидроформанты, топоформанты, топонимика, ономастика.

В топонимии к наиболее древним названиям относятся гидронимы. Названия рек в меньшей степени подвержены изменениям во времени. Несмотря на то, что население, располагающееся по берегам рек, может меняться, гидронимы могут сохраняться, что даёт возможность отследить существование давно исчезнувших языков на определённой территории. Но с другой стороны, при этимологическом анализе названий рек из-за их архаичности (особенно субстратных названий рек) не хватает семантического заднего плана, так как звуковые изменения, последовавшие в период адаптации гидронима в языке-преемнике, могут полностью изменить звуковой облик слова [Матичак]. Топонимия любого региона не является изолированной, она складывается из напластований различных языков, родственных и неродственных. Попадая в другой язык и видоизменяясь в соответствии с фонетической структурой принимающего языка, теряется генетическая связь названия с исходным апеллятивом. При анализе наименований топообъектов, чаще всего гидронимов, имеем дело с производными названиями [Куклин 1998: 63].

В удмуртской гидронимии интересным с точки зрения функционирования является топоформант *па / ба ~ по*. Данный топоформант может выступать как в качестве детерминанта, так и в роли атрибута: *Вужна* (д. Бал.), *Дырпа* (д. Кез.), *Шарпа* (д. Бал.), *Муйбо* (рчк. бас. Кильмези), *Бачумово* (рчк., д. Яр.), *Башур* (рчк., д. Зав), *Пашур* (рчк., д. Можг., Шарк.), *Пашур-Вишур* (д. Шарк), *Пали* (рчк. бас. Кильмези, д.), *Пошур* (рчк., бас. Кильмези). Из представленных

примеров видно, что формант *па / ба ~ по* встречается как в названиях деревень, так и в названиях речек. Это вполне объяснимо, т. к. при заселении территорий поселенцы обычно устраивают первые починки вблизи устьев рек и речек, названия гидрообъектов при этом переходят в названия населенных пунктов, зачастую с добавлением видового географического термина [Игнатов, Жиленкова].

Большинство компонентов, сочетающихся с данным формантом, восходит к удмуртскому источнику: *Вужпа < вуж 'старый' + по*, *Бачумово < ба + чум 'клеть' + -ово* рус. суффикс, *Башур < ба + шур 'речка, река'*, *Пашур < па + шур 'речка, река'*, *Пашур-Вишур < па + шур 'речка, река' + вишур* – название речки, *Муйбо < муй ~ мый 'бобр'*, *Пошур < по + шур 'речка, река'*. К этой же группе относится название деревни *Багурт < ба + гурт 'деревня'*. Рассматриваемый формант Н. К. Фролов связывает с древнесамодийскими словами *бу, би, бүү 'вода'* [Атаманов 2015: 99]. Формант *па* с некоторой осторожностью можно выделить в названиях *Дырпа < дыр + па*, *Шарпа < Шар + па*, *Пали < па + ли*. В данных названиях при выделении элемента *па*, оставшиеся части *дыр, шар* и *ли* также являются компонентами с затемненным значением, которые требуют дополнительных изысканий. В каждом конкретном случае далеко не всегда возможно с полной определенностью выделить топонимический формант. Дело в том, что формальный подход не позволяет определить, каким числом звуков следует ограничиться при выделении топонимического форманта.

Возможно, к этой группе с меньшей долей вероятности можно отнести название речки *Лумпа* (рчк. бас. р. Чепцы, лев. приток р. Вятки). Хотя гидроним *Лумпа* М. Г. Атаманов сопоставляет с сельк. *лымпă* 'болото'. Также ландшафтные данные древности показывают, что большая часть территории Волго-Камского региона была безлюдна и покрыта девственными лесами и болотами [Гребнева, Апатов 2015]. Но наличие названия ложбины *Лумвайнюк* (где *лум* 'южный', *вай* 'приток', *нюк* 'лог'), имеет вероятность связать гидронимы *Лумпа* и *Лумповка* (рчк. в Яр.) и включить в ряд названий рек, речек с формантом *па ~ по*. Причем данные речки являются южными притоками реки Сада, пр. пр. р. Чепца. Это наводит на мысль, что *Лумпа* состоит из двух элементов: *лум* 'южный' + *па* – гидроформант.

Большинство исследователей единодушны в том, что топонимический формант устанавливается на основе большого числа собранных

фактов. Выделение его должно подчиняться строгим правилам и не может зависеть от произвола исследователя [Глинских]. В связи с этим рассмотрим несколько названий гидрообъектов в коми топонимии. С элементом *па* зафиксировано несколько названий в коми топонимической системе. Элемент *па* с некоторой долей вероятности можно выделить в названиях рек: *Пага*, *Паун* и *Поинга*. Довольно интересным является название деревни *Пыелдино*. А. И. Туркин отмечает, что данное название образовано от к. *поёл* (название реки), так как рядом с данной деревней имеются озеро и болото с соответствующими названиями *Поёлты* и *Поёлнюр*. в названии можно выделить словообразовательный суффикс *-ол*, (ср. *кытш* 'круг, кружок' и *кытшол* 'круг, обход', *нёп* 'котловина', *нёпол* 'низкое согроватое место'). В компоненте *по* ~ *пöй*, вероятно, отражено древнее коми название лесного зверя и дичи [Туркин 2015: 239]. Действительно многие исследователи указывают на то, что наиболее устойчивый и самый древний пласт в топонимии любого региона наименования населенных пунктов, образованные от названий рек [Жиленкова 2012: 15]. Хотя современный облик названия деревни *Пыелдино* вроде бы совершенно далёк от коми *поёл*. Но за долгое время существования в русской речи облик гидронима изменился в соответствии с фонетическим строем русского языка. Как указывает А. И. Туркин, в исторических документах зафиксировано «Да на Сысоле-ж на Пылде монастырь» (1485), «Погост Пычлда» (1586), «Погост Пыелда на реке на Сысоле» (1646), «Погост Пыелдин на реке на Сысоле» (1678), в 1859 г. – Вороицовская (Пыелдин) при ручье Вичко-Шоре [Туркин 2015]. Название деревни *Пыелдино* возникло от гидронима *поёл* (*по* + *ёл* ~ *эль* 'лесная речка') + *дин* 'около, рядом'. Конечное *-о* возникло в русском языке по образцу множества названий на *-ино*.

В марийской гидронимии, по мнению О. П. Воронцовой и И. С. Галкина, элемент *по* можно вычлениить из таких названий, как *Поча*, *Почи*, *Пуча*, *Пюча*, *Пу вуд* (оф. Буй), *Пуял*, *Пыля*, *Куба*, *Курба*, *Пенба*, *Поек*. Хотя названия с *по* ~ *пу* ~ *пы* ~ *пю* исследователи отмечают как финно-угорский элемент и сравнивают с самодийским *пу/пы* ~ *бы*, *би*, *бу* 'вода', а названиях на *ба* (*Куба*, *Курба*) элемент *ба* считают пермским, который восходит к пермскому *ва* 'вода' [Воронцова, Галкин 2002].

В ойконимии Кировской области встречается название д. *Мари-Гоньба*, *Верх Гоньба*, *Тат Гоньба*, (д. Малм.), которые расположе-

ны у речки *Гоньбинка*. Вероятно, в гидрониме можно выделить элемент *ба*.

Кроме того, гидронимы на *па / ба* зафиксированы также на территории русского Севера. Как указывают многие исследователи, основной очаг топонимов на *ба- ~ па* находятся в Западной Сибири, в Нижнем и Среднем Пообье, где с древнейших времен живут обско-угорские и самодийские народы (ср. *Айба, Турба, Лорба, Ялла* и др.), Н. К Фролов данные топоформанты связывает с древнесамодийскими словами *бу, би* близкими к камасинскому *буу* 'вода'. По его данным, ареал названия *ба ~ па* накладывается на ареал современной, адстратной угорской топонимии на *ам, ом, ум, ым* [Атаманов 2015: 40].

Рассматривая топонимы Владимирской области, В. В. Бейлекчи относит к финно-угорскому наследию название *Поташ* (дд. *Старый Поташ* и *Новый Поташ*), где автор выделяет основу *по* со значением 'вода, река, озеро' [Бейлекчи 2008].

В топонимической системе бассейна Кызым у лесных ханты зафиксирован апеллятив *raw* 'речка', 'живун' или рыболовный забор', 'запруда из земли, загораживающая маленькую реку'. У сосвинских манси известно слово *rāu* со значением 'рыболовный забор' [Дмитриева 2005: 107]. Для обозначения заводи в финском языке используется лексема *ruka* [Kiviniemi 1990: 76]. Учитывая фонетические изменения топоформанты *па по/ба* вполне сопоставимы с обскоугорскими лексемами *raw / rāu*. Возможно, семантическая наполнение апеллятива может быть связано с обозначением 'речки с узенькой протокой, вытекающей из леса'.

Необходимо отметить, что только на основе созвучия нельзя соотносить компоненты с затемненным значением с каким-либо определенным языком. Субстратная топонимия может иметь различное происхождение даже в рамках одного региона. Именно поэтому для более точного определения исходного апеллятива гидроформанта следует учитывать различные лингвистические факторы (исторические изменения фонетики в языке-источнике и языке-приемнике), которые могли повлиять на современный облик гидроформанта, и экстралингвистические факторы (ландшафт местности, картографическое положение объектов, стратиграфические данные).

Сокращения

бас. – бассейн, *д.* – деревня, *к.* – коми язык, *кя.* – коми-язьвинский, *лев.* – левый, *нен.* – ненецкий язык, *пр.* – приток, *прав.* – правый, *р.* – река, *руч.* – ручей, *рчк.* – речка, *с.* – село, *сельк.* – селькупский язык.

Бал. – Бalezинский район, *Зав.* – Завьяловский район, *Кез.* – Кезский район, *Малм.* – Малмыжский район Кировской области, *Можг.* – Можгинский район, *Шарк* – шарканский район, *Яр.* – Ярский район.

Список использованной литературы

Атаманов-Эграпи, М. Г. Язык Земли Удмуртской: историко-этимологический словарь топонимов Волго-Уральского региона / М. Г. Атаманов-Эграпи. – Ижевск: Ижевская республиканская типография, 2015. – 976 с.

Бейлекчи, В. В. О финно-угорских топонимах в муромском Поочье / В. В. Бейлекчи // Известия Самарского научного центра РАН. – 2008. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-finno-ugorskih-toponimah-v-muromskom-roochie> (дата обращения: 22.05.2021).

Воронцова, О. П. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ / О. П. Воронцова, И. С. Галкин. – Йошкар-Ола: Изд-во Марийского полиграфкомбината, 2002. – 424 с.

Глинских, Г. В. О принципах и методах исследования субстратной топонимии / Г. В. Глинских. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/39099/1/vtor_16_01.pdf (дата обращения: 22.05.2021).

Гребнева, Т. С. Основные этапы преобразования ландшафтов Вятского края / Т. С. Гребнева, К. Ю. Апатов // Наука и современность. – 2015. – №40. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-etapy-preobrazovaniya-landshaftov-vyatskogo-krauya> (дата обращения: 24.05.2021).

Дмитриева, Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым / Т. Н. Дмитриева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – 580 с.

Жиленкова, И. И. Топонимы Белгородской области (системный лингвоанализ названий населенных пунктов): учеб. пособие по лингвокраеведению. Изд. 2-е / И.И. Жиленкова. – Белгород : ИД «Белгород», 2012. – 124 с.

Игнатов, М. Д. Вопросы происхождения топоформантов *-ым, -им, -ум, -ом, -вом, -вум* в коми топонимии // Вестник ЧГУ. – 2009. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-proishozhdeniya-topoformantov-ym-im-um-om-vom-vum-v-komi-toponimii> (дата обращения: 26.05.2021).

Куклин, А. Н. Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ). Монография / А. Н. Куклин. – Йошкар-Ола: МГПИ им. Н. К. Крупской, 1998. – 204 с.

Матичак, Ш. К этимологическому исследованию гидронимов (на мордовском материале) / Ш. Матичак. – URL: <http://finnugor.arts.unideb.hu/adatok/maticsak/pdf/073-Hidronim-Cifu.pdf> (дата обращения: 15.05.2021).

Туркин, А. И. Топонимический словарь Республики Коми / А. И. Туркин. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2015. – 364 с.

Kiviniemi, E. Perustietoa paikannimistä / E. Kiviniemi. – Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1990. – 243 s.

HYDROFORMANTS *-PA/-BA ~ PO*

Summary. The article deals with hydroformants *-pa/-ba ~ -po* found in hydronomy of Udmurt Republic. The researcher tries to etymologically interpret hydroformants based on comparative analysis.

Ключевые слова: *hydronyms, hydroformants, topoformants, toponymy, onomastics.*

УДК 371.321.2

Сирази Жофия

Венгрия, г. Будапешт, Дипломатическая академия МИД Венгрии

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ НА ОНЛАЙН УРОКАХ ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Аннотация. Преподавание венгерского языка как иностранного, имеет довольно большую историю как в Венгрии, так и за рубежом. Пандемия преобразовывает методы и учебные материалы во всех сферах образования и переносит процесс обучения в другое пространство. В последнее время распространяются онлайн-уроки по венгерскому языку, и вследствие этого выдвигаются на первый план такие методы и пособия, которые до этого использовались не так широко. В данной статье автор на своих примерах показывает, как неизбежное дистанционное обучение меняет роль видеоматериалов на уроках и каким образом построен онлайн-урок вокруг видеосъёмки.

Ключевые слова: венгерский язык, иностранный язык, обучение иностранному языку, дистанционное обучение, онлайн обучение, видеоматериал.

Введение. Учебное заведение, в котором я преподаю венгерский язык взрослым иностранным студентам, продолжает работу, которую ранее выполнял знаменитый Институт Балашши. Это

значит, что большинство учащихся являются стипендиатами какой-либо венгерской государственной программы. Наименьшая часть состоит из таких иностранцев, которые проживают и работают в Венгрии, а язык изучают в рамках языковой школы. Палитра курсов, групп довольно разнообразная, но цель у них у всех общая – улучшить, развить у студентов знание венгерского языка.

Стипендиальные программы работают исключительно в очной форме, во время учебного года студенты находятся в общежитии института. По действующим договорам они не могли вернуться на родину тогда, когда из-за коронавируса школы и вузы закрылись и перешли на онлайн-обучение.

Начиная с 2020-ого года как и по всему миру, в венгерских вузах ещё больше внимания стали обращать на международное сотрудничество и на ментальное здоровье иностранных студентов. Исследования показывали, что иностранные студенты испытывали негативные изменения в плане учёбы, социальных отношений и психологического состояния. Им труднее было понять культурные различия, структуру, работу и требования университетов и институтов, таким образом их языковые навыки развивались медленнее [Tóth 2020: 16]. В стране практически все культурные, спортивные и развлекательные заведения закрылись, студенты большинство времени проводили в стенах общежития. Преподаватели были вынуждены найти новые методы для передачи знаний в цифровом пространстве.

Важность использования видеоматериалов. Есть такие языки, на которых говорят десятки или сотни миллионов людей, и на которых доступны большое количество материалов не только для носителей языка, но также для изучающих. Например, есть специальные блоги, ютуб-каналы на английском или на русском языке, которые содержат интересные ролики или объяснения различных грамматических явлений; такой формат направлен на то, чтобы помочь тем людям, которые занимаются этими языками в качестве иностранного языка. К сожалению, мало материалов, связанных с венгерским языком, поэтому на уроках я в большинстве случаев пользуюсь такими роликами, которые сняты для носителей венгерского языка.

Аутентичные материалы прекрасно подходят для передачи информации о национальной культуре страны, о ее традициях, географии и др., их можно использовать на уроках страноведения,

они также помогают в развитии слухового восприятия, расширении и активизации словарного запаса [Holló 2019: 64].

На онлайн уроках студенты привязаны к компьютеру и с понедельника по пятницу сидят в своих комнатах. Кроме того, что это физически очень трудно, в нашем институте большинство групп учатся на интенсивных или суперинтенсивных курсах, это значит, что им необходимо присутствовать каждый день на 4–6 уроках по венгерскому языку. Перед пандемией была возможность регулярно организовывать разные мероприятия для студентов - экскурсии, показывать им в реальной жизни, как совершить покупку, например, на рынке или как купить билет на вокзале, но в рамках дистанционного обучения преподаватель должен найти новые пути для привлечения интереса студентов. В этом видеоматериалы имеют огромную пользу, потому что транслируют больше разнообразной информации, чем традиционные учебные материалы, благодаря чему легко сделать уроки более многогранными.

Наше учебное заведение в течении 2020/2021 академического года отдало предпочтение платформе Майкрософт Тимс для проведения уроков. И преподавателям и студентам очень быстро нужно было адаптироваться к новым обстоятельствам, и в этом разные ИТ-компании старались как можно быстрее и эффективнее помочь, например, увеличив мощность сайтов и приложений, а также увеличили в вместимость облачных хранилищ [Proháczik 2020].

В своем преподавательском опыте, я сама в большинстве случаев пользовалась бесплатным сайтом www.learningapps.org, в котором можно создать задания в различных шаблонах и хранить их в разных папках или в коллекциях. Это облегчает работу как преподавателя так и студентов по одной ссылке можно найти видео и связанные с ним задания, студентам открывается возможность выполнить эти задания многократно, независимо от местоположения и времени урока.

Немаловажно то, что переход на онлайн обучения - это вынужденная мера, и можно сказать, самостоятельно стараемся освоить это пространство и его новые методы. На данный момент уроки и задания, которые организованы на базе любого видео на уроках венгерского языка пока являются уникальными, интересными, цветными этюдами занятий.

Урок для начинающих. Несколько лет тому назад в сетях появилось одно имиджевое видео Венгрии, которое имеет английское название «Hungary – World of Potentials» (shorturl.at/izGW1). В этом видео представлены основные достопримечательности, изобретения, развлечения, национальные блюда страны, поэтому оно является полезным, когда нет возможности лично посетить разные места, музеи, рестораны и т. д. На видео нет норраторского сопровождения, но самые известные достижения, предметы венгерских инженеров-изобретателей показаны с субтитрами.

В начале урока я показываю студентам несколько картинок из ролика и мы обсуждаем их, знакомимся с новыми словами и выражениями, которые венгры часто используют. Потом вместе просматриваем видео, и повторяем сказанное – кто что видел, что делают герои, в каких местах они бывают, что едят? Есть возможность составлять небольшие диалоги, таким образом мы собираем страноведческие знания и одновременно развиваем разговорные навыки.

Историю и картины из видеоматериала можно использовать в разных заданиях, несмотря на то, что оно не содержит разговорную речь. После дискуссии можно перейти на интерактивные (и) письменные задания, при помощи которых углубляются и письменные и грамматические навыки, в нашем случае, например, окончания винительного падежа и разных местных падежей, а также спряжения самых элементарных (и нерегулярных) глаголов [Durst 2006: 122]. На сайте learningapps имеется возможность создать словарь с картинками и найти пары, сделать классификацию, например, какие корни с какими окончаниями используются, можно организовать викторину с выбором правильного ответа, составлять хронологическую линейку событий или среди других типов заданий заполнить пропуски.

Обычно студенты выполняют эти онлайн задания самостоятельно, но, по моему мнению, важно их при демонстрации экрана вместе также проверять, потому что таким образом преподаватель будет уверен в том, что студенты действительно работали, есть возможность читать вслух и потом объяснить непонятные элементы, задать вопросы.

В качестве домашнего задания члены группы делают подобную презентацию или традиционный бумажный коллаж о своих

странах или родных городах и получают возможность презентовать их. Такие задания всегда выполняются с большим энтузиазмом, так как студенты с удовольствием знакомят друг друга со своей родиной и испытывают приятные чувства от внимания и интереса группы.

Урок для продвинутых. Со студентами продвинутого уровня посмотрим мультфильм по мотивам венгерской народной сказки, в данном случае «Петушок и бриллиант» (shorturl.at/epxQ3). Естественно, в сказке найдутся не только слова простой разговорной речи, а можно будет встретиться с более литературными, редкими словами, как прислуга, колодец, печка и т. д., с которыми студенты в городских условиях встретиться не смогут, но учитывая то, что они учатся на курсах хунгарлогии или на подготовительных курсах в университете и в следующем учебном году они продолжают свою студенческую жизнь на филологическом факультете одного из венгерских вузов, это знание все же будет весьма полезным.

При разработке видеоматериала в начале показываю подготовленный на сайте learningapps словарь с картинками, и беседуем о том, как студенты представляют себе эту историю. Потом вместе посматриваем видео, если нужно, тогда в замедленном варианте на ютубе при помощи функции установления скорости показа, и потом снова обсуждаем сюжет. Тем самым развиваем не только разговорную речь, но и навыки аудирования, повторяем самые важные предложения или выражения героев.

Как на примере предыдущего видеоматериала, в данном случае имеет смысл разнообразить процесс освоения нового словарного запаса и углубления грамматических знаний, используя несколько видов заданий. На сайте learningapps можно составить порядок событий, найти синонимичные пары, найти заголовки разных частей истории, отвечать на вопросы в письменной форме и т. д. Когда совместно проверяем задания, студенты читают вслух и получают возможность спросить, в том случае, если остались ещё вопросы.

В итоге, при помощи одной сказки можно развивать разные навыки коммуникативной компетентности, такие, как говорение, слух; при выполнении заданий развивается как чтение, так и письменные навыки. Сказка показывает иностранцам традиционные места и традиционную жизнь венгров, расширяет их знания об

обычаях, помогает им привыкнуть к обычной скорости говорения носителей языка, является интересным учебным материалом и повышает мотивацию [Садовина 2016: 14].

Креативное задание. В вышеназванных примерах студенты получили готовые задания к выполнению, однако уже и от начинающих реально, полезно и интересно требовать собственные проектные материалы. На интенсивных курсах довольно быстро достигается тот уровень, на котором члены группы с уверенностью могут говорить о своих буднях, о том, какой у них распорядок дня, что делают вне уроков или на выходных.

Во время осенних или весенних каникул наши студенты снимают небольшие видеоролики о своей жизни в Венгрии, показывают ежедневную рутину и, конечно, сопровождают съёмку устными комментариями как в видео дневнике. В этом году, когда студенты большинство знаний получили в цифровом пространстве и у них было мало возможностей использовать венгерский язык в жизненных ситуациях, это задание получилось особенно популярным. После каникул каждый день просматриваем одно из этих видео и обсуждаем его, автор создаёт небольшую викторину, связанную с содержанием ролика, таким образом мы в игровой форме повторяем и словарь, и грамматику.

Заключение. В данной статье я предоставила несколько примеров того, как используются аутентичные видеоматериалы на уроках венгерского языка как иностранного в группах молодых взрослых студентов. На венгерском языке малодоступны учебные материалы, приготовленные специально для изучающих язык, поэтому реалии современного ковидного и постковидного мира требуют от преподавателей большую креативность и желание профессионального саморазвития.

Использование видеоматериалов даст хорошую возможность организовать компактные уроки, на которых можно развивать все навыки коммуникативной компетентности, заранее подготовленные преподавателем задания студенты смогут выполнять не только во время уроков, а могут повторять их независимо от времени и места занятий, эти задания требуют только интернет-подключение и гаджет, который и так необходим во время дистанционного обучения.

В последнее время в венгерских образовательных учреждениях, в которых преподают венгерский язык в качестве иностранного языка, занимаются созданием и развитием электронных и онлайн учебных пособий. Наша цель – облегчить работу коллег и студентов, а также расширять круг доступных материалов.

Список использованной литературы

Durst, P. A videó szerepe a MID oktatásában // THL2 - №1-2 – 2016. – С. 121-127.

Holló, D. Kultúra és interkulturalitás a nyelvtórán / Holló D. – Károli Gáspár Református Egyetem, 2019. – 139 с.

Proháczik, Á. A tantermi és az on-line oktatás (tanítás és tanulás) összehasonlító elemzése. // Opus et Educatio – №3 – 2020. – <http://opuset.educaio.hu/index.php/opusHU/article/view/390/672> (дата обращения: 05.08.2021).

Tóth, B. A járvány hatása a felsőoktatás nemzetköziesítésére // Pályázati Pávilon – a Tempus Közalapítvány magazinja – №2 – 2020. – С. 16-19.

Садовина, Л. В. Применение видеоматериалов в процессе обучения английскому языку. Методические материалы / Л. В. Садовина – Йошкар-Ола: ГБОУ ДПУ Республики Марий Эл «Марийский институт образования», 2016. – 28 с.

USING VIDEO MATERIALS IN THE HUNGARIAN AS A FOREIGN LANGUAGE LESSONS

Summary. This article gives an idea of the Moksha language model as a whole and its semantic component. It is noted that there are many ways of word formation in the word-formation system of the Moksha language, which are a potential source of replenishment of the active vocabulary, and the issue of identifying the word-formation capabilities of the Mok-sha language is relevant. At the present stage of the development of the Moksha language, the task of the word artist is to search for new words, expressions and materials which open up new opportunities for further development of lexical composition.

Keywords: Hungarian language, foreign language, foreign language teaching, distance learning, online education, video material.

Стрелкова Ирина Витальевна

Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

ОПЫТ ПРИОБЩЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ К ЧТЕНИЮ В РАМКАХ ЗАНЯТИЙ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УдГУ

Аннотация. В статье представлен опыт воплощения идеи семейного чтения на занятиях с младшими школьниками, реализованный в Центре раннего языкового образования «Иж-Логос», а также обобщены наблюдения над уровнем читательской подготовленности старшеклассников, намеренных сдавать Единый государственный экзамен по литературе и посещающих подготовительные курсы по этому предмету, организованные Управлением дополнительного образования УдГУ.

Ключевые слова: семейное чтение, уровень читательской подготовленности, система дополнительного образования.

Потребность приобщения школьников к чтению в рамках занятий системы дополнительного образования УдГУ обусловлена общественным вниманием к этой проблеме, формирующим в свою очередь социальный запрос.

Представим опыт воплощения идеи семейного чтения на занятиях с младшими школьниками, реализованный в Центре раннего языкового образования «Иж-Логос» в 2017 году, а также обобщим наблюдения над уровнем читательской подготовленности старшеклассников, посещающих подготовительные курсы по литературе и намеренных сдавать Единый государственный экзамен по этому предмету.

Возможность реализации идеи семейного чтения возникла неожиданно для автора – преподавателя, не имеющего опыта работы с учениками начальных классов, но получившего теоретическое представление об этой идее в процессе руководства работой студента-дипломника. Предложение апробировать элементы технологии смыслового чтения в аудитории младших школьников настойчиво прозвучало от непосредственного руководителя Центра «Иж-Логос» профессора Т.И. Зелениной, заинтересованной в расширении спектра предоставляемых услуг в сфере раннего образования. Была набрана группа из пяти школьниц второго-четвертого классов для

выявления перспективности этого направления дополнительной подготовки. Преподавателю было предложено осуществлять учебный процесс по своему усмотрению в течение двух академических часов по субботам в октябре – декабре 2017 года.

Начало занятий показало, что изначально заданные условия не комфортны для учениц: незнакомый преподаватель, не обустроенная для детей вузовская аудитория не располагали ни к свободному чтению, ни к непринуждённой беседе о прочитанном. Сопровождавшие детей взрослые традиционно ожидали окончания занятий в коридоре. Естественным для преподавателя стало решение пригласить сопровождающих в аудиторию и предложить им принять участие в общей деятельности, что было ими воспринято неожиданно легко. Таким образом, состав участников увеличился до десяти человек, у детей снялась тревожность, взрослые могли оценить содержание занятия и сравнить уровень читательской подготовленности школьниц разного возраста.

Нами читалась и обсуждалась бытовая народная грузинская сказка «Научись ремеслу» из сборника «Гора самоцветов». Выбор именно этой сказки был обусловлен её лаконичностью, неожиданным сюжетом и возможностью легко подвести к пониманию её нравственного урока читателя любой квалификации.

Каждым из присутствующих, включая преподавателя, поочередно зачитывался фрагмент текста, затем слушатели обсуждали его, задавая вопросы, уточняя понимание прочитанного, комментировали услышанное. Взрослые участники объясняли незнакомые детям слова: столяр, войлок, бурка. При этом создавалась атмосфера непринуждённой беседы неожиданных друг для друга собеседников. Выводы у читателей / слушателей сказки, вследствие сугубо женской на первом общем занятии аудитории, получились следующие. Кроме формулирования очевидного по названию сказки наказа уметь работать руками, освоить некий полезный навык, было сделано наблюдение о том, что в этой сказке герой – действующий, а героиня – думающая. Более того, этот вывод взрослой части аудитории был закреплён расширением контекста, обращением к волшебной сказке «Царевна-лягушка», содержащей ту же модель гендерных отношений. На завершающем этапе детям было предложено нарисовать ту вещь, которую они хотели бы научиться делать своими руками, украсив её, как в прочитанной сказке, ка-

кой-либо надписью. Взрослым предлагалось затем эту надпись на рисунке найти и прочесть.

Поскольку первое совместное занятие показало продуктивность выбранного формата, мы сохраняли его в течение всего цикла встреч, читая другие сказки из сборника «Гора самоцветов» и предлагая школьницам новые задания для рефлексии. Состав сопровождающих детей взрослых менялся, в аудитории поочередно присутствовали мамы-папы-бабушки, но семейная атмосфера занятий сохранялась и поддерживалась всеми участниками, читаемое и обсуждаемое произведение обогащалось новыми смыслами, поскольку был востребован личный опыт каждого читателя. Таким образом, можно сделать вывод о жизнеспособности и социальной востребованности идеи семейного чтения. Отметим, что от преподавателя при такой форме занятий требуется создание и сохранение доброжелательной атмосферы в аудитории, равно уважительное отношение к читателям разной квалификации, способность выдерживать нужный темп занятия и умение подводить читателей разного возраста к смыслам и выводам, которые проявляются по мере проникновения в текст художественного произведения.

Курсы по подготовке к Единому государственному экзамену по литературе предлагаются Управлением дополнительного образования УдГУ в течение 12 лет. В настоящее время программа таких курсов рассчитана на 75 академических часов, что предполагает занятия по 3 академических часа в неделю с середины октября до конца апреля. Посещают курсы не только ученики 11-х классов городских и пригородных школ, но и десятиклассники, и выпускники колледжей, то есть состав аудитории неоднородный не столько по возрасту, сколько по уровню читательской квалификации.

Изначальное предположение преподавателя, что сдавать ЕГЭ по литературе собираются ученики или выпускники образовательных учреждений с освоенным программным материалом по предмету, из года в год не подтверждается.

Таким образом, перед преподавателем ставится задача повышения уровня подготовки по литературе каждого слушателя вне зависимости от его исходной начитанности. Иначе говоря, нам нужно создать такие условия на занятиях, которые обеспечили бы слушателям курсов импульс к чтению.

Внешне методика проведения занятий выглядит неизменной: обучающимся обеспечен раздаточный материал, включающий задания всех частей ЕГЭ по литературе по темам и разделам Кодификатора. Каждая последующая тема анонсируется за неделю с условием перечитать или прочитать указанные в кодификаторе произведения. В начале занятия проводится тестовая проверка знания текста, затем совместно с аудиторией анализируются фрагменты эпического или драматического и лирического произведений, формулируются ответы на проблемный и контекстный вопросы. В конце занятия преподавателем комментируются темы сочинений. Слушателям курсов предоставляется возможность отрабатывать дома технологию создания развернутого ответа и сдавать самостоятельно выполненную работу в любом объеме на проверку преподавателю.

Внутренне методика проведения занятий выглядит следующим образом. Общение с аудиторией на длительном этапе знакомства, а это 8–10 занятий из 25, выстраивается по алгоритму: от себя – к тексту, от текста – к себе. На этом этапе нам важно выстроить связь между читателем и текстом, апеллируя к ценности самопознания. Мы показываем и доказываем на примере совместного чтения, что текст открывает читателю столько, сколько он способен понять или готов принять. Нам важно сформировать у слушателей личную потребность в понимании прочитанного, а также способность высказать это понимание. Сразу отметим, что собственно чтение постепенно начинает восприниматься обучающимися как наиболее привычное, а потому и выполнимое задание. Понимание прочитанного обеспечивается при обсуждении на занятии. Наиболее трудновыполнимой задачей является самостоятельное формулирование ответа на проблемный вопрос. Почти все сдаваемые на этом этапе домашние работы отличаются рыхлостью суждений, неоправданным многословием, отсутствием внятной аргументации.

Постепенно в ходе занятий начинает проявляться алгоритм: от текста – к себе, от себя – к тексту, когда читатель должен отойти с переднего плана, уступив основное место автору литературного произведения. Этот смысловой переход обеспечивается преподавателем посредством упорного обращения к характеристике исторической эпохи и творческой индивидуальности автора. Отметим возрастающий с каждым годом интерес обучающихся именно к ис-

тории литературы, в первую очередь, к биографии писателя, помещённой в контекст современной ему эпохи.

На этом этапе преподавателю важно стимулировать обучающихся к активной домашней письменной работе, помогая им преодолеть боязнь высказывания собственного, не клишированного мнения. К сожалению, этот «страх речения» у слушателей курсов очень силён, их сомнения в собственных способностях труднопреодолимы. Тем не менее результаты регулярных занятий становятся очевидны при сдаче экзамена. При условии выполнения заданных на курсах требований: обязательное прочтение текста накануне занятия и обязательная систематическая самостоятельная домашняя работа по выполнению заданий с развёрнутым ответом – результатом становится оценивание экзаменационной работы выше 90 баллов.

Таким образом, представленный выше опыт работы в системе дополнительного образования УдГУ свидетельствует о возможности приобщения к чтению школьников любого возраста, даже не обладающих собственной мотивацией к саморазвитию.

Список использованной литературы

Гора самоцветов: Сборник сказок народов СССР / Отв. ред. Н. А. Марченко. – М.: Изд-во «Детская литература», 1964. – 479 с.

THE EXPERIENCE OF INTRODUCING SCHOOLCHILDREN TO READING WITHIN THE LESSONS OF OPTIONAL EDUCATION AT UDMURT STATE UNIVERSITY

Summary. The article presents the experience of embodiment the idea of family reading in the classroom with junior schoolchildren that was im-plemented at the Center for Early Language Education "Izh-Logos". In addition, this article summarizes observations on the level of reading readiness of senior schoolchildren who were intending to take the Uni-fied State Exam in Literature and attending preparatory courses on this subject which were organized by the Department of Continuing Educa-tion of Udmurt State University

Keywords: family reading, the level of reading readiness, the system of additional education.

Тимерханова Надежда Николаевна
Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ МОРФЕМ УДМУРТСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. В данной статье сопоставляются морфемы удмуртского и русского языков, а именно корневые морфемы и аффиксальные. Особое внимание уделено основе слова и словоформы. Из аффиксов нами рассмотрены префиксы, словоизменяющие, формообразовательные и словообразовательные суффиксы и флексии, без внимания в данной статье оставлены постфикс и интерфикс. Также в статье говорится о вариантах суффиксов, корневых и суффиксальных алломорфах.

Ключевые слова: морфема, корень, основа слова, префикс, суффикс, алломорф, вариант морфемы.

В удмуртском языке, как и в русском, традиционно морфемой считается наименьшая значимая часть слова и грамматических форм слова (словоформы). Термин «морфема» был введен в XIX в. выдающимся представителем Казанской лингвистической школы И. А. Бодуэном де Куртене как обобщающее наименование для корней и аффиксов: префиксов, суффиксов, постфиксов, флексий. Такого же понимания этой единицы будет придерживаться автор данной статьи.

Как отмечает Г. В. Федюнева, «При классификации морфем в качестве основания деления берется два аспекта: семантический (функциональный), т. е. отношение морфемы к общей семантике слова, и позиционный, т. е. отношение морфем между собой в рамках противопоставления «периферийные – центральные». С учетом этих параметров первое крупное деление проводится между корневыми (лексическими, знаменательными) и аффиксальными (соотв. грамматическими, служебными) морфемами» [Федюнева 1992: 6]. Языковыми единицами, не имеющими семантического значения, но имеющими позиционную и, как правило, фонетическую, обусловленность являются интерфиксы (соединительные гласные и сочетание гласных с согласными, к примеру, *ледоход и перуанский*).

В удмуртском языке, как и в русском, можно выделить корневые морфемы и аффиксальные морфемы. Значения аффиксов могут быть разные, но корневая морфема всегда передает лексическое значение слова: *нюлэс* 'лес', (*коть*)-*ма* 'хоть что', *пичи* 'маленький', *лоб-(а-ны)* 'летать'. Необходимо отметить, что в обоих языках имеются корневые алломорфы, появление которых обусловлено историческими фонетическими законами, но в удмуртском языке алломорфов – и корневых и аффиксальных – намного меньше, нежели в русском языке. Например:

Таблица 1. Алломорфы в корне слова.

Удмуртский язык	Русский язык
– <i>куинь</i> 'три', <i>куинь-намы</i> 'втроем' – <i>куиньм-эти</i> 'третий', <i>куиньм-ой</i> 'в течение трёх суток' [-н'-/- н'м-];	– <i>век</i> / <i>веч-ный</i> [-к/-ч'-];
– <i>кык</i> 'два' – <i>кыкт-эти</i> 'второй' [-к/-кт-];	– <i>тёплый</i> / <i>тепл-ее</i> [-о-/-э-]; [-л-/-л'-];
– <i>кус</i> 'поясница, талия' – <i>куск-аз</i> 'на пояснице, на талии') [-с-/-ск-];	– <i>зар-я</i> / <i>зорь-ка</i> [-а-/-о-];
– <i>мон</i> 'я' / <i>мын-ам</i> 'мой' [-о-/-ы-];	– <i>нёс</i> / <i>нес-ла</i> [-о-/-э-]
– <i>мар</i> 'что' – (<i>но</i>) <i>мыр</i> 'ничто' [-а-/-ы-];	– <i>течёт</i> / <i>ток</i> [-э-/-о-]; [-ч'-/-к]
– <i>кужым</i> 'сила' – <i>кужмысь</i> 'насилъно' [-ы- / Ø];	– <i>со-бир-ать</i> / <i>со-бр-ать</i> [-и- / Ø];
– <i>кенос</i> 'амбар', <i>кенсы</i> 'в амбар' [-о- / Ø].	– <i>т-ы</i> / <i>теб-я</i> / <i>тоб-ой</i> ; [т- / т'-]; [Ø / -э- / -о-]; [Ø / -б-]; [-б'- / -б-];
	– <i>чт-о</i> / <i>ч-его</i> [шт- / ч'-];
	– <i>один</i> / <i>одн-ого</i> [-и- / Ø];
	– <i>десять</i> / <i>семь-десят</i> [-т' / -т] и др.

Словами, состоящими только из корневых морфем в основном является большинство служебных слов, наречий, наречно-образительных слов, звукоподражаний, междометий, модальных слов, а также довольно много слов знаменательных частей речи, например, в удмуртском языке: *ог* 'около', *йыг* (*вазиз*) 'стук (послышалось)', *ш-ш-ш* 'ш-ш-ш', *экекек!* 'эх!', *лэся* 'видимо'; *чебер* 'красивый', *эшишо* 'ещё', *кõня* 'сколько'; в русском языке: *такси*, *беж*, *можно*, *лень* (СКС), *хлоп!* и др.

Обычно имеют корневую и аффиксальную морфему глаголы и глагольные формы (за исключением формы единственного числа повелительного наклонения): *лыкт-ы-ны* 'при-й-ти, при-ход-и-ть', *лыкт-од* 'при-д-ёшь', *лыкт-ы-са* 'при-д-я', *лыкт-эм* (*мурт*) 'при-ше-дш-ий (человек)', *лыкт-ы* 'при-д-и', *медам лыкт-ы* 'пусть не при-ход-ит, эн *лыкт-ы* 'не при-ход-и', *уг вера* 'не с-каж-у / не *говор-ит*', *верá* 'говор-ит'. Но: *мын* 'иди', *вай* 'принеси', *сёт* 'дай'.

Также не меньше чем из двух морфем состоят слова других изменяемых частей речи. Но здесь нужно сделать такое примечание:

в удмуртском языке как агглютинативном номинатив не имеет специальных показателей и обычно при анализе морфемной структуры слова никаким образом не обозначается (в переводах можно сравнить морфемную структуру данного слова в русском языке):

– существительные: *корка* ‘дом’ (при изменении: *корка-ез* ‘дом’, *корка-лэн* ‘(у) дом-а’, *корка-лэсь* ‘дом-а’), *корка дорын* ‘рядом с домом’, *корка-ен ёош* ‘вместе с домом’, *корка липет* ‘крыш-а дом-а’, *корка-лэн липет-эз* ‘крыш-а дом-а’);

– местоимения-существительные: *кин* ‘кт-о’ (при изменении: *кин-эн* ‘к-ем’, *кин-лы* ‘к-ому’, *кинъ-я* ‘в соответствии с к-ем’), *кин ке* ‘кт-о-то’ (при изменении: *кин-лэсь ке* ‘к-ого-то’, *кин-лэн ке* ‘к-ого-то’, *кин-лы ке* ‘к-ому-то’), *коть-кин понна* ‘хоть для к-ого’, *оло-кин дорын* ‘не известно у к-ого, неизвестно рядом с к-ем’, *кин-эн сэрен* ‘из-за к-ого’;

– количественные числительные: *вить* ‘пять’ (при изменении: *вить-лы* ‘на пять, пят-и’, *вить-лэсь* ‘пят-и’, *вить-тэк* ‘без пят-и’), *вить бере* ‘после пят-и’, *вить пукон* ‘пять стульев’;

– порядковое числительное с выделительным суффиксом: *куин-етй-ез* ‘именно тр-етий (тр’-эт’и)’ (при изменении: *куин-етй-з-э* ‘именно тр-еть-его (тр’-эт’-эго) / тр-еть-ю (тр’-эт’-ю)’, *куин-етй-ез-лэн* ‘именно (у) тр-еть-его / тр-еть-ей’, *куин-етй-ез-тэк* ‘именно без тр-еть-его / тр-еть-ей’, *куин-етй-ез-тй* ‘именно по тр-еть-ему / тр-еть-ей’), *куин-етй-ез бере* ‘именно после тр-еть-его / тр-еть-ей’, *куин-етй-ен-ыз ёош* ‘именно вместе с тр-еть-им / тр-еть-ей’ и др.

Если говорить об основе слова, в русском языке за основой слова следует чаще всего окончание склонения либо спряжения: *колоск-а, колоск-ом; поднима-ет, повез-ёт*; реже формообразующий суффикс (к примеру, в форме прошедшего времени: *посмотре-л, ходи-л-и*; повелительного наклонения глаголов: *вез-и, поставь-Ø*), в удмуртском языке – формообразующий/ие суффикс(ы): *бакча-ос* ‘огород-ы’, *изъы-тэк* ‘без шапк-и’; *кочыш-ед-лэн* ‘у (твоей) кошк-и’, *бадзым-з-э* ‘именно больш-ого’.

И в удмуртском, и в русском языках имеются нечленимые и членимые основы. Нечленимые: *чук* ‘утро’, *ожыт* ‘мало’, *гинэ* ‘только’, *ку* ‘когда; когда-нибудь’. Членимые: **простые**: *буд-ос-лык* ‘раст-и-тель-н-ость’, *вала-н* ‘по-ним-а-ни-э’, *тод-м-а-т-ск-он* ‘знаком-ств-(о)’; **сложные**: *дунне-выл* ‘мировой’ (букв. поверхность мира ‘мир-поверхность’), *сир-пу-губи* ‘вязовик, вешенка (гриб)’ (букв. гриб, (растущий на) дереве вяз ‘вяз-(дерево)-гриб’), *кенэм-*

кутс-а-сь 'коноплянка (птица)' (букв. молотящий коноплю 'конопля-молотящий'). В русском языке также имеются **сложные** членимые основы: *вод-о-ворот*, *стен-газет-(а)*, *аэро-фото-сь-ём-к-(а)*.

В обоих языках имеются **непрерывные основы словоформы**, например: *пöйшур-а-сь* 'охотник', *пöра-ськы-ны* 'готови-ть (еду)', *тол-быт* 'всю зим-у', *дас-вит-етй* 'пятнадцат-ый', *улмо-ё* 'с яблоками'; **прерывистые основы словоформы** (именно основы словоформы, а не слова) в удмуртском языке: *дор-а-м-ы* 'у нас дома', *дор-ысьты-д-ы* 'из вашего дома', *дор-озя-з-ы* 'до их дома', *дор-ены-м* 'с моим домом'. В русском языке прерывистую основу имеют, например, такие словоформы: *сгиба-ет-ся*, *выстрои-л-и-сь*, *охотящ-ий-ся*, *косн-и-те-сь*.

Перейдем к аффиксальным морфемам. Их типовой набор одинаков в обоих языках, но есть отличия в частотности использования того или иного аффикса, а также в функциональном назначении.

Начнем с **префикса** – аффикса, находящегося перед корнем слова. В удмуртском языке префиксы имеют только словообразовательную функцию, их в литературном языке всего 3 (в диалектах 5): оло-, коть-, но- (не-, нено-): *нокин* 'никто' ← *кин* 'кто'; *котькыче* 'хоть какой, любой' ← *кыче* 'какой'; *олокöня* 'сколько-то' ← *кöня* 'сколько', (в диалектах: *немар* 'ничто' ← *мар* 'что'; *ненокин* 'никто' ← *кин* 'кто'). Как видно из вышеприведенного материала, префиксация не характерна для удмуртского языка. В русском языке префиксы имеют и словообразовательную функцию: *безопасный* ← *опасный*, *раскидать* ← *кидать*, *премудрый* ← *мудрый*, *подгруппа* ← *группа*; и формообразовательную функцию: *нарисовать* (совершенный вид) ← *рисовать*, *наибольший* (превосходная степень) ← *большой*; такую же функцию выполняют приставки *сверх-* и *супер-* в прилагательных и наречиях типа: *сверхпрочный* ← *прочный* и *суперсовременно* ← *современно*, но к формообразовательным их не относят, называют словообразовательными.

Далее рассмотрим **суффикс**. Суффиксальный способ выражения грамматических форм в удмуртском языке является основным, в русском же языке для маркирования грамматических форм чаще используются флексии.

Сначала остановимся на проблеме выделения суффиксов в удмуртском языке. Как отмечает Г. В. Федюнева, в понимании аффиксальных морфем в финно-угроведении нет единого мнения. В удмуртском языке В. И. Алатырев выделяет словообразовательные,

формообразовательные морфемы и флексии [Алатырев 1979: 57]. Разной в описании морфемной структуры слова касается как вопроса функционального разграничения аффиксальных морфем, так и понимания их сущности [Федюнева 1992: 7]. По мнению Г. В. Федюновой, «смешение таких понятий как суффикс и флексия (окончание) не способствует прояснению морфемной структуры агглютинативного слова, наоборот, проводя известную аналогию в русском и других флективных языках, вносит путаницу как терминологического, так и понятийного порядка. В языках флективного типа всякая изменяемая словоформа состоит из основы и флексии (материально выраженной или невыраженной), а в агглютинативных языках номинатив не имеет специальных показателей, словоформа состоит из корня и слово- или формообразующего суффикса. При словоизменении в русском языке происходит трансформация окончания, словоизменение в коми языке происходит за счет присоединения к неизменному слову соответствующих суффиксов [Федюнева 1992: 7–8].

В удмуртском языке к словоизменительной основе прибавляется необходимый словоизменительный суффикс (лица или падежа). Но до недавнего времени, опираясь на традиции, сложившиеся в русском языкознании, в удмуртском языке словоизменительные аффиксы назывались окончаниями. К примеру, в «Грамматике современного удмуртского языка: Фонетика и морфология» [ГСУЯ 1962: 60–61] авторы выделяют словообразовательные суффиксы, формообразовательные суффиксы и флексии, к которым причисляют показатели падежных форм и личных окончаний глаголов. Но в издании «Удмурт кыллэн кылкабтодосэз» («Морфология удмуртского языка» [УКК 2011]) выделены только суффиксы. Неприемлемость обозначения падежных аффиксов термином «флексия» связано с тем, что в удмуртском языке при наличии посессивных суффиксов маркер падежа не всегда находится в конце слова, причем в указанных падежах такая позиция является стабильной, например: в творительном падеже *азбар-ен|ы|-д* 'с твоим двором' (|ы| – таким образом мы веделили интерфиксы, используемые для связи аффиксов (такие элементы в морфемной структуре слова называются также межморфемными прокладками, пустыми морфемами или вставками)), в местном и входном падежах *азбар-а-д* 'в твоём дворе; в твой двор', исходном падеже *азбар-ысь|ты|-д* 'с твоего двора', отдалительном падеже *азбар-ысен|ы|-д* 'от твоего дво-

ра', переходном падеже *азбар-тй-д* 'по твоему двору', предельном падеже *азбар-оз|я|-д* 'до твоего двора'.

Если сравнить с русским языком, в котором окончания, флексии определяются как служебные морфемы, образующие грамматические формы и выражающие грамматические значения слов, чаще всего находящиеся в конце слова и реже перед постфиксом [Тихонов 2003: 23], либо как изменяемая часть словоформы, служащая для выражения грамматического значения и указывающая на синтаксические отношения словоформ друг к другу в предложении, не являющаяся частью основы, обычно занимающая в составе словоформы конечную позицию (после окончания могут находиться лишь постфиксы) [ТАЯЕ 2001: 460], то, действительно, можно сказать, что данный термин не отражает специфики падежной морфемы в удмуртском языке. Как было показано выше, после удмуртского падежного аффикса могут стабильно располагаться и суффиксы. Причем в русском языке окончание часто выражает несколько грамматических форм (например, род, число, падеж либо число и падеж у существительных и прилагательных: *красн-ую рыб-у* (род, число, падеж), *больш-их дом-ов* (число и падеж); или лицо и число либо род и число у глаголов: *смотри-ит*, *передай-Ø* (лицо и число), *прочитал-а*, *сходил-□ бы* (род и число), а в удмуртском языке суффикс является носителем одного грамматического значения. Но так как типологически чистых языков не существует, поэтому и в удмуртском языке имеются явления свойственные для флективных языков. Например, в удмуртском языке имеется несколько морфем, которые можно назвать флексией – это аффикс глагола в форме 3 лица единственного и множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения: *со лыдзэ-е* 'он читает', *соос лыдзэ-о* 'они читают', *со уг лыдзэ-ы* 'он не читает', *соос уг лыдзэ-о* 'они не читают', *соос гожъя-ло* 'они пишут'; аффикс глагола в форме 2 лица множественного числа повелительного наклонения: *кошк-е* 'уходите', *сыл-э* 'стойте', *вера-лэ* 'скажите', *тод-элэ* 'узнайте'. Это лишь единичные случаи в языке.

Таким образом, в удмуртском языке необходимо выделить словоизменятельные аффиксы – суффиксы, отличающие формы одного и того же слова, которые служат для связи слов в предложении. В удмуртском языке к этой группе относятся суффиксы падежа, числа, лица, посессивные суффиксы, выделительно-указательный суффикс. Приведем примеры: *нюк-лы* 'логу', *нюк-тэк* 'без

лога'; *пипу* 'осина', *пипу-ос* 'осины'; *пот-й-мы* '(мы) вышли', *пот-й-ды* '(вы) вышли', *пот-й-зы* '(они) вышли'; *книга-ед* '(твоя) книга', *книга-ед-лэн* 'у (твоей) книги'; *покчи-ез* 'именно младший', *покчи-з-э* 'именно младшего' и др.

В удмуртском языке также имеются формообразовательные суффиксы – это суффиксы инфинитива, многократного вида, понудительного залога (каузатива), возвратного залога (рефлекси́ва), страдательного залога (пассива), притворной модальности, времени, наклонения, безличной формы глагола, причастия, деепричастия, суффиксы субъективной оценки существительных, суффиксы компаратива и модератива.

В русском языке формообразовательными являются суффиксы инфинитива, совершенного/несовершенного вида, возвратного залога, страдательного залога, времени, наклонения, безличной формы глагола, причастия, деепричастия, суффиксы субъективной оценки существительных, суффиксы компаратива и суперлатива.

Приведем примеры:

1) суффиксы инфинитива:

– удмуртский язык: 1) *пота-ны* 'выходить', *сылы-ны* 'стоять'; 2) *мын-эм-е луэ (потэ, өвёл)* '(я) могу идти (хочу идти, не ходил)'; 3) *шуд-эмысь дугдйз* 'перестал играть', *кул-эмысь улзытй* 'оживил из мертвых (букв. из умерших)'; 4) *вера-н-эз ик өвёл* 'и сказать нечего, и говорить не о чем (букв. сказать нет (глагол.))'; 5) *чида-но луод* 'придется терпеть', *из-ёно кариськиз* 'улегся спать (букв. спать сделался)', *лыкт-оно кожей* 'решил прийти'; 6) *ветлы-тэк ойласэ* 'пришлось сходить (букв. не сходить не пришлось)';

– русский язык: 1) *стоя-ть*, *вяну-ть*; 2) *нес-ти*; *вез-ти*; 3) *беречь-Ø*; *мочь-Ø*;

2) суффиксы многократного вида (в русском языке такая грамматическая категория не выделяется): *возматы-ны* 'показать', *возматы-лы-ны* 'показывать'; *вера-ны* 'сказать', *вера-лля-ны* 'говорить, поговаривать';

3) суффиксы совершенного / несовершенного вида (в удмуртском языке такая грамматическая категория не выделяется): *заб-и-ть* – *заб-ива-ть*; *стуч-ну-ть* – *стуч-а-ть*; *нагруз-и-ть* – *нагрузж-а-ть*;

4) суффикс возвратного залога (рефлекси́ва):

– удмуртский язык: *кын-иськ-и-з-ы* 'закрылись (о глазах)', *берыт-скы-ны* 'вернуться, повернуться';

– русский язык: *смотреть-ся*; *встречать-ся*;

5) суффикс страдательного залога (пассива):

– удмуртский язык: *корка отем ужасьёсын лэсьт-йськ-е* ‘дом строится наёмными рабочими’;

– русский язык: у глагола – *дом строит-ся наёмными рабочими; лодку переверну-л-о волной*; у причастия – *разбира-ем-ые вещи; книга прочита-н-а, орех расколо-т*;

6) суффикс понудительного залога (в русском языке такой грамматической категории нет): *ужа-ты-ны* ‘заставить работать’, *изь-ты-ны* ‘усыпить, уложить спать’;

7) суффикс времени:

– в удмуртском языке во всех формах времени: *вера-ськ-е* ‘говорит’, *лыкт-й-з* ‘(он) пришёл’, *дэмла-ло-мы* ‘будем рекомендовать’;

– в русском языке в форме прошедшего времени: *прикину-л, положи-л-а, лете-л-о*;

8) суффикс притворной модальности (в русском языке отсутствует): *из-емъяськы-ны* ‘притвориться спящим’, *мын-эмъяськы-ны* ‘притвориться идущим’;

9) суффиксы причастия:

– удмуртский язык: *кошк-ись адыми* ‘уходящий человек’, *ярат-оно уже* ‘(моя) любимая работа’, *пу дася-мын* ‘дрова заготовлены’ и др.;

– русский язык: *прочита-нн-ый, чита-ем-ый, ид-ущ-ий, сто-ящ-ий, посла-вш-ий*;

10) суффиксы деепричастия:

– удмуртский язык: *кырза-са* ‘напевая’, *мыны-тозь* ‘до тех пор, пока шел’, *тубы-ку* ‘пока поднимался’ и др.;

– русский язык: *чита-я; не поня-в; просну-вши-сь; игра-ючи*;

11) суффиксы безличной формы глагола:

– удмуртский язык: *куалекъя-тэ* ‘лихорадит’, *дырт-оно* ‘нужно спешить’, *кынт-э* ‘морозит’;

– русский язык: *смеркает-ся, хорошо живет-ся, работает-ся, спит-ся, мне не верит-ся, неймет-ся*;

12) суффиксы компаратива:

– удмуртский язык: *пичи-ез-гес* *корка* ‘меньший дом (среди других домов)’, *жог-гем* *ужа* ‘быстрее работает’;

– русский язык: *стройн-ее, выш-е, стар-ше*;

13) суффиксы модератива в удмуртском языке: *вож-алэс* ‘зеленоватый’, *горд-пыр* ‘красноватый’, *лыз-мыт* ‘синеватый’, *улын-гес кылле* ‘пониже лежит’, *валатэк-гес* ‘не совсем понимая’;

14) суффиксы суперлатива в русском языке: *велич-айш-ий*, *честн-ейш-ий*.

Словообразовательные суффиксы изменяют лексическое значение производного слова. Такие суффиксы присоединяются к производящей основе слова и могут изменять частеречную принадлежность нового слова по сравнению с тем, от которого оно образовано либо в той же части речи относятся к другому лексико-грамматическому разряду.

Например, в удмуртском языке: *чебер* 'красивый, красиво' → *чебер-лык* 'красота' (существительное от прилагательного), *куинь* 'три' → *куин-етӱ* 'третий' (порядковое числительное от количественного), *зарни* 'золото' → *зарни-я-ны* 'позолотить, озолотить' (глагол от существительного). В русском языке: *дом* → *дом-ов-ой*; *дом-ов-ой* → *домов-ёнок*; *побежа-ть* → *побегѸ*; *изуча-ть* → *изучениѸ*.

Среди суффиксов имеются алломорфы (суффиксы, состав фонем в которых зависит от формального окружения, например, глухости или звонкости соседних фонем) и варианты морфем (аффиксы, которые могут замещать друг друга в одинаковых позиционных условиях).

Примеры суффиксальных алломорфов удмуртского языка:

– суффикс отглагольных существительных имеет морфы *-н / -он (-ён)* (*гажа-н* 'уважение', *пыр-он* 'вход', *киз-ён* 'посев');

– выделительный суффикс: *-эз (-ез) / -ыз / -из / -з* (*горд-эз* 'именно красный', *вож-ез* 'именно зеленый', *тодмоос-ыз* 'именно знакомые', *со-из* 'именно тот', *та-з-э* 'именно этот');

– суффикс числительных: *-дон / -тон*: *ныль-дон* 'сорок', *сизьым-дон* 'семьдесят', *вить-тон* 'пятьдесят', *укмыс-тон* 'девятьсто';

– посессивный суффикс: *-д* и *-т*: *корка-д-э-с* 'ваш дом', *чебер-д-э* 'твою красоту', *жаг-д-э* 'твой мусор'; *корка-ос-т-э-с* 'ваши дома';

– суффикс множественного числа *-ос (-ёс)* и *-с*: *корка-ос* 'дома', *пуконъ-ёс* 'стулья', *корка-д-э-с* 'ваш дом', *пукон-м-е-с* 'наш стул', *корка-ос-т-э-с* 'ваши дома', *пукон-ёс-м-е-с* 'наши стулья';

– падежные суффиксы существительных: *корка-н* 'в доме', *бакча-ын* 'в огороде'; *корка-тӱ* 'по дому', *бакча-етӱ* 'по огороду';

– отглагольные формы: 1) существительные: *вера-мъ-я* 'по мере того как говорил(а)', *лыкт-эмъ-я* 'по мере того как шёл(а)'; 2) причастия: *вера-мын* 'сказано', *лыкт-эмын* 'пришел'; букв. '(есть) пришед-

ший); 3) деепричастия: *вера-мысь* 'из-за того, что сказал', *лыкт-эмысь* 'из-за того что пришел'.

В русском языке также встречаются алломорфы, например, *авторств-о*, *студенч-еств-о*; *цветоч-к-а*, *цветоч-ек*; *преступл-ениеф-э*, *позицирова-ниф-е*, *честн-ейш-ий*, *ближ-айш-ий*; *раб-ск-ий*, *ханж-еск-ий*; *пересматр-ива-ть*, *выхлап-ыва-ть*; *бел-е-ть*, *бел-еф-у*; *мяу-ка-ет*, *мяу-чет* и др.

В удмуртском языке также встречаются и варианты морфем – тождественные по значению морфы, способные в одной и той же позиции замещать друг друга: например, суффиксы винительного падежа множественного числа существительных *-ты* / *-ыз*: *кызъёс-ты* / *кызъёс-ыз* *мерттыны* 'ели садить' (о елях); суффиксы винительного падежа единственного числа *-эз* (*-ез*) / *-Ø* / *-э* (*-е*): *вайыны кагаз-эз* 'принести бумагу', *кагаз-Ø* 'бумагу', *кагаз-м-е* '(мою) бумагу', *кагаз-д-э* '(твою) бумагу', *кагаз-д-э-с* '(вашу) бумагу'; суффикс сравнительной степени *-гес* / *-гем*: *зол-гес*, *зол-гем* *шуккиз* 'сильнее стукнул'; *мусо-гес*, *мусо-гем* *кучапи* 'более милый щенок'.

В русском языке также имеются варианты морфем: уменьшительно-ласкательные суффиксы: *вороб-ушек*, *вороб-ышек*; суффиксы сравнительной степени: *добр-ее*, *добр-ей*; *бойч-е*, *бойч-ее*; суффиксы прилагательного: *турист-ск-ий*, *турист-ическ-ий*; *бездейств-ен*, *бездейств-енен*; суффиксы причастий: *вверг-ш-ий*, *ввергну-вш-ий*; суффиксы в деепричастиях: *осты-в*, *осты-ну-в*; *запер-ши*, *запере-в*; *припева-я*, *припева-ючи*.

Таким образом, рассмотрев морфемы удмуртского и русского языков, можно сказать, что в данных языках много сходных явлений, но имеются и специфические черты.

Список использованной литературы

Алатырев, В. И. О границах словообразовательных и формообразовательных морфем // Вопросы финно-угроведения. – Сыктывкар, 1979. – С. 57.

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962. – 376 с.

ТАЯЕ – Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: В 2 ч. – Ч. 1: Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Морфемика. Словообразование / Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, Н. А. Николина, И. И. Щеболева; Под ред. Е. И. Дибровой. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 544 с.

Тихонов, А. Н. Современный русский язык: Морфемика. Словообразование. Морфология. – Изд. 2-е, стереот. – М.: Цитадель-трейд, ИД Риппол Классик, 2003. – 464 с.

УКК – Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологияез): тодослыко-дышетскон издание / А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина, Н. В. Кондратьева, С. В. Соколов, О. Б. Стрелкова, И. В. Тараканов, Н. Н. Тимерханова, А. Ф. Шутов; Кылкутись ред. Н. Н. Тимерханова. – Ижевск: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. – 408 б.

Федюнева, Г. В. Морфемный состав и морфологический тип коми языка. Серия препринтов «Научные доклады». – Коми научный центр УрО Российской академии наук. – 1992. – Вып. 294. – 36 с.

COMPARATIVE TYPOLOGY OF MORPHEMES IN UDMURT AND RUSSIAN

Summary. This article compares the morphemes of the Udmurt and Russian languages, namely roots and affixes. Special attention is paid to the base of the word and word form. From affixes, we have considered prefixes, inflectional, formative and word-forming suffixes and inflections, while the postfix and the iterfix have been left without attention. The article also deals with the variants of suffixes, root and suffixal allomorphs.

Keywords: morpheme, root, word base, prefix, suffix, allomorph, morpheme variant.

УДК 81`255.4

Тулуз Ева

*Франция, г. Париж, Институт восточных
языков и цивилизаций INALCO
Эстония, г. Тарту, Тартуский университет*

РОССИЫСЬ ФИНН-УГОР КЫЛЪЁСЫСЬ ЧЕБЕРЛЫКО ЛИТЕРАТУРАЕЗ БЕРЫКТОН СЯРЫСЬ

Аннотация. В данной статье речь идет о том, как было переведено стихотворение Ашальчи Оки «Тон юад мынэсьтым» разными переводчиками на русский язык, насколько точен и удачен каждый из четырех переводов.

Ключевые слова: стихотворение Ашальчи Оки, перевод, адекватность и точность перевода.

Мон малпай, таяз учыре берыктонъёс сярысь вераськеме потэ шуыса. Мон ачим трос пöртэм кылъёсысь пöртэм кылъёсы берыктйсько. Кема дыр çоже озьы малпай, анай кылэ гинэ берыкто, ноку но сыçe умой уг быгаты мукет кылэ берыктыны. Али мон мукет сямен малпасько ини. Адямиослы юрттыны кулэ ке, быгатйсько ке, англи кылэ но, эстон кылэ но, зүч кылэ но берыктйсько. Куд-дыръя урод берыктон но пайдаё, мукет адямиос чылкак уг валало ке! Нош али тодйсько, редакторъёс но вань, соос тупатыны быгато-зы, мар мон умой гожтыны уг йöндыриськы.

Нош анай кылэ берыктыку, мон котьку тыршисько мур валаны но мукет кылэ авторлэсь малпанъёссэ шонер сётыны. Со – зэмзэ но тунсыко уж. Ас малпанъёсты возматыны кулэ öвöл, возматыны кулэ мукет адямилэсь малпанъёссэс, солэн вераськон амалэныз, солэн малпаськон амалэныз... Асьмелэсь потыны кулэ. Мукет адями луыны, кылъёс шедьтыны, солэн малпанъёсыз понна. Мыным вунэтыны кулэ, кин мон, но мае мон малпасько, мар мыным кельше, со нокинлы тунсыко öвöл, муртлэн куаз пырыны кулэ, мур валаны тыршыны кулэ, со кышкыт луэ... Нош мыным со кельше. Со буквализм öвöл, со зэмзэ берыктон, мукет кылын вераса пуштрөсэз воштйськонъёстэк сётоно, но йылпумъян со мукет кылын умой мед луоз. Пумит луоно öвöл, нош çемысь со капчи öвöл. Озьы ке но, тыршыны кулэ.

Мыным паймымон вал, оскыны луонтэм вал, шедьтэме бере, кызы Россиын финн-угор кылъёсысь берыктйзы. 1928-тй арын Осып Шабдар «Ўдырамаш корно» романэз поттйз пор кылын, 216 бам. Зүч кылэ берыктйзы, нош берыктонэз күзьгес вал, 92 бамлы. Кызы со луэ? Кöня ке ар ортчыса, удмурт чеберлыко литература мыным тунсыко луиз. Трос малпанъёсы «Гаян» нимо роман сярысь вал, но Виктор Шибановлэсь юалляськи. Нош со валэктйз: удмурт чеберлыко литература озьы берыктэмын, зүч берыктонъёс оригиналлэсь трослы висъясько. Ваньмыз мукет, со шуиз. Мадемез мукет, персонажъёс мукетэсь, соослэн асьсэлэн аджонзы, кин кулэ, кин улэ...

Малы сыçe «кылдытон» сярысь «берыктон» шуо? Со чылкак нимаз гожтос! Кылыз мукет, лэсьтйсез мукет. Сыçe учыръёсы, мон малпасько, берыктйсь авторез чылкак уг гажа, удмурт литературараез уг гажа. Малы? Кызы сыçe ужез шонере поттоно? Мон малпасько, зүч берыктйсь малпа, со уж тырмыт умой öвöл, зүч кылын сое умойгес гожтыны кулэ. Со малпан çем дыръя зүчъёслэн кылдылэ, дыр.

Кык ар талэсь азыло, мон Анисимов Коляен Ирина Самигулова эшмылэсь кылбур бичетсэ поттон ужез радъямы. Малпамы, удмурт текст борды кылысь кылэ берыктэмез пуктоно. Малы? Тросэз адымиос удмурт кылэз уг валало, соослы но кунгож сьöрысь берыктйсьёслы юрттыны кулэ, тодэтъёс сётыны, мар кылбурчи возматэ, кызы со гожтыса малпаз, кыче кылъёс йыраз лыктйзы. Нош редактор, Сергей Матвеев шуиз: «Малы кылысь кылэ берыктон кулэ? Умойгес луысал зэмос чеберлыко зуч берыктон!»

Мон соглаш öй луы. Котькудйз ас эсэпъёсыз сярись гожъяз. Трос финн-угор кылбуръёс зучъёс понна уг тупало. Соос укыр огшорыесь пото, чеберлыксы туж öжыт. Котькудйзлэн аслаз валанэз чеберлык сярись. Кык пöртэм валан висъяське. Öдйез понна, огшоры макеос чебересь, калык кылдытос кадъ. Мукетыз понна чеберлыко, литература уж кулэ, но соку гинэ гожтос устолыко лыдъяське.

Мыным, валамон, Ашальчи Окилэн кылбуръёсыз туж кельшо. Соос валамонэсь, огшорыесь, чылкытэсь. Кутсконаз мон удмурт кылын ваньзэ валаны öй быгаты. Берыктонъёсты утчай.

Нырысетй берыктйсь Кузедбай Герд вал. Со, мон малпасько, туж чебер зуче берыктэм. Ваньмыз озьы ик, оригиналын кадъ.

Öйдолэ учкомы Ашальчи Окилэсь гожтэмзэ но пöртэм берыктонъёсты.

Ашальчи Оки

ТОН ЮАД МЫНЭСЬТЫМ

Тон юад мынэсьтым:

– Марлы бен кылбуръёс гожъяськод,
Чик юнме кужымдэ быдтйськод?

Бен юад-а, юад-а, эше,
Бусыысь чуж кисьмам сезьылэсь
Марлы со уй-нунал чаштыртэ,
Уй-нунал ас понназ вераське?

Шур вулэсь нош юад-а, эше,
Марлы со дугдылтэк жальыртэ,
Дугдылтэк ас понназ куаретэ?

Учыед но тулыс садъёсын
Марлы бен жыт-чукен весь чирдэ –
Тон юад-а сое?

1919 ар

Мон ньыль берыктонэз интернетысь шедьтй.
Нырысетйез, одно ик, Гердлэн. Сое чем поттйзы но потто.

ТЫ СПРОСИЛ У МЕНЯ...

Ты спросил у меня:

- Ну, к чему это пишешь стихи,
Тратишь силы, как вол для сохи?..

А спросил ли, спросил ли, мой друг,
У овса, что созрел на полях,
Ночь и день почему он шумит,
Ночь и день сам с собой говорит?

А у речки спросил ли, мой друг,
Почему она вечно журчит,
Не смолкая струится, бежит?

А весною в садах соловей
Почему распевает с ветвей -
Ты об этом спросил ли, мой друг?..

К. Гердлэн берыктонэз

Туж тунсыко, тусызъя, Гердлэн берыктонэз оригинал кадь: куинь-ньыль, куинь-куинь. Мукетъёс мукет амалэн берыкто. Одйгез берыктйсь – кык-ньыль, ньыль-ньыль, куинь вить куинь куинь, нош мукетыз – Герд но Ашальчи кадь.

Огъя учконо ке – огшоры кыл. Паймоно кадь куинетй чурын «как вол для сохи». Оригиналын кылсуредэз (метафораез) чик өвёл. Малы со отын кулэ? Мон малпасько, Герд трос ар чоже Мускоын дышетскиз, кылбур сярись со тодйз, кылсуредъёс кулэ шуыса. Со интые, кытын соос өвёл, ватсаны кулэ. Нош со огназ. Мукет интыосын, Герд туж огшоры берыктйз. Куинетй строфалэн кутсконаз – *Шур вулэсь нош юад-а, эше....* Татын ву берыктэмын өвёл, но пёртэмлыкез бадзым өвёл. Оглом вераса, ритмын пёртэмлыкез ожит. Ритмез – мон малпасько – структураын: ньыль юанъёс, но вазиськон – эше. Берпуметйяз гинэ пичи пёртэмлыкез, Ашальчилэн *эше* кылыз өвёл, нош Гердлэн со кылдэмын.

Табере мукет берыктонэз учком.

ТЫ СПРОСИЛ У МЕНЯ

Ты спросил у меня
Ты спросил у меня, для чего я пою,
Уж не трачу ли попусту силу свою?

А спросил ты, зачем под ветрами
Шелестит золотистый овес,
То согретый дневными лучами,
То продрогший от свежести рос?

А спросил ли ты, друг, у реки,
Почему ей, журчащей, не спится,
И тогда, когда спят тростники
И ночные проносятся птицы?

А спросил ли ты, друг, для чего
Заливается песнею звонкой
Соловей над родимой сторонкой?
Ты спросил у него?

В. Семакинлэн берыктонэз

Татын пöртэмлыкъёсыз тросгес. Учкмы ини, структураез чылкак воштйськемын: отын, кытын оригиналын куинь чур шедьтоно, татын тазы: кутсконаз – кык, нош собере – ньыль.

Нырысетй строфа. Татын пöртэмлыкез бадзым. Кылбурчилэн юанэз мукет. *Марлы кылбуръёс гожъяськод?* – озы юа Ашальчи. Татын берыктйсь юа: *Для чего я пою*. Кырзаны, удмуртъёс понна, со огшоры уж. Нош 1920-тй аръёсы, кылбуръёс гожъяны, со огшоры öй вал. Со шонер юан. Кылбур текст кырзан кадь гожтэмын, зэмзэ вераса, учы чирдэ, со уг кырза, нош Герд *распевать* шуыса берыктйз, нош таиз берыктйсь – *песнею звонкой*. Мон малпасько, татын со нырысетй юан шонер берыктэмын луыны кулэ.

Кыкетй строфа. Татын туж трос ватсамын.

«Под ветрами» таиз öвöл,

«согретый дневными лучами» таиз но öвöл,

«от свежести рос» нош ик öвöл

Куинетйез озы ик:

«Не спится» - öвöл

«И тогда когда спят тростники

И ночные проносятся птицы?»

Та ваньмыз оригиналын чик өвөл. Ашальчи уг угча, уг пукты кылсуредъёсты, соос кулэ но өвөл. Ваньмыз огшоры гинэ но юн амалэн верамын. Тырмоз. Узыргес дыр луыны кулэ вал со берыктон, нош зэмзэ вераса кылбур озыы лябгес, куанергес луэмын.

Азланъяз озыы ик!

Песнею звонкой, над родимой сторонкой - ваньмыз та – берыктисьлэн малпанэз.

Таиз берыктись номыре но валамтэ. Текст со понна өвөл, со берыктон понна кылдытэмын өвөл.

Куинетйез берыктись мукетъёсыз пöлын.

ТЫ СПРОСИЛ

Ты спросил,
Почему я слагаю стихи,
Трачу время и чувства на пустяки.

А спросил ли, мой друг,
А спросил ли ты сам
У растущего в поле овса,
Почему он всю ночь напролет шелестит,
Почему сам с собой говорит?

А спросил ли,
Спросил у лесного ключа,
Почему он бежит, клопоча?

И весной почему неизменно
Соловьиные слышим колена -
Ты спросил ли?

В. Широковлэн берыктонэз

Кутсконэз куинь чуро, со õжыт ке но тупа. Мош малы – *трачу время и чувство?* Со Ашальчилэн текстаз өвөл.

Малы кыкетй строфаын вить чур? Малы?

Всю ночь – шонер өвөл, *уй-нунал*, кык пол. Мон малпасько, *напролёт* шуэм сое возматэ, нош со удмурт кылъёслэсь лябгес. Со Гердлэн вал.

Лесной ключ – *шур вулэсь* интыын... Нош татын кык пол дугдылытэк, со структуралэн люкетэз, *уй-нунал* кадъ.

Тунсыко, берпуметй строфаяз, Ашальчилэн чебер возматэ-мын *тулыс садъёсын*.

Со сяна вазиськонъёс туж ёжыт шедьтыны луэ, одйг гинэ.

Та одйг пример гинэ вал. Со валэктэ, малы мынам Ирина Самигуловалэн книгаяз зуч чеберлыко берыктонъёсты пуктымэ уг поты вал. Зучъёс мед берыктозы, кызыы соослы шонер но чебер. Нош мар зучъёслы чебер, со удмуртъёслы одно ик чебер өвёл, нош мукетъёслы но озыы ик. Котькин мед берыктоз, кызыы солэн кылаз тупа. Зуч кыл пыр кулэ, нош милям тодэммы потэ, кызыы удмурт кылбурчи, удмурт гуртысь кышномурт малпаз, кыче кылъёсын, кыче кылтусъёсын.

ABOUT THE TRANSLATION OF FICTION FROM THE FINNO-UGRIC LANGUAGES OF RUSSIA

Summary. This article is about how Ashalchi Oka's poem "Ton yuad mynestym" was translated into Russian by different translators, how accurate and successful each of the four translations is.

Keywords: Ashalchi Oka's poem, translation, adequacy and accuracy of translation.

УДК 811.511.131`367(045)

Уткина Александра Филипповна

*Россия, г. Ижевск, Удмуртский институт истории,
языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН*

ВНУТРЕННИЕ СВЯЗИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОЙ ПРИДАТОЧНОЙ ЧАСТЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. К изъяснительным придаточным предложениям относятся такие структурные единицы языка, для главной части которых характерна неполнота, относительная незаконченность предложения, а придаточная часть дополняет, восполняет отсутствующий член главного предложения или раскрывает содержание указательного слова главного предложения. Внутренние связи сложноподчиненного предложения с изъяснительной придаточной частью в удмуртском языке формируются семантическим яд-

ром, представленным изъяснительным словом, выраженным глаголами речи, высказывания, сообщения; глаголами со значением восприятия и мысли, ощущения, чувства; отглагольными именами существительными; причастными формами, устойчивыми фразеологическими единицами.

Ключевые слова: синтаксис удмуртского языка, изъяснительное придаточное, корпус удмуртского языка

В современной удмуртской лингвистике вопросы изучения синтаксиса требуют пристального внимания, поскольку исследования в этой области в последние годы практически не проводятся. Объектом изучения нашей работы являются изъяснительные придаточные предложения, которые являются одним из видов многосоставного сложноподчиненного предложения наряду с определительными, обстоятельственными придаточными предложениями.

К изъяснительным придаточным предложениям относятся такие структурные единицы языка, для главной части которых характерна неполнота, относительная незаконченность предложения, а придаточная часть дополняет, восполняет отсутствующий член главного предложения или раскрывает содержание указательного слова главного предложения. Опираясь на примеры из художественных текстов, размещенных на сайте Национального корпуса удмуртского языка, мы попытались выделить семантические возможности изъяснительных сложноподчиненных предложений.

Традиционно принято считать, что в структуре изъяснительных сложноподчиненных предложений в качестве сказуемого главного предложения чаще всего употребляются [ГСУЯ 1974: 48–49]:

а) глаголы речи, высказывания, сообщения (*вераны* – сказать, говорить; *шуыны* – сказать; *ивортыны* – оповестить, известить; *ялыны* – объявить; *валэктыны* – объяснить; *мадъыны* – рассказать, рассказывать; *вазыны* – обратиться, откликнуться, промолвить; *юаны* – спросить и др.);

б) глаголы со значением восприятия и мысли, ощущения, чувства и внутреннего состояния (*адзыны* – увидеть, видеть; *валаны* – понять, усвоить; *тодыны* – узнать; *тодманы* – узнать; *кылыны* – слышать, услышать; *кылзыны* – слушать; *чакланы* – соблюдать, наблюдать; *эскерыны* – наблюдать, проверить; *малпаны* – думать;

шöдыны – чувствовать, почувствовать; *вöтаны* – видеть сон; *оскыны* – верить, поверить; *сюлмаськыны* – заботиться; *сюлэмшугьяськыны* – беспокоиться; *вожпотыны* – сердиться; *возьманы* и *витьыны* – ждать, ожидать и др.).

Анализ собранного эмпирического материала позволяет утверждать, что указанные выше семантические группы глаголов доминируют в структуре изъяснительных придаточных предложений: *Нош кин шуиз, мыным урод улыны шуыса?* ‘А кто сказал, что мне плохо живется?’ (В. Сергеев); *Котькытын но верало, гождьяло, врачлэн ужез самой дано шуыса...* ‘Везде говорят, пишут, что работа врача самая почётная...’ (Г. Красильников); *Кысэм чильымзэ чакма шуккыса [Акмар] кенжытүз но мадыны кутскиз, кызы вал ужпум* ‘[Акмар] зажег потухшую трубку и начал рассказывать, как было дело’ (М. Петров); *Берло ни Соснов валаз, врач котьмае быг-атйсь öвöl шуыса* ‘Уже потом Соснов понял, что врач не все может сделать’ (Г. Красильников); *Бöрысь нош тодүз, Тоня солы бызем, сюан но ортытйллям уни шуыса* ‘А потом узнал, что Тоня вышла за него замуж, что они уже и свадьбу сыграли’ (С. Самсонов); *Пересь таё ик шöддэ, кызы солэн шер йырсиосыз жутско* ‘Старик так и чувствует, как его редкие волосы поднимаются дыбом’ (М. Петров).

Помимо финитных глагольных форм, в главной части сложно-подчиненного предложения также могут употребляться причастия, отглагольные имена существительные, образованные от вышеназванных глаголов, например: *Отын верамын, Павел Иванович Калинов Вормон фондэ сю витьтон сюрс манет коньдон сётүз шуыса* ‘Там сказано, что Павел Иванович Калинов отдал сто пятьдесят тысяч рублей в Фонд Победы’ (Т. Архипов); *Сое быдтозы шуыса, ас понназ малпась но, шара верась но öвöl* ‘Нет ни про себя думающего, ни вслух говорящего, что его убьют’ (П. Чернов).

Отдельно следует подчеркнуть, что в структуре главного предложения также могут употребляться различные устойчивые сочетания и фразеологические обороты: *тодэм потэ* – хочется знать; *юам потэ* – хочется спросить; *оскем потэ* – хочется верить; *тодэ вайыны (лыктыны)* – вспомнить; *кыл сётыны* – дать слово; *возьмаса улыны* – ждать, ожидать; *тодмо уни* – уже известно и др., например: *Мон ялан оскыса, возьмаса улй, тон ачид та вераськон борды кутскод шуыса* ‘Я всегда жила надеждой и ожиданием, что

к такому разговору ты приступишь сам' (Г. Красильников); *Мон котьку ас поннам малпаса улй, Тй, Световидов, кышкась адями шуыса* 'Про себя я всегда думал, что Вы, Световидов, трусливый человек' (Г. Красильников); *Но туж оскем потэ вылэм, адымилэн улонэныз нокин но ноку но уз кивалты ни шуыса* 'Но очень хочется верить, что жизнью человека никто и никогда не будет управлять' (Г. Грязев).

Таким образом, анализ изъяснительных сложноподчиненных предложений удмуртского языка позволяет утверждать, что в предикативной части сложного предложения используются не только глаголы речи и восприятия, но и отглагольные имена существительные, причастные формы, устойчивые сочетания и фразеологические обороты.

Список использованной литературы

Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения. – Ижевск: Удмуртия, 1974. – 168 с.

INTERNAL CONNECTIONS OF COMPLEX SENTENCES WITH EXPLANATORY SUBORDINATE CLAUSE (ON THE MATERIAL OF THE UDMURT LANGUAGE)

Summary. Explanatory subordinate clauses include such structural units of the language, the main part of which is characterized by imperfection, relative incompleteness of the sentence, and the subordinate clause supplements, complements the missing part of the main sentence or reveals the content of the index word of the main sentence. Internal connections of a complex sentence with an explanatory subordinate clause in the Udmurt language are formed with a semantic core, represented with an explanatory word, expressed by verbs of speech, utterance, message; verbs with the meaning of perception and thought, sensation, feeling; verbal nouns; participial forms, stable phraseological units.

Keywords: syntax of the Udmurt language, explanatory clause, corpus of the Udmurt language.

Федосеева Екатерина Леонидовна
*Россия, г. Пермь, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет*

Русинова Ирина Ивановна
*Россия, г. Пермь, Пермский государственный
национальный исследовательский университет*

СИНОНИМИЯ И МНОГОЗНАЧНОСТЬ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ФИТОНИМОВ¹⁴

Аннотация. В статье на примере фитонимов коми-пермяцкого языка описаны явления синонимии и многозначности. Определены причины, приводящие к образованию синонимических групп (наличие заимствований и калек, фонетическое, словообразовательное, лексическое варьирование) и многозначности названий растений (внешнее сходство растений, объединение наивным сознанием разных растений в одной группе, субъективизм составителей словаря).

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, фитоним, синонимия, многозначность.

Видовое разнообразие растений создает огромное поле для исследований фитонимической лексики с разных точек зрения. Лексика растительного мира имеет большую ценность, поскольку относится к наиболее архаичным пластам и отражает жизнь народа – его быт, связь с окружающим миром, жизненный опыт, – поэтому требует полного и разноаспектного исследования.

И. В. Бродский, изучающий финно-угорскую фитонимию, утверждает, что «лучше всего исследована и описана фитонимическая лексика языков, имеющих давние письменные традиции» [Бродский 2006: 3]. Коми-пермяцкий язык относится к младописьменным, и в этом видится одна из причин, по которой коми-пермяцкая фитонимия до сих пор слабо изучена. Попытку научного описания коми-пермяцкой фитонимической лексики предприняла Т. Н. Меркушева, проанализировав названия растений южно-

¹⁴ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ и Правительства Пермского края «Лексическое пространство коми-пермяцкого языка», проект № 20-412-590005

го наречия коми-пермяцкого языка [Меркушева 2003]. Наименования растений северного наречия изучены в меньшей степени, хотя отдельные фитонимы рассмотрены в работах А. С. Лобановой¹⁵ [Лобанова 2008: 49–186; 2017; 2018], Л. Г. Пономаревой [Пономарева 2016], Е. Н. Федосеевой [Федосеева 2015: 124–156].

Исследовательская группа под руководством Ю. А. Шкураток на протяжении ряда последних лет занималась сбором и изучением лексики разных тематических групп коми-пермяцкого языка, в том числе фитонимов. В 2021 году вышли «Материалы для словаря коми-пермяцких названий растений» [Материал 2021], сведения для которых были собраны из различных опубликованных источников, а также в ходе полевой работы в населенных пунктах Коми-Пермяцкого округа. Способы отбора, группировки и лексикографического представления коми-пермяцких фитонимов ранее были описаны в статье Е. Л. Федосеевой и И. И. Русиновой [Русинова, Федосеева 2019: 134–142]. Материалами настоящего исследования стали данные этого словаря.

В ходе структурного и семантического анализа коми-пермяцкой лексики флоры было выявлено, что часто встречается два или более названий одного и того же растения, такие названия образуют синонимические ряды разной наполненности. Источниками образования таких синонимических рядов фитонимов являются как исконные, так и иноязычные по происхождению лексемы.

Мы опишем в статье несколько причин, приводящих к образованию таких синонимических групп.

1. Заимствования и кальки.

Тесный контакт коми-пермяков с русскоязычным населением Коми-Пермяцкого округа и Пермского края обусловил частое появление параллельных рядов названий одного и того же растения. Например, исконной лексеме *сус* «кедр» соответствует лексема *кедр*, заимствованная из русского языка в этом же значении. Приведем другие примеры: коми-пермяцкому *ниа* соответствует заимствованное из рус. диалектов *листвен* в зн. «лиственница»; коми-пермяцкому *льбмпу* – заимствованное из рус. диалектов *черёмка* в зн. «черёмуха»; коми-пермяцкому литературному *ловпу* – заимствованное из рус. диалектов *олька* в зн. «ольха»; коми-пермяц-

¹⁵ Авторы выражают глубокую признательность Алевтине Степановне Лобановой за помощь в интерпретации коми-пермяцкого лексического материала.

кому *нямыр* – заимствованное из рус. диалектов *костьяница* в зн. «костьяника»; коми-пермяцкому *сизьюр* – заимствованное из рус. языка *клевер*; коми-пермяцкому *шырпыж* – заимствованное из рус. языка *подорожник*; коми-пермяцкому *лягушапаскӧм* – заимствованное из рус. языка *калужница*; коми-пермяцкому *йӧн* – заимствованное из рус. языка *осот* и др.

Следствием этой же причины является калькирование заимствованных из русского языка лексем: *канькок* – русское «кошачья лапка», где *кань* – «кошка», *кок* – «нога»; *видзгерань* – русское «герань луговая», где *видз* – «луг», *герань* – «герань»; *вӧртаг* – русское «хмель лесной», где *вӧр* – «лес», *таг* – «хмель» и др.

2. Словообразовательное варьирование.

На образование синонимических рядов также влияет суффиксальная вариация одного и того же наименования растения: ельник обозначают фитонимы *кӧза* и *кӧзъя*, молодой ельник называется *понуль*, *понулля*, *понулляин*, *понульник*; вьюнок полевой – *каттисянтурун*, *каттьӧтурун*.

3. Лексическое варьирование.

Представители разных территорий Коми-Пермяцкого округа могут по-разному называть одно и то же растение. Так, например, носители северного наречия хвощ полевой назовут *кӧктоин*, а представители южных районов округа – *пистик*; ягоды шиповника на юге края называют *жельнӧг*, на севере – *няп*, или чернику соответственно *сӧдъягӧд* и *чӧд*.

Довольно часто лексическое варьирование объясняется тем, что синонимичные фитонимы образуются на основе разных мотивационных признаков. Человек называет растение по тому признаку, который он считает наиболее характерным. Но, во-первых, таких признаков у одного растения может быть несколько, а, во-вторых, даже один признак может преломляться в языке по-разному. Именно в силу этого одно и то же растение может иметь несколько названий. К примеру, ромашку коми-пермяки называют *катшасин* (досл. «сорочий глаз»), *чочкомцветки* (досл. «белые цветы»). В основе этих номинаций лежат разные мотивационные признаки: соответственно круглая форма цветка (или его сердцевины) и окраска лепестков. Щавель конский называется *барансюрлис* (досл. «лист, похожий на бараний рог»), *вӧвбӧж* (досл. «конский хвост»), *бикыв* (досл. «огненный язык»). Первые две номинации возникли в результате сравнения разных частей растения с частями

тела разных животных, третья лексема имеет в основе номинации два мотивационных признака – цвет созревших плодов растения (огненный) и форму соцветия (язык). Полынь имеет наименования *урбӧж* (досл. «белчий хвост»), *вӧвбӧж* (досл. «конный хвост»), которые возникают в результате сравнения растения с хвостом животного, но в этих сложных фитонимах участвуют разные зоонимы.

Приведем примеры синонимических рядов с наибольшим количеством единиц.

Например, для наименования растения *снить* в коми-пермяцком языке, по данным «Материалов для словаря коми-пермяцких названий растений», используется 15 единиц: *боршпикан, бурпикан, вӧрпикан, гӧнапикан, кӧчадз, кӧчазь, кӧчпикан, мортпикан, пикан, пистик, сераадз, сераазь, серапикан, съӧдпистик*. Из всех представленных единиц только 3 образованы от русских корней: *борш* и *боршпикан* от русск. *борщ* ‘борщевик’ и *пистик* от русск. *пестик* ‘хвощ полевой’. В исконных названиях отражаются разные характеристики растения: внешние признаки, например особенности листьев, которые у *снйти* являются остропильчатыми по краям (*гӧнапикан*, где *гӧна* – «ворсистый, шерстистый», *сераадз / сераазь*, где *сера* – «узорчатый»), место произрастания (*вӧрпикан*, где *вӧр* – «лес»), оценка (*бур пикан*, где *бур* – «хороший»), съедобность или несъедобность растения (съедобность подчеркивается с помощью слова *морт* «человек» в составе названия *мортпикан*, несъедобность – с помощью слов, называющих лесных животных: *кӧчадз/кӧчазь, кӧчпикан*, где *кӧч* – «заяц»).

В качестве еще одного примера можно привести названия *осо́та полевого*: *вежйӧн, желляйӧн, йӧвайӧн, йӧвтурун, йӧлтурун, йӧлтурун, йӧлатшак, йӧлашась, йӧлйӧн, йӧлтурун, йӧн, йӧнтурун, льӧн, молочник, осот, ошлӧн*. Они содержат как исконные (*веж* – «желтый», *йӧн* – «осот», *желля* – «колючий», *йӧва/йӧла* – «молочный», *йӧв/йӧл* – «молоко», *тшак* – «гриб», *шась* – «прут», *турун* – «трава», *ош* – «медведь»), так и заимствованные из русского языка лексемы (*лӧн, осот*). Компоненты составных фитонимов дают представление о внешних признаках растения (*веж* «желтый» указывает на окраску соцветий, *шась* «прут» описывает стебель), о его других характеристиках (*йӧва/йӧла, йӧв/йӧл* «молочный» говорит о содержащемся в нем млечном соке). Некоторые компоненты указывают на неосвоенность растения человеком, на его произрастание в дикой природе (*ошлӧн* досл. «медвежий лен»). Как правило, участие в составе номи-

наций растений зоонимов, обозначающих лесных животных, особенно хищных, говорит о «дикости» или несъедобности растения.

Наш материал показывает, что в коми-пермяцкой фитонимии существует и явление, противоположное описанному выше: с помощью одной лексической единицы могут называться разные растения. То есть речь идет о многозначности фитонимов.

Чаще всего это происходит из-за внешнего сходства обычно родственных, но разных растений. К примеру, фитоним *сьолаягӧд* используется для называния разных ягод: 1) по данным «Коми-пермяцкого орфографического словаря», это поленика, княженика [КПОС 1992: 252]. 2) По мнению А. С. Лобановой, *сьолаягӧд* – это морошка. 3) Жители Гайнского района на вопрос, какую ягоду называют словом *сьолаягӧд*, неуверенно отвечают, что оно, возможно, называет костянику (*Сьолаягӧд. А вот этӧ костяникасӧ, натътӧ, сӧдз шуисӧ. «Сьолаягӧд». А вот костянику, наверное, так и называли* (Гайны)) или ежевику (*Эм лӧз, шушь сьӧлаягӧд. Поди, сӧйӧ и шуисӧ ежевиканас. Есть синяя, называется «сьолаягӧд». Может, её и называют ежевикой* (Гайны)) [Материалы 2021: 96]. В таком разбросе интерпретаций есть своя логика. Все названные ягоды имеют внешнее сходство: это сочная многокостянка красного или оранжевого цвета. Еще один пример: лексемой *туричерпу* в южных районах называют калину, в северных – бузину. И здесь причина многозначности кроется в сходстве растений и их плодов.

Кроме того, немаловажно, что наивная классификация растений не совпадает с научной. Носителям коми-пермяцкого языка не важно, к тому или иному ботаническому роду или виду относится растение, важно, как оно выглядит и используется. Еще и поэтому, например, фитоним *понуль*, по данным «Коми-пермяцко-русского словаря», может обозначать и молодую елку, и пихту [КПРС: 357].

Поскольку при полевом сборе материала не исключается субъективная составляющая анализа, постольку исследователи, опираясь на описание информантов, могут по-разному толковать одно и то же название растения. Так, в работе Т. Н. Меркушевой *вудыктурун* определяется как багульник болотный [Меркушева 2003: 96], а в «Коми-пермяцко-русском словаре» он толкуется как клоповник [КПРС: 230]. Фитонимом *зынагум* в «Коми-пермяцко-русском словаре» обозначает болиголов пятнистый [КПРС: 151], а в «Коми-пермяцком орфографическом словаре» – дурман обыкновенный [КПОС 1992: 249]. Фитоним *кульпалка* Т. Н. Меркушева определяет

как рогоз [Меркушева 2003: 169], а в «Коми-пермяцком орфографическом словаре» это камыш [КПОС 1992: 250].

Таким образом, синонимия фитонимов – неотъемлемая характеристика лексики народного языка. На примере коми-пермяцких названий растений можно увидеть, что она возникает, в первую очередь, благодаря наличию в языке диалектных вариантов и заимствований из русского языка. Существование многозначности фитонимов связано, прежде всего, с объективными характеристиками реалий – с внешним сходством многих растений и отсутствием в наивном сознании представления об их родовидовой принадлежности.

Список использованной литературы

Бродский, И. В. Названия растений в финно-угорских языках: На материале прибалтийско-финских и коми языков: дис. канд. филол. наук. – СПб, 2006. – 311 с.

Гребнева, А. М. Мордовские фитонимы в системе семантического поля / А. М. Гребнева // Интеграция образования. – 2015. – т. 19, № 4. – С. 100–106.

КПОС – Коми-пермяцкой орфографической словарь. Издание второе / авторы-сост.: Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. – Кудымкар, 1992. – 279 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / авторы-сост.: Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. – М.: Рус. яз., 1985. – 620 с.

Лобанова, А. С. Коми-пермяцкий этнолингвистический сборник: материалы и исследования / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь: Изд-во «ОТ» и «ДО», 2008. – 188 с.

Лобанова, А. С. О культурной коннотации коми-пермяцких фитонимов пикан «снить», пистик «хвощ полевой», горадзуль «купальница» // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы V Всерос. науч. конф. (г. Пермь, 10 апреля 2017 г.) / отв. ред. И. И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2017. – С. 240–249.

Лобанова, А. С. Этноконнотированная лексика коми-пермяцкого языка (на материале наименований флоры) // Языковые контакты народов Поволжья и Урала. Сборник статей XI Международного симпозиума. Отв. ред. А. М. Иванова, Э. В. Фомин. – Чебоксары, 2018. – С. 124–127.

Материалы 2021 – Материалы для словаря коми-пермяцких названий растений [Электронный ресурс]: монография / авт.-сост.: Е. Л. Федосеева, И. И. Русинова, А. С. Лобанова, Ю. А. Шкураток, А. В. Кротова-Гарина; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2021. – 1 Мб; 116 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Materialy-dlya-slovaryakomi-permyackih-nazvanij-rastenij.pdf>. – Заглавие с экрана.

Меркушева, Т. Н. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка: дис. канд. филол. наук. – Сыктывкар, 2003. – 230 с.

Пономарева, Л. Г. Речь северных коми-пермяков: Монография. – Москва: Языки Народов Мира, 2016. – 514 с.

Рубцова, О. Г. Из истории изучения фитонимов в финно-угорском языкознании / О. Г. Рубцова // Вестник Марийского государственного университета. 2013. – № 12. – С. 79–83

Русинова, И. И., Федосеева, Е. Л. Коми-пермяцко-русский словарь названий растений // Филология в XXI веке. Вып. 1 (3). 2019. – С. 134–142.

Федосеева, Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. – Сыктывкар, 2015. – 196 с.

SYNONYMY AND POLYSEMY OF KOMI-PERMIAN PHYTONYMS

Summary. The article describes the phenomena of synonymy and polysemy, based on the example of phytonyms of the Komi-Permian language. The reasons leading to the formation of synonymous groups (the presence of borrowings and cripples, phonetic, word-forming, lexical variation) and the polysemy of plant names (the external similarity of plants, the association of different plants in one group by naive consciousness, the subjectivism of the dictionary compilers) are determined.

Keywords: Komi-Permian language, phytonym, synonymy, polysemy.

УДК 82.511.131-3:641.59(=511.131)(045)

Федорова Любовь Петровна

Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

ОБРАЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУХНИ В УДМУРТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Аннотация. В статье рассматривается гастрономическая тема в произведениях классиков удмуртской литературы XX столетия – Г. Медведева, Г. Красильникова, Р. Валишина, В. Ар-Серги. Анализируется роль кулинарно-пищевого кода в структуре текста удмуртских прозаиков, его культурологическое и характерологическое значение в художественной картине мира писателей.

Ключевые слова: удмуртская проза, гастрономические образы, удмуртская кухня, символика еды, характер, кулинарный код, культура, язык.

Гастрономия сегодня пронизывает все стороны жизни общества: кулинарный туризм, фестивали еды, телепередачи, посвященные тонкостям приготовления еды разных народов и стран. В Удмуртии в последние годы организуются «Всемирный день пельменя», фестиваль финно-угорской кухни «Быг-быг», республиканский гастрономический фестиваль «Pest-Fest» и другие кулинарные праздники.

К сожалению, гастрономическая тема остается малоизученной в художественной картине мира удмуртских писателей. В литературных произведениях образ еды, казалось бы, неизменно исполняет роль далеко не первого плана, оставляя за собой «аксессуарное» предназначение. Однако кулинарная тема заслуживает того, чтобы исследовать ее не только в контексте «эстетизации базовых потребностей», но и как красноречивый инструмент для создания характера героя, обогащения сюжета и хронотопа произведения. В связи с этим актуальным представляется исследование литературных текстов с позиций гастрономической культуры и традиций удмуртской кухни: выявление состава и роли блюд, их символики в структуре произведений, культуры принятия пищи, гостевой этикет и меню героев, трансформация традиционной кухни в художественном мире, связанная с концепцией автора. В последние годы кулинарно-пищевой код активно изучается и в русской литературе [Бельская 2011], труды названных литературоведов легли в основу исследования произведений классиков удмуртской литературы Г. Медведева, Г. Красильникова, Р. Валишина, В. Ар-Серги.

Знаковое произведение Григория Медведева (1904–1938) – трилогия «Лёзя бесмен» («Лозинское поле»), части которого опубликованы в 1932, 1934, 1959 годах, отражает события коллективизации в удмуртской деревне. Писатель создал первый социально-психологический роман-трилогию о сложном и драматическом периоде жизни удмуртской деревни в годы ломки патриархальных социально-бытовых, традиционных культурных, экономических и мировоззренческих устоев земледельца. Для раскрытия сложной, противоречивой природы героев, неоднозначности их отношения к колхозному движению писатель воссоздает быт удмуртской деревни 30-х годов. В создании атмосферы той поры, в обрисовке быта героев немаловажное значение в романе имеют сцены приема пищи, меню героев, гастрономические образы. Состав блюд литературных героев Г. Медведева скуден, не отличаются разнообра-

зием способы приготовления и обработки продуктов. Герои часто перекусывают на бегу, автор не изображает семейных трапез. В романе нашли отражение существующие социальные различия в отношении к еде и процессу ее употребления. Для крестьянина в будни главное содержание его жизни – это поле, огород, хозяйство. Он ест, чтобы работать. Еда у него промежуточная, между работой, герои романа перекусывают на ходу. Только в третьей части трилогии описана сцена обеда главного героя романа Запыка Бутарова, организатора колхоза в деревне Лада, в гостях у секретаря райкома Долых– наставника и помощника председателя. Два руководителя с большим аппетитом уплетают пельмени из свежей баранины. Они на равных, доверительно относятся друг другу. Но, даже во время обеда, как и в других сценах романа, председатель всегда мыслями в производственных делах: «Си ойдо, сиы пöсь дыръяз. Така сйлен со. Толон гинэ вандытй. Ну бен, кой... Пельмень сьöры пельмень жутъя Бутаров. Таçe пöсь, ческыт пельменез кема- лась веръямез öй вал ни. Сергей ачиз но бере уг кылы. Ымпуш кузэ çушкаса-çушкаса ньылылэ. – Кötтыриз, син нош уг тыры, – Бутаров берпумзэ шуыса басьтэ но, кыыз нош тарелкае кыстйське. <...> Бутаров мырдэм султыны вормиз. Тыр сиськем безаз солэн синъёсыз ас даураз кыниськыны кутскизы. <...> – Уг ни али, – ум потэмзэ, жадемзэ улля Бутаров. – Ужез быдтоно. Чырткем ул ни, иське. Пельменед туж ческыт. – Кылдэм бере, улом ини. Чабей нянь сиыса улом...» (Медведев 2006, с. 663–664). ("Ешь, пока горячие. Из баранины стряпали. Вчера попросил заколоть. Ну и жирный, черт. Бутаров глотает пельмени. Таких вкусных, кажется, давно уже не ел. И Сергей тоже не отстаёт. Обжигается ест. Наелся, а глаза голодны, Бутаров думает, что берет последний, а рука снова тянется к тарелке. <... > – Ну, спасибо, дед. Пельмени очень вкусные. Живите хорошо, – Бутаров встаёт из-за стола.

– Да уж постараямся. Уважил меня, век не забуду!.. ") (Медведев 1973, с. 596].

В трилогии ключевое место занимает образ хлеба. Автор во многих эпизодах описывает процесс его выращивания и выпечки, наличие хлеба на столе. Для повествователя и героев важным маркером является сорт хлеба на столе: из лебеды, ржаной или пшеничный, являющийся своеобразным символом перехода из старой в новую колхозную жизнь. В меню героев основные блюда – хлеб и чай. Следует отметить частотность сцен приготовления чая, при-

глашения к чаю, сцены чаепития. В тексте трилогии этот напиток встречается тридцать два раза, являющийся, на наш взгляд, отражением национального колорита кухни удмуртской диаспоры Татарстана.

Символика еды в романе подчинена основной задаче повествования о коллективизации: продемонстрировать движение к светлой колхозной жизни. В первых двух книгах трилогии взгляд повествователя фиксирует в большей части хлебные крошки на столе с кишасцами в них тараканами или комеч (корж) из лебеды. В третьей книге коллективный труд на колхозных полях даёт свои плоды: «Запык, скамья вылэ султуса, кияз бискыли нянь жу́тэм бере, куашетон нырысь шыпыртонлы лаптыськиз, собере кысйз. <...> – Тани тыршыса ужаммы асьмелы та́че бискыли се́йиз! – Жа́пык бус-бус то́ды чабей няньзэ сэзъя. – Пиньтэк куртчиськоз, сыскытэк ньылъськоз.» (Медведев 2006, с. 439) ("Бутаров поднялся из-за стола со скамейки и сразу стих весёлый говор. В руках он держал каравай. Новый чёрный пиджак Яши распахнут. Белая саатиновая рубашка поблескивает на электрическом свете.

– Вот плоды нашего труда! – поднял белый каравай над головой, засмеялся счастливо, задорно. – Хлебушко наш, колхозный. Во рту тает.") (Медведев 1973, с. 428).

В богатом языковом арсенале писателя особое место занимает кулинарная лексика как средство художественной выразительности. В романе названия еды, продуктов чаще всего можно найти во фразеологических оборотах, сравнительных конструкциях и других тропах, что является немаловажной характеристикой языковой личности героев, отражающих в том числе картину мира крестьянина, его отношение к происходящим событиям.

В 60-е годы XX в. традиции эпического повествования в удмуртской литературе продолжил выпускник Литературного института им. Горького Геннадий Красильников (1928–1975), признанный мастер психологической прозы. Для него важна психология и философия рядового, «маленького» человека, труженика села советской колхозной деревни в повседневности.

При внимательном чтении текстов писателя можно заметить, что автор при создании характеров героев мастерски использует гастрономические мотивы: культуру принятия пищи, состав и наименования блюд. В результате комплексного анализа его прозы нами выявлена символика еды и пищевое поведение героев

в художественном мире писателя. На наш взгляд, диалогия «Вуж юрт» («Старый дом», 1956; 1962) – самое кулинарное произведение прозаика. При внимательном чтении романа замечаем, что автор чаще изображает героев за трапезой. За семейными обедами и ужинами Кабышевы практически всегда молчат и едят не спеша: каждый молчит о своём. Никто из членов семьи не желает делиться с другими своими мыслями, переживаниями. Позволим одну лишь цитату, характеризующую правила поведения героев за столом, их манеру еды, патриархальные устои семьи, состав блюд ужина: «Озы вераськыса, дыртытэк гинэ сисько. Зоя жёк вылэ нырысь шыд вае, сое жузьыло. Макар тусьтые пуньызэ лэзе, со бере – Зоя, анаез бере – Олексан. <...> Шыдэн тусьты бушам бере, Макар сйлен тэркыез аяз каре но юдэсэн-юдэсэн люкылыны кутске. Зоя-ен Олексан возьмаса пуко. Макарлэсь азьло нокин сйль борды уг йётскылы. Атайзы кёй така сйлез кесяса вояськем киоссэ нюлэ, йырси бордаз чуше но тэркыез жёк шоры пунктэ. Сйль куинь люкен тыремын, самой пичиез – Олексанлы. Нош ик дыртытэк сисько, чапкетэм куаразы гинэ кылйське. Олексан ас люкетсэ ваньзылэсь азьло быдтэ но жёк сьорысь потэ. Собере Зоя султэ но тусьтыпуньы миськыны кутске. Нош Макар жёк сьорын кема пуке на: яратэ со йырйиськыны, лы сюриз ке, час но пукоз. Азьпиньёсыз өвөлэн лызэ олокызы но пыргытыны выре. Лы пушкысь вимзэ поттыны уг ке быгаты, молот кутыса, сузмытэ». (Красильников 1978, с. 17). (Вначале Зоя на стол ставит чашку с супом. Зачерпывает Макар, за ним – Зоя, за матерью – Олексан. <...> С супом закончено. Макар придвигает к себе тарелку с мясом и начинает делить его на куски. Зоя и Олексан молча ждут. Макар вытирает пальцы о волосы, слизывает с ножа жирные капли и ставит тарелку с бараниной на середину стола. Снова неторопливо едят, молча, сосредоточено. Первая встает из-за стола Зоя и начинает мыть посуду. А Макар ещё долго сидит, любит высасывать из костей мозги, может посидеть и час, и два. Зубов не хватает разгрызть кость, долго возится с ней, обгладывает. А то берет молоток и дробит её, достаёт мозг». (Красильников 1988, с. 23). В диалогии через сцены трапезы автор демонстрирует две модели поведения героев, с одной стороны, Макара Кабышева, экономного, хозяйственного, доходящего до жадности, напоминающего гоголевских героев, с другой – водителя председателя колхоза Чупыргы Васи, балагура, ве-

сельчака, готового полакомиться за чужой счет, живущего одним днем.

В дилогии «Олексан Кабышев» (повесть «Старый дом» и роман «Пустоцвет») можно отметить гастрономические пристрастия персонажей, включающие блюда удмуртской кухни и кухни других народов: виртырем (кровяная колбаса), перепечи, кеньырен шыд (суп с крупой), йёл (молоко), йёлпыд (простокваша), курегпуз (яйцо), бишбармак, шаньги (шанежки), котлеты, араки (кумышка), огреч (огурец), шуккем вёй (сливочное масло), чечы (мёд), сйль (мясо), нянь (хлеб), чай и другие.

Таким образом, из художественного текста Г. Красильникова можно извлечь большой пласт информации как о продуктах, традиционно используемых в удмуртской кухне, так и о культуре, обрядовой стороне жизни удмуртов, связанной с принятием пищи. Наблюдение за кулинарным миром литературного произведения помогает гораздо лучше разобраться в психологическом типе персонажей. Детали национальной кухни несут характерологическую нагрузку, раскрывающую истинную сущность героев.

Роман Валишин (1937–1979), уроженец башкирской земли, в произведениях актуализировал языческие обряды удмуртов, символику обрядовой еды. Так, в повести «Тёл гурезь» (1978) ключевые эпизоды связаны с обрядами моления, гадания, проводов в армию, похорон, поэтому читатель получает информацию и об обрядовой еде. В тяжелые военные годы народ вновь обращается к своим верованиям. Эпизоды, связанные с принятием пищи в повести, можно подразделить на несколько групп: а) обрядовая еда; б) бытовое, семейное принятие пищи; в) блюда, связанные народной медициной; г) военная кухня. Роман Валишин мастерски использует народные традиции для развития сюжетных линий повести, раскрытия конфликта «отцов и детей» в суровое военное время.

Одним из центральных эпизодов является сцена моления на горе Тёлгурезь, в которой автор описывает приготовление ритуальной каши и подготовку к ее освещению. Все население деревни Тузьмо собралось на моление, чтобы задобрить богов на весенние дожди: без влаги высыхают посевы. В приготовлении каши на молениях основная роль отводится мужскому полу. Автор повести, как и полагается по правилам ритуала, этот процесс доверяет жрецу Онিকেю Камаеву, исполняющего и должность старосты (тёро) деревни Тузьмо. Женщины помогают ему, участвуют в сборе про-

дуктов и раздаче каши. Но бригадиру Косте, сыну главного жреца, важнее завершить в срок полевые работы, которые затянулись из-за дефицита рабочих рук в колхозе. Противостояние сына и отца, бригадира Кости и жреца Оникея, после событий на горе Тёлгурезь обострились. Они не смогли простить друг друга. «Номыр вазылытэк, Костя мынйз пурты доры. Нокин номыр малпаса но өз вутты на – жүкен пурты кымалскиз ини. Арысь артэ пуктэмын вал кык бадзымесь тазъёс. Отын сйль моклокъес, пичиен-пичиен юдыса дасям быгытъёс. Соос но, «оп» шуытозь, турын вылэ пазыгискизы. Вань калык интыяз ик пумиз. <...> Калык чашетыны кутскиз. Пыдес вылысытызы султйзы ни. Ваньмызлэсь азьвыл жутскизы пиналъес, куд-огез соос тйни сйль юдэсьесты бича ини» (Валишин, 2004, с. 49). (– Отец, что ты делаешь! – осаживая Дэмдора, спросил Костя. – Время-то какое, а ты... – он соскочил с седла и, ведя жеребца под уздцы, устремился сквозь ряды коленапреклонных стариков к котлу, где варилась баранина. Приходилось удивляться, как только жеребец ни на кого не наступил и некого не лягнул. Костя добрался до костра и с ходу ногой опрокинул котел. Бульон разлился, мясо вывалилось на огонь, костер зашипел, запахло жиром. Ребята, не понимая, что происходит, бросились к дымящему костру и стали вытаскивать прутиками из огня куски мяса, выпачканные в золе.) (Валишин 1979, с. 51).

Конфликт отца и сына после опрокидывания котла с обрядовой кашей, возникший ранее после вмешательства Оникея в отношения Кости с любимой Юсей, зашел в тупик. Вскоре Костя уехал на фронт, отцу с сыном не суждено было увидеться. После получения похоронки сына Оникей все свои сбережения отдает на покупку танка для фронта. В конце войны он умирает от травмы, полученной от избиения его Пилыпом, организатором убийства мельника Павола, случайным соучастником которого оказался в годы продразверстки и деревенский староста.

Заслуга Р. Валишина в том, что драматические события жизни удмуртской деревни первой половины XX столетия он показал через историю одной семьи, органично вписав ее в летопись истории народа и построив сюжет произведения на календарно-семейных обрядах удмуртов, в том числе и на символике обрядовой еды. Трудности военного времени автор смог передать и в скудном меню героев. В тексте лидирующее положение занимает состав блюд: что едят герои, где и при каких обстоятельствах. Хлеб (нянь), суп

(шyd) и каша (жук) – являются главными блюдами в повести «Тол гурезь».

Вячеслав Ар-Серги (1962) продолжил традиции своих предшественников, рано ушедших из жизни, обогатил удмуртскую прозу рубежа столетий новыми жанрами. Его герои живут в новое время, в новых условиях. Создавая образы людей и атмосферу эпохи перестройки, автор значимое место отводит гастрономической культуре героев. Литературная кухня писателя в романе «Уй вадьсын – бубылиос» («Бабочки в ночи», 1999) преимущественно водочно-коньячно-закусочная. Частотностью отличаются сцены выпивки, что обусловлено, прежде всего, временем и событиями, изображенными в романе. Алкогольные напитки, особенно манера питья и застолья, поведение героев и состав крепких напитков являются маркерами времени.

В романе «Уй вадьсын – бубылиос», в произведении с элементами мистики, детектива, фантастики и реализма – автор изображает непростые девяностые годы с их суровыми реалиями, включением в сюжет исторических фактов и потусторонних магических сил. Сюжет связан с разгадкой тайны «визьнодо боды» (посоха знаний) – главного атрибута, загадочного символа власти Быдзым Торо (Главный Торо) древних арских удмуртов. По сюжету книги после смерти предыдущего «торо» (властителя) бразды правления передаются его наследнику – внуку Аруду. Но «торо», по совместительству «восьясь» (верховный жрец), не успевает обучить, подготовить своего преемника. Никто не знает местонахождения посоха и секреты «службы» его магической силы. В поиск этого предмета вовлечены в той или степени все герои романа «Уй вадьсын – бубылиос».

Зачин произведения – странный ночной звонок главному герою романа Аруду от неизвестного Аргуса, требующего письмо дедушки, умершего полгода назад. Аркадий, он же Аруд, до этого дня рядовой инженер, обычный человек со своими насущными проблемами, ничего не знающий о своем необычном наследстве. Он в неведении о своем даре, однако недоброжелатель ему не верит. В качестве предупреждения на глазах Аруда из грузовика выбрасывают труп Агафьи Перевощиковой, жены его дедушки.

Время написания новаторского удмуртского романа, имеющего типологически сходные черты с произведением М. Булгакова «Мастер и Маргарита», продиктовано событиями 90-х годов XX ве-

ка. Автор размышляет о судьбе своего народа после распада СССР в суровое перестроечное время: какое историческое будущее ждет малые народы России, в чьих руках будет посох власти. Не перейдет ли посох в руки кровожадной мафии?

Для раскрытия идейно-художественного смысла произведения автор умело переплетает в тексте ритуальные, магические представления удмуртов с их символикой еды в обрядах с бытовыми реалиями героев 90-х. Герой романа по прозвищу Доктор, местный криминальный авторитет, в диалоге с Кастетом подмечает важность высокого качества употребляемого им продукта, в том числе спиртного, тем самым подчеркивая свой высокий статус. Права М. О. Захарченко [Захарченко 2021: 1], замечая, что, блюда на столе в качестве художественной детали могут указывать на совершенно определенную календарную дату в череде праздничных дней, на социальное и материальное положение героев, на их национальность и происхождение, на характер застолья, могут отчасти объяснить дальнейшее развитие сюжета.

Нельзя не отметить тот факт, что автор дифференцирует своих героев в романе по социальному статусу, в первую очередь по «размеру кошелька». Каждый из них наделен своими гастрономическими предпочтениями. В романе есть продукты питания, отражающие символический смысл и характеризующий социальный статус персонажей. Как верно подмечают М. В. Капкан и Л. С. Лихачева: «Имущественное и следующее за ним социальное расслоение общества приводит к различиям в системе питания. Возникает представление о престижных продуктах, которые предназначаются в пищу» [Капкан, Лихачева 2021: 40]. Объект еды как символ, выделенный контекстом, обладает «двойным дном» и позволяет толковать себя с разных точек зрения. Такой символикой обладает, например, в романе Ар-Серги выражение «минтай сиись» (употребляющий минтай): «Табере но, азьвыл статусэя но – минтай сиись куанер инженер. Куд-огез эшгъёс «Мерседесъёсын» ворттыло, куд-огез юэ, мукетъёсыз кунгож съёрын, ньылетйез дунне шоры кечато тюрма укноосысь учко, нош кудзэ вашкалаос доры келяй ни» (Ар-Серги 2000, с. 199). («И сейчас, и ранее по статусу – бедный инженер, потребляющий минтай. Одни друзья разъезжают на «Мерседесах», кто-то пьёт, другие за границей, четвёртые смотрят на мир сквозь железные окна тюрьмы, а некоторых проводил уже на тот свет» (перевод автора статьи – Л.Ф.). «Минтай сиись» – бук-

важно, «кушающий, употребляющий минтай» символизирует материальное положение человека, характеризует его скромный достаток. Самомнение другого героя романа также выражается через эту фразу: «Оло нош, аслым кельтыса эксэй кариськоно? Ма, али но огшоры минтай сиись өвёл, озьы ке но... Хм... Аргус өз алда» (Ар-Серги 2000, с. 226). («Может быть, оставить и самому стать властителем? Ну хотя, и сейчас я не питаюсь минтаем, но всё же... Хм... Аргус не обманул» (перевод автора статьи – Л. Ф.). Исследователи М. В. Капкан и Л. С. Лихачева отмечают, что «гастрономическая культура тесно связана с практиками престижного потребления» [Капкан, Лихачева 2021: 39]. Во всех культурах так или иначе «стремление принадлежать к «высшему» слою и сохранять такое положение оказывает не менее принудительное воздействие на индивида и не в меньшей степени моделирует его поведение, чем стремление находить средства к существованию, проистекающие из простейшей жизненной необходимости» [Элиас 2001: 271]. Ар-Серги характеризует материальный достаток своих героев, которые, кроме таких относительно дешёвых продуктов питания, как минтай, большего не могут себе позволить. Нельзя не отметить, что выражение «минтай сиись» является маркером, определяющим финансовое положение и социальный статус героя. Из первого примера читатель узнает размер доходов Аруда и его самооценку. Вторая цитата, звучащая из уст Доктора, который не причисляет себя к «минтай сиись», подчёркивает его более высокий статус.

В финале романа важное место занимает мифоритуально-поэтическая форма вербальной магии удмуртов – заклинание. В заключительной сцене романа есть эпизод – произношение магического заклинания на горе Байгурезь в полночь. Атрибутом «задабривания» высших сил здесь выступает кусок хлеба (нянь) – как символ богатства, благополучия, жертвенности, здоровья, силы и мудрости: «Табере гурезь шоры нянь юдэс кушты но шу: «Тани мон! Уть монэ!» Машина бардачокысь нянь шорем шедьтыса, мон озьы ик кари» (Ар-Серги 2000, с. 244). («Теперь в сторону горы кидай кусок хлеба и произнеси: «Вот я! Береги меня!» Найдя в бардачке машины кусок хлеба, я так и сделал» (перевод автора статьи – Л. Ф.).

Подводя итоги исследования литературной кухни удмуртских классиков Г. Медведева, Г. Красильникова, Р. Валишина, В. Ар-Серги можем заметить, что меню литературных героев в первую

очередь является отражением эпохи, изображенной в произведении. Во всех текстах гастрономическая культура несет значимую характерологическую и идейно-художественную нагрузку. Так, в трилогии Г. Медведева состав блюд, динамика образов еды от хлебных крошек на столе до свежеиспеченного пышного пшеничного каравая в руках председателя Запыка Бутарова подчинены основной идее романа о коллективизации: движению к светлому будущему, торжеству коллективного труда, жизни в достатке и равенству колхозников. Геннадий Красильников при описании различных трапез и застолий в своих произведениях большое внимание обращает не столько на обилие разнообразных яств, сколько на детальное описание самого процесса еды героев, раскрывающее характер персонажей и философию их жизни в повседневности. В повести Романа Валишина меню литературных героев отражает быт удмуртской деревни военной поры. Обращение автора к языческим верованиям и обрядовой еде служит раскрытию конфликта отцов и детей, дает материал для сюжетостроения повести. Меню литературных героев В. Ар-Серги, прежде всего, свидетельствует о самооценке героев, их социальном статусе, разделении людей с началом перестройки на героев, потребляющих французский коньяк, «столичную» водку или кумышку. Пространство романа пропитано водочно-коньячным запахом. Символическим маркером достатка / недостатка в романе становится выражение «минтай сиись» (человек, употребляющий минтай).

Таким образом, в авторской картине мира отражена реальность, прошедшая через призму творческой мысли писателя, которая подчинена раскрытию основной концепции произведения. Художественная картина мира писателя заключает в себе образ мира и отображает человеческое бытие через текст художественного произведения. Первичной и основной областью появления и существования ценностей культуры является быт, в центре которого как жизненно значимый феномен находится гастрономия, рассматриваемая как комплекс процессов добывания, приготовления и потребления продуктов питания. Произведения Г. Медведева, Г. Красильникова, Р. Валишина, Ар-Серги через образы национальной кухни, культуру питания отражают отношение героев к жизни, их ценностные установки. Важно то, что гастрономическая культура, воссозданная в прозе исследуемых писателей, характеризуют время, изображенное в произведении, а также языковую личность

автора и героев, выступают средством характеристики персонажей.

Список использованной литературы

Бельская, Ю. В. Гастрономические образы в художественной картине мира Ф. Горенштейна // Гуманитарные исследования. – 2011. – № 3. – С. 121–124.

Буцаева, А. Н., Моор, М. В. Блюда национальной кухни в произведениях русских писателей // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2017. – № 2–5. – С. 22–24.

Захарченко, М. О. Яства на рождественском столе (на примере литературных текстов). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yastva-na-rozhdestvenskom-stole-na-primere-literaturnyh-tekstov/viewer> (Дата обращения: 15.04. 2021).

Капкан, М. В., Лихачева, Л. С. Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования. Режим доступа: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/22711/1/iurg-2008-55-04.pdf> (Дата обращения: 15.04. 2021).

Кравчук, А. Я. Мотив еды в романной трилогии И. А. Гончарова // Университетский научный журнал. – 2014. – № 7. – С. 178–184.

Лыткина, О. И., Шутая, Н. К. Культурный концепт "кухня" в русской литературе // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: материалы II Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2017. – С. 373–379.

Румянцева, Л. И. Функционирование кулинарно-пищевого мифологического кода в прозе 1920-х гг. // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 111–115.

Холодкова, Е. К. Еда как средство формирования русского национального характера в прозе В. П. Астафьева, В. Г. Распутина и Б. П. Екимова 1990-х – начала 2000-х гг. // Судьбы курсив – курсив литературы. К юбилею профессора Нэлли Михайловны Щедриной: международный сборник научных трудов. Московский государственный областной университет, Историко-филологический институт. – М., 2014. – С. 126–134.

Ар-Серги, В. И плакало небо...: Повесть, рассказы / Пер. с удм. А. Демьянов и В. Болташев; Лемлет гондырьёс: Роман, пьесаос, верос. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 296 с.

Валишин, Р. Г. Гора ветров. Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1979. – 212 с.

Валишин, Р. Г. Тёл гурезь: Повесть, веросьёс, дневникысь люкетъёс. – Ижевск: Удмуртия, 2004. – 352 с.

Красильников, Г. Д. Вуж юрт. Дилогия. – Ижевск: Удмуртия, 1976. – 412 с.

Красильников, Г. Д. Олександр Кабышев. Начало года. Романы. / Перевод с удм. автора. – Ижевск: Удмуртия, 1988.– 568 с.

Медведев, Г. С. Лозинское поле: роман: пер. с удм. – Ижевск: Удмуртия, 1973. – 608 с.

Медведев, Г. С. Лёзя бесмен: роман-трилогия, верос. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – 709с.

Элиас, Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. Изменения поведения высшего слоя мирян в странах запада. – М., СПб., 2001. – 271 с.

IMAGES OF ETHNIC CUISINE IN UDMURT PROSE

Summary. The article deals with the gastronomic theme in the works by Udmurt classical writers of the XX century such as G. Medvedev, G. Krasilnikov, R. Valishin and V. Ar-Sergi. Thus, cooking and eating codes in the structure of their texts are analyzed, their cultural and characterological significance in the artistic perception of the authors is marked.

Keywords: Udmurt prose, gastronomic images, Udmurt cuisine, food symbols, characters, cooking code, culture, language.

УДК 316.77:001.12

Чучалин Владимир Вячеславович

Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

СЮЖЕТИРОВАНИЕ И РУБРИКАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ НОВОСТНЫХ ПОРТАЛОВ УДМУРТИИ: МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Минувшее десятилетие для региональных медиа Удмуртии характеризовалось бурным развитием. Растёт сегмент интернет-СМИ, выделяются новые общественно-политические Telegram-каналы, смещается вектор присутствия издания в информационной среде – от традиционного печатного формата к универсальному, сетевому. В существующих условиях интернет-СМИ заинтересованы не только в поставке актуальных новостей, но и в привлечении максимального количества посетителей на свой сайт. Для этого используются особые методы рубрикации и сюжетирования контента.

Ключевые слова: сюжетирование, рубрикация, СМИ Удмуртии, интернет-СМИ, инфоповод, сюжет, рубрика.

Стремительное развитие интернет-технологий в России за последние два десятилетия привело к колоссальным изменениям во всём информационном пространстве государства. Это сказалось на работе практически любого социального института. Качественные изменения произошли и в деятельности СМИ – их принципах функционирования, методах поиска, отбора информации, способах связи со своей целевой аудиторией и трансляции самой информации. Всё это положило начало формированию особой информационной культуры среди населения [Скворцов 2011: 261].

С каждым годом растёт количество активных интернет пользователей. Таким образом, Россия по данным Индекса Мунди, на состояние 2018 года, заняла 5 место – число интернет пользователей превысило 114 млн человек [IndexMundi]. Всё больше пользователей отдадут предпочтение получению новостей из Интернет-СМИ. Пандемия COVID-19 лишь усилила данные тенденции. Так, по данным Исследовательского центра компании «Делойт», уже свыше 60 % населения России привыкли потреблять новостной контент из Интернета [Медиапотребление в России 2020].

Данные тенденции существенно влияют на работу всех онлайн-СМИ. Сегодня практически любая версия интернет-издания кроме своей основной, информирующей функции, играет роль и как перспективная площадка для рекламодателей. Следовательно, экономический фактор выживаемости издания является одним из определяющих. Идёт постоянная погоня за количеством просмотров страниц с определено взятой новостью, сюжетом, репортажем и т.д. Само количество выходящих за сутки новостей на обычном городском, новостном портале в разы превосходит печатную еженедельную газету – как минимум по оперативности и релевантности поставляемого новостного материала.

Таким образом, кроме содержательного аспекта, интернет-СМИ, как площадка и сетевой ресурс, должно отвечать особым структурным характеристикам внутренней организации контента. Это обусловлено не только политикой издания, но и задачей продвижения сайта новостного СМИ в сети интернет. Устройство рубрик (рубрикация) – одно из основных в данном вопросе. Хорошая система рубрик на сайте потенциально увеличивает время нахождения пользователя на ресурсе. Понятная навигация, наличие внутренних гиперссылок на другие материалы одной рубрики создаёт особую, замкнутую систему информации на заданную тему.

Это удерживает внимание читателей, повышает посещаемость сайта, рейтинг в поисковой выдаче.

На сегодняшний день общероссийские, региональные или частные интернет-издания используют не только традиционные принципы рубрикации новостей по тематике – «Политика», «Общество», «Спорт», «Культура», «Экономика» и т.д. Так, информационное агентство «Удмуртия» предлагает посетителям следующую систему рубрик – «Новости», «Статьи», «Темы», «Коронавирус», «Предпринимательство», «Демография», «Вести из районов» [ИА «UDM-Info»]. Кроме деления контента на традиционные формы (новости, статьи, темы), редакция ИА «Удмуртия» уделяет особое внимание значимым для республики информационным поводам, создавая для них отдельные рубрики. Коронавирус является общемировой, значимой для всех государств темой – новости о нём всегда рейтинговые, они пользуются популярностью у большинства пользователей. Отведение отдельной рубрики «Предпринимательство» по нашему мнению, может быть обусловлено законотворческой деятельностью, принимающимся мерам поддержки бизнеса со стороны государства, в связи с пандемией коронавируса, и как следствие, развернувшемуся общественному интересу по данному вопросу. Здесь собираются все новости, касающиеся предпринимательства в Удмуртии – события, новости, релизы, интервью и т.д. Рубрика «Демография» имеет схожие мотивы своего появления. Меры поддержки для многодетных, малоимущих семей, особенности получения маткапитала, выплаты за первого ребенка, способы поддержки детей-сирот – эти и многие другие инфоповоды всегда набирают большой отклик. Страницы с данными новостями всегда набирают большое количество просмотров. Рубрика «Вести из районов» является следствием усилившейся интеграции новостей о жизни села в общереспубликанскую информационную повестку дня. Районные газеты начинают активно осваивать формат электронных версий газет, что вносит существенный вклад в новостной трафик республиканской информационной среды.

Данные рубрики имеют свою внутреннюю, дополнительную традиционную рубрикацию, основанную на делении материала по жанрам и типам контента. Эти нововведения указывают на постепенный отход от традиционной схемы построения рубрик, которые делят новости лишь по тематике и сферам социальной активности. Таким образом, любой весомый новостной повод, вызыва-

ющий повышенный интерес у общественности может стать основой для создания отдельной рубрики. Все новости в ней могут собираться по общему сюжету. В данном случае мы отмечаем создание рубрик по принципу сюжетирования, т.е. установления связей между несколькими материалами в аспектах их жанровых, смысловых или тематических общностей [Лукина 2010: 275]. Таким образом, в одном разделе сайта могут быть собраны информационные продукты по одной теме. В совокупности этих материалов может прослеживаться логическое развитие одного события или явления (принятие нового закона, борьба с пандемией, разработка мер по поддержке малого предпринимательства и пр.).

Среди других медиа Удмуртии можно выделить схожие принципы сюжетирования и рубрикации у информационного агентства «UDM-Info». Редакция агентства, помимо традиционного деления материалов на «Новости», «Аналитика», «Карточки», «Тесты», «Эксклюзив», «Спецпроекты», предлагает также подразделение на «Касается каждого», «Итоги недели» и «Коронавирус» [ИА «UDM-Info»]. Однако не у всех интернет-СМИ Удмуртии можно отметить данную практику внутренней организации новостного портала. Так, мы не обнаружили подобные тенденции у интернет-версий журналов «Деловой квадрат» и «Деловая репутация», сайта газеты «Удмуртская правда», новостных порталов «Сусанин» и «IZHLife» и др.

Некоторые российские новостные порталы более активно используют данный подход, при котором отдельный новостной повод превращается в особую, «сюжетируемую» рубрику. К примеру, сайт Медиазона выводит отдельной рубрикой наиболее сенсационные и рейтинговые инфоповоды в качестве страниц разделов – «Январское дело», «КМБУ», «Болотное дело», «Санитарное дело», «Протесты в Ингушетии», «Навальный» [«Медиазона»]. Это даёт больше шансов, что заинтересованный пользователь останется на сайте дольше, найдя нужную информацию почти мгновенно, не разворачивая традиционные рубрики, в поисках новостей.

Исходя из исследованных новостных интернет-ресурсов, можно сделать вывод, что организация рубрик по принципу сюжетирования – действенный способ привлечь аудиторию на сайт. Она объединяет все содержательные элементы одной темы, выстраивая удобные пути ознакомления с контентом. Происходит постепенный переход от традиционных рубрик (жанровых, тематических) к сюжетированным, основанных на конкретных инфопово-

дах. Они образуют собственные ниши, тематические кластеры информации, что открывает новые принципы отбора информации и выстраивания собственной новостной повестки дня, соответствующей политике издания, его формату и направленности. Служебные рубрикаторы сохраняются по причине технических потребностей администрирования ресурса. Множество интернет-СМИ используют также рейтинговую рубрикацию. Она показывает наиболее популярные новости, автоматически обновляя рейтинг материалов.

Список использованной литературы

Лукина, М. М. Интернет СМИ: Теория и практика: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. М. М. Лукиной. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 348 с.

Скворцов, Л. В. Информационная культура и цельное знание / Л. В. Скворцов. – МБА, 2011. – 440 с.

ИА «UDM-Info» // URL: <https://udm-info.ru/> (дата обращения 25.05.21).

«Медиазона» // URL: <https://zona.media/> (дата обращения 25.05.21).

Медиапотребление в России – 2020. АО «Делойт и Туш в СНГ» // URL: <https://www2.deloit.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/media-consumption-in-russia.html> / (дата обращения: 25.05.2021).

IndexMundi. Telecommunication: internet users (2018) // URL: <https://www.indexmundi.com/g/r.aspx?t=100&v=118> (дата обращения 25.05.2021).

HEADINGS SYSTEM OF CURRENT NEWS SITES IN UDMURTIA: THE MOTIVATIONAL PERSPECTIVE

Summary. The past decade was distinguished by rapid development of local media in Udmurt Republic. Online-media section is becoming wider, new social and political Telegram-channels appear on a daily basis, so we can see that mass media promotes itself in online sphere rather than in traditional printing production. Online-media is concerned about providing relevant news as well as attracting new visitors as many as possible. Insertion of headings and storyline connection of previous materials are used for this purpose.

Keywords: rubrication, media of Udmurtia, internet media, news guide, plot, heading.

Эрцикова Галина Алексеевна

Россия, г. Йошкар-Ола, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева

ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ДЕРЕВНИ КУКШАРЫ

(По материалам диалектологической экспедиции 1954 г.)

Аннотация. В статье на основе полевых материалов 1954 г. рассматриваются отдельные языковые особенности в диалектной речи жителей д. Кукшары Килемарского района Марийской АССР. Результаты наших исследований подтверждают мнение участников экспедиции о том, что говор указанной местности близок к горному диалекту, но с наличием некоторых различий на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях.

Ключевые слова: д. Кукшары, Килемарский район, Марийская АССР, диалектологическая экспедиция, диалектная речь, языковые особенности.

Деревня Кукшары Килемарского района Марийской АССР (ныне – Республики Марий Эл) расположена на левой стороне реки Волги. Она находится в 3 км к северо-востоку от села Кумья – центра Кумьинской сельской административной территории. Образована в конце XVII века. Марийское название деревни – Кукшыйяр (Кукшер), что в переводе означает «сухое озеро». Это поселение возникло на берегу высохшего болота. По данным всероссийской переписи населения 2010 г., в д. Кукшары проживало всего 47 человек – 26 мужчин и 21 женщина [Кукшары].

Непосредственное знакомство с языковыми особенностями жителей названной местности состоялось в 1954 г.¹⁶ В июле указанно-

¹⁶ Отметим, что в 1888 г. диалектологический материал на левой стороне реки Волги, в том числе в селе Кумье, «изъ усть черемись деревни Пемйала около Кумьи и деревни Ахтугуша» собирал эстонский исследователь профессор Казанского университета Михкель Веске. Он отметил, что «одинаково съ этими деревнями, по увѣренію тамошнихъ черемись, съ которымя я занимался, говорить и черемисы во всѣхъ деревняхъ Кумьинской волости, а также и во всѣхъ остальныхъ черемисскихъ деревняхъ луговой стороны Козьмодемьянскаго уѣзда» [Веске 1889: 19]. Он же впервые выявил и то, что «горное

го года МарНИИ организовал экспедицию к марийцам, проживающим в левобережье Волги. Участники экспедиции, как показывают их диалектологические отчеты, хранящихся в научном рукописном фонде МарНИИЯЛИ [МДЭ 1954], собирали материалы в д. Кукшары, д. Тогашево, д. Широкундыш Килемарского района, в с. Кромка, д. Кузьмино, п. Козиково Юринского района и в с. Арда Горномарийского района Марийской АССР. Состав экспедиции состоял из четырех человек – П. Г. Рыбаковой, Л. П. Грузова, Л. И. Черняева, Габора Берецки. Цель экспедиции – «выявить и зафиксировать языковые особенности говоров по маршруту, а также записать фольклорные материалы (сказки, песни, пословицы и поговорки). Кроме того, была специальная работа по словарю» [МДЭ 1954, № 44, л. 1]. Работу со словарем проводила П. Г. Рыбакова, фольклорные материалы собирал Л. И. Черняев, за грамматическими особенностями наблюдал Л. П. Грузов. О работе венгерского ученого Габора Берецки, к сожалению, в записях ничего не отмечено.

Целью настоящей работы является описание отдельных фонетических, лексических и грамматических особенностей диалектной речи жителей д. Кукшары Килемарского района Марийской АССР на основе диалектологических материалов 1954 г.

По мнению диалектологов, речь жителей описываемой местности очень близка к горномарийскому наречию и к санчурскому говору, но «по сравнению с санчурским говором представители больше понимают горных, чем санчурских марийцев. Это подтверждается и фонетическими, грамматическими и лексическими материалами» [МДЭ 1954, № 43, л. 1], поэтому слова из лексики Кукшарского говора в материалах даются в сравнении со словами из лексики правобережных горных марийцев.

Л. П. Грузов речь жителей «Кумьинского с/с, Шудугужского с/с, южной части Ломбенурского с/с» выделил в отдельный Кукшарский говор, а северную часть Ломбенурского с/с отнес к Санчурскому говору [МДЭ 1954, № 43, л. 2].

Респондентами выступили местные жители в возрасте от 19 до 49 лет – двое мужчин и три женщины. Один из мужчин закончил семь классов, другой – четыре; две женщины отнесены к категории

нарѣчїе распространяется далеко на запад черемисскаго края на луговой стороне Волги» [Веске 1889: 3]. До этого исследователи отмечали, что горное наречие располагается только на правой стороне реки Волги.

малограмотных, одна – к категории неграмотных [МДЭ 1954, № 40, л.1; МДЭ 1954, № 43, л. 1].

Итак, при изучении диалектной речи жителей д. Кукшары исследователями были выявлены следующие фонетические особенности¹⁷:

Таблица 1.

Слова из лексики правобережных горных марийцев	Слова из лексики жителей д. Кукшары	Перевод на русский язык
Несоответствие гласных и согласных звуков		
й̄н̄г̄ѣж [E·ŋgEž]	инкыж [E·ŋkEž]	малина
м̄ӧскӧ [m·öskä]	мескӧ [m·eskä]	медведь
нолгы [no·lg(]	нылгы [n·lg(]	пихта
п̄ыркем [pE·rkem]	п̄үркем [p̄ü·rkem]	орешник
п̄ыз̄ы́лм̄ы [pEzE·lmE]	пиз̄ы́лм̄ы [pizE·lmE]	рябина
шыкланаш [š(kla·naš)]	сытланаш [s(tla·naš)]	жадничать
кӧсӧк [k̄ö·säk]	косак [ko·sak]	косяк
вильдырцан [β(l'd·rcan]	вильдырцы [β(l'd·rc(]	перепелка
ш̄ы́нг̄ы́рт̄ы́ш [šEngE·rtEš]	ш̄ы́нг̄ы́рцы [šEngE·rcE]	скворец
перви [pe·rβi]	перве [pe·rβe]	раньше
ӧви [ä·βi]	ӧвӧ [ä·βö]	обращение к матери
слӧгӧ [slä·yä]	слъога [sl'o·ya]	слякоть
ы́нгыр [(·ŋgEr]	онкыр [o·ŋgEr]	бубенчик
Диэрэза		
алтаца [alta·ca]	атаца [ata·ca]	мозоль
шанки [ša·pki]	шану [ša·pi]	осина

Иллюстративный материал показывает, что в большинстве случаев здесь наблюдается несоответствие гласных и согласных звуков, когда слова с одинаковой семантикой имеют различное произношение. Кроме того, имеет место такой фонетический процесс как диэрэза – выпадение согласного звука в слове.

Далее говорится, что «горные слова комбы 'гусь', ломбы 'черемуха' произносятся с сохранением глухого «п» после «м» (ломпы

¹⁷ В исследуемых материалах не ко всем словам из лексики д. Кукшары даны соответствующие единицы из лексики правобережных горных марийцев, и не все слова снабжены русскими переводами. Поэтому в отдельных случаях здесь и далее эквиваленты и переводы тех или иных лексем на русский язык представлены нами. С целью точной передачи звуков некоторый языковой материал кроме того переведен нами в финно-угорскую транскрипцию.

‘черемуха’, компы ‘гусь’, лампы ‘лампа’ и т.д.)» [МДЭ 54, № 40, л. 3]. Считаем, что заимствованное из русского языка слово *лампы* ‘лампа’ не совсем правильно включено в разряд рассматриваемых единиц, т.к. эта лексема не только орфоэпически, но и орфографически передается сочетанием *мп*.

По мнению П. Г. Рыбаковой, «заднеязычный согласный *н* произносится и слышится как у луговых очень ясно, притом после него выступает глухой «к» (*нк*): тумпонкы ‘дубовик’, онкыр ‘боковой’. В других чистый звук *н* (*ән*гәлтәш ‘опираться’, *ән*гысыр ‘узкий’, *ин*гыж ‘малина’)» [МДЭ-54, №40, л. 3].

А. А. Саваткова пишет: «В современном марийском языкознании существует мнение, что в горномарийском наречии в составе согласных фонем звук [ŋ] отсутствует, ему соответствует сочетание согласных [ng]. Подобное утверждение правильно лишь относительно произношения современной молодежи, которая под влиянием существующей орфографии говорит [ng]: *täng* ‘товарищ’, *jäng* ‘душа’ и т.д. В речи старшего поколения данная согласная фонема существует. Она, может быть, звучит несколько по-другому, чем в луговом наречии, но имеется... При произношении в середине слова она сопровождается согласным [g], который выступает не как полноценный звук с присущей ему полнотой и другими качествами, а как призвук, что можно обозначить приблизительно как [ŋ]» [Саваткова 2002: 60–61].

Аналогичная точка зрения прослеживается в монографии О. Викстрём и З. Г. Зориной «Звуковой строй современного горномарийского языка», где отмечено: «...живые примеры горномарийского языка свидетельствуют о том, что вовсе необязательно для [ŋ] условие «спаренности» с *г*. Например, эта «спаренность» легко разбивается при делении на слоги; так, например, орфографическое деление на слоги будет выглядеть следующим образом: *вин-гы*, а в звуковой реализации это будет [βiŋ-gE], *хан-га* [xan-ga] «доска», то есть здесь явно [ŋ] выступает как отдельная самостоятельная единица. Кроме того, известно множество минимальных пар, в которых фонема [ŋ] выступает в качестве самостоятельной единицы: *тонгда* [tonɢda] «ваши семечки» – *тонда* [tonɢda] «в вашем доме – у вас». Фонема [ŋ] в горномарийском языке выступает в качестве самостоятельной единицы и в абсолютном конце слова... Таким образом, фонологическая самостоятельность фонемы [ŋ] позволяет дополнить ряд горномарийских заднеязычных согласных носовой фонемой [ŋ]» [Викстрём, Зорина 2007: 157].

По наблюдениям Л. П. Грузова, ударение в исследуемой речи, так же как и в горномарийском литературном языке [см. Саваткова 2002: 53–58], «очевидно, падает всегда на предпоследний слог, поэтому нельзя ограничивать в рамки 5 правил для горных по В. М. Васильеву. Но есть исключения, касающиеся слов для семантического различия. Например: 'šerʉe – дорого, šer'ʉe – гребень» [МДЭ 1954, № 43, л. 3].

Из собственно лексических диалектизмов (слов, которые совпадают с общелитературными по значению, но отличаются своим звуковым комплексом) указаны следующие различия:

Таблица 2.

Слова из лексики правобережных горных марийцев	Слова из лексики жителей д. Кукшары	Перевод на русский язык
<i>аваха</i>	<i>кывык</i>	шелуха, чешуя
<i>ала</i> также – <i>аламӱнер, еруга</i>	<i>когор</i>	дерюга, пестрядина
<i>когоохырец</i> (лит.), <i>тиква</i>	<i>тынька</i>	тыква
<i>ыжаташ</i> (лит.), <i>провожаяш</i>	<i>кодылаш</i>	проводить, провожать
<i>йӱвӱрӱ</i> (лит.), <i>тыгыды шӱнгӱ</i>	<i>лыме вӱрӱ</i>	мошка, мошкара
<i>тури</i> (лит.), <i>роколма, картук</i>	<i>рокмын</i>	картошка
<i>попаш, шайышташ</i>	<i>кытыраш</i>	говорить, разговаривать
<i>манар</i>	<i>осолка</i>	брусок (точильный)
<i>ци-ци-ци, кт-кт-кт</i>	<i>ти-ти-ти, типынька</i>	клич для зова куриц
<i>потяш</i>	<i>пачаш</i>	посконь
<i>иквӱреш</i>	<i>иктеш</i>	вместе
<i>папка</i>	<i>тропила</i>	стропила
<i>комбылогер</i>	<i>кӱшкӱр анка</i>	поперечина в лубковом кру-ге при навивании ниток
<i>каракъял</i>	<i>карактяпа</i>	треножник-подставка для навивания ниток для тканн

В представленном списке две последние единицы, относящиеся к лексике ткачества, в настоящее время входят в пассивный словарный запас, являются историзмами.

Лексико-семантические диалектизмы (общенародные слова с иным, чем в литературном языке, значением) в рассматриваемых материалах немногочисленны – встречается одно слово *ала*, которое в исследуемом говоре используется в значениях 'город' и

‘пегий, пёстрый’, а в горномарийском литературном языке – в значениях ‘пегий, пестрый’, ‘пестрядина, дерюга’, ‘одеяло’.

Выделено несколько слов общих с лугово-восточным литературным языком:

сурт – 1) усадьба; дом с надворными постройками, крестьянское жилище с хозяйством при нём; двор; 2) дом, изба, жилое строение, жилище, жилое помещение; место обитания. В словаре А. А. Саватковой «Словарь горномарийского языка» слово *сурт* имеет помету *устар.* (устаревшее) [Саваткова 2008: 254], т.е. данная лексема ранее также функционировала в речи горных марийцев правобережья Волги, но в настоящее время вышла из активного употребления скорее всего благодаря влиянию русского языка, т.к. вместо данного слова в современной речи в значении ‘усадьба; дом с надворными постройками, крестьянское жилище с хозяйством при нём; двор’ используется заимствованное слово *хозяйство*, а в значении ‘дом, изба, жилое строение, жилище, жилое помещение; место обитания’ – общемарийское слово *пöрт*.

коя – полный, здоровый. В лексике правобережных горных марийцев в указанном значении используются слова *таза*, *кÿжгÿ*, *танката*.

пеш – весьма, очень. В правобережье Волги это слово звучит как *пиш*. Встречается оно только в отдельных населенных пунктах, а именно в Еласовской, Вилатовской и Кузнецовской сторонах. Правобережные горные марийцы в указанном значении, кроме того, используют общеупотребительное слово *когон*.

В диалектологических материалах дана еще одна группа слов, которая наличествует в словарном составе правобережных горных марийцев, но отсутствует в речи жителей д. Кукшары. Причем таким лексемам как *аргамак* ‘лошадь-рысак (жертвенная)’ (устаревшее слово), *артем* ‘слега (на соломенных крышах и стогах)’, *äкрäm* ‘древность, прошлое’, *äляк* ‘сплетни, клевета’ эквиваленты не указаны, а остальным единицам приведены такие равнозначные слова, которые в правобережной стороне Горномарийского района употребляются наряду с «отсутствующими в речи жителей д. Кукшары», т.е. общегорномарийские слова:

Таблица 3.

Слова, Отсутствующие в речи жителей д. Кукшары	Общегорно- марийские слова	Перевод на русский язык
<i>ärtämän</i>	<i>цѳгѳйн</i>	с норовом, норовистый, упрямый (о лошади)
<i>важылаш</i>	<i>намысланаш</i>	стесняться
<i>вазалаш</i>	<i>валаш</i>	приземляться, приземлиться
<i>вӓскӓ</i>	<i>кӓлӓт, клӓт</i>	клеть, кладовая
<i>вӓшкӓш</i>	<i>талашаш</i>	торопиться
<i>вершӓш</i>	<i>пайылаш</i>	распределять деньги
<i>ембӓл</i>	<i>наструг</i>	наструг (с двумя ручками)
<i>ыгыршы</i>	<i>рой</i>	пчелиный рой
<i>чоте</i>	<i>когон</i>	сильно, очень
<i>важын парня</i>	<i>совиӓк</i>	ничего не умеющий делать
<i>пешӓр</i>	<i>шӓндӓк</i>	пестер, плетенка
<i>вакташ</i>	<i>шиӓш</i>	бить, лупить

Необходимо отметить, что слова *вӓскӓ* 'клеть, кладовая' и *вӓшкӓш* 'торопиться' относятся к территориально ограниченной лексике – чаще всего их можно услышать в речи жителей Виловатовской и Кузнецовской сторон. А лексема *вершӓш* 'распределять деньги' в наши дни является устаревшей.

По данным диалектологических материалов, *важын парня* и *совиӓк* – это слова со значением 'человек, который ничего не умеет делать'. Однако в горномарийском литературном языке лексема *совиӓк* имеет несколько иное значение – неряха, бестолковый человек (чаще о женщине) [Саваткова 2008: 250].

В литературном языке разное значение имеют также слова *пешӓр* и *шӓндӓк*. Слово *пешӓр* означает 'пестер, берестяное (лубяное) лукошко', а *шӓндӓк* – 'сундук' [Саваткова 2008: 200, 361].

Слова *вакташ* и *шиӓш* 'бить, лупить' имеют между собой стилистическое различие: лексема *вакташ* ограничена разговорным стилем, а *шиӓш* относится к нейтральной лексике.

Как мы уже отметили, грамматические особенности в рассматриваемой местности исследовал Л. П. Грузов (в то время аспирант Ленинградского университета). О синтаксических особенностях в материалах ничего не написано, но зафиксированы те или иные морфологические различия. К одним из таких различий он отнес суффикс *-мыт*, который, так же как и в лугово-восточном литера-

турном языке, используется для выражения «групповой множественности имен: äβätмыт ‘моя мать и все те, кто с ней’, äβätмыт ‘твоя мать и все те, кто с ней’, äβäštмыт ‘его/её мать и все те, кто с ней’, но не употребляется äβänäмыт ‘наша мать и все те, кто с ней’, äβädäмыт ‘ваша мать и все те, кто с ней’ – с притяжательными суффиксами» [МДЭ 54, №43, л. 3]. Далее пишет, что указанный суффикс употребляется также для выражения значения множественности с личными именами: *Иванмыт* ‘Иван и все те, кто с ним’, *Егормыт* ‘Егор и все те, кто с ним’. В горномарийском литературном языке рассматриваемый суффикс отсутствует.

Судя по записям, в исследуемой речи для выражения значения множественности, так же как и в горномарийском литературном языке, употребляется, кроме того, суффикс *-влä*: *йетявлä* [jet’ä·βlä] ‘дети’, *пöртвлä* [pö·rtβlä] ‘дома’, *купвлä* [ku·pβlä] ‘болота’, который не подчиняется явлению сингармонизма.

Изучаемые материалы свидетельствуют, что в данном говоре употребляются две отрицательные формы глагола прошедшего II времени, например: *колын амыл* [ko·lyп_a·тыл] и *колделäm* [kol·te·läm] ‘я не слышал’, тогда как в горномарийском литературном языке имеется только последняя из этих форм. Такая форма как *колын амыл* [ko·lyп_a·тыл] характерна для лугово-восточного литературного языка, но по сравнению с последней здесь отрицание звучит как *омыл* [o·тыл], т.е. вместо начального гласного *a* [a] произносится гласный *o* [o].

Имеются различия в склонении определительного местоимения *шке* ‘сам’:

Таблица 4.

Падежи	Диалектная речь жителей д. Кукшары	Горномарий- ский литера- турный язык	Лугово-восточный литературный язык	Перевод на русский язык
И.	шке	шке	шке	сам
Р.	шкемын	шкмеы́н	шкемын	мой, свой
Д.	шклäнем	шклäнем	шкаланем (шканем)	мне самому
В.	шкемым	шкмеы́м	шкемым	меня, самого себя
М.	–	–	–	–
Н.	–	–	–	–
О.	–	–	–	–

Из таблицы видно, что в родительном и винительном падежах слово *шке* 'сам' в анализируемом говоре склоняется как в лугово-восточном литературном языке, а в дательном падеже – как в горномарийском литературном языке.

Таковы основные языковые особенности были выявлены исследователями в диалектной речи жителей деревни Кукшары в 1954 году.

Интересен общий вывод Л. П. Грузова о языке левобережных марийцев Килемарского и Юринского районов: «В целом о языке марийцев Килемарского и Юринского районов следует сказать, что он очень похож на горно-марийский диалект, но с наличием множества слов, общих с луговым диалектом. Носители этого говора прекрасно владеют русским языком, поют русские песни, танцуют русские танцы, одеваются по-русски – одним словом, наблюдается полное обрусение.

В Килемарских и Юринских школах обучение на родном языке вовсе не ведется и совершенно законным являются претензии жителей, что они не понимают литературного языка (яз-а книг, журналов и газ. «Марий коммуна»), ибо они не знают даже марийского алфавита» [МДЭ 54, №44, л. 2].

Таким образом, исследуемые материалы позволяют констатировать мнение диалектологов середины XX века о том, что диалектная речь жителей д. Кукшары близка к горному наречию марийского языка. Однако в ней наблюдаются некоторые особенности на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях.

Список использованной литературы

Веске, М. Изслѣдованія о нарѣчїяхъ черемисскаго языка. – Казань: Типографія Императорскаго Университета, 1889. – 50 с. // URL: https://rusneb.ru/catalog/001021_000070_22/ (дата обращения: 21.01.2021).

Викстрём, О., Зорина, З. Звуковой строй горномарийского языка: Монография. – Йошкар-Ола: Изд-во МарГУ, 2007. – 192 с.

Кукшары // URL: <https://rodnauya-vyatka.ru/places/114956> (дата обращения: 19.05.2021).

МДЭ 1954. № 40, 41, 42, 43, 44 // НРФ МарНИИЯЛИ.

Саваткова, А. А. Горное наречие марийского языка // *Bibliotheca ceremissica*. Т. V. Savariae, 2002. – 292 с.

Саваткова, А. А. Словарь горномарийского языка. 2-е изд., перераб. и доп. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2008, 2018. – 404 с.

DIALECT FEATURES IN THE SPEECH OF INHABITANTS OF THE VILLAGE KUKSHARY

(Based on the materials of the dialectological expedition of 1954)

Summary. The article, based on field materials from 1954, examines certain linguistic features in the dialectal speech of the inhabitants of village Kukshary of Kilemar district of the Mari ASSR. The results of our research confirm the opinion of the expedition participants that the dialect of the indicated area is close to the hill Mari dialect, but it has some differences at the phonetic, morphological and lexical levels.

Keywords: village Kukshary, Kilemar district, Mari ASSR, dialectological expedition, dialect speech, linguistic features.

УДК 378.147.88:811.161.1'28

Якушкина Зинаида Никитична

Россия, г. Чебоксары, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева

ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Аннотация. В статье представлен опыт организации и проведения диалектологической практики студентов-филологов Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, акцентируется мысль о необходимости изучения диалектов для сохранения многовековой истории народа, формирования патриотического сознания студентов, стимулирования их творческой и научно-исследовательской активности. Обосновывается мысль о том, что изучение диалектов является вопросом лингвистической безопасности.

Ключевые слова: фольклорно-диалектологическая практика, диалекты, лингвистическая безопасность.

Предметом настоящего исследования является опыт проведения учебной диалектологической практики студентов филологического факультета. Цель работы состоит в представлении опыта проведения фольклорно-диалектологической практики студентов ЧГПУ им. И. Я. Яковлева как формы приобщения к самостоятельной научно-исследовательской деятельности, совершенствования на-

выка межличностного взаимодействия и как неотъемлемой составляющей для сохранения культурного кода народа.

Актуальность исследуемой проблемы определяется востребованностью квалифицированных кадров в современной системе образования и необходимостью качественной подготовки учителя русского языка и литературы, отличающегося высокой степенью профессионализма, патриотизма, гуманности и социальной ответственности, а также необходимостью сохранения национально-культурной самобытности народа. В настоящее время в результате процессов глобализации есть реальная угроза утраты культурной идентичности, и необходимо сберечь наследие, доставшееся нам от предков, сумевших сохранить его на протяжении веков.

Проведение диалектологической практики на филологическом факультете имеет свои традиции. Большой вклад в изучение диалектного материала был сделан старшим преподавателем кафедры русского языка филологического факультета Эрой Георгиевной Васильевой (25.02.1930–25.11.2015), работавшей на кафедре с 1953 по 1997 гг. Она вела лекционные и практические курсы по старославянскому языку, диалектологии и современному русскому языку. Благодаря ее большому педагогическому мастерству, глубокому знанию материала и требовательности студенты получали прочные знания и интересовались читаемыми ею предметами. В 60–70 годы прошлого века под ее руководством проводились диалектологические экспедиции в Цивильском, Моргаушском и Алатырском районах Чувашии, о чем сохранились записи в архиве.

В дальнейшем сбор материалов местных говоров проводился под руководством старшего преподавателя С. Л. Труфановой, бесценно руководившей выездной практикой на протяжении 12 лет, а также Е. В. Бикуловой. Светланой Леонидовной были разработаны материалы для студентов-практикантов [Труфанова 2013], опираясь на которые можно было собирать диалектный материал по лексике, фонетике, морфологии. Так, например, один из разделов методических рекомендаций по сбору лексического материала «Мир человека» содержит такие пункты:

Дом: способы постройки, элементы конструкции дома, части дома.

Печь: виды печей, части печи.

Хозяйственные помещения: для домашней утвари, для домашних животных, для продуктов.

Приусадебный участок: части приусадебного участка, огород, баня: части бани, банные принадлежности, колодец, ограда.

Домашняя утварь. Мебель, кухонная посуда: стеклянная, глиняная, металлическая.

Емкости, используемые в хозяйстве: для домашних животных, для воды, для мусора, отходов.

Корзины: из лыка, из прутьев, из берёсты.

Светильники.

Изделия из ткани. Приспособления для работы с изделиями из ткани. Пряжа, нитки.

Приспособления для прядения.

Приспособления для ремёсел и промыслов.

Средства передвижения: колёсные, сани, детали средств передвижения:

Украшения. Приспособления для украшения.

Одежда: мужская, женская, детская.

Обувь: мужская, женская, детская.

Далее идут такие разделы: *трудовые процессы, предприятия, деньги, действия человека, еда, религия, праздники, развлечения, игры, посиделки, свадьба, семья, общество.*

Имея под рукой такой опорный конспект, практиканты легко входят в контакт с местным населением, делают записи, обрабатывают их и используют для написания научных работ.

При изучении фонетических особенностей говора студентам помогают характеристики произношения *в области гласных:* оканье, аканье, яканье, ёканье – переход [е] в [о] в безударном положении (в первом предударном слоге), замена начального [о] начальным [у] типа [у]гурцы, замена [е] на [у]: Ч[у]баксары. Эти особенности были отмечены собирателями диалектного материала, студентами филологического факультета, накопившими большую картотеку для фольклорно-диалектологической лаборатории.

В области согласных: твердое [ч], неразличение шипящих и аффрикат, неразличение шипящих и свистящих, замена долгого мягкого [ш'] сочетанием [шч], замена долгого мягкого [ш'] долгим твердым [ш], твердое цоканье: [ц]ай, мягкое цоканье: [ц'у]до, замена [х] на [к]: с[к]оронила, на Пас[к]у, замена начального [к] на [т]: [т]рахмал, губно-губной [w]: [д'эwk'и], межслоговая прогрессивная ассимиляция: ма[н'э]нько, ассимиляция по способу образования: [мн]уки, диссимиляция по месту образования: кори[шн]евый, дигрессивная: [баушкъ], эпентеза: [ндраф].

Для изучения морфологических особенностей говора практикантам помогают образцы диалектных форм, представленные в методических указаниях:

В области имени существительного следующие формы:

- 1) именительного падежа, множественного числа (у существительных с суффиксом *-онок*): *робяты, теляты, поросыты*;
- 2) родительного падежа, множественного числа: *никаких средствов, несколько штучков*;
- 3) родительного падежа, единственного числа: *гуляли у невесте*;
- 4) предложного падежа, единственного числа: *в церковном хору, в клубу танцевала*.

В области имени прилагательного следующие диалектные особенности:

- 1) стяженные имена прилагательные: *передня, задня, холодна*;
- 2) формы множественного числа именительного и винительного падежей имен прилагательных и местоимений, склоняющихся по образцу прилагательных: *они уж большеи; мои дорогеи; вот такеи года*;
- 3) формы единственного числа предложного падежа имен прилагательных и местоимений, склоняющихся по образцу прилагательных: *в этом доме, в однем селе*.

В области местоимения:

- 1) формы множественного числа родительного падежа местоимений, склоняющихся по образцу прилагательных: *какех*;
- 2) энклитические формы: *внучка Марта у мя, пришли тя сватать*;
- 3) неразличение окончаний 1 и 2 спряжений: *возют; приходят, машины давют*;
- 4) стяженные формы глагола: *все знат; вода стекат, не обижамся*.

В области служебных частей речи: постпозитивные частицы:

- а) *-та: сноха-та на пенсии, Петька-та что делат*;
- б) *-те: маме-те не говорила*;
- в) *-ти: ляжки-ти голые*;
- г) *-ту: отрубешь мне голову-ту*;
- д) *-т/-ть: мне сладко-т нельзя, бригады-ть они разные*.

Такие образцы отличительных черт говоров помогают студентам-практикантам освоиться в первые дни, понять, на что необходимо обратить внимание. Далее работа уже не вызывает трудностей.

В последние годы (2015–2017) практика проводилась совместно с доцентом З. Н. Якушкиной. Выезд осуществлялся в районы, где преобладает русское население, это в основном Алатырский и Поречский районы Чувашии [Якушкина 2015]. В условиях бакалавриата обязательным стало прохождение двух учебных практик: фоль-

кlorной и диалектологической. С 2016 г. обе практики объединены под названием «Практика по получению первичных профессиональных умений и навыков, в том числе первичных умений и навыков научно-исследовательской деятельности». В 2019 г. в обновленном в соответствии с требованиями ФГОС ВО 3++ учебном плане филологической подготовки учителей русского языка и литературы практике возвращено ее первоначальное название «фольклорно-диалектологическая», отражающее ее междисциплинарный характер, взаимосвязь языка и художественной словесности в их естественном бытовании.

В настоящее время возможны два способа организации и проведения практики: стационарный и выездной. Их выбор определяется научно-поисковыми и учебными задачами, а также современным состоянием фольклорной традиции и необходимостью ее фиксации, особенностями функционирования русских говоров в Чувашии [Журина 2020: 141].

После окончания практики, обработки материалов проводится научно-практическая конференция, на которой подводятся итоги работы фольклорно-диалектологической экспедиции, заслушиваются доклады, с лучшими из которых студенты участвуют в различных конкурсах и фестивалях и становятся нередко их лауреатами.

В последние два года выездная практика не осуществлялась из-за пандемии, работа проводилась в архиве, где накоплен богатый материал, но живое общение с носителями фольклора и диалектов очень важно.

Мы считаем, что важно не только изучение диалектов, но и их знание. Знание диалектов – это по сути владение несколькими языками: литературным и родным, если это материнский язык, а также почти иностранным, если это второй, специально изученный язык. Не надо думать, что диалект – какой-то испорченный вариант правильного языка и от него нужно избавляться. Мы считаем, что исчезновение диалектов представляет опасность утраты богатства национального языка и является вопросом лингвистической безопасности. Кодифицированный литературный язык создан для того, чтобы люди понимали друг друга, ему учат всех начиная с детских дошкольных учреждений, но не следует накладывать «вето» на разговорную диалектную речь, которая стала непрестижной и обречена на вымирание [Якушкина 2020: 207].

Как считают ученые, «до определенного момента общемировая культура воспринимается как престижная. Но достигая определенного уровня насыщения ею, она теряет это свойство, и зна-

ком престижности становятся вновь национальные черты, или «фольклоризмы» [Арутюнов]. Хотелось бы тут добавить и «диалектизмы», поскольку это важная часть общенародного языка и культуры. При правильном взаимодействии различных культур, когда нет угрозы утраты культурного своеобразия для некоторых из них, будет происходить их гармоничное сочетание.

Список использованной литературы

Арутюнов, С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие / С. А. Арутюнов. – М., 1989.

Труфанова, С. Л. Диалектологический архив и его роль в научно-исследовательской работе студентов / С. Л. Труфанова // Развитие этнокультурного образования в условиях современной образовательной среды: материалы Международной научно-практической конференции. – Йошкар-Ола, 2013. – С. 48–50.

Журина, М. И., Юркина, Т. Н., Якушкина, З. Н. Фольклорно-диалектологическая практика: к вопросу о значении и опыте проведения / М. И. Журина // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – № 2 (107) апрель – июнь 2020. – С. 139–145.

Якушкина, З. Н. Семь мгновений ... практики / З. Н. Якушкина // Историко-филологическому факультету 85 лет!: сб. статей / под ред. З. Н. Якушкиной. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2015. – С. 29–36.

Якушкина, З. Н. Российская фольклористика и диалектология на современном этапе: сб. научных статей [Электронный ресурс] / отв. ред. М. И. Журина, Т. Н. Юркина. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2020. – С. 204–210.

FROM THE EXPERIENCE OF ORGANIZING THE DIALECT PRACTICE OF PHILOLOGY STUDENTS

Summary. The article presents the experience of organizing and conducting dialectological practice of students-philologists of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev, emphasizes the need to study dialects to preserve the centuries-old history of the people, to form the patriotic consciousness of students, to stimulate their creative and research activity. The author substantiates the idea that the study of dialects is a matter of linguistic security.

Keywords: Folklore-dialectological practice, dialects, linguistic security.

УДК 81`42:379.85)(470.51)(045)

Алашеева Кристина Олеговна

Тимерханова Надежда Николаевна

Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ТУРИСТИЧЕСКИХ МАРШРУТОВ УДМУРТИИ

Аннотация. В данной статье речь идет об одном из важных аспектов туристического маршрута – о его филологическом обеспечении, а именно об особенностях экскурсионного рассказа. Также рассматриваются виды турмаршрутов, предлагаемые туриндустрией Удмуртии.

Ключевые слова: туристический маршрут, филологическое обеспечение туризма, экскурсионный рассказ, видов турмаршрутов.

Удмуртская Республика является одним из перспективных районов для благополучного развития внутреннего туризма, так как культура, история и территория самой республики имеют привлекательные ресурсы, которые могут заинтересовать не только жителей данного региона, но и туристов России и даже зарубежных стран. Но для успешного продвижения данной сферы нужно уделять ей большое внимание и иметь хорошее представление о туристическом потенциале Удмуртии.

Итак, основной целью нашего исследования является формирование грамотного, обоснованного представления о туристическом потенциале Удмуртской Республики с точки зрения, потребителей туристических услуг и разработка предложений, имеющих филологическое наполнение. Для реализации данной цели мы решали следующие задачи: 1) познакомились с турмаршрутами Удмуртии; 2) изучили содержательный аспект туристических маршрутов Удмуртии; 3) рассмотрели особенности экскурсионного рас-

сказа; 4) создали контент филологической направленности для турмаршрута.

Далее скажем несколько слов о деятельности экскурсовода. Основная задача экскурсовода – развить у экскурсантов способность к воспроизведению в своем воображении тех предметов, образов, явлений, которым посвящен рассказ. Экскурсоведение – это одно из самых сложных направлений просветительской и развлекательной деятельности. Данное направление требует от специалиста идеальных профессиональных навыков и знаний в области истории, географии, краеведения, архитектуры и, в особенности, филологии, так как у специалиста должна быть хорошо развита культура речи, ораторское искусство, и он должен уметь хорошо играть на публику, чтобы зрителям было интересно и хорошо усваивалась информация. Процесс проведения экскурсии предполагает обеспечение закреплённого экскурсионного текста, в котором будут пояснения и комментарии к объектам. Экскурсионный рассказ – это информационный материал, подготовленный для освещения различных подтем, который должен иметь смешанную стилевую характеристику – научно-популярную (научно-разговорную).

Рассмотрев особенности экскурсионного рассказа, мы выявили, что важнейшей характеристикой рассказа на экскурсии является то, что по большей части он ориентирован на зрительское восприятие. Экскурсионный рассказ не может быть построен автономно, т.е. речь гида-экскурсовода не может абстрагироваться от объекта показа. Выводы, которые делают экскурсанты, строятся на основе не только услышанного, но и увиденного. Чтобы удачно воздействовать на публику, римский оратор Марк Фабий Квинтилиан определил основные результаты риторического воздействия на публику, которые мы должны применять и при создании экскурсионного рассказа: речь должна услаждать, просвещать и подвигать.

Составление экскурсионных рассказов входит в филологическое обеспечение туризма, которое в свою очередь предполагает:

– знание: 1) важного лексического минимума исторических и географических определений; 2) соответствующих грамматических и синтаксических структур русского языка, необходимых для определённых речевых ситуаций в туризме.

– умение: 1) давать рекомендации и обсуждать с клиентом его выбор в связи с конкретным туром; 2) улаживать конфликтные ситуации, связанные с организацией экскурсионных программ.

– владение: 1) информацией об особенностях различных видов туризма (культурно-познавательного, развлекательного, образовательного, пляжного, спортивного, круизного, лечебно-оздоровительного (в зависимости от направления турфирмы); *навыками*: 2) коммуникации с клиентами; 3) находить информацию об особенностях различных видов туризма (культурно-познавательного, развлекательного, образовательного и т.д.); 4) давать рекомендации клиенту по вопросам туристических маршрутов; 5) обсуждать с клиентом его выбор в связи с конкретным туром; 6) предоставлять клиенту необходимую информацию о туробъектах Удмуртии; 7) улаживать конфликтные ситуации, связанные с организацией экскурсионных программ.

Нами были созданы рассказы для проведения экскурсии на базе «Фертики» УдГУ о загадочном народе чудь, проживавшем на разных территориях, в частности, вблизи д. Фертики Воткинского района, о селище «Кремлевское» (V–III вв. до н. э.), находящемся рядом с д. Фертики и с. Беркуты, и о самом ближайшем городище, расположенном у с. Перевозное (III–V вв. н. э.) [ОКН].

Также в наш филологический контент мы включили и фольклорный аспект – подобрали подвижные народные игры для турмаршрута.

Рассмотрев туристические (экскурсионные) маршруты Удмуртии, мы выделили несколько *видов* турмаршрутов республики:

1. **Культурно-познавательный.** Приведем несколько примеров:

- Культурно-туристический центр «Малиновкаын сюан», с. Вавож – д. Малиновка.

Здесь предлагаются такие маршруты как:

- Паломнический, т.е. посещение Свято-Никольского храма, Вознесенской и Петропавловской церкви.

- Этноисторический – посещение Дома-музея Кузубая Герда, Вавожского краеведческого музея, Вавожского центра декоративно-прикладного искусства и ремёсел (см. рис. 1).

- Спортивный (сплав по р. Вале) и т.д.

Рис. 1.

- Тур «Путешествие по земле сюмсинской», с. Сюмси.

Программа маршрута:

- Анимационное представление на Бабьинских горах.
- Обзорная экскурсия по достопримечательностям с. Сюмси.
- Посещение родника; знакомство с легендой зарождения д. Васинь.
- Экскурсия в усадьбу народного умельца М. В. Абашева.

2. *Развлекательные маршруты:*

- Тур «По следам первого фильма об удмуртах» д. Нижние Юри Малопургинского р-на.

Программа включает:

- Просмотр фильма.
- Встреча у полевых ворот с угощением и песнями.
- Игры, конкурсы и т.п.

- Тур «Карамас-Пельга встречает гостей» д. Карамас-Пельга.

Программа включает:

- Встреча экскурсионной группы народным ансамблем «Инвожо».
- Театральное интерактивное представление.
- Обзорная экскурсия по усадьбе и т.д.

3. *Исторические (образовательные) маршруты:*

- Различные экскурсии по городам Ижевск, Сарапул, Воткинск; по географическим объектам, находящимся на Сибирском тракте и др.

- Тур «История удмуртского костюма» с. Малая Пурга.

Программа включает рассказ о нестандартном творчестве реставратора по тканям Татьяны Никитичны Москвиной, дегустацию блюд.

- Тур «Мумы Гурлы» Киясово – Данилово – Карамас-Пельга.

Программа маршрута:

- Село Киясово: посещения музея П. А. Кривоногова.

- Посещение Свято-Никольского храма в с. Даниловка и т.д.

Изучив рынок туризма Удмуртии, мы пришли к выводу, что чаще всего предлагаются культурно-познавательные маршруты.

Подводя итог, можно отметить, что экскурсия – это авторский продукт, который поможет отвлечься от будничной рутины и узнать что-то новое в ходе развлекательного рассказа. Важно отметить, что студенты могут помочь в развитии внутреннего туризма в Удмуртской Республике, в привлечении потребителя как внутри республики, так и за ее пределами, в том числе иностранных туристов, что хорошо может сказаться и на развитии экономики и культуры региона. Но для того чтобы турмаршруты стали более разнообразными и познавательными должны создаваться интересные контенты филологической направленности для турмаршрутов.

Список использованной литературы

ОКН – Объекты культурного наследия (памятники археологии) федерального значения // URL: <https://pandia.ru/text/78/420/48983.php> (дата обращения 15.04.2021).

CONTENT ASPECT OF TOURIST ROUTES IN UDMURTIA

Summary. This article deals with one of the important aspects of the tourist route – its philological support, namely, the features of the excursion story. The types of tourist routes offered by the Udmurtia tourism industry are also considered.

Keywords: tourist route, philological support of tourism, excursion story, types of tourist routes.

Волкова Раиса Николаевна
Глухова Галина Анатольевна

Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

ПОЭТИКА ЗАГОВОРОНО-ЗАКЛИНАТЕЛЬНЫХ ФОРМУЛ В УДМУРТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Аннотация. В статье рассматривается поэтика лечебно-предохранительных формул в заговорно-заклинательной практике удмуртов. Анализ материала показал, что вербальный код закрепляет магическое действие, выполняемое во время лечения болезни или в ситуации оберега от несчастного случая. Заговорно-заклинательные тексты в сопровождении с обрядовыми действиями до сих пор существуют в удмуртской культуре, хотя порой эти тексты в композиционном плане достаточно уже просты. Однако основная лечебная формула в них сохранена.

Ключевые слова: удмуртский фольклор, заговорно-заклинательные формулы, заговорно-заклинательная традиция, лечебная и предохранительная магия, магическое слово.

Удмуртские заговоры и заклинания стали объектом внимания в раритетных источниках конца XIX – начала XX века (Г. Верещагин, Н. Первухин, П. Богаевский, Б. Мункачи и др.). Однако после Октябрьской революции и вплоть до середины XX века в связи с идеологическими установками советской эпохи в советской фольклористике данная тема исследователями не затрагивалась. Интенсивное изучение заговорно-заклинательной традиции, как составной части календарных и семейных обрядов, вновь начинается в 80-е гг. XX столетия (Т. Г. Владыкина, В. Е. Владыкин, Т. Г. Миннихметова, Г. А. Никитина, Н. И. Шутова, Т. И. Панина и др.). Впервые в удмуртской фольклористике наиболее полный обзор заговорно-заклинательной магии был сделан фольклористом Т. Г. Владыкиной в конетексте удмуртских поверий. Ученый выделяет несколько видов заклинаний (в зависимости от обряда или ритуала): вредоносный, лечебно-предохранительный, любовно-семейный, промыслово-хозяйственный, метеорологический [Владыкина 1998: 68].

Впервые попытки собрать воедино, изложить и обобщить сведения о лечебных обрядах удмуртов были предприняты Т. И. Паниной в

монографии «Слово и ритуал в народной медицине удмуртов» (2014), основным материалом послужили тексты конца XIX – начала XX века.

Несмотря на то, что данная проблема уже не раз была объектом внимания, она недостаточно изучена в силу тайности, не распространённости.

Практическим материалом для данного исследования послужили экспедиционные материалы, собранные студентами ИУФФУиЖ в разных районах Удмуртии с 1975 года по 2018 год, которые хранятся в рукописном фонде института, а также собранные нами в 2017–2021 гг. заговорно-заклинательные тексты северных удмуртов, проживающих в д. Котегово Базезинского района Удмуртской Республики.

Были рассмотрены примерно 75 тетрадей фольклорных экспедиций и индивидуальных тетрадей, всего удалось найти около 100 текстов заговорно-заклинательных формул. В них часто встречаются рассказы о колдунах (*ведйньёс сярись*), рассказы о встречах со сверхъестественными существами (*ишанъёс сярись*), частушки (*такмакъёс*), песни (*кырзанъёс*), свадебные обряды (*сюан*), рассказы о проводах в армию (*армие келян*), календарные обряды – всё то, что окружало человека в повседневной жизни. Кроме этого, почти в каждой тетради можно найти хотя бы одну заговорно-заклинательную формулу. Чаще других встречаются лечебные заговоры (*пеллянкыл/эмкыл*). Среди них: заговор от грыжи, от испуга (*курдамлэсь*), от текучести крови (*вир кыл*), от сглаза (*син усемлэсь*), от ангины, от ячменя (*йыды быдтон кыл*) и др.

Например, заговор от сглаза:

«Пиналлэсь кымыссэ суэн нашталлязы. Їужонэн котыртіз нуллылйзы: «Со мед басътоз, та мед басътоз» шуылйзы».

(«Дотрагивались углём до лба ребёнка, водили вокруг него метлой и говорили: «этот пусть возьмёт, тот пусть возьмёт») [Фольклорный архив 2001].

В большинстве случаев от сглаза лечили именно детей, т.к. считалось, что именно дети больше всех подвержены влиянию враждебных сил.

Заклинания – форма вербальной магии удмуртов – рассматриваются в соединении с другими видами магии. Практика закрепления словом – *кылэн юматон* – занимала существенное место и являлась одним из способов воздействия на природу и социальные отношения. Роль слова была настолько велика, что осознавалась как самодостаточная и универсальная. Т.Г. Владыкина жанр заклинаний

определяет как *тункыл* (от *тунаны* «гадать, ворожить, колдовать, заклинать, предсказывать» + *кыл* «слово») [Владыкина 1998: 62].

В данной статье остановимся лишь на одной из видов магии: лечебно-предохранительной, куда входят обереги (*утиськонкыл*), обеты (*сйзиськонкыл*), клятвы (*оскытонкыл*) и лечебные заговоры (*пеллянкыл/эмкыл*) [Владыкина 1998: 68].

В удмуртском фольклоре существуют универсальные заговоры (т.е. подходящие всем болезням):

«Шунды ветлэм, толэзь ветлэм, со сян ветлыса мед кошкоз. Кыти ке пырид, оти пот» («Солнце ходило, месяц ходил, так же пусть пройдёт и уйдёт [болезнь]. Где зашёл, там и выйди») [Фольклорный архив 1982].

Так же есть заговоры от определённых болезней (виркыл, йыдыбыдтонкыл). Например, заговор от ячменя: *«Тани эмъяском (висьсьлэсь нимзэ верано) висёнзэ. Нунал бертэм, кизили бертэм, толэзь бертэм, озьы ик мед бертоз (висьсьлэн нимыз) висёнзэ»* («Вот лечим болезнь (имярек больного). День возвратился, звезда возвратилась, луна возвратилась, пусть также возвращается болезнь (имярек больного)») [Фольклорный архив 2017].

В последнем приведённом примере, по-видимому, ключевым словом является глагол «возвращаться/вернуться» (*бертыны*), указывающий на то, что у каждой болезни есть свое определенное пространство, куда она должна вернуться. В предыдущем примере тоже есть подобная конструкция, но кроме этого из данного примера можно заметить, что болезни приказывали выйти из тела человека тем же путём, каким она попала в него, «где зашёл, там и выйди» (*кыти пырид, оти пот*).

Большинство удмуртских заговорных формул – это формулы невозможного. Они передают идею незыблемости принципов мироустройства: комбинация образов оказывается не случайным набором, а комплексом тем, обусловленных представлениями о миропорядке и возможности/невозможности его разрушения, осквернения, уничтожения.

«Музьем пушкын вань музьем-гогы. Со музьем-гогыез куке иш-калтэмед луиз, соку басьты та висьсьлэсь лулзэ-вирзэ! Сотэк уг сётйськы!» («В земле есть земной пуп. Когда ты сможешь выдержать/сдержать этот земной пуп, тогда возьми душу-кровь этого больного! Иначе не отдаю[его]!») [Владыкина 1998: 80].

В народном сознании считалось, что болезнь всё видит и слышит, как и все живые существа. Болезни давалась возможность овладеть здоровьем человека, но, только если она преодолит непреодолимые препятствия и преграды, выполнит невыполнимые действия: «Сьод ты пушкын сьод чорыг. Сьод чорыглы куке син усёз, соку син мед усёз» («В чёрном озере [живёт] чёрная рыба. Когда чёрную рыбу сглазят, тогда пусть сглазят [больного]») [Панина 2014: 95].

«Їуж муртлэн, горд муртлэн, сьод муртлэн, тодьы муртлэн син усем талы. Кызьи нимыз? (висисьлэн нимыз). Куке вумурт чиньыез ёгыны шедьтйзы, соку талы син мед усёз. Тьфу-тьфу. Эмез-юмез та медло!» («Человек с золотыми [волосами], человек с рыжими волосами [букв.: красными], человек с черными волосами, человек с белыми волосами сглазили его. Как его зовут? (имярек больного). Когда палец водяному смогут отрубить, тогда пусть его сглазят. Тьфу-тьфу. Пусть это будет исцелением») [Фольклорный архив 1975].

Данные примеры являются заговорами от сглаза, и кроме этого, на данных примерах можно заметить ещё одну формулу загово-роно-заклинательных текстов. Это перечисление цвета.

В отличие от славянских заговоров, в которых формула нанизывания цветов встречается во многих функциональных группах этого жанра, в удмуртской заговорно-заклинательной традиции она используется только в лечебных текстах от сглаза/порчи и является одним из их основных\ключевых моментов [Панина 2014: 157].

«Сьод синмыныд, горд синмыныд, ѳуж синмыныд, вож синмыныд куке сьод мунчоез, огпол учкыса, тодьы ке карид, соку (нимзэ верано) син мед усёз» («Когда чёрными глазами, красными глазами, жёлтыми глазами, зелёными глазами, один раз посмотрев, чёрную баню белой сделаешь, тогда (имярек) пусть сглазишь») [Фольклорный архив 2001].

Нанизывание цветов подразумевает номинацию всех возможных виновников сглаза. Это своеобразный способ распознавания источника, наставшего болезнь, что, в свою очередь, является важным этапом, ведущим к исцелению.

В удмуртских заговорно-заклинательных формулах присутствуют образы реального мира, посредством которых указывается невозможность для болезней и колдунов изменить окружающий мир, его законы и принципы, соответственно и воздействовать на человека.

«Улланы кошкись шурез вылланы берыктыны быгатид ке, соку син усыны сётиско» («Реку вспять повернуть когда осилишь, тогда разрешаю сглазить») [Николаева 2011: 85].

«Сизыымдон но сизыым адямилэсь йырси-гонзэ лыдзыса быдтытозь, вирзэ потыны уг лэзькы. Шурысь вань кӧльыоссэ лыдзыса быдтычозь, вирзэ потыны уг лэзькы. Куасьем кызлэсь лыссэ лыдзыса быдтычозь, вирзэ потыны уг лэзькы» («Пока не сосчитает все волосинки на голове и теле семидесяти семи людей, не разрешаю ране кровоточить. Пока не сосчитает все гальки в реке, не разрешаю ране кровоточить. Пока не сосчитает все хвоинки высохшей ели, не разрешаю ране кровоточить») [Фольклорный архив 1983].

Удмуртские заговоры являются ярким примером структурной равноценности всех синтагматических звеньев, иерархию которых невозможно установить. Комбинация их обусловлена обыденной /ритуально-обрядовой ситуацией и статусом заклинателя (врачевателя или рядового члена общества).

В удмуртской культуре и обряд, и магическое слово, которое в нём используется, известны с древних времён. Знания сохраняются и передаются из поколения в поколение. Для многих людей, потерявших надежду самостоятельно справиться со своими проблемами, заговорно-заклинательная традиция остаётся последней надеждой в решении жизненных трудностей.

Согласно нашему материалу, заговорно-заклинательные тексты в сопровождении с обрядовыми действиями до сих пор существуют в удмуртской культуре, хотя порой эти тексты в композиционном плане достаточно уже просты. Однако основная лечебная формула в них сохранена.

Список использованной литературы

Владыкина, Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики / Т. Г. Владыкина - Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, 1998 - 354 с.

Николаева, М. И. Фольклорно-этнографические реалии жителей деревни Аксакшур Малопургинского района УР: Выпускная квалификационная работа. Ижевск, 2011.

Панина, Т. И. Слово и ритуал в народной медицине удмуртов / Т. И. Панина - Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, 2014 - 240 с.

Фольклорный архив: ФЭ – 1975. Дело №1, тетрадь №7: Инф. Аккузина Авдотья Еремеевна, 1902 г. р., урж. д. Старая Какся Можгинского района УР.

Фольклорный архив: ФЭ-1982. Дело №10, тетрадь №2: Инф. Широбокова Надежда Ильинична 1900 г.р. урж. с. Кекоран Якшур-Бодьинского района УР.

Фольклорный архив: ФЭ-1983. Тетрадь №3: Инф. Хохрякова Людмила Фёдоровна 1920 г. р. урж. д. Заречная Медла Дебёсского района УР.

Фольклорный архив: Инд. тетрадь–2001. Вавожский район: Инф. Туева Антонида Ильинична 1933 г.р. урж. д. Новая Бия Вавожского района УР.

Фольклорный архив: Инд. тетрадь–2017. Балезинский район: Инф. Волкова Нина Александровна, 1970 г.р., урж. д. Котегово Балезинского района УР.

POETICS OF SPELL FORMULAS IN UDMURT FOLKLORE

Summary. The article considers the poetics of therapeutic and protective formulas in the spell-casting practice of the Udmurts. The analysis of the material showed that the verbal code fixes a magical action performed during the treatment of an illness or in a situation of a talisman against an accident. Incantation texts accompanied by ritual actions still exist in the Udmurt culture, although sometimes these texts are quite simple in compositional terms. However, the main therapeutic formula is preserved in them.

Keywords: Udmurt folklore, spell formulas, spell-spell tradition, healing and protective magic, magic word.

УДК 654.191:78(045)

**Душак Олеся Ивановна
Загоруйко Илья Николаевич**

Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье осмысляется процесс развития музыкальной журналистики в контексте современного медиапространства, пути ее функционирования в полиформатной среде. На примере крупнейшего музыкального СМИ «Нашего радио» рассматривается термин «мультиформатная медиаплощадка» как явление информационного пространства XXI века.

Ключевые слова: музыкальная журналистика, медиaprостранство, Наше радио, мультимедиа.

В последние годы термин «музыкальная журналистика» теряет свою актуальность вследствие активного развития социальных сетей и личных блогов. Эти процессы приводят к демократизации журналистики. Современные материалы о музыкальной сфере именно составляются на основе пресс-релизов и ранее написанных критических статей, по материалам из социальных сетей музыкантов и т.д. Этому посвящена статья журналиста Игоря Банникова «Завет-2020», опубликованная на портале «Институт музыкальных инициатив». Он пишет: «Новейшая журналистика должна вырваться из-под гнета трендовых инфоповодов и звонких имен. Разумеется, нам не нужно низвергать их с корабля журналистики. Но нам надо научиться создавать тексты, не зависящие от инфоповодов. Читатель должен получать от музыкального журналиста не только сухую информацию о релизах, но и набор мыслей, располагающий к дальнейшему размышлению. Наши тексты должны стать самоценными» [Банников 2020].

В понимании среднестатистического потребителя журналистика – инструмент удовлетворения потребности общества в необходимой ему информации. В последние годы в сферу журналистской деятельности всё сильнее внедряется Интернет. Происходит некоторая ассимиляция, в результате которой часть традиционных функций журналистики переходит в Интернет-пространство. Так происходит и с музыкальной журналистикой. Еще совсем недавно между исполнителями и аудиторией существовал информационный разрыв, поэтому музыкальная журналистика стала связующим звеном, проводником новостей и критиком. Сегодня этот барьер разрушен. Социальные сети исполняют роль проводника, пассивно способствуют общению музыкантов и аудитории. Казалось бы, музыкальная журналистика должна исчезнуть. Однако в непрерывном информационном потоке необходимо уметь ориентироваться: каждый день появляются новые блогеры, сообщества и площадки, которые транслируют новости из мира музыки. Зачастую известные исполнители имеют не одну страничку в социальных сетях, фан-сообщества, каналы, непосредственно обща-

ясь через них со своей аудиторией. Таким образом, музыкальная журналистика становится дополнительным сервисом, который сепарирует информационный поток: отделяет «нужное» от «ненужного», «интересное» от «неинтересного». В некоторых случаях сепарирование превращается в жонглирование инфоповодами, основанное лишь на новых релизах. Творческий элемент, как правило, становится вторичен. Это может быть объяснено скоростью современной жизни, трафиком и клиповостью мышления потребителя.

Отметим, что в современном российском интернет-пространстве выделяют два вида музыкальной журналистики: информационную и аналитическую. Разница между ними принципиальная и четко прослеживается даже из названия. Информационная музыкальная журналистика преследует своей целью отражение новой информации из мира музыки, а точнее связана с появлением музыкальных альбомов, клипов, порой и светской хроники. Аналитическая же журналистика представляет собой критические материалы: рецензии, обзоры, комментарии. Появляется множество специализированных сайтов, посвященных отдельным музыкальным направлениям или исполнителям. Музыкальные блогеры также активно встраиваются в систему, т.к. гражданская журналистика более гибка и независима. Возможности Интернета позволяют авторам использовать в своих блогах и на сайтах не только текстовый материал, но и аудиовизуальные средства, которые усиливают эффект присутствия аудитории, например, на концерте.

Преимуществами такого пути развития музыкальной журналистики, а именно перехода к мультимедийности и всеохватности, являются:

- 1) высокая степень возникновения полемики между автором и аудиторией, плюрализм мнений;
- 2) получатель информации может одновременно быть её производителем;
- 3) возможность получения актуальной информации, освещенной с разных сторон, в режиме реального времени.

Однако есть и недостатки, которые, в первую очередь, влияют на качество производимого контента:

1) частая анонимность авторов, которая освобождает от ответственности за достоверность информации;

2) переизбыток и разномастность информации вызывает сложности в поиске действительно проверенных фактов;

3) многократное копирование информации из СМИ и крупных музыкальных сайтов в попытке занять свою нишу в медиапространстве.

Современность вынуждает музыкальные СМИ реорганизовываться в мультиформатные медиаплощадки, где сочетаются возможности Интернета и мастерство журналистов. Такое разнообразие реализуемых на разных платформах форматов позволяет значительно расширить охваты аудитории.

Такой площадкой мы можем назвать «Наше радио» – одну из ведущих радиостанций в России, которая появилась в 1998 году. Здесь можно было услышать новости, прогноз погоды, но главным фактором быстро набираемой популярности стала именно музыка – «Наше радио» обратилось к практически забытому жанру гитарной музыки, при этом, не ограничиваясь только рок-композициями [Зенкина]. А запущенный станцией фестиваль «Нашествие» и сегодня является одним из самых популярных массовых мероприятий, успех которого экстраполировался за пределы страны. Сегодня это не просто радио, а разветвленная система, которая активно функционирует в социальных сетях, на сайтах и платформах: Вконтакте, YouTube, Яндекс.Дзен, Telegram, Facebook, Одноклассники, Twitter и TikTok. Медиаплощадка дает шанс начинающим молодым музыкантам предстать перед широкой публикой.

По данным рейтинговой системы площадки возраст целевой аудитории «Нашего радио» составляет 25–49 лет. По исследованиям экспертов «Нашего радио», слушатель в среднем включает эфир на 1,5 часа для единоразового прослушивания музыки. Вот как описывает портрет постоянного слушателя программный директор «Нашего радио» Анастасия Рогожникова: «Это мужчина, ему больше 35-ти: очень активный, компанейский. Если он услышит на радио знакомую песню, то сделает погромче и будет подпевать. У него очень много друзей, он по-хорошему патриотичен, любит свою страну и все, что в ней сделано – но не ура-патриот. Жизнерадостный, добрый, веселый». Вот как описывает портрет постоян-

ного слушателя Анастасия Рогожников: «Это мужчина, ему больше 35-ти: очень активный, компанейский. Если он услышит на радио знакомую песню, то сделает погромче и будет подпевать. У него очень много друзей, он по-хорошему патриотичен, любит свою страну и все, что в ней сделано – но не ура-патриот. Жизнерадостный, добрый, веселый» [ИМИ]. Такие результаты мотивируют создавать гибкую эфирную сетку, которая будет вмещать в себя разные жанры музыки, чтобы избежать потери охватов. Кроме фестиваля «Нашествие» бренду «Наше радио» принадлежит ряд других проектов. «Наше ТВ» активно развивается на платформе YouTube. Здесь выходит авторская программа «Воздух» с Михаилом Марголисом, которая представляет собой запись живого мини-концерта группы и интервью с её участниками. Эти выпуски выходят также в форме подкастов на официальном сайте «Нашего радио». Существует эфирный проект «Отцы и дети», куда музыканты приходят вместе с детьми. Также у радио есть локальный проект «Наши в городе», который может проходить в любом городе на относительно крупной площадке – этим он и отличается от фестиваля года «Нашествие». Хит-парад «Чартова дюжина» и одноименная премия по его итогам – визитная карточка медиаплощадки. Последний год набирает популярность утреннее радио-шоу «Подъемники», героями которого становятся не только музыканты, но и известные в других сферах люди. Состояние современной музыкальной журналистики не однозначно: практически полное отсутствие критических материалов соседствует с мультимедийностью и анонимностью с неограниченными возможностями авторства. Здесь, как и в любом другом явлении или процессе, есть свои плюсы и минусы, которые, находясь на противоположных чашах весов, пока способны держать относительное равновесие. Музыкальные группы, в силу состояния медиапространства, получают большое количество каналов распространения информации о себе как самостоятельно, так и опосредованно через журналистов и блогеров.

Список использованной литературы

Банников, И. Завет-2020 [электронный ресурс] // i-m-i.ru – Режим доступа: <https://i-m-i.ru/post/zavet-2020>.

Зенкина, М. История музыкальных медиа «Наше радио» [электронный ресурс] // Radio.ru – Режим доступа: <https://radioportal.ru/news/istoriya-muzykalnyh-media-nashe-radio>.

ИМИ. Журнал. Кто слушает «Наше радио» и могут ли молодые группы попасть в эфир [электронный ресурс] // nashe.ru – Режим доступа: <https://www.nashe.ru/news/kto-slushaet-nashe-radio-i-mogut-li-molodye-gruppy-popast-v-efir>.

Наше радио. Официальный сайт [электронный ресурс] // nashe.ru – Режим доступа: <https://www.nashe.ru/>.

MUSIC JOURNALISM IN THE MODERN MEDIA SPACE

Summary. The article studies the process of music journalism development in the modern media space context, the ways of its functioning in a multiformat environment. The example is the largest music media "Our Radio", the term "multi-format media platform" is considered as an information space phenomenon of the XXI century.

Keywords: music journalism, media space, Our radio, multimedia.

УДК 811.161.1:002.2(470.51)(045)

Дюпина Алина Сергеевна
Ефремов Дмитрий Анатольевич

Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ПЕЧАТНЫХ СМИ УДМУРТИИ

Аннотация. В статье раскрывается сущность термина «языковая игра» и два основных подхода к его трактовке, приводится классификация видов языковых игр, а также анализируется их применение на страницах газет «Удмуртская правда» и «Известия Удмуртской Республики». Цель исследования – анализ приёмов языковой игры в материалах региональных журналистов.

Ключевые слова: языковая игра, Удмуртия, журналистика, печатные СМИ.

Существует два основных подхода к пониманию термина «языковая игра». Первый подход был введён Л. Витгенштейном, в его понимании языковая игра – это «весь процесс употребления слов в языке как одна из тех игр, посредством которых дети изу-

чают родной язык» [Витгенштейн 1985: 13]. Второй подход появился в 1990-х годах. Его приверженцы видят в языковой игре «использование языка для достижения надъязыкового, эстетического, художественного (чаще всего – комического) эффекта» [Норман 1994: 79]; «деструкцию речевой нормы и творческий характер языковой игры» [Ильясова 2018: 32]. С течением времени термин «языковая игра» стал пониматься как способ преднамеренного достижения определённого рода эффекта путём творческого искажения языковой нормы. Наиболее ярко это прослеживается в материалах СМИ.

С. И. Сметанина и С. В. Ильясова выделяют следующие типы языковой игры в СМИ: графическую, фонетическую, словообразовательную, морфологическую: С. И. Сметанина выделяет также игры с сочетаемостью и многозначностью слов [Дайбова 2011: 3].

Графическая игра – выделение той части слова, которая формирует новый смысл. **Фонетическая игра** по С.И. Сметаниной основана на изменении фонетической формы слова [Дайбова 2011: 3]. С. В. Ильясова анализирует **словообразовательную игру** с учётом включенности в неё различных частей речи. **Морфологическая игра**, по С. И. Сметаниной, может основываться на использовании слов в чуждой им морфологической категории. По С. В. Ильясовой, морфологическая игра состоит в создании синтетических форм сравнения. По С. И. Сметаниной, **игры с сочетаемостью слов** – это «нарушение норм сочетаемости с целью создания дополнительных эффектов» [Сметанина 2002: 234], **игры с многозначностью слов** – это «игры с семантикой, когда текстовое окружение не снимает, а, напротив, подчеркивает вероятность прочтения слова по-разному» [Сметанина 2002: 242].

Нами были проанализированы восемь номеров газеты «Удмуртская правда» и восемь номеров газеты «Известия Удмуртской Республики». В результате были выявлены 24 случая применения языковой игры, в том числе 18 случаев в «Удмуртской правде» и шесть случаев в «Известиях УР». Некоторые примеры можно отнести сразу к двум видам языковой игры, что связано с пересечением использования приёмов. Чаще всего языковую игру можно увидеть в заголовках (15 случаев), реже – в подзаголовках (восемь случаев), реже всего – в самих текстах статей (один случай).

Графическая игра (по типологии С. В. Ильясовой, примеры можно отнести к слиянию и графогибридизации [Ильясова 2018:

81, 90]) встречается два раза только в «Удмуртской правде»: в №15 (25779) от 22 апреля 2021 г. – слово «*энерго-воры*», что представляет собой слияние первой части сложных слов «*энерго*», относящейся к энергии, и слова «*воры*»; в № 12 (25776) от 1 апреля 2021 г. – заголовок «*Удмуртия Calling Узбекистан*», где используется слово из другого языка «*calling*» вместо одного из русских слов «звонит, обращается, призывает» (этот пример также можно отнести к игре с многозначностью фразы, о чём изложено ниже).

Морфологическая игра встречается один раз в «Удмуртской правде». В № 12 (25776) от 1 апреля 2021 г. – заголовок «*Ямочным порядком*», в котором наравне с искажением фразеологизма (об этом виде языковой игры изложено ниже) наблюдается искажение падежа: предложный падеж меняется на творительный.

Игра с многозначностью встречается пять раз и только в «Удмуртской правде»: в № 16 (25780) от 29 апреля 2021 г. – заголовок «*“Сириус” стал ближе*», где имеется в виду не звезда, а название образовательного центра; в № 13 (25777) от 8 апреля 2021 года – заголовок «*Против лишнего веса*» (выражение обыкновенно относится к людям, а в данном контексте оно относится к перегрузкам на дорогах); в том же номере – подзаголовок «*Тщетная предосторожность*», т.к. это выражение является и названием французского балета, которое вошло в обиход языка, и описывает состояние, отношение к чему-то; в № 12 (25776) от 1 апреля 2021 г. – заголовок «*Удмуртия Calling Узбекистан*», т.к. «*Удмуртия Calling*» – это и название форума, и буквально «*Удмуртия связывается с Узбекистаном*»; в № 11 (25775) от 25 марта 2021 г. – заголовок «*“Первоклассная” запись*», который можно понять двояко, и как запись первоклассников в школу, и как «первоклассная» в значении «превосходная, высшего качества».

Игра с сочетаемостью встречается два раза: один раз – в «Удмуртской правде», один раз – в «Известиях УР». В № 12 (25776) «Удмуртской правды» от 1 апреля 2021 года – лексическая несочетаемость в заголовке «*Ижевск вновь считывает дизайн-код*», некорректное употребление выражения (есть выражение «считывать QR-код», но дизайн-код – это не QR-код, дизайн-код – это набор правил по вопросам облика города); в № 47 (5234) «Известий УР» от 6 мая 2021 г. – лексическая несочетаемость в заголовке «*Серийный “велосипедист”*», искажение существующего в речи клише «*серийный убийца*».

Интересно, что примеров словообразовательной и фонетической игр найти не удалось. Также нами было отмечено, что чаще всего (в целом – шестнадцать раз) встречаются примеры разновидности языковой игры, не включённой ни в одну из приведенных нами типологий, которая основывается на искажении популяризированных оборотов речи – фразеологизмов (наиболее часто), пословиц, строчек из песен и др. Например, в № 18 (25782) «Удмуртской правды» от 13 мая 2021 г. – заголовок «*От жары не убежишь*», искажение пословицы «*от судьбы не уйдёшь*»; в том же номере – заголовок «*Инициатива награждаема*», искажение поговорки «*инициатива наказуема*»; в № 17 (25781) «Удмуртской правды» от 6 мая 2021 г. – подзаголовок «*Не БКДом единым*», искажение фразеологизма «*не хлебом единым*»; в № 16 (25780) «Удмуртской правды» от 29 апреля 2021 г. – подзаголовок «*Не работой единой*», вновь искажение фразеологизма «*не хлебом единым*»; в № 15 (25779) «Удмуртской правды» от 22 апреля 2021 г. – подзаголовок «*А сайт и ныне там*», искажение фразеологизма «*а воз и ныне там*»; в том же номере – подзаголовок «*Богатые тоже воруют*», искажение поговорки «*богатые тоже плачут*»; в № 14 (25778) «Удмуртской правды» от 15 апреля 2021 года – подзаголовок «*Нет слов – одни жесты*», искажение крылатого выражения «*нет слов – одни эмоции*»; в № 12 (25776) от 1 апреля 2021 г. – заголовок «*Ямочным порядком*», имеет место искажение фразеологизма «*в спешном порядке*»; в № 11 (25775) «Удмуртской правды» от 25 марта 2021 г. – подзаголовок «*С лёгкой мужской руки*», искажение фразеологизма «*с лёгкой руки*»; в том же номере – заголовок «*Если к "другу" вышел в сеть...*», искажение крылатой фразы из песни «*Если с другом вышел в путь*»; в том же номере – подзаголовок «*Не ходите, дети, в интернет гулять!*», искажение крылатой фразы из произведения К. И. Чуковского «*Бармалей*» «*Не ходите, дети, в Африку гулять*»; в № 50 (5237) «Известий УР» от 13 мая 2021 г. – заголовок «*Молчи, груздь, молчи*», искажение названия немого фильма 1918 г. «*Молчи, грусть, молчи*»; в том же номере – заголовок «*Каждый охотник желает знать... о хромотерапии*», искажение мнемонической фразы «*Каждый охотник желает знать, где сидит фазан*»; № 47 (5234) «Известий УР» от 6 мая 2021 г. – заголовок «*Мимо счётчика*», искажение фразеологизма «*мимо кассы*»; в № 46 (5233) «Известий УР» от 30 апреля 2021 г. – заголовок «*Деньги в трубу*», искажение фразеологизма «*вылететь в трубу*»; в № 45 (5232) «Из-

вестий УР» от 29 апреля 2021 г. – заголовок «*Страсти по Баху*», искажение названия оратории И. С. Бах «*Страсти по Матфею*».

Таким образом, можно заключить, что приёмы языковой игры действительно до сих пор используются журналистами печатных СМИ Удмуртии при написании материалов, но количество случаев их применения снизилось, классические виды языковой игры стали употребляться реже, уступая место искажённым фразеологизмам, пословицам и т.п. Это может быть связано с тематикой и политикой взятых для анализа изданий, учреждённых органами власти и ориентированных на донесение информации широкому кругу читателей. По этой же причине в газетах преобладают именно изменённые фразеологизмы, крылатые фразы и т.п., так как они понятны и известны большому количеству людей. Также такая ситуация может быть связана с устареванием некоторых типов языковой игры, например, графической игры, которая в современных СМИ встречается не так часто, как это было в 2000-х годах.

Список использованной литературы

Витгенштейн, Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1985. Вып. 16. – 504 с.

Дайбова, О. Н. Языковая игра в дискурсе СМИ [Электронный ресурс] // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – Новосибирск: ЦРНС, 2011. – № 7. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-igra-v-diskurse-smi>, свободный (дата обращения: 12.05.2021).

Ильясова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы [Электронный ресурс] / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – 6-е изд., стер. – Москва: Флинта, 2018. – 296 с.

Норман, Б. Ю. Грамматика говорящего / Б. Ю. Норман; Санкт-Петербург. гос. ун-т. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1994. – 228 с.

Сметанина, С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): научное издание. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 383 с.

WORD PLAY IN UDMURT PRINT MEDIA

Summary. The article reveals the core concepts of the term "language game" and provides two main approaches to its interpretation. It presents a typological classification of language games, and analyzes their use on the pages of the newspapers "Udmurtskaya Pravda" and "Izvestiya Udmurtskaya Respubliki". The aim of the research is to ana-

lyze the techniques of language games in the materials of regional journalists.

Keywords: language game, Udmurtia, journalism, print media.

УДК 811.511.131`34(045)

Елышев Владимир Валерьевич

Кондратьева Наталья Владимировна

Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

К ВОПРОСУ О ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ СРЕДИННЫХ ГОВОРОВ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена изучению фонетических особенностей срединных говоров удмуртского языка на лингвистическом материале, собранном в следующих населенных пунктах: д. Сундуково, с. Бураново и Яган-Докья Малопургинского района Удмуртской Республики. Отдельное внимание уделяется таким явлениям как междиалектная корреспонденция, элизия, аферезис, протеза, аффрикатизация и др.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалекты удмуртского языка, срединные говоры, фонетика, фонетические явления.

В системе современного удмуртского языка в последние годы особенно ярко наблюдаются ассимиляционные процессы [Кондратьева, Филиппова 2019; Шаланки, Кондратьева 2019]. В связи с этим актуальной становится проблема фиксации диалектных особенностей отдельных говоров исследуемого языка.

Данная статья посвящена выявлению фонетических особенностей срединных говоров удмуртского языка. Материалом исследования послужили собранные в ходе полевых исследований записи в д. Сундуково, с. Бураново и с. Яган-Докья Малопургинского района УР. В качестве респондентов выступили 14 жителей указанных населенных пунктов в возрасте от 55-ти до 92-х лет. Выбор респондентов обусловлен тем, что в речи именно этой возрастной группы сохранились наиболее яркие диалектные особенности исследуемого говора.

Традиционно для удмуртского языка принято выделять четыре основные диалектные зоны: северные, срединные, южные диалекты, а также бесермянское наречие удмуртского языка. Удмуртский ученый В. К. Кельмаков отмечает, что «срединные говоры представляют собой группу относительно однотипных пространственно-структурных единиц удмуртского диалектного языка, распространенных на довольно обширной территории – в центральных районах Удмуртской Республики и в населенных пунктах сопредельных им Малмыжского и Вятско-Полянского районов Кировской области» [Кельмаков 1998: 194].

Вокалическая система срединных говоров, в том числе и в исследуемом нами ареале, представлена 7 гласными фонемами: *и, ы, у, э, ö, о, а*.

В качестве наиболее ярких диалектных особенностей в области вокализма можно назвать следующие явления:

1. Наличие регулярной междиалектной корреспонденции *ы//и*.

В исследуемом ареале вместо литературного гласного *и* после велярных согласных или перед *ш, ж* употребляется гласная *ы*: *ышка- // лит. ишка-* ‘рвать’; *гынэ // лит. гинэ* ‘лишь’.

Корреспонденция *-ы//и* представлена также в следующих падежных маркерах:

а) показатель элатива (удм. лит. *-ысь*): *олокытыс’ // лит. олокытыс’* ‘откуда-то’; *шурыс’ // лит. шурыс’* ‘из речки’; *отис’ // отыс’* ‘оттуда’; *гуртыосис’ // лит. гуртыосыс’* ‘из деревень’; *мол’эбэныс’ // лит. мол’эбэныс’* ‘из молебна’; *артис’ // лит. артысь* ‘соседний’, *кытыс’ // лит. кытыс’* ‘откуда’;

б) суффикс эгрессива (удм. лит. *-ысен*): *мунчоис’эн // лит. мунчоис’эн* ‘из бани’; *корказ’ис’эн // лит. корказ’ыс’эн* ‘с крыльца’.

2. Наличие регулярной междиалектной корреспонденции *у//ы*.

В исследуемой диалектной зоне в деепричастных формах используется суффикс *-ку-* во всех трех лицах, тогда как в литературном языке используется маркер *-ку(-)*: *потыкызы // лит. потыкузы* ‘когда выходили’; *гудырйаку // лит. гудырйаку* ‘когда гром гремит’; *поттыкызы // лит. поттыкузы* ‘когда выводили’; *ветлыкымы // лит. ветлыкумы* ‘когда ходили’; *турнаку // лит. турнаку* ‘во время сенокоса’.

3. Помимо междиалектной корреспонденции для исследуемых говоров характерно явление синкопы, под которой принято рассматривать выпадение звука или группы звуков внутри слова, осо-

бенно в положении между смычными [Ахманова 1966: 395]. В собранных нами материалах были выявлены следующие случаи явления синкопы:

а) в глаголах настоящего времени I и II лица единственного числа наблюдается выпадение группы звуков на *-иськ-*: *вэтко* // лит. *вэтлис'ко* 'хожу'; *бэрко* // лит. *бэртис'ко* 'иду домой'; *шуко* // лит. *шуис'ко* 'говорю', *утком* // лит. *утис'ком* 'выигрываем', *ворткэ* // лит. *вордис'кэ* 'рождается' и др.;

б) выпадение гласной *ы* наблюдается в неопределенных формах глагола, например, *карны* 'сделать', *бёрдны* 'плакать', *вис'ны* 'болеть', *дурны* 'ковать', *улны* 'жить', *вуны* 'прихать', *сылны* 'стоять' и др., а также в деепричастиях *бэрткы* 'при возвращении', *поткы* 'выходя', *бэрттоз'* 'до возвращения', *шуса* 'говоря', *нуса* 'неся' и др.;

в) выпадение фонемы *э* характерно для падежных маркеров пролатива: *гопти* 'через яму', *имбамти* 'по небу', *укноти* 'через окно'.

4. Также нами зафиксированы случаи, когда происходит выпадение конечного гласного слова на стыке с начальным гласным следующего слова. Данное явление имеет название элизии. Как и в других диалектных зонах, в исследуемых нами говорах «из двух гласных на стыке двух лексем обычно выпадает первый, и происходит как бы слияние двух слов в одно целое» [Карпова 2005: 47]: *тин'та* (лит. *тан'и та* 'вот этот'), *тин'со* (лит. *тин'и со* 'вот тот'), *сон'со* (лит. *тин'и со* 'вот он, вот тот').

5. Аферезис – фонетическое явление, «суть которого заключается в том, что под воздействием звука предшествующего слога происходит выпадение начального звука или даже целого слога последующего слова. То есть данное явление обычно наблюдается в сложных словах, образованных из двух самостоятельных слов» [Карпова 2005: 47]. В частности, были зафиксированы следующие случаи аферезиса: *окол* (лит. *одиг пол* 'однажды'), *сэрэ* (лит. *со бере* 'после этого'), *тарэ* (лит. *та бере* – уже, сейчас), *быдзымнал* (лит. *Быдзым нунал* 'Пасха') и др.

6. Явление протезы, под которым понимается появление добавочного звука в абсолютном начале слова, представляет собой явление, которое уже исчезает из исследуемой нами диалектной группы. Нами были зафиксированы лишь единичные случаи употребления протетического *и* в деревне Сундуково: *искал* 'корова'; *из'вэр* 'зверь', *ис'топ* 'Степан'.

Консонантная система срединных говоров представлена следующими 28 фонемами: *б, в, г, д, ж, ж́, з, з́, з̃, й, к, л, л́, м, н, н́, п, р, с, с́, т, т́, ч, ч́, ш, ф, ц, щ*. Принято считать, что фонемы *ф, х, ц, щ* заимствованы из русского языка [Карпова 2005: 51].

В области консонантизма наиболее яркими признаками исследуемых нами говоров являются следующие черты:

1. Аффрикатизация, представленная в следующих позициях:

а) палатализованный *з́* переходит в аффрикату *з̃* (*з́ > з̃*): *аз̃аз* (лит. *азяз*) 'впереди', *оз̃ы* (лит. *оз'ы*) 'так', *лэ̃зо* (лит. *лэзэ́*) 'отправляю', *ку̃з* (лит. *кузь*) 'длинный', *ку̃зи* (лит. Кузи (уменьшительно-ласкательная форма личного имени Кузя)), *кы̃зы-о* (лит. *кызьы-о*) 'как это, как' и др;

б) палатализованный *с́* переходит в аффрикату *ч*: *ач̃мэ* (лит. *асьме*) 'наш, свой', *вор̃дички* (лит. *вордйськи*) 'родилась' и др;

в) согласная *ж* переходит в аффрикату *ж́*: *уж̃аны* (лит. *ужаны*) 'работать';

г) согласная *ш* переходит в аффрикату *ч̃*: *ч̃у̃чкон* (лит. *чушкон*) 'полотенце', *ч̃о̃ч* (лит. *чош*) 'вместе'.

2. Параллельно с процессами аффрикатизации в ряде случаев происходит явление деаффрикатизации: *бад̃зын* (лит. *бадз̃ын*) 'большой'.

3. Отдельное внимание следует обратить также на выпадение согласного *л* в инлаутной и аусллаутной позиции: *губэч* (лит. *гулбеч*) 'погреб', *ма^ыбон* (лит. *малы бон*) 'зачем, с какой целью', *взрао* (лит. *верало*) 'скажу', *өв̃ө* (лит. *өвөл*) 'нету'.

В данной статье отмечены лишь наиболее яркие черты вокализма и консонантизма исследуемых нами говоров. Важно подчеркнуть, что имеются также некоторые фонетические явления, характерные только для отдельных возрастных групп населения села Бураново, Яган-Докья и деревни Сундуково. Они требуют дальнейших научных изысканий.

Список использованной литературы

Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская Энциклопедия, 1966. – 608 с.

Карпова, Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. – Ижевск, 2005. – 581 с.

Кельмаков, В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 385 с.

Кондратьева, Н. В., Филиппова, Н. В. Динамические процессы удмуртского языка в условиях удмуртско-русского двуязычия в д. Старая Уча Республики Татарстан // Проблемы марийской и сравнительной филологии. – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2019. – С. 56–58.

Шаланки, Ж., Кондратьева, Н. В. Морфосинтаксическая интерференция в условиях удмуртско-русского билнгвизма // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2019. – Т. 13. – № 3. – С. 380–389.

ON PHONETIC FEATURES OF MIDDLE DIALECTS OF UDMURT

Summary. The article deals with the study of phonetic features of the middle dialects of Udmurt on the linguistic materials collected in the following localities: the village of Sundukovo, the village of Buranovo and Yagan-Dokya of Malopurginsky district of the Udmurt Republic. Special attention is paid to such phenomena as inter-dialect correspondence, elision, apheresis, prosthesis, affrication, etc.

Keywords: Udmurt language, dialects of the Udmurt language, middle dialects, phonetics, phonetic phenomena.

УДК 81`42:379.85(470.51)(045)

Калабина Мария Андреевна

Тимерханова Надежда Николаевна

Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ИГРА КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ И ГЕОГРАФИЧЕСКОМ НАПОЛНЕНИИ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА УДМУРТИИ

Аннотация. Данная статья посвящена краеведческому туризму в Удмуртской Республике, а именно созданию краеведческих игр для туристических маршрутов, которые будут способствовать изучению культуры народа и географических особенностей местности. Автором, М. А. Калабиной, была создана увлекательная интерактивная электронная краеведческая игра, которая включает много интересного материала и может быть востребована как для внутреннего, так и для въездного туризма.

Ключевые слова: краеведческая игра, краеведческий туризм, филологическое обеспечение внутреннего туризма, география местности.

Игра – это превосходный способ заставить учащихся активно работать на уроке и во внеурочное время. Использование игровых технологий делает учебно-воспитательный процесс более содержательным и более качественным, так как игра занимает особое место в системе активного обучения, являясь одновременно и методом, и формой организации воспитательного процесса, синтезируя в себе практически все методы активного обучения.

Именно игра дает возможность без лишней нагрузки передать ребенку множество знаний. В процессе игры ребенок запоминает невероятно много и с большим удовольствием. Развиваются буквально все познавательные сферы ребенка – воображение (в первую очередь), мышление, память, представление и т. д. Но краеведческая игра может стать и важным элементом на каком-либо туристическом маршруте как элемент, используемый в дождливую погоду в помещении либо в не дождливую, если связана с экскурсионным рассказом об определенном месте турмаршрута. Причем к игре проявляют интерес не только дети, но и взрослые.

Исходя из этого, можно сказать, что создание краеведческих игр, которые будут выступать как конструктивный элемент в филологическом обеспечении и географическом наполнении внутреннего, а также въездного туризма, является актуальным и практически очень значимым. И так как люди все больше погружаются в мир развивающихся технологий, к которым относится электронная игра, краеведческая электронная игра может стать источником ценных знаний о языке, культуре народа и географических особенностях местности. Игра, которую мы создали, ориентирована на средний школьный возраст, но может быть использована и со взрослыми.

Целями созданной игры является:

1. Развитие всесторонней личности, повышение интеллектуального и духовного уровня развития;
2. Воспитание патриотических чувств, любви и бережного отношения к природе и культуре и традициям родного края;
3. Знакомство с географическими особенностями местности;

4. Воспитание чувства коллективизма.

Задачи игры:

1) в случае со школьниками создать условия для повторения материала, изученного на уроках краеведения, географии и т.д., а в случае со взрослыми – активизировать их знания, полученные ими в разное время;

2) заинтересовать в дальнейшем изучении истории, культуры своего края.

Нами использовались различные методы исследования в частности, подбор и обработка библиографических, электронных источников; анализ методических, научных материалов; обобщение передового педагогического опыта, проектирование.

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы данного исследования могут быть использованы как конструктивный элемент на различных туристических маршрутах, а также на уроках географии, краеведения, для факультативов и т.д., они имеют филологическую направленность, географическое наполнение и дают возможность знакомиться с достопримечательностями и культурой края, вызывая достаточно большой интерес.

Далее мы опишем игровой замысел и структуру краеведческой игры «Сказочные Земли». Структура игры имеет 3 части:

– **Введение.** Знакомство с персонажами игры – персонажами из мифологии и сказок (где отражается культура народа, при этимологизации названий персонажей филологическая сторона игры, а при привязке к определенной местности – географическая сторона). Далее мы будем говорить об игре, предназначенной для детей, так как в первую очередь намереваемся ее использовать на детских турмаршрутах.

Итак, в 1-ой части (на 1-ом этапе) выполняются такие функции как:

1. Развлекательная функция – создание благоприятной атмосферы, превращение формы общения взрослого с ребенком из скучного мероприятия в увлекательное приключение.

2. Коммуникативная функция – объединение детей, установление эмоциональных контактов, формирование навыков общения.

3. Психотехническая функция – формирование навыков подготовки своего психофизического состояния для более эффективной деятельности, перестройка психики для интенсивного усвоения.

– **Основная часть.** Выполнение заданий, которые ориентированы на рефлексию, вызыванию познавательных интересов, нравственное формирование и т.д., при этом выполняются такие функции:

1) обучающая функция – развитие общепознавательных умений и навыков, таких, как память, внимание, восприятие и др.;

2) коммуникативная функция – объединение детей, установление эмоциональных контактов, формирование навыков общения;

3) релаксационная функция – снятие эмоционального (физического) напряжения, вызванного нагрузкой на нервную систему ребенка при интенсивном учении, труде;

4) функция самовыражения – стремление ребенка реализовать в игре творческие способности, полнее раскрыть свой потенциал;

5) компенсаторная функция – создание условий для удовлетворения личностных устремлений, которые невыполнимы (трудно выполнимы) в реальной жизни (классификация функций по [URL1]).

– **Заключительная часть** – подведение итогов. Данный этап подразумевает коллективную работу и ориентирован в большей степени на сплочение и реализацию коммуникативной функции – объединение детей и взрослых, установление эмоциональных контактов, формирование навыков общения.

Таким образом, можно выделить следующие дидактические составляющие нашей краеведческой игры: 1) образовательный аспект: восприятие учащимися нового материала или закрепление уже известного; 2) развивающий аспект: развитие познавательного интереса у детей, умения обобщать, анализировать, сравнивать, активизировать творческую деятельность; 3) воспитательный аспект: воспитание научного мировоззрения, умения четко организовать групповую работу, воспитание чувства товарищества, взаимопомощи.

Продемонстрируем некоторые элементы из нашей краеведческой игры (рис. 1–4):

Рис. 1. Слайд о ходе игры.

Рис. 2. Задание.

Рис. 3. Задание.

Рис. 4. Ответ.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что краеведческая дидактическая игра – это современный и признанный метод обучения и воспитания, который обладает такими функциями как образовательная, развивающая и воспитывающая. Язык, культура, и географическое наполнение в игровой форме могут стать составляющей частью турмаршрута и могут способствовать всестороннему развитию внутреннего туризма. Краеведческий туризм – перспективное направление деятельности Удмуртской Республики, востребованность которой объясняется растущим интересом населения к «малому туризму».

Список использованной литературы

URL1 – Связь предмета с циклом психолого-педагогических дисциплин и частными методиками // Мегаобучалка // URL: <https://megaobuchalka.ru/11/58547.html> (дата доступа: 23.04.2021).

LOCAL HISTORY GAME AS A CONSTRUCTIVE ELEMENT IN THE PHILOLOGICAL SUPPORT AND GEOGRAPHICAL CONTENT OF DOMESTIC TOURISM OF UDMURTIA

Summary. This article deals with the local history tourism in the Udmurt Republic, namely, the creation of local history games for tourist routes that will contribute to the study of the culture of the people and the geographical features of the area. The author, M. A. Kalabina, created an exciting interactive electronic local history game, which includes various interesting materials and can be in demand for both domestic and inbound tourism.

Keywords: local history game, local history tourism, philological support of domestic tourism, geography of the area.

УДК 81`42:379.85(470.51)(045)

Наумова Василиса Сергеевна

Тимерханова Надежда Николаевна

Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТУРИЗМА УДМУРТИИ

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам филологического обеспечения сферы внутреннего и въездного туризма, важнейшими аспектами которого являются знания по этнотуризму, лингвистическому и культурному ландшафту региона и знание специфики составления экскурсионного рассказа. Также специалисту туриндустрии необходимо иметь коммуникативную компетентность и умение применять личностно-ориентированный подход к потребителю туристических услуг.

Ключевые слова: филологическое обеспечение, внутренний и въездной туризм, экскурсионный рассказ, контент для рекреационной базы.

В туристической индустрии тесно переплетаются интересы экономики, культуры, международных отношений, гостиничного бизнеса, занятости населения и транспортных организаций. Развитие туризма играет большую роль, как для республики, так и для отдельной личности. И одним из важных аспектов туристической индустрии является ее филологическое обеспечение.

Рассмотрим, что должно входить в филологическое обеспечение внутреннего туризма Удмуртии. В данной сфере необходимы: знание русского, удмуртского и английского языков, теории и практики перевода, педагогики, ораторского искусства, этнотуризма, лингвистического и культурного ландшафта, возможно, будут необходимы знания о литературном регионе, основах рекламы и PR, а также знания о туристской и экскурсионной деятельности.

Наше исследование посвящено изучению некоторых аспектов филологического обеспечения сферы внутреннего и въездного туризма. В ходе исследования данной темы, мы изучили особенности филологического обеспечения туризма, познакомились с туристическими маршрутами Удмуртии, рассмотрели особенности экскурсионного рассказа и создали свой контент филологической направленности для турмаршрута.

На наш взгляд, из аспектов филологического обеспечения туризма, больше внимания должно быть уделено знакомству с этнотуризмом и лингвистическим ландшафтом, а также особенностям экскурсионного рассказа. В частности, мы изучили этимологию воршудно-родового наименования *Докъя* и места локализации данного рода, часто встречающегося в лингвистическом ландшафте Вавожского района УР; по сведениям из научной литературы был создан экскурсионный рассказ о роде Докъя [Атаманов 2001: 43–45] и родовой группе Калмез. Также мы подготовили экскурсионный рассказ про бурдовалов (крылатых коней), которые согласно преданиям по ночам выходили из реки Валы недалеко от д. Уё-Докъя [Век Кылдысина 2008: 52–59]. Кроме этого, нами было изучено наличие городищ и селищ на территории Докъявыл, также мы подобрали подвижные народные игры для турмаршрута. Конечным продуктом должен стать контент филологической направленности для туристического маршрута, состоящий из экскурсионных рассказов и культурно-развлекательной программы (контент для рекреационной базы на территории Докъявыл).

Для изучения турмаршрутов мы воспользовались наиболее полным на данный момент путеводителем турмаршрутов Удмуртии, созданным Н. Н. Тимерхановой, А. Л. Лекомцевым и А. Ф. Кудрявцевым, по нему познакомились с предложениями туриндустрии Удмуртии – этнотуризмом, сельским, лечебно-оздоровительным и культурно-познавательным туризмом в Удмуртской Республике [URL1] (см. рис. 1, 2).

Рис. 1. Главная страница сайта.

Рис. 2. Авторы проекта «Этнотуризм, сельский, лечебно-оздоровительный и культурно-познавательный туризм в Удмуртской Республике».

В ходе исследования мы познакомились с 50 турмаршрутами, в качестве примера, приведем следующие интересные маршруты, связанные с этнотуризмом (рис. 3–6):

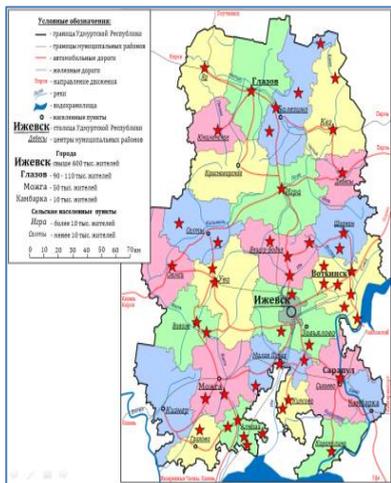

Рис. 3. Карта турмаршрутов Удмуртии

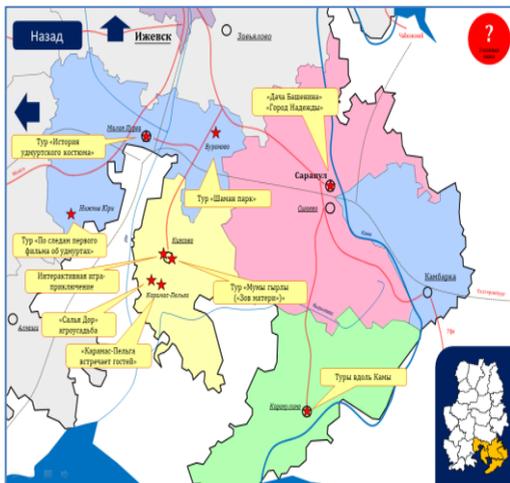

Рис. 4. Карта турмаршрутов юго-восточной части Удмуртии

Рис. 5, 6. Программа турмаршрута, ссылка на сайт с информацией от туроператора.

Кроме вышеназванных аспектов филологического обеспечения туризма, имеются и другие составляющие, которые также необходимы для продуктивной деятельности менеджера по туризму, гида-переводчика и экскурсовода. Например, сюда можно отнести компетентности, которые должны быть приобретены и усовершенствованы работником сферы туризма. Это, в частности, коммуникативная компетентность, в первую очередь, осуществление общения с потребителями туристического продукта (комплексом услуг, работ, товаров, необходимых для удовлетворения потребностей туриста в период его туристского путешествия), презентация своего турпродукта, установление деловых взаимоотношений, ведение деловой переписки, реализация предлагаемых услуг, осуществление межкультурной коммуникации. Коммуникативная компетентность выступает своего рода регулятором дальнейших отношений с туристом. Также нужно знать суть личностно-ориентированного подхода, который в данном случае заключается в подготовке и проведении индивидуальных маршрутов, разработке новых туристических маршрутов, подготовке презентационных материалов.

Рассмотрев и теоретические, и практические материалы, мы пришли к выводу, что филологическое обеспечение внутреннего и въездного туризма Удмуртии лишь на начальной стадии разработки, поэтому у нас большое поле деятельности в этом направлении.

Список использованной литературы

Атаманов, М. Г. По следам удмуртских воршудов. – Ижевск: Удмуртия, 2001. – 216 с.

Век Кылдысина = Кылдысинлэн даурез / Пер. худ. текста с русского языка В. Л. Шибанов. – Ижевск: Удмуртия, 2008. – 136 с.

URL1 – Этнотуризм, сельский, лечебно-оздоровительный и культурно-познавательный туризм в Удмуртской Республике // URL: <https://sites.google.com/site/turizmuvudmurjrespublike/home> (дата обращения 10.04.21).

PHILOLOGICAL SUPPORT OF TOURISM IN UDMURTIA

Summary. This article deals with the issues of philological support of the sphere of domestic and inbound tourism, the most important aspects of which are knowledge of ethnotourism, linguistic and cultural landscape of the region and knowledge of the specifics of making an excursion story. Also, a specialist in the tourism industry is required to

have communicative competence and the ability to apply a personality-oriented approach to the consumer of tourist services.

Keywords: philological support, domestic and inbound tourism, excursion story, content for the recreational base.

УДК 372.881.1

Полякова Анна Анатольевна
Чернова Светлана Николаевна

Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

РАЗДЕЛ «РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В УЧЕБНИКЕ ПО УДМУРТСКОМУ ЯЗЫКУ «УДМУРТ КЫЛ» ДЛЯ 5-го КЛАССА

Аннотация. Статья посвящена вопросу формирования коммуникативной компетенции учащихся в процессе обучения удмуртскому языку как родному. Представлен анализ раздела «Вераськон ужпӧр» “Речевая деятельность” в учебнике по удмуртскому языку «Удмурт кыл» для 5-го класса. Обосновывается важность и необходимость подобного раздела в современном учебнике по языку.

Ключевые слова: удмуртский язык, речевая деятельность, компетенции, программа, учебник.

В жизни каждого человека, каждого народа язык играет неотъемлемую роль. Важность и необходимость языка известна уже с давних пор. Но уделяя время «языку», мы конечно же не оставляем без внимания понятие «речь». Способность человека говорить является одной из главных его особенностей. Чем богаче и правильной речь, тем легче высказывать свои мысли, делиться своими впечатлениями, тем шире возможности в получении информации, в оперировании ею, полноценнее становятся взаимоотношения с окружающим миром. Проблеме речи большое внимание уделяется во многих отраслях, в том числе в общей, специальной психологии и педагогике.

В конце XIX века лингвист из Швейцарии Ф. де Соссюр (1857–1913) провёл чёткое разделение понятий языка и речи: «Язык – социальное явление, имеющее надындивидуальный, общий характер. Речь – подразумевает использование языка, имеет текучий, неустойчивый, переменчивый характер» [Школьник 2021].

Ещё до исследований Ф. де Соссюра лингвисты в большей степени отдавали предпочтение изучению вопросов происхождения и изменения языков. Учёный же был первым, кто обратил внимание на то, что каждый язык имеет свою внутреннюю организацию, а именно особенную структуру, которая образуется посредством входящих в неё компонентов.

Языковая система имеет независимый от индивида характер, поскольку человек с рождения не по своей воле оказывается в определенной языковой среде, освоение которой становится причиной речевого развития и формирования мышления. И чтобы данные процессы прошли успешно, в федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования одним из приоритетных требований к освоению учащимися предмета «Удмуртский (родной) язык» является формирование коммуникативных, языковедческих и культуроведческих компетенций [ФГОС 2010].

Коммуникативная компетенция – использование коммуникативно-эстетических возможностей родного языка, овладение всеми видами речевой деятельности и основами культуры устной и письменной речи, умениями и навыками использования языка в различных сферах и ситуациях общения, соответствующих опыту, интересам, психологическим особенностям обучающихся основной школы.

Языковая и лингвистическая (языковедческая) компетенции – освоение знаний о языке как знаковой системе и общественном явлении, его устройстве, развитии и функционировании; общих сведений о лингвистике как науке и известных удмуртских лингвистах; овладение основными нормами удмуртского литературного языка, обогащение словарного запаса и грамматического строя речи обучающихся; формирование способности к анализу и оценке языковых явлений и фактов; овладение умением пользоваться различными лингвистическими словарями.

Культуроведческая компетенция – осознание языка как формы выражения национальной культуры, взаимосвязи языка и истории народа, осознание исторической преемственности поколений, национально-культурной специфики удмуртского языка, овладение нормами удмуртского речевого этикета, культурой межнационального общения [Программа 2018: 7–8]. Авторы: Г. Н. Ни-

кольская, В. М. Ившина, Л. В. Вахрушева, Н. И. Ураськина, С. Н. Широбокова, Г. В. Горбушина, Н. А. Ермакина, В. В. Конюхова.

В соответствие с данными компетенциями разработаны современные учебно-методические комплекты по удмуртскому языку для владеющих родным языком под общей редакцией Л. В. Вахрушевой.

В учебнике для 5 класса данного УМК созданы совершенно новые разделы, которые формируют и развивают коммуникативные навыки обучающихся по развитию речевой культуры: «Вераськон но вераськон кусыпъёс» 'Речь и речевое общение', «Текст» [Удмурт кыл 2014: 20–35, 36–58].

Раздел «Вераськон но вераськон кусыпъёс» 'Речь и речевое общение' подразумевает в себе развитие культуры речи, обучение видам речевой деятельности: чтению, письму, аудированию и говорению. Благодаря этому разделу согласно Примерной образовательной программе по учебному предмету «Удмуртский (родной) язык» для общеобразовательных организаций предполагается освоение обучающимися средней школы следующих умений: свободное употребление устной и письменной речи в различных жизненных ситуациях, владение различными видами речевой деятельности: устными (слушание и говорение) и письменными (чтение и письмо), владение теоретическими знаниями о видах речевой деятельности.

В обучении слушанию обучающийся научится понимать коммуникативные цели и мотивы говорящего, понимать на слух информации художественных, публицистических, учебно-научных, научно-популярных текстов, их основной и дополнительной информации, установление смысловых частей текста, определение их связей.

Чтение предусматривает культуру работы с книгой и другими источниками информации, овладение разными видами чтения (ознакомительным, изучающим, просмотровым), приёмами работы с учебной книгой и другими информационными источниками, включая СМИ и ресурсы Интернета.

Обучению такому виду речевой деятельности, как говорение влечёт умение продуцировать устные монологические высказывания на социально-культурные, нравственно-этические, социально-бытовые, учебные и др. темы, также умение участвовать в диалогах различных видов.

Обучение письму предусматривает владение умениями адекватно передавать содержание прослушанного или прочитанного текста в письменной форме с заданной степенью свернутости (изложение подробное, сжатое, выборочное; тезисы, конспект, аннотация). Создание собственных письменных текстов на актуальные социально-культурные, нравственно-этические, социально-бытовые, учебные и др. темы на основе отбора необходимой информации. Написание сочинений (в том числе отзывов и рецензий) различных функциональных стилей с использованием разных функционально-смысловых типов речи и их комбинаций.

В разделе «Вераськон но вераськон кусыпъёс» 'Речь и речевое общение' учебника «Удмурт кыл» для 5 класса предполагается изучение следующих глав: «Кыл но вераськон» 'Язык и речь' [Удмурт кыл 2014: 20–23]; «Вераськон ужпӧр» 'Речевая деятельность' [Удмурт кыл 2014: 24–27]; «Вераськон но гождяськон кыл» 'Устная и письменная речь' [Удмурт кыл 2014: 27–30]; «Вачеверан но огенверан» 'Диалог и монолог' [Удмурт кыл 2014: 30–33] и «Эскером тодон-быгатонлыкъёсмес» 'Проверим свои знания' [Удмурт кыл 2014: 33–35]. Каждая из этих тем содержит богатый, насыщенный материал для развития речевой культуры обучающихся. Для усвоения данного материала предлагаются теоретическая база и различные упражнения, включающие в себя обучающие этикету речи тексты.

Первая глава раздела («Кыл но вераськон») знакомит учащихся с понятиями «язык» и «речь». Язык трактуется как система знаков, служащая средством человеческого общения, мышления и выражения своих мыслей; а также язык – это звуки, слова, словосочетания и предложения, правила по правильному их употреблению. Речь – это проявление и функционирование языка, сам процесс общения. Для того чтобы говорить недостаточно знания звуков, слов, предложений и правил, важно умение находить общий язык с другими людьми, умение делиться с ними нужной информацией [Удмурт кыл 2014: 20–21]. Помимо ознакомления с основными понятиями темы, учащиеся читают интересные, познавательные тексты и пословицы, воспитывающие и развивающие у детей любовь, уважение к своему родному языку, толерантное отношение к другим языкам [Удмурт кыл 2014: 20–22]. После текстов идут вопросы, требующие осмысленного, развернутого ответа. Например: *«Как думаете, когда и где нужно разговаривать только на русском языке, а в каких ситуациях на иностранных языках, на удмуртском*

языке?» [Удмурт кыл 2014:21] и др. В упражнении 43 даются пословицы, обучающие красивой и правильной речи на родном языке: *1. Выражайся чётко и ясно. 2. Сначала думай, потом говори. 3. Любую мысль легче сказать на своём родном языке. 4. Будешь знать два языка – проживёшь две жизни и др.* [Удмурт кыл 2014: 22].

Важнейшим достижением человека, позволившим ему использовать общечеловеческий опыт, как прошлый, так и настоящий, явилось речевое общение, которое развивалось на основе трудовой деятельности. С видами общения обучающимся предстоит встретиться в следующей главе («Вераськон ужпör»). Для повышения речевой культуры учащихся в данной главе рассматриваются составляющие этикета речи: цель высказывания, место, обстоятельства. Следуя этому в упражнениях даются задания, требующие знания официального и делового стилей речи, правильного написания объявлений. Нельзя оставить без внимания и то, что в этой главе также есть упражнение с пословицами. Задача учащихся – найти те пословицы, которые учат правильно и выразительно говорить [Удмурт кыл 2014: 26].

Несомненно, каждая глава насыщена полезной и нужной информацией. В следующей главе («Вераськон но гожьяськон кыл») речь идёт о видах речевой деятельности, которые производят текст – говорение и письмо – и тех, которые осуществляют восприятие – аудирование и чтение. Для активизации мыслительной и познавательной деятельности учащихся в одном из упражнений этой главы предлагается ознакомиться с высказыванием Р. Яшиной о том, что у языка есть две формы (устная и письменная) и употребляются они, когда мы общаемся друг с другом, просим совета, узнаём новую информацию, хотим ею поделиться и т.д. Данное высказывание, согласно заданию упражнения, следует выразительно прочитать, учитывая логические ударения, паузы, ритм и темп; а затем продолжить, дополнив своими собственными мыслями. Следующее задание этого раздела включает в себя фразы, задачи учащихся: выбрать те, которые можно употреблять при приветствии, при разговоре со взрослым человеком; распределить фразы на официальный и неофициальный стили речи. В данной главе встречается упражнение, в котором нужно послушать удмуртскую сказку «Кылдысин», обратить внимание на речь диктора и после этого пересказать содержание произведения. Данное упражнение развивает у обучающихся умения воспринимать и вос-

производить услышанную информацию. Такие виды речевой деятельности, как говорение и письмо, встречаются в следующем задании, в котором требуется рассказать другу по скайпу и по почте о том, что интересного учащийся увидел по пути в школу. Все упражнения в данном разделе укрепляют знания учащихся по видам речевой деятельности [Удмурт кыл 2014: 28].

Последняя глава данного раздела («Вачеверан но огенверан») знакомит учащихся с понятиями «диалог» и «монолог». Диалогом называют общение двух или более людей. При письме высказывание следующего начинают с красной строки и знака тире. Монолог – это развёрнутое высказывание одного человека [Удмурт кыл 2014: 31]. В главе даются различные тексты: монологи и диалоги, после знакомства с которыми идёт упражнение, целью которого является формирование собственного диалога с опорой на слова, предложенные в задании. За данным упражнением 2 взаимосвязанных между собой рисунка про спасение тонущей собаки тремя мальчиками. Заданием данного упражнения является составление текста по рисункам с использованием монологов и диалогов. Данные упражнения позволяют воспитывать у школьников сопереживание, стремление к пониманию, взаимоуважение, учат правильному взаимодействию на межличностном уровне [Удмурт кыл 2014: 31].

Завершается данный раздел, как и все другие разделы учебника, блоком упражнений для самоконтроля – «Эскером тодонбыгатонлыкъёсмес». В каждом упражнении свои определённые задачи, которые нужно решить, например, задания, в которых предлагается исправить не совсем правильно и гармонично построенный текст; задание, требующее написать другу электронное письмо; а также задания в вопросно-ответной форме по всему разделу [Удмурт кыл 2014: 33–35].

В завершении следует отметить, что разделом «Вераськон но вераськон кусыпъёс» и его главами работа по развитию и культуре речи учащихся 5-го класса не ограничивается. Она ведётся в течение всего учебного года при изучении различных тем курса удмуртского языка. Однако, именно в данном разделе развивается правильное понимание о самой культуре речи.

Системное и целенаправленное применение упомянутых в статье типов заданий будет способствовать совершенствованию речевой культуры учащихся, обогащению их словарного запаса,

развитию памяти детей, будет содействовать формированию у учащихся интереса и уважения к языку.

Следовательно, роль анализируемого раздела «Речь и речевое общение» в учебнике по удмуртскому языку для 5 класса в развитии у учащихся лингвистической, коммуникативной и культуроведческой компетенций велика.

Список использованной литературы

Программа – *Никольская, Г. Н., Ившина, В. М., Вахрушева, Л. В., Ураськина, Н. И., Ермокина, Н. А., Горбушина, Г. В., Конюхова, В. В.* Примерная образовательная программа по учебному предмету «Родной (удмуртский) язык» для общеобразовательных организаций (5–9 класс) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fgosreestr.ru/wp-content/uploads/2018/12/Pril.-4.-Rodnoj-udmurtskij-yazyk-000.pdf> (дата обращения: 28.04.2021 г.).

Удмурт кыл – *Вахрушева, Л. В., Горбушина, Г. В., Ермокина, Н. А., Никольская Г. Н.* Удмурт кыл. 5-тй класслы: Удмурт кылэз тодйсь пиналъёслы учебник. – Ижевск: Удмуртия, 2014. – 176 б.

ФГОС – Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (5–9 кл.) от 17 декабря 2010 г. № 1897. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 28.04.2021 г.).

Школьник – Школьник: Бесплатная платформа для школьного образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://shkolnik.pro/publikacii/russkii/desyati_klass/razdel-v-chem-raznica-mezhdu-yazykom-i-rechyu/konspekt-dlya-uchenika-po-teme-v-chyom-raznica-mezhdu-yazykom-i-rechyu.html (дата обращения: 28.04.2021 г.).

THE SECTION «SPEECH ACTIVITY» IN THE TEXTBOOK ON THE UDMURT LANGUAGE «UDMURT KYL» FOR THE 5TH GRADE

Summary. The article deals with the formation of communicative competence of students in the process of learning the Udmurt language as a native language. The analysis of the section «Veras'kon uzhpör» 'Speech activity' in the textbook «Udmurt kыл» for the 5th grade is presented. The article proves the importance and necessity of such a section in a modern language textbook.

Keywords: Udmurt language, speech activity, competencies, program, textbook.

Рысаев Игорь Иванович

Научный руководитель –

Булычева Елена Александровна

Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

КАЛЬКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОМ ПЕРЕВОДЕ ПСАЛТИРИ НА УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Статья продолжает исследование автора, посвященное неологизмам в библейских текстах на удмуртском языке, а конкретнее – в современном переводе Псалтири на удмуртский язык. В данной работе анализируются слова-кальки – особый тип новых слов, занимающий промежуточное положение между лексическими неологизмами и заимствованиями.

Ключевые слова: удмуртский язык, калькирование, слова-кальки, неологизмы в переводе Библии, Псалтири, религиозная лексика удмуртского языка.

Псалтирь является одной из частей корпуса Библии – книги, переведенной почти на все языки мира. На удмуртском языке Библия вышла в 2013 году, однако некоторые ее тексты начали переводиться и выходить отдельными книгами еще в XIX веке. Псалтирь на удмуртском языке впервые была опубликована в 1994 году. Перевод был сделан доктором филологических наук, протодиаконом Русской Православной Церкви, профессором Михаилом Гавриловичем Атамановым [Атаманов 2003]. В дореволюционное время Псалтирь на удмуртский язык не переводилась, существовали лишь переводы отдельных псалмов в богослужебных книгах.

Современный перевод Библейских текстов на удмуртский язык несомненно представляет интерес для исследования, поскольку перевод такого сложного и разнообразного текста не мог не обогатить словарный запас удмуртского языка благодаря заимствованиям и неологизмам. Новой лексике Псалтири уже были посвящены статьи автора, в которых проанализированы лексические неологизмы, созданные переводчиком [Рысаев 2019; 2020]. Цель данной статьи – проанализировать слова-кальки из текста Псалтири на удмуртском языке. Кальки также являются лексическими

неологизмами, но в отличие от них, как отмечает советский лингвист-неолог Н. З. Котелова, занимают «промежуточное положение между заимствованиями (заимствуется словное значение, внутренняя форма, способ образования) и морфологическими неологизмами (используется русская словообразовательная модель)» [Котелова 2015: 219].

Другой лингвист Д. Н. Шмелев отмечал, что «сущность калькирования состоит в том, что для выражения понятия, неизвестного в том или ином языке, используется иноязычное слово как образец» [Шмелев 1977: 255]. Таким образом, калька заимствует из исходного языка форму слова, словообразовательную модель, в отличие от лексического неологизма, где максимально полно раскрывается словообразовательный потенциал языка перевода.

Слова-кальки, как правило, подразделяются на семантические и структурные. В случае с семантическими кальками в языке перевода происходит расширение или сужение лексического значения слова по образцу исходного языка [Маринова 2012: 104; 105]. Структурные кальки – это такие слова, которые созданы по образцу слова из исходного языка. При этом структурные кальки не всегда могут точно следовать своему «образцу», что отмечается лингвистами [Маринова 2012: 106]. В исследуемой удмуртской Псалтири мы обнаружили такие примеры, которые являются лексемами, созданными по образцу русского слова, но при этом оформленные иначе, например, как лексикализованное сочетание, а не единое слово.

Выявленные в тексте структурные кальки мы раздели на две группы. Первая – это лексемы, калькирующие сложные русские слова. Лексикализованное сочетание *зеч эрик* ‘благоволение’ калькирует обе корневые морфемы сложного русского слова: *зеч* ‘благо’ и *эрик* ‘воля’. Точно так же образованы следующие лексикализованные сочетания: *зеч карыны* ‘благодетель’ (*зеч* ‘благо’ + *карыны* ‘деять / делать’), *мурт выжы* ‘иноплеменник’ (*мурт* ‘иной (т.е. чужой)’ + *выжы* ‘племя’), *дангян кыл* ‘славословие’ (*дангян* ‘слава’ + *кыл* ‘слово’), *Дунне Кутйсь* ‘Вседержитель’ (здесь *дунне* ‘мир, вселенная’ передает то же значение, что и корневая часть *все-*: весь мир как целое).

Лексикализованное сочетание *зеч ивор вераны* ‘благовествовать’ калькирует сложное слово с суффиксом. Оно состоит из трех слов, каждое из которых соответствует своей морфеме: две – кор-

невой, одна – суффиксу. *Зѣч* ‘благо’ + *ивор* ‘весть’. Глагол *вераны* соответствует суффиксам *-ова-ть*, который обозначает действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим словом [РГ 1990: 339].

Вторая группа – структурные слова-кальки от простых слов. В данной группе каждый пример стоит рассмотреть отдельно.

Лексикализованное сочетание *утиськон инты* ‘убежище’ передает структуру слова из исходного языка, поскольку *утиськон* соответствует корневой морфеме (с приставкой и без нее) слова *у-беж-(ище)*, а *инты* – суффиксу *-ищ-* со значением «место, характеризующееся действием, которое названо мотивирующим глаголом» [РГ 1990: 153]. Так же образовано слово *ватйськон инты* ‘прибежище’.

Вылэ жутон ‘возношение’. В данном случае *вылэ* ‘вверх’ соответствует приставке *воз-*, обозначающей направление движения вверх [РГ 1990: 358], а *жутон* ‘поднимание’, образуясь от глагола *жутыны* ‘поднимать’ (т.е. перемещать вверх что-либо в воздухе), имеет значение опредмеченного действия, направленного вверх. В удмуртском переводе двойное значение ‘вверх’ при калькировании способствует торжественности церковно-религиозного стиля.

Слово *светило* переведено лексикализованным сочетанием *югыт сѣтйсь*, где первая часть *югыт* соответствует корневой морфеме глагола *свет-(и-ть)*, а вторая часть *сѣтйсь* ‘дающий’ соответствует суффиксу существительного *-л-*, который обозначает предмет, предназначенный для осуществления действия [РГ 1990: 150].

Слово *пришелец* переведено сочетанием *лыктэм мурт*, где первая часть *лыктэм* соответствует корневой морфеме и приставке глагола *при-ход-(и-ть)* в формах типа *при-ше-(л)*, а *мурт* ‘человек’ воспроизводит суффикс *-ец-*, указывающий на лицо по действию.

Слово *могущество* в Псалтири переведено словом *кужымлык*. Здесь корень *кужым* ‘сила, мощь’ соответствует корневой морфеме русского слова, восходящей к слову *мощь*, а суффикс *-лык-* в удмуртском слове [УКК 2011: 58] также, как и суффикс русского слова *-еств-* [РГ 1990: 176] обладает, в том числе, значением отвлеченного признака. В итоге удмуртское слово, как и русское, приобретает значение опредмеченного признака.

Кроме указанных групп, существует такой тип структурных калек как полукальки. В тексте Псалтири найден один пример полукальки – *бинялтэм книга* ‘свиток книжный’ (иногда просто свиток).

Что касается семантических калек, в исследуемом тексте нами обнаружено всего два примера. *Чигиськыны* ‘сокрушаться’: удмуртское слово, которое изначально имело значение «слопаться», приобрело новое переносное значение подобно тому, как и русское слово «сокрушаться» употребляется в переносном значении. «Знамение» переведено словом *тодмет*, основное значение которого – «знак, метка, признак». Также и слово «знамение», которое является в русском языке церковнославянизмом, имеет основное значение «знак», но в данном контексте текста употребляется в значении «чудо».

Всего в тексте Псалтири на удмуртском языке нами было найдено порядка 150 лексических неологизмов, при этом, как мы увидели, калькированных слов немного. Но даже из приведенных выше слов-калек, далеко не все строго копируют структуру русского слова. Мы можем сделать вывод, что переводчик предпочел использовать словообразовательный потенциал самого удмуртского языка при переводе новых понятий, которых ранее не было в языке. На примере этого текста мы видим, что перевод Библии на удмуртский язык обогатил словарный запас удмуртского языка, при этом смог избежать наплыва калькированных слов, что говорит не только о лексическом потенциале языка, но и о качестве самого перевода.

Список использованной литературы

Атаманов, М. Г. О некоторых ключевых понятиях Библии в удмуртском литературном языке / М. Г. Атаманов, М. Картано // *Linguistica Uralica*. – 2003. – XXXIX – С. 258–265.

Библия удмурт кылын [берыктӥз Михаил Атаманов]. – Хельсинки: Библиез берыктонъя Институт, 2013. – 1696 б.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2010. – 1376 с.

Котелова, Н. З. Избранные работы / Н. З. Котелова; Российская академия наук, Ин-т лингвистических исследований. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2015. – 275 с.

Маринова, Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка: учеб. пособие / Е. В. Маринова. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 288 с.

УКК – Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез) = Морфология удмуртского языка: научно-учебное издание / А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина, Н. В. Кондратьева, С. В. Соколов, О. Б. Стрелкова, И. В. Тараканов, Н. Н. Тимерханова, А. Ф. Шутов; Отв. ред. Н. Н. Тимерханова. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011. – 408 с.

РГ – Русская грамматика / В. Н. Белоусов, И. И. Ковтунова, И. Н. Кручинина [и др.]; под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – 2-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1990. – 639 с.

Рысаев, И. И. Неологизмы современного перевода Библии на удмуртский язык на примере текста Псалтири / И. И. Рысаев; науч. рук. Е. А. Булычева // Итоговая студенческая научная конференция (47; Апрель, 2019) XLVII итоговая студенческая научная конференция Удмуртского государственного университета: материалы всерос. конф. (апр. 2019 г.). – Ижевск: Удмуртский университет, 2019. – С. 366–369.

Рысаев, И. И. Роль перевода псалтири на удмуртский язык / И. И. Рысаев, Е. А. Булычева // Пермистика 18: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. в 2-х ч. -- Ижевск: Удмуртский университет, 2020. – Ч.1. – С. 171–182.

Удмуртско-русский словарь [Текст]: около 50 000 слов = Удмурт-зуч кыллюкам: 50 000 ёрос кыл / Российская академия наук, Уральское отделение, Удмуртский институт истории, языка и литературы; [авторы-составители: Т. Р. Душенкова и др.]; ответственный редактор Л. Е. Кириллова. – [2-е дополненное, переработанное издание 1983 г.]. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, 2008. – 922, [2] с.

Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература» / Д. Н. Шмелев. – М.: «Просвещение», 1977. – 335 с.

CALGUE VOCABULARY IN THE MODERN TRANSLATION OF THE PSALTER INTO UDMURT

Summary. The article continues the author's research on neologisms in the biblical texts in the Udmurt language, and more specifically, in the modern translation of the Psalter into the Udmurt language. In this paper, there is a focus on the analysis of coined words – a special type of new words that occupies a transitioning position between lexical neologisms and borrowings.

Keywords: Udmurt language, calcification, tracing words, neologisms in the translation of the Bible, Psalms, religious vocabulary of the Udmurt language.

Сунцова Юлия Андреевна
Тимерханова Надежда Николаевна
Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УДМУРТСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК

Аннотация. Удмуртские пословицы о поговорки разнообразны по структуре: они могут быть как двучленными, так и одночленными. В одночленных структурах распространен прием отрицания. В бинамах распространены полипредикативные конструкции, а также сложные предложения из двух частей со значением различной обусловленности. Нечасто, но все же встречаются зеркальные по структуре пословицы. Также можно обнаружить пословицы, построенные на основе синтаксического параллелизма. Кроме этого, в удмуртской паремии используются вопросительные конструкции.

Ключевые слова: паремия, структура, одночленная, двучленная структура, значение обусловленности, вопросительные конструкции.

За многие века народ тщательно отобрал наиболее значимые в педагогическом отношении коммуникативные единицы. Пословицы и поговорки являются одними из них. Они содействуют накоплению и закреплению моральных устоев, воздействуют непосредственно на развитие личности человека.

Удмуртские пословицы и поговорки – афористические жанры удмуртского фольклора – входят в состав паремиологического фонда языка. Они очень тесно связаны с разговорной речью. Как подчеркивал один из собирателей и исследователей удмуртского фольклора К. Герд, удмурт не может оторвать от живой речи пословицу и поговорку. Они не существуют для него как что-то отдельное [Герд 1926: 49–50].

Структура данных видов паремии весьма интересна. Многовековое взаимодействие удмуртов с русским народом стало причиной схожести удмуртской и русской пословицы. В них наблюдается наличие одинаковых реалий: социально-экономических, геогра-

фических, бытовых и др. Тем не менее, удмуртское назидательное изречение имеет свои особенности.

Изучив пословицы и поговорки, собранные Н. П. Кралиной и Т. Г. Перевозчиковой [Кралина 1961; Перевозчикова 1987], нами было обнаружено то, что удмуртская пословица имеет двучленное и одночленное построение – это не свойственно русской пословице. Одночленные пословицы употребляется как с отрицательной модальностью, так и с положительной. Например, *Кыкылы котькытын дунне* ‘Кукушке всюду родина’ (Перевозчикова 1987, с. 75), *Калыклэсь кужымзэ уд вормы* (Кралина 1961, с. 24) ‘Силу народа не одолеешь’. Излюбленными в удмуртских пословицах являются конструкции с приемом отрицания, в которых напрямую не указана связь субъекта и объекта (имеется лишь формальный показатель лица у глагола): например, *Луолэсь гозы уд пуны* (Кралина 1961, с. 102) ‘Из песка веревки не совьешь’, *Мешокын чын уд нуллы* (Кралина 1961, с. 157) ‘Мешком дым не будешь выносить’. Или конструкции, в которых отрицание передается через необратимость действий, например: *Табаньдэ сием берад уд ни воя* (Кралина 1961, с. 102) ‘Съеденный табань уже не помаслишь’, *Одйг такаез сизьым кузя уг вандо* ‘Одного барана семеро не режут’ (Перевозчикова 1987, с. 31). Этот прием можно встретить в пословицах с одночленным построением.

Для удмуртского языка свойственны полупредикативные единицы – деепричастные обороты и деепричастия с суффиксами *-са*, *-тэк*, *-ку*, *-тозь*. Они встречаются и в пословицах: *Чын лыдзьыса ветло* (Кралина 1961, с. 90) ‘Ходят, дым считая’; *Азьтэм пукыса жаде* (Кралина 1961, с. 88) ‘Ленивый сидя устает’; *Кизьытэк уг арало* ‘Не посеяв, не жнут’ (Перевозчикова 1987, с. 152); *Куное мыныку, сугон уг сиё* (Кралина 1961, с. 170) ‘Идя в гости, лук не едят’.

При двучленном построении, как и русская пословица, удмуртская состоит из двух частей. Первая содержит условие или подлежащее, вторая – вывод или сказуемое. Например, *Калыкын шулдыр, дорын кёттыр* ‘На народе весело, дома сытно’ (Перевозчикова 1987, с. 90). Можно встретить включение союзов *ке* ‘если’, *ке но* ‘хотя’, *бере* ‘если, раз’ – по структуре это сложноподчиненные предложения: *Калыке ке потйд, кыллы дышод* ‘В народ пойдешь, языку научишься’ (Перевозчикова 1987, с. 137); *Валлэсь йырзэ ке лэзид, быжсыз борды эн кутскы* ‘Если коня не удержал за голову, не хватайся за его хвост’

(Перевозчикова 1987, с. 37) – с условной придаточной частью. *Бадь-пуэз корад ке но – со пушгёз* ‘Иву хоть и срубишь – она вновь разрастется’ (Перевозчикова 1987, с. 37); *Абалгы турын чебер ке но, зыныз туж кёш* ‘Папоротник красив, да запах его неприятен’ (Перевозчикова 1987, с. 60) – с уступительной придаточной частью.

Еще одна структурная особенность удмуртских пословиц (также как и русских) – это использование чистого противопоставления с сочинительной связью: *Одйг ньёр чиге, нош дасэз чида* ‘Один прутик ломается, а десять выдерживают’ (Перевозчикова 1987, с. 87); *Визь вунэтэ, нош сюлэм кема возе* (Перевозчикова 1987, с. 132) ‘Ум забывает, а сердце долго помнит’.

Также встречаются изречения с **синтаксическим параллелизмом**: *Кечез кеч утча, парсез парсь утча* (Кралина 1961, с. 49) ‘Козел козла ищет, свинья свинью ищет’; *Вань ке – вань, өвёл ке – өвёл* ‘Есть так есть, нет так нет’ (Перевозчикова 1987, с. 177); *Кионэз кион уз кеся, пуныез пуны уз си* ‘Волка волк не задерет, собаку собака не съест’ (Перевозчикова 1987, с. 181). Зачастую синтаксический параллелизм сочетается в пословице с **эллипсисом**: *Сюресчилы – сюрес, пйшурасълы – нюлэс* ‘Путнику дорога, охотнику – лес’ (Перевозчикова 1987, с. 40); *Гондыр – кужмыныз, адями – визьмыныз* ‘Медведь – силой, человек – умом’ (Перевозчикова 1987, с. 127).

Использование конструкций из двух предложений – бессоюзного сложного предложения со связью типа сочинения с отношениями противопоставления либо противопоставления на основе сравнения – еще одна особенность удмуртских пословиц. Например: *Пыдыдгъя кутэд, ачидгъя эшед* ‘По ступне лапти, по себе друг’ (Кралина 1961, с. 49); *Инмарлэн пельыз уг кыл, эксэйлэн синмыз уг адзы* ‘Бог глух, царь слеп’ (Перевозчикова 1987, с. 188); *Кылыз – чечы, сюлмыз – эгыр* (Кралина 1961, с. 32) ‘Язык что мед, сердце что уголь’.

Среди бессоюзных конструкций можно найти пословицы зеркальные по структуре, созданные при помощи приема **хиазм**: *Кырзакум бёрдйсько, бёрдыкум кырзасько* ‘Пою – плачу, плачу – пою’ (Перевозчикова 1987, с. 104); *Чидам – чигымтэ, чидамтэ – чигем* (Кралина 1961, с. 110) ‘Терпение не лопнет, нетерпение лопнет’.

Отличительной чертой удмуртской паремии от русской является использование **вопросительных конструкций**: *Мурт шаерын кин куаем?* ‘В чужих краях кто разжирел (отъелся)?’ (Перевозчикова

ва 1987, с. 12); *Ѕег няньлэсь кин вуёмем?* (Кралина 1961, с. 115) 'Ржаной хлеб кому надоед?'; *Няньлэсь бадзым кин вань?* (Кралина 1961, с. 115) 'Важнее хлеба что есть (букв. кто есть)?'. Однако, таких пословиц и поговорок в удмуртском языке немного.

Ритмичность, мерность ритмического построения, аллитерация и ассонанс – характерные черты удмуртских пословиц: *Шунды шунтоз, кезьыт кынтоз* (Кралина 1961, с. 165) 'Солнце согреет, холод заморозит'; *Пиля пильылоз, Лёгор лёгалоз* 'Филя наколет, Егор натопчет' (Кралина 1961, с. 90); *Чидам – чигымтэ, чидамтэ – чигем* (Кралина 1961, с. 110) 'Терпение не лопнет, нетерпение лопнет'.

Также можно найти в удмуртских пословицах и поговорках разнообразные художественные средства выразительности – фигуры и тропы (о некоторых уже было сказано выше). Например, **обращение**: *О, Бектэмыр, чибор бодые, кытчы мынид чёжпи утчаны?* (Кралина 1961, с. 132) 'О, Бектэмыр, (моя) пестрая палка, куда идешь утят искать?'; **сравнение**: *Вуэ куштэм писту кадь тордэм* 'Разбух, как брошенное в воду дерево' (Перевозчикова 1987, с. 214); *Тусызъя – ёрзи, визьмызъя – зольгыри* 'Внешностью – орёл, умом – воробей' (Перевозчикова 1987, с. 62); **метафору**: *Гожтэт тодйсьтэм мурт – бурдтэм тылобурдо* (Кралина 1961, с. 22) 'Незнающий грамоты словно птица без крыльев'; **гиперболу**: *Кылыныз одйг нуналскын город лэсьтэ* 'На словах в один день город строит' (Перевозчикова 1987, с. 202). Кроме этого, хотелось бы отметить наличие (в небольшом количестве) **каламбурных выражений**: *Вал но скал луиз* (Кралина 1961, с. 21) 'Был да сплыл (букв. был да коровой стал)'; *Пиля пильылоз, Лёгор лёгалоз* 'Филя наколет, Егор натопчет' (Кралина 1961, с. 90); *Кочо котькытын кучо* (Кралина 1961, с. 168) 'Сорока всюду пестрая'. *Малылэн «лыэз» вань* (Кралина 1961, с. 174) 'У (слова) «почему» «кость» есть'. Некоторые пословицы из-за незнания значения какого-либо слова воспринимаются современным молодым и средним поколением как каламбурные: *Сиыны керзег, ужаны пензег* (Кралина 1961, с. 90) 'Есть ретив, работать ленив'. Художественные фигуры и тропы как лаконичные и меткие способы выражения разноплановой характеристики очень часто используются народом в паремиях.

Таким образом, структурная особенность удмуртских пословиц и поговорок состоит в том, что они могут быть и двучленными,

и одночленными. Очень часто в одночленных пословицах встречается прием отрицания. В пословицах с двучленным построением встречаются конструкции с противопоставлением на основе сочинительной или бессоюзной связи, либо с противопоставлением на основе сравнения. Можно обнаружить пословицы зеркальные по структуре, созданные при помощи приема «хиазм», но они встречаются нечасто. Также есть языковые единицы с синтаксическим параллелизмом, эллипсисом и другими средствами художественной выразительности. Среди пословиц распространены конструкции с полупредикативными оборотами, а также сложные предложения из двух частей со значением различной обусловленности. Своеобразным для удмуртской паремии является использование вопросительных конструкций.

Список использованной литературы

- Герд, К.* Пословицы и поговорки вотяков // Вотяки. Кн. 1. – М., 1926. – 82 с.
Кралина 1961 – Удмурт калык пословицаос, поговоркаоса / Составитель Н. П. Кралина. – Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1961. – 178 с.
Перевозчикова 1987 – Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы, и поговорки / Составитель Т. Г. Перевозчикова. – Устинов: Удмуртия, 1987. – 276 с.

ON STRUCTURAL FEATURES OF UDMURT PROVERBS

Summary. Udmurt proverbs are diverse in structure: they are both binomial and monomial. In monomials the negation technique is especially common. In binomials both polypredicative constructions and complex sentences of two parts with a meaning of different conditionality are common. There are rare cases of mirror-like proverbs in the structure. There are also proverbs built on the basis of syntactic parallelism. The use of interrogative constructions is also peculiar for the Udmurt paremia.

Keywords: paremia, structure, monomial, binomial structure, the meaning of conditionality, interrogative constructions.

Чернышева Лариса Михайловна
Кондратьева Наталья Владимировна
Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет

ВОПРОСЫ СТИЛЕВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. Основной целью данной статьи является выявление стилевых признаков публицистического текста. В качестве стилеобразующих характеристик отмечаются следующие: социальная направленность, полистильность, эмоциональная насыщенность и др. Отдельное внимание уделяется также вопросу разграничения публицистического стиля и языка СМИ.

Ключевые слова: удмуртский язык, публицистический стиль, язык СМИ, функции публицистического стиля.

В системе любого языка публицистический стиль представляет собой сложную систему, обладающую своими особенностями. В числе стилевых доминант публицистического стиля традиционно принято отмечать социальную направленность текста, освещение социально значимой информации, выражение экспрессии и др.

При изучении публицистического стиля одним из самых дискуссионных проблем является вопрос о тождественности или разграничении публицистического стиля от языка СМИ. В этом аспекте можно выделить три подхода:

1. Ряд исследователей отмечают полную тождественность языка СМИ и публицистического стиля (например, Г. Я. Солганик, Н. И. Клушина, М. Н. Кожина, И. П. Лысакова и др.). С точки зрения этих ученых, все тексты, включенные в газету, следует рассматривать как публицистические тексты.

2. По мнению другой группы исследователей, в частности, О. И. Григорьевой, публицистический стиль является «речевой основой языка СМИ» [Григорьева 2008: 364], но не тождественен ему, так как язык СМИ охватывает современный язык в более широком формате и продолжает расширяться за счет Интернета и телевидения.

3. Третья группа ученых считает, что язык СМИ и публицистический стиль – это две разные стилевые формы (см. об этом: [Миннуллин 2016: 131]).

Учитывая вышесказанное, само понятие публицистический стиль в работах различных ученых представлен такими дефинициями как газетно-публицистический (Г. Я. Солганик, М. Ю. Казак, Т. В. Жеребило, К. И. Шарафадина, М. Ю. Казак), газетный (Г. Я. Солганик, Т. В. Жеребило, К. И. Шарафадина), журнальный (К. И. Шарафадина), газетно-журнальный (Г. Я. Солганик, Т. В. Жеребило, К. И. Шарафадина), политический (Г. Я. Солганик, М. Н. Кожина, Т. В. Жеребило, К. И. Шарафадина), политико-идеологический (М. Н. Кожина), общественно-политический (О. С. Ахманова, К. И. Шарафадина, Р. И. Яшина), стиль массовой коммуникации (Г. Я. Солганик).

Возможно, такое обилие синонимов обуславливается широким пониманием теории публицистики. Как отмечает П. П. Каминский «отсутствие общепризнанного, унифицированного понятийного аппарата делает ключевой проблеме устранения предмета исследования и его критериев выделения» [Каминский 2007: 97]. Между тем отдельно взятое название публицистического стиля сужает данное понятие, конкретизируя его. В частности, как подчеркивает К. И. Шарафадина, термин газетно-публицистический стиль требует наличия двух подстилей, а именно: газетно-информационного и публицистического; синонимы газетный, журнальный, газетно-журнальный акцентируют внимание на периодике; дефиниции политический, общественно-политический говорят о большом влиянии политики (см. об этом: [Шарафадина 2016: 13–14]). В этом контексте понятие «публицистический стиль» обобщает в себе все указанные особенности.

Таким образом, с точки зрения современной лингвистики, под публицистическим стилем можно рассматривать исторически сложившуюся функциональная разновидность литературного языка, обслуживающую широкую сферу общественных отношений: политических, экономических, спортивных, повседневного быта и др. [Кохтев 1997: 399].

К сожалению, в удмуртском языкознании имеется лишь небольшое количество научных трудов, посвященных исследованию публицистического стиля. Среди них можно назвать работы Р. И. Яшиной

[1990], А. В. Конюховой [1971], Г. Н. Никольской, И. В. Тараканова [2005], Г. А. Ушакова [2003].

В частности, исследуя особенности общественно-публицистического стиля в удмуртском языке, в качестве его характерных признаков Р. И. Яшина отмечает использование фразеологизмов, пословиц, поговорок, цитат, риторических вопросов, побудительных предложений, экспрессивных выражений (см. об этом: [Яшина 1990: 14]). Близкое понимание публицистического стиля представлено и в учебниках по удмуртскому языку, например, в учебнике удмуртского языка для 6–8-ых классов А. В. Конюхова и Р. И. Яшиной (см. об этом: [Конюхова, Яшина 1971: 207]).

Более полное определение публицистического стиля представлено в учебнике по удмуртскому языку для 6–8-ых классов, разработанном Г. Н. Никольской и И. В. Таракановым. В частности, помимо языка газет, к сфере употребления публицистического стиля ученые относят язык радио и телевидения. Также здесь расширяется перечень функций публицистического стиля: добавляются информационная и воздействующая функции (см. об этом: [Никольская, Тараканов 2005: 175]).

Более широкий спектр функций публицистического стиля представлен в учебнике по удмуртскому языку Г. А. Ушакова для 8–9-ых классов, который акцентирует отдельное внимание и на агитационной направленности публицистического стиля, также отмечает наличие в нем общественно-политической лексики и интернациональной лексики (см. об этом: [Ушаков 2003: 181]).

Учитывая вышесказанное, можно заметить, что на сегодняшний день вопросы удмуртской стилистики требуют более тщательной разработки. Выявление стилевых характеристик важно и в связи с тем, что публицистический стиль, в отличие от других стилей, имеет большую свободу в плане смешения с другими функциональными стилями. В частности, очень часто встречается соотношение публицистического и художественного стилей. Так, например, художественный стиль в структуре публицистического текста может проявляться через использование различных средств художественной выразительности, что включает в себя использование тропов, литературных приемов. Художество в публицистике

помогает обогатить текст, приукрасить его, придать ему эмоциональность, попытаться добиться катарсиса у читателя.

Рассмотрим некоторые примеры использования художественных тропов на страницах газеты «Удмурт дунне». Очень часто авторы используют прием олицетворения: *Пичи Пурга черкогуртысь Вормонлы сӱзем площадьын кӧня ке нунал чӧже чӱжонъёс лобазы: татын радъяськиз чӱжонболъя 3-тӱ чемпионат* [Шумилова 2020: 1]. 'В селе Малая Пурга на площади Победы на протяжении нескольких дней летали метла: здесь прошел 3-й чемпионат по чӱжонболу [игра с мячом и метелками]'. Далее эмоциональный фон текста усиливается через включение различных выразительных средств: *Чӱжонболъя чемпионатын мылкыдъёс бугыръясько, вожвыльясъкисъёс жуась синъёсын но гордэктэм бамъёсын туп съӧры бызьыло, соосты, куаразы бырытозь, бурдъяло семьяоссы, эшъёссы* [Шумилова 2020: 1]. 'На чемпионате по чӱжонболу эмоции бурлят, участники с горящими глазами и с красными щеками бегают за мячом, играют о потери голоса, участников подбадривают семьи и друзья'. Данное предложение целиком состоит из средств художественной выразительности: *мылкыдъёс бугыръясько* 'эмоции бурлят' – олицетворение; *жуась синъёсын* 'горящими глазами' – эпитет; *куаразы бырытозь* 'до потери голоса' – гипербола; *бурдъяло семьяоссы* 'семьи окрыляют' – метафора. Данные тропы придают тексту динамичность, эмоциональность, что может вовлечь читателя в процесс игры не просто как стороннего зрителя, но и как участника.

Важно подчеркнуть, что публицистический стиль может содержать в себе и элементы официально-делового стиля. В этом случае характерными признаками становятся краткость и точность изложения материала, использование соответствующей лексики. Если документы не всегда легко и понятно читать, статьи в газетах намного упрощают понимание, донося информацию на понятном для аудитории языке, например: *Элькун казнае туэ 61 миллиард манет люкаськиз, данакез – вытӱёс чотын, – шуиз Тӧро. – Но чакламлӱсь со 10 миллиард манетлы ӧжытгес луиз* [Кумачева 2020: 3]. 'В казне республики накопилось 61 миллиард рублей, большинство – благодаря налогам, – сказал Глава. – Но это на 10 миллиардов рублей меньше предусмотренного'.

Учитывая вышесказанное, напрашивается вопрос, а правомерно ли выделять публицистический стиль в отдельный стиль, если он имеет большую степень смешения? Как отмечает М. Н. Кожина: «Средства других стилей имеют в газете свою особую функцию, и потому известная многостильность языковых единиц не приводит к эклектичности стиля и разрушению его единства» [Кожина 2008: 348–349]. Более того, сам факт появления вопроса о полной растворенности публицистического стиля в других стилях свидетельствует о бóльшей возможности публицистики вбирать в себя чужие стили.

Таким образом, публицистический стиль – это универсальный функциональный стиль литературы, способный совмещать в себе все стили речи, затрагивая политическую, общественную, экономическую, спортивную, культурную и другие сферы.

Список использованной литературы

Григорьева, О. И. Публицистический стиль в системе функциональных разновидностей языка // Язык средств массовой информации: Учеб. пособие для вузов. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – С. 355–364.

Каминский, П. П. Принципы исследования публицистики на современном этапе // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2007. – №1. – С. 97–105.

Конюхова, А. В., Яшина, Р. И. Удмурт кыл. Синтаксис, стилистика: 6–8 кл. – Ижевск: Удмуртия, 1971. – 243 с.

Кохтев, Н.Н. Публицистический стиль // Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1997. – С.399–400.

Кумачева, Э. Азинскон – асьмеос бордын // Удмурт дунне. – 2020. – №51. – С. 3.

Миннуллин, Б. К. К вопросу изучения соотношений понятий «публицистический стиль» и «язык газеты» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №13-1. – С. 130–132.

Никольская, Г. Н., Тараканов, И. В. Удмурт кыл. 6–7-тй классъёслы. – Ижевск: Удмуртия, 2005. – 264 с.

Шарафадина 2016 – Язык и стиль СМИ : учеб. пособие / Сост. К. И. Шарафадина. – СПб.: СПбГУП, 2016. – 228 с. (Библиотека гуманитарного Университета; Вып. 59).

Ушаков, Г. А. Удмурт кыл. 8–9-тй классъёслы – Ижевск: Удмуртия, 2003. – 232 с.

Шумилова, А. Арез ёужонэн уल्याзы // Удмурт дунне. – 2020. – № 51. – С. 1.

Яшина, Р. И. Удмурт стилистика очеркъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 144 с.

**ON STYLE DIFFERENTIATION
OF A JOURNALIST TEXT
(BASED ON THE MATERIAL OF THE UDMURT LANGUAGE)**

Summary. The main purpose of this article is to identify the style features of a journalist text. The following are noted as style-forming characteristics: social orientation, polystilism, emotional saturation, etc. Special attention is also paid to the issue of distinguishing the journalistic style and the language of the media.

Keywords: Udmurt language, journalist style, media language, functions of journalistic style.

Научное издание

LINGUISTIC TYPOLOGY 2

**ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ТИПОЛОГИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ**

Материалы II Международного симпозиума
«Проблемы лингвистической типологии и культурологии»,
посвященного 90-летию Удмуртского государственного университета
и удмуртского филологического образования в вузе

Сборник научных статей

Авторская редакция

Оригинал-макет и компьютерная верстка – Н. Н. Тимерханова

Подписано в печать 20.11.2021

Формат 60x84^{1/16}

Усл. печ. л. 16,25.

Тираж 100 экз.

Издательский центр «Удмуртский университет».
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4, ауд. 207
Тел./факс: +7(3412)50-02-95; E-mail: editorial@udsu.ru